355
T13

Б. Л. Тагѣевъ.

1544

РУССКІЕ НАДЪ ИНДІЕЙ.

Очерки и разсказы изъ боевой жизни

НА ПАМИРѢ.

Съ 20 иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Этингера, Малая Итальянская, № 13.
1900.

№ 15623

Б. Л. Тагѣевъ.

1849

РУССКІЕ НАДЪ ИНДІЕЙ.

Очерки и разсказы изъ боевой жизни

НА ПАМИРѢ.

ШИФРОВОЧ
№ 9472

Съ 22 иллюстраціями.

БИБЛІОТЕКА
178 пѣх. Венденскаго полка.

Пенз. Обл. биб-ка
им. М. Ю. Лермонтова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Эттингера, Малая Итальянская, № 13.
1900.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 8 февраля 1900 г.

Посвящается

завоевателямъ Средней Азіи.

1899

Отъ автора.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, я задался цѣлью познакомить русское общество съ недавними событіями на нашей Средне-Азіатской восточной границѣ, надѣлавшими въ свое время не мало шуму, какъ въ иностранной, такъ и въ русской прессѣ. Особенно англійская печать забила тревогу, когда русскіе отряды, пройдя суровые Памиры, преодолѣвая всѣ преграды, нагроможденныя на пути ихъ самою природою, и давъ отпоръ афганцамъ, загородившимъ имъ путь, вошли въ недоступныя дотолѣ европейцамъ ханства Шугнанъ и Рошанъ.

Между тѣмъ, несмотря на всю важность для Россіи присоединенія новой заоблачной страны, какъ наблюдательнаго пункта, находящагося высоко надъ Индіей и обезпечивающаго спокойствіе нашихъ восточныхъ границъ въ Средней Азіи, русское общество весьма мало знакомо съ обстоятельствами, при которыхъ къ территоріи Россіи былъ присоединенъ Памиръ и прилегающія къ нему ханства, гдѣ нынѣ нашъ трехцвѣтный флагъ гордо развился высоко надъ облаками, какъ-бы въ напоминаніе съ Памирскихъ высотъ англичанамъ и афганцамъ о могуществѣ и силѣ ихъ сѣверо-западнаго сосѣда.

Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что о Памирскомъ походѣ, за исключеніемъ статей, помѣщенныхъ мною въ «Нивѣ» 1893 и «Развѣдчикѣ» 1894 года, «Всемірной Иллюстраціи» 1895 года и, наконецъ, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1898 года, болѣе описаній не было даже и

въ военной прессѣ [1]), да и вышеупомянутыя статьи касались лишь дѣйствій Памирскаго отряда въ 1892 г., а о послѣдующихъ операціяхъ русскихъ войскъ на Памирѣ въ 1893 и 1894 годахъ и о столкновеніяхъ ихъ съ афганцами упоминалось лишь вскользь, въ виду разныхъ обстоятельствъ, не позволявшихъ опубликованія этихъ интересныхъ событій, которымъ, наконецъ, суждено впервые появиться въ настоящемъ изданіи.

Желая придать описанію походовъ на Памиры болѣе живой и интересный характеръ, я, насколько возможно, старался скрасить сухость описанія однихъ военныхъ дѣйствій отрядовъ бытовыми сценами походной и туземной жизни, историческими и этнографическими очерками, мѣстными легендами, а также разсказами изъ боевой жизни завоевателей Туркестана, надѣясь на снисходительность читателя за тѣ погрѣшности, которыя, несомнѣнно, найдутся и въ моей книгѣ.

Въ заключеніе считаю долгомъ упомянуть, что трудъ мой составленъ на основаніи моихъ личныхъ записокъ и воспоминаній, какъ участника описываемаго похода, точныхъ донесеній и переводовъ туземныхъ документовъ и писемъ, любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе начальствующими лицами Памирскихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ, а также, что онъ является первымъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ которомъ описываются всѣ военныя дѣйствія во время Памирскаго похода.

Борисъ Тагѣевъ.

---

[1]) Въ «Военномъ Сборникѣ» 1895 и 1899 гг. и въ «Военно-Инженерномъ Журналѣ» помѣщены статьи капитана Серебренникова о Шугнанѣ и Памирѣ и строительныхъ матеріалахъ въ этой странѣ, но статьи эти не касались похода и военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ на Памирѣ. *Прим. автора.*

Генералъ-Маіоръ
Михаилъ Ефремовичъ Іоновъ.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе. Россія, Англія и Афганистанъ 1

Глава I. Живой мертвецъ 8

» II. Объявленіе похода и цѣль его. Сборы въ войскахъ. Выступленіе. 17

» III. Ляангарское ущелье. Скобелевскій домикъ. Разсказъ капитана . . 25

» IV. Ольгинъ лугъ. Въ гостяхъ у царицы Алая. Киргизская Тамаша . 32

» V. Кизиль-Артское ущелье. Юсуфъ-керекешъ. Іюньская зима. Перевалъ Кизиль-Артъ. Казачьи продѣлки 47

» VI. Смерть Тилли-добровольца. Музъ-куль. Перевалъ Акъ-Байталъ. Въ аулъ за молокомъ. Ночная рекогносцировка 59

» VII. Плѣнный афганецъ. Ужасный переходъ. Камень Чатыръ-Ташъ. Мѣстная легенда. Наканунѣ дѣла. Разсказъ капитана. Стычка съ афганцами. Смерть афганскаго капитана 70

» VIII. Бесѣда съ плѣнными. Афганецъ вмѣсто архара 93

» IX. Стоянка на Яшиль-кулѣ. Причины стоянки. Охота на кіика . . . 101

» X. Сѣрные горячіе источники. Импровизованная баня. Рекогносцировка капитана Скерскаго. Встрѣча съ китайцами. Крѣпость Акъ-Ташъ. Тутекъ. Озеро Викторія 117

» XI. Обратно на Мургабъ. Парадъ 22 іюля. Плѣнный афганецъ. Разсказъ плѣнника. Афганцы и ихъ войска 132

» XII. Назадъ на Мургабъ. Освобожденіе плѣнныхъ. Рекогносцировка капитана Скерскаго по Большому и Малому Памиру. Базай-и-Гумбезъ. Ташъ-хана. Перевалъ Іонова 150

» XIII. Вопросъ о постройкѣ зимнихъ помѣщеній. Выступленіе на Шаръ-Куль 158

» XIV. Назадъ въ Фергану. Хорунжій Лосевъ. Непріятный сюрпризъ . . 164

» XV. Ранъ-Кульское укрѣпленіе. Комендантъ. Афганскій маіоръ. Лосевъ ѣдетъ въ Маргеланъ 171

Стр

Глава XVI. Памирскіе киргизы 167

» XVII. Обратный путь. Вступленіе отряда въ Маргеланъ. Что ожидало молодого казака по возвращеніи изъ похода 186

» XVIII. Первая зимовка на Памирѣ. Рождественскіе праздники. Новый годъ. Похороны въ укрѣпленіи 191

» XIX. Рекогносцировка штабсъ-капитана Ванновскаго по Рошану. Причины, вызвавшія ея. Цѣль рекогносцировки. Тяжелый путь и переправы на гусарахъ. Встрѣча съ афганцами у сел. Имца. Встрѣча съ афганскимъ часовымъ. Позиція . . 195

» XX. Дѣло партіи штабсъ-капитана Ванновскаго съ афганцами при сел. Имцѣ 30 августа 1893 г. Первые выстрѣлы. Прикрытіе отступленія поста. Афганцы наступаютъ. Огонь изъ 3-линейныхъ винтовокъ. Послѣдняя попытка афганцевъ спуститься къ Имцу. Движеніе партіи къ Багу. Назадъ къ Имцу. Рекогносцировка долины Ягулема. Враждебное отношеніе жителей къ русскимъ. Движеніе къ Ванчу. Назадъ въ Фергану. 206

» XXI. Вторая зима на Памирскомъ посту. Опять походъ на Памиръ. Причины похода. Рекогносцировка по рѣкамъ Гунту и Шахъ-Дарѣ. Первыя свѣдѣнія объ афганцахъ. Возваніе о помощи жителей Шугнана. Шугнанъ и его обитатели. Письмо Халифа-Кадымина. Тяжелые переходы по карнизамъ и балконамъ 220

» XXII. Демонстрація афганскаго отряда 4 августа. Ночь на позиціи. Снова афганскія письма. Казачій разъѣздъ въ опасности. Залпы съ позиціи по афганцамъ. 241

» XXIII. Подпоручикъ Уфимцевъ спѣшитъ на помощь Шахъ-Даринскому отряду. Перестрѣлка казачьяго разъѣзда съ афганцами. Афганцы обходятъ позицію. Аттака позиціи. Удачные залпы отряда и отраженіе аттаки. Перестрѣлка. Ночной огонь афганцевъ. Афганцы возводятъ укрѣпленіе. Письмо афганцевъ объ отступленіи. Прибытіе генерала Іонова. Возвращеніе обратно въ Фергану 247

Введеніе.

Россія, Англія и Афганистанъ.

(Краткій историческій очеркъ).

Еще съ 1839 года, послѣ попытки Россіи вторгнуться въ глубь средней Азіи, Англія начала сильно тревожиться за безопасность Индіи и зорко слѣдить за движеніемъ русскихъ войскъ все дальше и дальше на Востокъ.

Несмотря на неудачный походъ въ Хиву Перовскаго [1]), такъ грустно окончившійся для Россіи, англичане не успокоились. Англійское правительство не придавало этой неудачѣ никакого значенія, а, напротивъ, усилило свои наблюденія за движеніемъ русскихъ на Востокѣ, отлично понимало оно, что подобная неудача не могла смутить Россію въ ея намѣреніи твердо укрѣпиться на берегахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи и такимъ образомъ создать себѣ вѣрный путь къ Индіи.

Въ виду этого, одновременно съ движеніемъ отряда Перовскаго въ Хиву, англичанами былъ посланъ къ хивинскому хану дипломатическій агентъ Стодартъ.

Гордый дипломатъ съ англійскою надменностью обошелся съ ханомъ и сразу пріобрѣлъ полное нерасположеніе хивинскаго правителя, который ни на одно предложеніе Стодарта не согласился и, заподозривъ его въ шпіонствѣ, приказалъ казнить. Ошибка англичанъ,

[1]) Въ 1839 году былъ совершенъ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ походъ въ Хиву, окончившійся полною неудачею, благодаря жестокой зимѣ, стоившей въ этотъ злосчастный годъ, и необыкновенно сильнымъ метелямъ, свирѣпствовавшимъ въ обширныхъ степяхъ Средней Азіи.

Небольшой отрядъ Перовскаго не былъ въ состояніи бороться со стихіей и послѣ 8-мѣсячной борьбы съ вьюгами и морозомъ вернулся въ г. Оренбургъ, похоронивъ половину людей въ азіатскихъ степяхъ и положивъ массу больныхъ въ госпитали.

желавшихъ настроить хана противъ русскихъ, какъ казалось, заключалась въ томъ, что экспедиція Стодарта была очень бѣдно снаряжена, даже подарковъ ни привезъ хану англійскій агентъ, безъ чего на Востокѣ не обходится ни одно посольство, да и самъ Стодартъ былъ человѣкъ несдержанный, гордый и вспыльчивый.

Англійское правительство безъ смущенія отнеслось къ гибели своего дипломата и смерть Стодарта приписало недостатку средствъ снаряженной имъ экспедиціи. Теперь въ Хиву было отправлено посольство, снабженное достаточнымъ конвоемъ и большимъ количествомъ цѣнныхъ подарковъ и золота. Лучшіе дипломатическіе агенты и офицеры находились во главѣ новой экспедиціи, Каноли, Аботъ и Шекспиръ были въ составѣ ея. Однако и ихъ постигла печальная участь. Ханъ подарки принялъ и повидимому радушно отнесся къ англичанамъ, склонявшимъ его подняться противъ Россіи, и указывавшимъ ему на постигшую неудачу отрядъ Перовскаго, какъ на примѣръ безсилія русскихъ, но лишь только экспедиція собралась въ обратный путь, довольная своимъ успѣхомъ, какъ хивинцы, по приказанію хана, ненавидѣвшаго англичанъ, напали на нее, ограбили, отобрали оружіе и съ позоромъ изгнали изъ Хивы. Претерпѣвъ неописуемыя лишенія, потерявъ половину своихъ людей, добрались злополучные дипломаты пѣшкомъ, почти безъ одеждъ, до англійскихъ владѣній Индіи и оттуда были доставлены въ Лондонъ.

Такимъ образомъ, потерпѣвъ на этотъ разъ окончательную неудачу, Англія, на нѣкоторое время, остановила свои происки въ Хивѣ и въ томъ же году предприняла походъ въ Афганистанъ. Многочисленная англійская армія съ большимъ числомъ артиллеріи, снабженная прекраснымъ оружіемъ и боевыми припасами, побѣдоносно начала кампанію съ полудикими афганцами, не имѣвшими тогда и понятія о военномъ дѣлѣ и вооруженными самымъ примитивнымъ оружіемъ. Безъ особыхъ усилій заняли англійскія войска Кандагаръ, Кабулъ и Газни и Англія ликовала побѣду. Въ Лондонѣ даже были назначены новые администраторы покореннаго Афганистана. Но слишкомъ рано, по обыкновенію, радовались англичане. Афганцы, какъ буры въ южной Африкѣ, рѣшились грудью отстоять независимость своей родины и, ведя оборонительную войну, заманивали британскую армію въ глубь горной части Афганистана.

Опьяненные легкими побѣдами полководцы не переставали преслѣдовать отступающаго врага и сами добровольно шли въ ловушку; въ одинъ прекрасный день вся армія оказалась запертою въ одной изъ долинъ, близъ Хайберскаго прохода. Долго находились англичане въ осадномъ положеніи, но голодъ и наступившіе холода заставили ихъ искать себѣ выхода и они нашли его, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашли въ немъ и свою могилу.

Вся британская армія была уничтожена афганцами въ узкомъ Хайберскомъ проходѣ, ни одинъ англійскій солдатъ не вышелъ изъ него обратно. Такое пораженіе вызвало панику въ высшихъ сферахъ правительства и породило страшное неудовольствіе англійскаго народа.

Проученная этимъ эпизодомъ, Англія не рѣшилась повторить попытки укрѣпить свой престижъ въ Средней Азіи оружіемъ и обратилась снова къ дипломатическимъ переговорамъ съ Средне-Азіатскими ханствами. На этотъ разъ результаты переговоровъ съ ханами были удачнѣе и Англіи, послѣ большихъ усилій, удалось таки создать коалицію противъ Россіи, внушая ханствамъ Средней Азіи соединиться и создать такимъ образомъ сильнаго врага для русскихъ за мусульманскую вѣру. Но и тутъ дѣйствія Англіи, какъ всегда изъ-за угла противъ нашихъ интересовъ въ Средней Азіи, несмотря на затраченные милліоны, и что Средне-Азіатскіе ханы ополчились противъ Россіи, не увѣнчались успѣхомъ. Русскія войска побѣдоносно заняли Акъ-Метечь и, покоривъ Среднюю Азію, пріобрѣли въ ней разъ навсегда огромное значеніе.

Страхъ за безопасность своихъ азіатскихъ владѣній, какъ галлюцинація, началъ преслѣдовать англичанъ; въ каждомъ движеніи русскихъ войскъ они видѣли походъ на Индію, и вотъ, все вниманіе ихъ сосредоточилось на Кашгаро-Афганской линіи, а сѣверо-западная часть Индіи покрылась цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Оставался Афганистанъ, прилегающій къ Памиру, приковывавшій вниманіе Англіи, какъ пунктъ, укрѣпившись на которомъ, Англія считала свои владѣнія неуязвимыми. Афганистанъ и Памиръ [1]) стали мишенью англійской политики и туда были на-

[1]) Англія стала озабоченно смотрѣть на Памиръ съ того времени, какъ только начали его посѣщать русскіе путешественники, не считая Лейтенанта Вуда, посѣтившаго Памиръ въ 1837 году.

правлены жадные взоры англійскаго правительства. Однако, не имѣя достаточныхъ военныхъ силъ въ Индіи, Англія не рѣшилась повторить попытку завоеванія Афганистана, но золото, которое умѣетъ разсыпать англійское правительство, когда это ему нужно, выручило его и на этотъ разъ и помогло выйти изъ затруднительнаго положенія.

Афганскій эмиръ согласился быть вѣрнымъ англійскимъ интересамъ за 800.000 субсидіи въ годъ, а кромѣ того потребовалъ вооруженія и обмундировку его войска на счетъ Британіи. Послѣднее обстоятельство особенно входило въ разсчетъ англичанъ, они видѣли въ этомъ постепенное достиженіе своей цѣли и охотно согласились.

Однако, скоро пришлось разочароваться Англіи въ своихъ разсчетахъ. Афганистанъ, съ ногъ до головы вооруженный англійскимъ оружіемъ, одѣтый и обутый въ англійскіе мундиры, обученный англійскими инструкторами, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ независимость, не признавая англійскаго престижа.

На предложеніе лорда Кландерона въ 1869 году, опредѣлить нейтральную зону между русскими владѣніями и Индіей, Россія согласилась, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Афганистанъ составлялъ эту нейтральную полосу. Почему-то не понравилось подобное предложеніе Россіи англійскому кабинету, имѣлъ-ли онъ намѣреніе, подчинивъ впослѣдствіи Англіи Афганистанъ, укрѣпиться на Памирѣ [1]) или въ его разсчеты входили какія либо другія соображенія, неизвѣстно, только переговоры тянулись до 1873 года и не привели ни къ какимъ результатамъ. Принципіально же было рѣшено такъ: Келатъ и Афганистанъ оставались подъ вліяніемъ Англіи, Бухара и Кокандъ подъ вліяніемъ Россіи. Граница, проведенная Форсайтомъ [2]), составляла линію по сѣвернымъ предѣламъ Афганистана отъ озера Зоръ-Куль (Викторія), по Большому Памиру и затѣмъ поворачивала по рѣкѣ Кокъ-Ча до впаденія въ рѣку Аму-Дарью, оставляя въ сторонѣ долины рѣкъ Акъ-Су, Мургаба и Аличура (Памиры) и захватила собою Ваханскій округъ, никогда Афганистану не принадлежавшій, который

---

[1]) Англійскій капитанъ Гордонъ незадолго до этого времени рекогносцировалъ по Памиру.

[2]) Форсайтъ былъ ранѣе командированъ изъ Кашгаръ къ Якубъ-беку, съ которымъ и завязалъ дружескія отношенія съ Англіей.

и былъ тогда же занятъ афганцами. Россія не протестовала, такая политика Англіи давала ей свободу дѣйствія въ сторону текинцевъ и къ Мерву.

Въ 1878 году, когда Россія готовилась къ походу въ Индію [1]), и въ виду движенія русскихъ войскъ къ Джаму и появленія на Алаѣ русскаго отряда, англичане поспѣшили укрѣпить южные склоны Гиндукуша. Но тутъ случилось обстоятельство, заставившее Англію на время отвлечь свое вниманіе отъ дѣйствій Россіи и перенести его на Афганистанъ.

Недовольный англійской миссіей, появившейся въ Кабулѣ и требовавшей автономіи, афганскій эмиръ приказалъ избить всѣхъ англичанъ, находившихся въ Афганистанѣ, что и было приведено въ исполненіе.

Англичане, стянувшіе большія силы къ границамъ Афганистана, только и ждали повода, чтобы покорить страну, сильно безпокоившую ихъ и мѣшавшую осуществленіямъ ихъ намѣреній, немедленно снарядили цѣлую армію, вторгнулись въ Афганистанъ и на этотъ разъ окончательно усмирили афганцевъ, подчинили себѣ эмира, а чтобы удобнѣе дѣйствовать противъ Россіи изъ-за спины его, оставили за эмиромъ, для виду, долю самостоятельности.

По требованію Англіи, афганцы въ 1883 году заняли Памирскія ханства Шугнанъ, Рошанъ и покорили Бадахшанъ, изгнавъ оттуда законныхъ правителей, и установили тамъ свои порядки.

Несчастные таджики, подчиненные теперь афганцамъ, переносили такой гнетъ, что многіе изъ нихъ рѣшились покинуть родину и, переселившись въ Ферганскую область, явились командующему войсками въ городѣ Н. Маргеланѣ, прося у него заступничества Россіи.

Просьба таджиковъ не была уважена, такъ какъ русскій дипломатическій корпусъ велъ уже переговоры съ Англіей, чтобы она по-

---

[1]) Въ маѣ мѣсяцѣ 1878 года изданъ былъ приказъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа о сформированіи трехъ отрядовъ,—готовились къ походу на Индію. Однако походъ въ Индію не состоялся, а въ Афганистанъ было отправлено посольство съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ и русскія войска произвели только нѣсколько демонстративныхъ движеній къ южнымъ границамъ округа.

вліяла на афганскаго эмира, который началъ враждебныя дѣйствія противъ русскихъ владѣній со стороны Закаспійской области.

Англія, руководившая каждымъ шагомъ эмира, отвѣтила между тѣмъ, что не можетъ заставить его сохранить мирныя отношенія съ Россіей.

Вопросъ пришлось разрѣшить иначе. Въ 1885 году подъ Кушкой, отрядомъ полковника Комарова, афганцы были разбиты на-голову, а англійскіе офицеры, руководившіе ими, бѣжали въ русскій лагерь, боясь мести афганцевъ за пораженіе.

Потерпѣвъ и тутъ неудачу, и продолжая испытывать терпѣніе снисходительной Россіи, Англія выслала на Памиръ капитана Югунсбенда съ большимъ отрядомъ, который и занялъ Канджутъ и возстановилъ крѣпость Шахидулла-Хаджа, такимъ образомъ выдвинувъ свою пограничную линію далеко на сѣверъ и нарушая этимъ всѣ договоры, какіе только были между нею и Россіей.

Въ это время [1]) въ Афганистанѣ вспыхнуло возстаніе, Исхакъ-ханъ [2]), братъ Абдурахмана, отложился и пошелъ на законнаго правителя, но Абдурахманъ подавилъ возстаніе и мало по малу началъ свои враждебныя дѣйствія противъ Россіи.

Это обстоятельство вызвало въ 1891 году отправленіе на Памиръ рекогносцировочнаго отряда подъ начальствомъ полковника Іонова, который дошелъ до Сархада и задержалъ на Большомъ Памирѣ около могилы Базая (Базай-и-Гумбезъ) капитана королевской гвардіи Югунсбенда. Полковникъ Іоновъ хотѣлъ отправить капитана въ Маргеланъ, однако несчастный англичанинъ, которому такимъ образомъ предстояла весьма далекая прогулка и совершенно въ другую сторону, просилъ полковника отпустить его въ Индію. Воспользовавшись присутствіемъ на Алаѣ [3]) начальника края, барона Вревскаго, Іоновъ снесся съ нимъ и получилъ разрѣшеніе отпустить Югунсбенда только отъ китайской границы.

---

[1]) Въ 1888 году, когда экспедиція полковника Громбчевскаго была на Памирѣ.

[2]) Исхакъ-ханъ теперь въ Самаркандѣ со своими приверженцами и находится подъ русскимъ покровительствомъ.

[3]) Туркестанскій генералъ-губернаторъ баронъ Вревскій въ 1891 году, объѣзжая Туркестанскій край, посѣтилъ и Алайскій хребетъ, побывавъ такимъ образомъ у подножія Памира.

Очень неохотно выдалъ англичанинъ подписку начальнику отряда, въ которой давалъ слово офицера, что никогда болѣе не посѣтитъ Памира и еще неохотнѣе, въ сопровожденіи казаковъ, направился къ кашгарской пограничной линіи. На Яшиль-Кулѣ былъ задержанъ второй офицеръ, лейтенантъ Дависсонъ, занимавшійся съемкою русской территоріи. Всѣ работы англійскихъ офицеровъ достались въ руки полковника, а мистеру Дависсону пришлось совершить путешествіе въ Великобританію черезъ всю Россію, вмѣсто того, чтобы вернуться въ Индію, откуда былъ онъ командированъ и гдѣ служилъ много лѣтъ. Долго его долговязая, рыжая фигура виднѣлась на улицахъ Новаго-Маргелана, наконецъ и онъ былъ отпущенъ. Послѣ этой рекогносцировки Іонова, англичане такъ испугались за Индію, что даже въ англійской прессѣ движеніе маленькаго рекогносцировочнаго отряда по Памиру называлось прямо „походомъ на Индію“, а афганцы, подкупленные Англіей [1]), перешли наши границы и выставили далеко за предѣлы ея свои военные посты, насиловавшіе кочевое населеніе.

Русское правительство было возмущено подобною безцеремонностью Англіи и Афганистана и рѣшило разъ навсегда ,возстановить полный покой на восточныхъ границахъ Россіи. Рѣшено было принять репрессивныя мѣры.

---

[1]) Абдурахманъ послѣ подавленія возстанія стряхнулъ съ себя англійское иго и снова поставилъ свое государство въ независимое положеніе, изгнавъ англичанъ изъ Афганистана.

I.

Живой мертвецъ.

Въ началѣ 1892 года, одна за другою стали приходить въ г. Новый-Маргеланъ тревожныя вѣсти съ нашей кашгаро-афганской пограничной линіи. Консулъ Кашгара, Петровскій, сообщалъ о враждебномъ настроеніи, развившемся за послѣднее время, противъ нашихъ подданныхъ, между китайцами, а изъ Памирскихъ ханствъ все чаще и чаще стали появляться бѣглецы, которые разсказывали о необыкновенномъ варварствѣ афганцевъ, о насиліяхъ ихъ надъ таджикскимъ населеніемъ Памирскихъ ханствъ и умоляли военнаго губернатора Ферганской области, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ о принятіи ихъ въ русское подданство.

Одного изъ такихъ несчастныхъ я разспрашивалъ о причинахъ тѣхъ бѣдствій, которыя постигли его отечество.

— О таксыръ [1])!—говорилъ онъ:—вы себѣ и представить не можете, что переносимъ мы отъ этихъ варваровъ (афганцевъ). Это—лютые звѣри, которые жгутъ наши дома, убиваютъ дѣтей и насилуютъ женъ, и мы теперь лишены возможности оградить свои семейства отъ такого великаго несчастія...

У таджика текли слезы. Видъ его былъ ужасенъ. Какіе-то старые лохмотья болтались на плечахъ вмѣсто халата, и сквозь нихъ проглядывало бронзовое, запыленное тѣло. Черная борода, усы и нависшія брови были всклокочены и казались сѣрыми отъ густого слоя пыли, а его босыя ноги, совершившія дальнюю дорогу, были покрыты какъ-бы сплошною одеревенѣлою корою. И это былъ не простой таджикъ, это былъ родственникъ правителя Шугнана, за голову ко-

[1]) Таксыръ — ваше благородіе.

тораго афганцы назначили плату, и вотъ онъ бѣжалъ оттуда, надѣясь найти убѣжище въ предѣлахъ Россіи.

Конечно, я не упустилъ случая, чтобы не побесѣдовать съ этимъ несчастнымъ шугнанцемъ. Пригласивъ его къ себѣ, напоилъ чаемъ и приказалъ своему малайкѣ [1]) готовить пловъ, а самъ, усадивъ на террасѣ моего гостя, началъ съ нимъ бесѣду.

— Скажите, пожалуйста, что же послужило поводомъ къ подобному варварству афганцевъ? Вѣдь ни съ того, ни съ сего не пришли же они и не стали бить васъ ради своего удовольствія—вѣроятно, была какая либо причина къ тому?—спросилъ я его:—вѣдь раньше же вы были подъ игомъ афганцевъ, и они нисколько не обижали вашего населенія?

— Нѣтъ, тюра,—возразилъ мнѣ таджикъ,—никогда мы не принадлежали афганцамъ. Еще съ незапамятнаго времени мы почитали кокандскихъ хановъ и платили имъ подати, для чего къ намъ пріѣзжали изъ Коканда серкеры; позднѣе наши ханы правили уже совершенно самостоятельно. Но, вотъ, въ 1862 г. явились афганцы во главѣ съ эмиромъ Достъ-Магометомъ, и Памирскія ханства пали, несмотря на геройскую защиту жителей. Вотъ такимъ образомъ до 1888 года мы находились въ полномъ рабствѣ у афганцевъ и терпѣливо переносили это бѣдствіе, посланное на насъ Аллахомъ за грѣхи наши. Но, вотъ, въ Афганистанѣ вспыхнуло возстаніе. Братъ эмира Абдурахмана, Исхакъ, отложился и пошелъ со своими приверженцами на эмира. Пользуясь этимъ смутнымъ временемъ, правители Шугнана, Рошана и Бадахшана, а также Вахана, скрывавшіеся въ предѣлахъ Бухары, водворились на родительскихъ престолахъ и рѣшились удержать свою независимость, но, увы, силы нашихъ были ничтожны сравнительно съ войсками Абдурахмана. Въ короткій срокъ мы были разбиты, имущество наше сожжено, а жены и дѣти отведены въ Афганистанъ, гдѣ и проданы въ рабство. Большинство изъ уцѣлѣвшихъ бросились въ Россію и Китай чрезъ суровый Памиръ, гдѣ многіе погибли отъ голода и морозовъ, а другіе попались въ руки памирскаго разбойника Сахибъ-Назара, которымъ были выданы афганцамъ, и только нѣко-

[1]) Малайка—слуга сартъ

торымъ удалось благополучно добраться до Ферганской области. Я участвовалъ въ защитѣ своего отечества и командовалъ конным отрядомъ, но хорошо сознавалъ, что сопротивленіе напрасно. Афганцы завоевали мое отечество, ввели въ немъ свои порядки и законы и поставили войска, которыя дѣлаютъ безнаказанно все, что хотятъ. Вотъ, у меня, напримѣръ, афганскій маджиръ [1]) взялъ себѣ двухъ дочерей, а жену мою, которая защищала своихъ дѣвочекъ, приказалъ зарѣзать. Обрадовались мы, когда въ прошломъ году на Памирѣ появился русскій полковникъ съ отрядомъ [2]), думали мы, что русскіе, видя наше бѣдственное положеніе, рѣшили заступиться за угнетенныхъ таджиковъ, и вотъ, мы въ одну ночь, 10 іюля, когда отрядъ стоялъ на границѣ Шугнана, вырѣзали всѣхъ афганцевъ съ ихъ солдатами и офицерами, жившихъ въ нашемъ ханствѣ. Афганцы опасались тогда мстить намъ за смерть своихъ соплеменниковъ, они думали, какъ и мы, что русскій отрядъ двигается для нашего освобожденія, но мы ошиблись. Отрядъ ушелъ, и какъ только узнали объ этомъ афганцы, то съ неистовымъ ожесточеніемъ бросились на таджиковъ, и кровь рѣкою полилась по долинѣ рѣки Бортанга. И вотъ, сотни таджикскихъ семействъ бѣгутъ теперь въ Россію, просить заступничества Акъ-Паши (Бѣлаго Царя).

Разсказчикъ глубоко вздохнулъ и поправилъ свалившійся съ плечъ ободранный халатъ, причемъ грудь его и правая рука оголились. Я съ удовольствіемъ разсматривалъ его богатырскіе мускулы и широкую, выпуклую грудь, на которой виднѣлись двѣ большія бѣлыя круглыя мѣтки, величиною въ копѣйку, рѣзко выдѣлявшіяся на бронзовомъ фонѣ тѣла.

— Что это такое?—спросилъ я таджика.

Онъ опустилъ свою голову, какъ-бы желая взглянуть на то, о чемъ я спрашивалъ, и, ткнувъ пальцемъ въ одинъ изъ знаковъ, вскинулъ на меня своими огромными глазами, въ которыхъ вдругъ вспыхнулъ злобный огонекъ, и сказалъ:

— Это? это—афганскія пули, которыя я получилъ въ 1888 году. А знаешь, тюра,—вдругъ сказалъ онъ:—вѣдь я мертвецъ!...

---

[1]) Маджиръ—маіоръ.

[2]) Рекогносцировка Іонова 1891 г.

— Что?—удивленно спросилъ я и подумалъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ непормальнымъ. Между тѣмъ мой собесѣдникъ продолжалъ: „Да, я мертвецъ, и всѣ меня зовутъ „Юсуфъ-мертвецъ". Я умеръ, лежалъ въ землѣ похороненнымъ, и вотъ я живой, но я мертвецъ и самъ мулла Ахматъ мнѣ сказалъ, что я уже умеръ однажды и на всю жизнь останусь мертвецомъ"!

Я положительно недоумѣвалъ, имѣю-ли я дѣло съ сумасшедшимъ или съ человѣкомъ, съ которымъ въ жизни былъ какой нибудь особенный случай, заставившій его глубоко увѣровать въ дѣйствительность своихъ словъ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежалъ къ числу фанатиковъ, исповѣдающихъ исламъ.

Подали пловъ, и мой голодный собесѣдникъ началъ жадно уничтожать его, запихивая въ ротъ рукою жирныя крупинки риса.

Я не мѣшалъ ему и во время ѣды не задавалъ вопросовъ, такъ какъ онъ, какъ-бы боясь, что отъ него отнимутъ вкусное кушанье, ужасно торопился поскорѣе наполнить свой желудокъ. Но вотъ пловъ съѣденъ. Юсуфъ по мусульманскому обычаю громко рыгнулъ и, проговоривъ свое „Алла-Акбаръ!", вытеръ о край рубища жирные пальцы и обратился ко мнѣ.

— Если тюра захочетъ, то я ему разскажу, какъ это со мною случилось.

— Конечно, конечно, разсказывайте,—заявилъ я,—даже очень хочу.

— Ну, такъ слушай, таксыръ. Это было въ 1888 году, когда я вмѣстѣ съ своими соотечественниками возсталъ противъ афганцевъ. Сендъ-Акбаръ-Ша, правитель Шугнана, мой родной дядя, собралъ всѣхъ способныхъ носить оружіе таджиковъ и укрѣпился въ крѣпости Кала-и-Вамаръ. Это была послѣдняя попытка прогнать афганцевъ. Три раза атаковали войска Абдурахмана нашу крѣпость, три раза геройски отбивали мы афганцевъ, но въ концѣ концовъ не выдержали. Крѣпость пала, а съ нею пало и наше отечество. Въ самый рѣшительный моментъ третьей аттаки я съ шашкой въ рукѣ стоялъ на валу и готовился вмѣстѣ съ моими собратьями броситься на налѣзавшихъ на насъ афганцевъ, какъ вдругъ что-то толкнуло меня въ грудь, и мнѣ показалось, что я отдѣлился отъ земли и сталъ подниматься все

выше и выше... Когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ какой-то темной саклѣ. Въ груди моей была такая боль, что я захотѣлъ кричать, но языкъ мой не повиновался моему желанію, и мнѣ казалось, что онъ былъ обмотанъ сухою тряпкой. Я сдѣлалъ усиліе и пошевелился. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то подошелъ ко мнѣ, но въ темнотѣ я не могъ ничего различить и только слышалъ, что въ саклѣ кто-то шепталися. Я собралъ всѣ свои силы и спросилъ, кто тутъ. Но даже самъ испугался. Вмѣсто словъ у меня изъ груди вырвался какой-то ужасный стонъ. Черезъ нѣсколько мгновеній кто-то вошелъ съ чирикомъ [1]), и я увидѣлъ мою жену Хайру и старшую дочь. Тутъ только я сталъ припоминать, что былъ въ крѣпости, и догадался, что я раненъ. Грудь сильно болѣла, а въ ушахъ стоялъ шумъ.

— Долго я лежалъ въ такомъ состояніи. Каждый день приходилъ ко мнѣ абибъ [2]), мылъ раны и мазалъ ихъ мазью, и также мулла, который читалъ надо мною коранъ. Я ужасно любилъ слушать его чтеніе, и особенно когда онъ читалъ про то, что убитые на войнѣ за вѣру и отечество наслѣдуютъ рай Магомета, и мнѣ тогда становилось досадно, отчего меня не убили. Гораздо же лучше наслаждаться блаженствомъ въ райскихъ садахъ пророка, чѣмъ лежать въ темной грязной саклѣ, подъ страхомъ быть добитымъ афганцами. Однако съ каждымъ днемъ мнѣ становилось легче, и я уже начиналъ садиться. Одинъ за другимъ стали навѣщать меня друзья и знакомые, и я узналъ отъ нихъ о томъ, что постигло мое отечество. Кровью обливалось мое сердце, когда кто нибудь изъ нихъ разсказывалъ мнѣ о варварствѣ афганцевъ, и тогда все существо мое наполнялось местью и я въ безсильной злобѣ скрежеталъ зубами и до крови кусалъ губы.

— Вдругъ со мной случилось что-то ужасное, — я умеръ!... Да, тюра,—сказалъ онъ, видя улыбку, мелькнувшую на моихъ губахъ,— да, я умеръ и умеръ самымъ настоящимъ образомъ, какъ умираютъ люди. Я поѣлъ плову и легъ спать — и вотъ я почувствовалъ, что умеръ. Я хотѣлъ подняться, но члены мои не слушались, я хотѣлъ пощупать себя, но пальцы оставались неподвижны и будто приросли

---

[1]) Чирикъ—свѣтильникъ съ масломъ, совершенно сходный съ библейскими свѣтильниками.

[2]) Абибъ—туземный докторъ.

къ моему окостенѣвшему тѣлу, я широко открылъ глаза, но было темно, и мнѣ показалось, что вѣки мои не поднялись. Я испытывалъ какое-то необыкновенное спокойствіе, и смерть мнѣ не представлялась больше такою ужасною, какою я рисовалъ ее себѣ въ дни моей жизни. Я началъ молиться Аллаху и ждалъ, что вотъ-вотъ явится великій пророкъ и скажетъ мнѣ: „Встань, Юсуфъ, и иди за мной въ уготованное тебѣ мѣсто, гдѣ ожидаетъ тебя вѣчное блаженство и радость— наслаждайся прелестями райскихъ садовъ, достойный воинъ!“, но никого не появлялось; все было тихо, а я попрежнему лежалъ, не будучи въ состояніи шевельнуться. Тогда я сталъ думать, что я еще не умеръ по-настоящему, а только начинаю умирать.

— Удивительное дѣло, тюра, что мнѣ вовсе не было страшно, я былъ въ состояніи какого-то безразличія. Вдругъ я почувствовалъ, что меня кто-то толкаетъ и зоветъ по имени,—я подумалъ, что это пророкъ пришелъ за мною, но узналъ голосъ жены моей Хайры, которая вдругъ страшно завыла и повалилась на мою грудь; мнѣ стало очень неудобно. Хайра была полная женщина и сильно давила меня, я хотѣлъ крикнуть ей и не могъ. Тогда собралось въ саклю множество народа, пришли плакальщицы и стали плакать, а мулла, часто наставлявшій меня и читавшій мнѣ о загробной жизни, началъ свое чтеніе. Какой же я мертвый, подумалъ я, когда я все слышу и чувствую, и когда пророкъ не пришелъ за мной. Впрочемъ, можетъ быть, такъ и всѣ люди умираютъ; съ того свѣта, вѣдь, никто еще не возвращался. Наконецъ, меня закутали въ мату, положили на носилки и понесли на кладбище, такъ я тогда подумалъ. Тутъ мнѣ стало немного страшно: я видѣлъ, какъ хоронятъ нашихъ таджиковъ, какъ бывало принесутъ мертвеца къ оградѣ кладбища и выбросятъ его черезъ нее, а уже потомъ мулла и ишанъ кладутъ трупъ въ приготовленный склепъ (таджиковъ всѣхъ хоронятъ въ склепахъ) и только слегка замуруютъ отверстіе, а черезъ 5 дней задѣлываютъ окончательно и ставятъ памятникъ.

— А мнѣ, должно быть, хорошій памятникъ поставятъ,—подумалъ я,—вѣдь я умеръ за свою вѣру и отечество.

— Вдругъ я почувствовалъ, что носилки сильно качнулись, и я полетѣлъ съ нихъ куда-то въ пропасть и ударился о камни... Тутъ я уже болѣе не помнилъ ничего.

— Когда я очнулся, мнѣ показалось, что я лежу опять въ моей саклѣ. Я попробовалъ пошевелить рукой и даже вздрогнулъ, рука поднялась, я пошевелилъ ногою, и она тоже безпрекословно повиновалась моей волѣ. Я поднялся и сѣлъ. Кругомъ было темно. Ужъ не сонъ-ли все это было, подумалъ я и громко крикнулъ: „Хайра!“ Глухой звукъ моего же голоса оглушилъ мои уши. Я ужасно испугался и понялъ, что я нахожусь въ склепѣ. Я зналъ, что въ теченіе трехъ и даже пяти дней склепъ не задѣлывается накрѣпко, да и глина не успѣваетъ просохнуть, и сталъ шарить руками, силясь подняться изъ ямы и затѣмъ найти выходное отверстіе. Воздуха было достаточно, и только холодъ пронизывалъ меня насквозь. Мысль о смерти уже совершенно оставила меня, а надежда на освобожденіе придавала мнѣ энергію. Я шарилъ по всѣмъ стѣнамъ моей могилы и наконецъ наткнулся на мягкій слой глины. Я сталъ сильно толкать его руками, раскапывать, и вдругъ струя воздуха вмѣстѣ съ серебристымъ лучомъ свѣта ворвалась въ мою темницу. Я расширилъ отверстіе и вылѣзъ. Кругомъ было тихо. Памятники, освѣщенные луною, мрачно смотрѣли на меня. Я взглянулъ на свою могилу, она черною дырою глядѣла мнѣ во слѣдъ, какъ-бы желая снова поглотить меня въ свою мрачную тѣнь. Мнѣ вдругъ стало такъ страшно, что я бросился бѣжать. Одежды на мнѣ не было никакой, а мата осталась въ могилѣ; я, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, бѣжалъ прямо къ моей саклѣ. Всѣ спали крѣпкимъ сномъ, когда я постучался. „Кальтакъ“, моя собака, громко залаяла на стукъ. Я назвалъ ее по имени, и она, перескочивъ черезъ заборъ, стала выть и ласкаться ко мнѣ. Я снова началъ стучать.

— Кимъ?—раздался испуганный голосъ Хайры.

— Это я, Юсуфъ,—отвѣтилъ я.

— Эхъ, Алла-Акбаръ!—завизжала моя жена и бросилась назадъ; я услышалъ какъ за нею заперлась дверь.

Я перелѣзъ черезъ заборъ и началъ проситься въ саклю: я изнемогалъ отъ холода и, кромѣ того, ощущалъ страшный голодъ.

— Уйди, уйди въ свою могилу,—кричала мнѣ жена,—уйди, заклинаю тебя Магометомъ.

Дѣвочки ревѣли. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Пошелъ я было къ Маюнусу, моему хорошему другу, но и онъ

страшно испугался и изъ сакли заклиналъ Аллахомъ, чтобы я ушелъ въ свою могилу. У него на дворѣ я увидѣлъ старый халатъ и надѣлъ его. Такимъ образомъ я дождался утра и пошелъ на базаръ, думая тамъ у знакомыхъ лавочниковъ напиться чаю, но при появленіи моемъ всѣ съ искаженнымъ страхомъ лицомъ бросались прочь, оставивъ свои лавки. Томимый голодомъ и жаждою, я самъ сѣлъ въ чайханэ къ кунгану и налилъ чаю. Это подбодрило меня, а лепешка утолила голодъ. Въ это время ко мнѣ приближалось цѣлое шествіе.

Впереди шелъ мулла съ кораномъ, а сзади него много народу съ кольями и шашками. Мулла, не дойдя нѣсколькихъ шаговъ, высоко поднялъ коранъ и началъ читать заклятіе.

Я склонился на колѣни и прочелъ молитву.

Долго не рѣшался мулла подойти ко мнѣ, но, наконецъ, видя передъ собою живого человѣка, приблизился и назвалъ меня по имени. Я отвѣтилъ ему: „да, это я, Юсуфъ-Али, который вышелъ изъ могилы“. Мулла велѣлъ мнѣ подать чашку чаю, но такъ какъ никто не хотѣлъ поднести ее мнѣ, то я самъ пошелъ, налилъ чаю и принесъ его муллѣ.

— Пей!—сказалъ мулла.

Я выпилъ чай.

Послѣ этого мулла ближе подошелъ ко мнѣ и, прочитавъ молитву, сказалъ:

— Живи, Юсуфъ, но ты будешь жить мертвецомъ!—и потомъ, обернувшись къ народу, сказалъ:—правовѣрные, вотъ Юсуфъ, которому Аллахъ снодобилъ продлить жизнь его и послѣ смерти. Великій грѣхъ падетъ на того, кто посмѣетъ убить его, такъ какъ все равно Аллахъ не пошлетъ смерти „живому мертвецу“! Послѣ этого я пришелъ домой. Сначала всѣ боялись меня и сторонились, а потомъ и привыкли. Вотъ я съ тѣхъ поръ и „живой мертвецъ“,—такъ это прозвище за мною и осталось. Такую благодать послалъ мнѣ Аллахъ за мою вѣрность вѣрѣ и страданія за родину,—сказалъ разсказчикъ,—и теперь, когда я умру во второй разъ, Великій Пророкъ меня прямо возьметъ на лоно свое—мнѣ объ этомъ сказалъ нашъ святой Хазретъ-Ишанъ,—добавилъ онъ.

Я былъ пораженъ слышаннымъ разсказомъ тѣмъ болѣе, что неправдоподобнаго тутъ ничего не было.

— А знаешь что, тюра? Вѣдь скоро походъ будетъ.

— Почему ты думаешь?

— А потому, что если теперь Акъ-Паша не захочетъ прогнать афганцевъ, то потомъ трудно будетъ. Инглизъ (англичанинъ) очень имъ помогаетъ и оружіе даетъ, и денегъ много даетъ. Ой, какъ много!— При этомъ мой собесѣдникъ покачалъ головой.

— Ну, прощай, таксыръ, — сказалъ онъ, вставая и протягивая мнѣ руку.—Аллахъ да воздастъ тебѣ за то, что пріютилъ несчастнаго.

Я простился съ Юсуфомъ и при разставаніи предложилъ ему денегъ.

— Спасибо, таксыръ, биръ кагазъ (рублевую бумажку) возьму, а больше не надо.

Мы разстались и съ тѣхъ поръ я его уже не видѣлъ. Слышалъ я потомъ, что онъ поселился въ кишлакѣ Кара-тепе, куда перебрались и прочіе бѣжавшіе таджики, что онъ всѣми уважаемъ и любимъ и попрежнему сохранилъ свое прозвище „живого мертвеца“.

II.

Объявленіе похода и цѣль его. Сборы въ войскахъ. Выступленіе.

— Поздравляю васъ съ новостью! — остановилъ меня на Маргеланскомъ бульварѣ мой пріятель, поручикъ Б.

— Съ какою?

— Идемъ въ походъ. Я только что былъ въ штабѣ, и при мнѣ была получена телеграмма,—сказалъ онъ.

— Да вы не шутите?—спросилъ я.

— Какія же шутки, я самъ читалъ телеграмму и даже знаю нѣкоторыя подробности,—и онъ сталъ посвящать меня въ „пріятную новость".

— Во-первыхъ, приказано приготовиться къ походу на Памиръ 2-му Туркестанскому линейному баталіону такимъ образомъ, чтобы изъ всего числа своихъ людей онъ составилъ 1 полубаталіонъ, а другой полубаталіонъ скомплектовать изъ охотничьихъ командъ всѣхъ баталіоновъ Ферганской области; затѣмъ, во-вторыхъ, пойдетъ конно-горная батарея, казачій № 6 Оренбургскій полкъ и саперная команда, а также телеграфисты военнаго телеграфнаго парка; начальникомъ отряда назначенъ полковникъ Іоновъ. Итакъ мы идемъ въ походъ. Положительно радостное извѣстіе; ужъ засидѣлись мы, пора и пороху понюхать, ну, до свиданья, — онъ торопливо пожалъ мнѣ руку и направился дальше, вѣроятно, чтобы скорѣе подѣлиться еще съ кѣмъ нибудь свѣжею новостью.

Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, я зашелъ къ своему знакомому, офицеру генеральнаго штаба Г., которому должно было быть извѣстно подробнѣе о предполагаемомъ походѣ.

— А! — радостнымъ возгласомъ встрѣтилъ меня Г. — Ну, что, слышали новость? — и при этомъ бросилъ на меня пытливый взоръ, въ которомъ я прочелъ большое желаніе подѣлиться со мною новинкой.

Пенз. Обл. биб-ка
им. М. Ю. Лермонтова

Чтобы доставить хозяину это удовольствіе, я притворился, что ничего не знаю.

— Какую новость?—спросилъ я.

— Ну, такъ и быть, вамъ я скажу, но смотрите, это по секрету. Ни слова никому, пожалуйста.

— Будьте покойны.

— Видите-ли, получена телеграмма. Мы идемъ въ походъ! — затѣмъ онъ передалъ мнѣ уже слышанное мною отъ Б., но, кромѣ того, сообщилъ и то, что больше всего интересовало меня, именно причины, вызвавшія необходимость двинуть войска на Памиръ, и наконецъ и самую цѣль похода.

— Видите-ли,—началъ онъ,—афганцы нарушили наши договоры о границахъ и выставили свои посты далеко за пограничную линію на нашу территорію. Подстрекаемые англичанами, они заняли Кафиристанъ и Канджутъ, а, кромѣ того, владѣютъ совершенно незаконно, никогда не принадлежавшими имъ, ханствами: Шугнаномъ, Рошаномъ и Ваханомъ, насилуютъ населеніе и угоняютъ къ себѣ русскихъ подданныхъ. Китайцы со стороны Кашгарской границы также производятъ безпорядки на Памирѣ и даже грозили поручику Бржезицкому, работавшему на Мусъ-Кулѣ, смертью. Да, кстати, разскажу я вамъ эпизодъ съ этимъ офицеромъ; преуморительный случай! Бржезицкій, какъ вы навѣрно и сами знаете, работалъ на Памирѣ, около Мусъ-Куля (ледяного озера) въ этомъ году, производя маршрутныя съемки, какъ вдругъ откуда-то появились китайцы въ количествѣ трехъ ляндзъ (эскадроновъ). Ихъ джандаринъ [1]), Джанъ, заставилъ поручика, оставить работы и уйти съ Памира, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что они не могутъ допустить русскаго офицера производить съемку китайской территоріи. Какъ ни убѣждалъ ихъ Бржезицкій, что это земля наша, ничто не помогло, и ему пришлось ретироваться. Время приближалось къ зимѣ, и перевалы одинъ за другимъ закрывались, т. е. заваливались снѣгомъ, однако поручикъ добрался до озера Кара-Куля, гдѣ ожидалъ его казачій офицеръ съ полусотнею оренбуржцевъ. Однако работа была спѣшная, и ее во что бы то ни стало надо было

[1]) Джандаринъ—генералъ.

закончить. Тогда оба офицера съ казаками отправились на Мусъ-Куль съ намѣреніемъ прогнать китайцевъ. Выпалъ глубокій снѣгъ, и для того, чтобы по нѣкоторымъ мѣстамъ провести лошадей, казакамъ приходилось настилать на рыхлый снѣгъ кошмы и шинели. Въ теченіе трехъ дней мучились они съ такими тяжелыми переходами черезъ перевалъ Кизиль-Артъ (14.000 ф.) и наконецъ спустились въ долину Мусъ-Куля. Между тѣмъ, китайцы, довольные тѣмъ, что прогнали русскаго офицера, спокойно жили въ киргизскихъ кибиткахъ и грѣлись у костровъ, какъ вдругъ казаки ударили на нихъ въ нагайки, и перепуганные слуги богдыхана не только не защищались, а покорно ложились подъ нагайки казаковъ. Когда пересѣкли поголовно всѣхъ китайцевъ, дошла очередь и до ихъ генерала. Какъ ни протестовалъ джандаринъ противъ подобной расправы, указывая на свой шарикъ и павлинье перо, однако пятьдесятъ ударовъ ему были отсчитаны, и затѣмъ вся его армія, позорно изгнанная съ Мусъ-Куля, отправилась черезъ перевалъ Акъ-Берды во-свояси. Ну, и надѣлалъ же поручикъ работы и хлопотъ дипломатамъ. Говорятъ, такая переписка возникла, что, пожалуй, его не погладятъ по головѣ, а все же молодецъ Бржезицкій, хорошо проучилъ китайцевъ!—разсказчикъ расхохотался.

— Но позвольте,—сказалъ я Г—му, выслушавъ его разсказъ:— вы начали о походѣ и не договорили. Скажите, пожалуйста, какая же цѣль-то похода?—спросилъ я.

— Цѣль?—а вотъ какая. — Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ послѣднюю карту Памира и прилежащихъ къ нему ханствъ.

— Видите,—сказалъ онъ,—предполагаютъ занять, во-первыхъ, Памиры, а, во-вторыхъ, вотъ все это пространство,—провелъ онъ линію пальцемъ по картѣ, захвативъ ханства Шугнанъ, Рошанъ и Ваханъ,—такимъ образомъ, чтобы нашею естественною границею съ Индіей былъ хребетъ Гиндукушъ. Кромѣ того, положеніе таджиковъ, заселяющихъ Памирскія ханства, ужасно. Вѣдь, афганцы хуже истязаютъ ихъ, чѣмъ турки сербовъ и болгаръ, въ 1877 году; пора нашему правительству и вступиться за несчастныхъ, которые, по праву, наши подданные и терпятъ чортъ знаетъ что отъ афганцевъ.

Я вспомнилъ пророчество Юсуфа—онъ былъ правъ. Поблагодаривъ любезнаго Г., который просилъ меня держать все разсказан-

ное имъ въ секретѣ, я пошелъ домой, гдѣ вслѣдъ затѣмъ мнѣ передали записку. „Голубчикъ,—писалъ мнѣ Б.,—я сообщилъ сегодня вамъ о походѣ, но забылъ предупредить васъ, что это пока секретъ, пожалуйста, никому не сообщайте о слышанномъ. Вашъ Б.“

Въ этотъ же вечеръ въ городѣ всѣ уже говорили о предстоящемъ походѣ.

Вездѣ только и рѣчи, что о походѣ, о теплушкахъ, тулупахъ и неприкосновенномъ запасѣ. Завѣдующіе хозяйствомъ съ утра до ночи не вылѣзаютъ изъ канцелярій, дѣлопроизводители по хозяйственной части просто потеряли голову. Всѣ хлопочутъ. Ротные командиры выбираютъ людей и посылаютъ ихъ на испытаніе во 2-й Туркестанскій линейный баталіонъ, гдѣ докторъ осматриваетъ ихъ, либо бракуя, либо записывая въ списки: „годенъ“. Вмѣсто забракованныхъ присылаются другіе.

Солдаты покорно идутъ, и только немногіе изъ нихъ ропщутъ на долгія приготовленія.

— И чего, право, гоняютъ только зря,—ворчали нѣкоторые,—хуже, чѣмъ на службѣ, измаяли: все смотры да смотры...

И дѣйствительно, чуть-ли не два раза въ день производились различные смотры разными лицами, и солдатъ за нѣсколько верстъ для этого гоняли въ полной походной аммуниціи.

— Ужъ скорѣе бы выступать,—ворчали солдаты.—Ей-ей, надоѣло.

Вотъ фельдфебель осматриваетъ одѣтую въ аммуницію роту и поправляетъ рѣзкимъ порывистымъ движеніемъ неправильно скатанную шинель рядового.

— Ишь вѣдь, чортъ, словно баба шинель скаталъ—иди, перекатай!—грозно обращается онъ къ солдату, и тотъ, повернувшись кругомъ, бѣжитъ исполнять приказаніе начальника.

— Ну, вольно, ребята, оправиться!—командуетъ фельдфебель, и начинается кашлянье, сморканье, и солдатскія остроты сыплются со всѣхъ концовъ роты.

— А куды это мы пойдемъ, г. фельдфебель?—улыбаясь во весь ротъ, заискивающимъ тономъ спрашиваетъ одинъ изъ солдатъ „хозяина роты“.

— А куды поведутъ, туды и пойдешь,—отвѣчаетъ тотъ.

— Нѣтъ, правда, господинъ фельдфебель? — не угомоняется солдатъ.

— На Памиру, значитъ, по сосѣдству съ китайцемъ и „аванганцемъ“, — отвѣчаетъ фельдфебель.

Но солдатъ не успокоивается.

— А позвольте спросить, господинъ фельдфебель, для чего столько войска туда посылаютъ? — спрашиваетъ онъ.

Фельдфебель, и самъ не зная, что отвѣтить ему, сердито отворачивается и командуетъ: „смирно! справа по порядку на первый и второй разсчитайсь!“

И по ротѣ, то громко, то тихо выкрикиваемыя, слышатся отрывистыя „первый! второй!“ и т. д...

Приготовленія длились слишкомъ два мѣсяца, и наконецъ къ 1-му іюня было все готово, маршрутъ былъ полученъ, и выступленіе назначено на 2-е іюня.

На большой площади, противъ казармъ маргеланскаго гарнизона, выстроились войска покоемъ [1]) въ ожиданіи прибытія начальниковъ. Ружья составлены, и люди разбрелись кучками по площади; вездѣ царитъ веселое оживленіе. Вдругъ раздалась команда: „въ ружье!“ и въ одинъ моментъ всѣ были въ порядкѣ. Къ отряду приближалась группа всадниковъ, впереди которой на буланой лошади, въ бѣломъ кителѣ и фуражкѣ скакалъ молодой полковникъ съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, это былъ начальникъ отряда полковникъ Іоновъ.

— Здорово, братцы! — немного картавя, привѣтствовалъ онъ отрядъ, круто осадивъ лошадь и граціозно отдавая честь.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! — рявкнуло полторы тысячи грудей.

— Вольно, оправиться! — сказалъ полковникъ, и снова оживленіе воцарилось надъ отрядомъ.

Одинъ за другимъ прибывали къ отряду начальствующія лица, пришли остающіяся войска отдать честь уходившимъ, и наконецъ пріѣхалъ командующій войсками, генералъ-майоръ Корольковъ. Началось богослуженіе. Веселость сразу исчезла съ лицъ солдатъ. Они прилежно

---

[1]) Покоемъ называется строй въ видѣ буквы П.

молились, крестя свои загорѣлые лбы и кладя поклоны, а затѣмъ каждый приложился ко кресту.

Послѣ окончанія этой церемоніи людямъ была предложена чарка водки. Командующій войсками провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, и при звукахъ русскаго гимна грянуло дружное „ура". Затѣмъ съ чаркою въ рукѣ выступилъ впередъ обожаемый солдатами командиръ 3-й Туркестанской линейной бригады боевой генералъ Саранчовъ.

— Ребята!—началъ генералъ, когда затихъ послѣдній крикъ.— Поздравляю васъ съ походомъ и надѣюсь, что вы такъ же свято и безропотно совершите возложенное на васъ тяжелое дѣло, какъ совершали его ваши предшественники, славные покорители Туркестана! Помните, что Туркестанъ всегда гордился своими храбрыми воинами, пусть же и на сей разъ въ лѣтописи его прибудетъ еще одинъ, покрытый славою походъ. Если придется вамъ столкнуться съ халатниками, то проучите ихъ по-русски, какъ учили мы и хивинцевъ, и кокандцевъ. Помните, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Пью за ваше здоровье, ребята. Ура!

Послѣ рѣчи бригаднаго стали подходить къ водкѣ нижніе чины, каждый благоговѣйно бралъ чарку и опрокидывалъ ее въ ротъ, какъ-бы боясь оставить на ея днѣ хоть капельку казенной водки.

Подъ огромнымъ шатромъ, поставленнымъ посреди плаца, идетъ прощаніе офицеровъ со своими семействами. Многія дамы плачутъ, отцы съ грустью держатъ на рукахъ своихъ дѣтей.

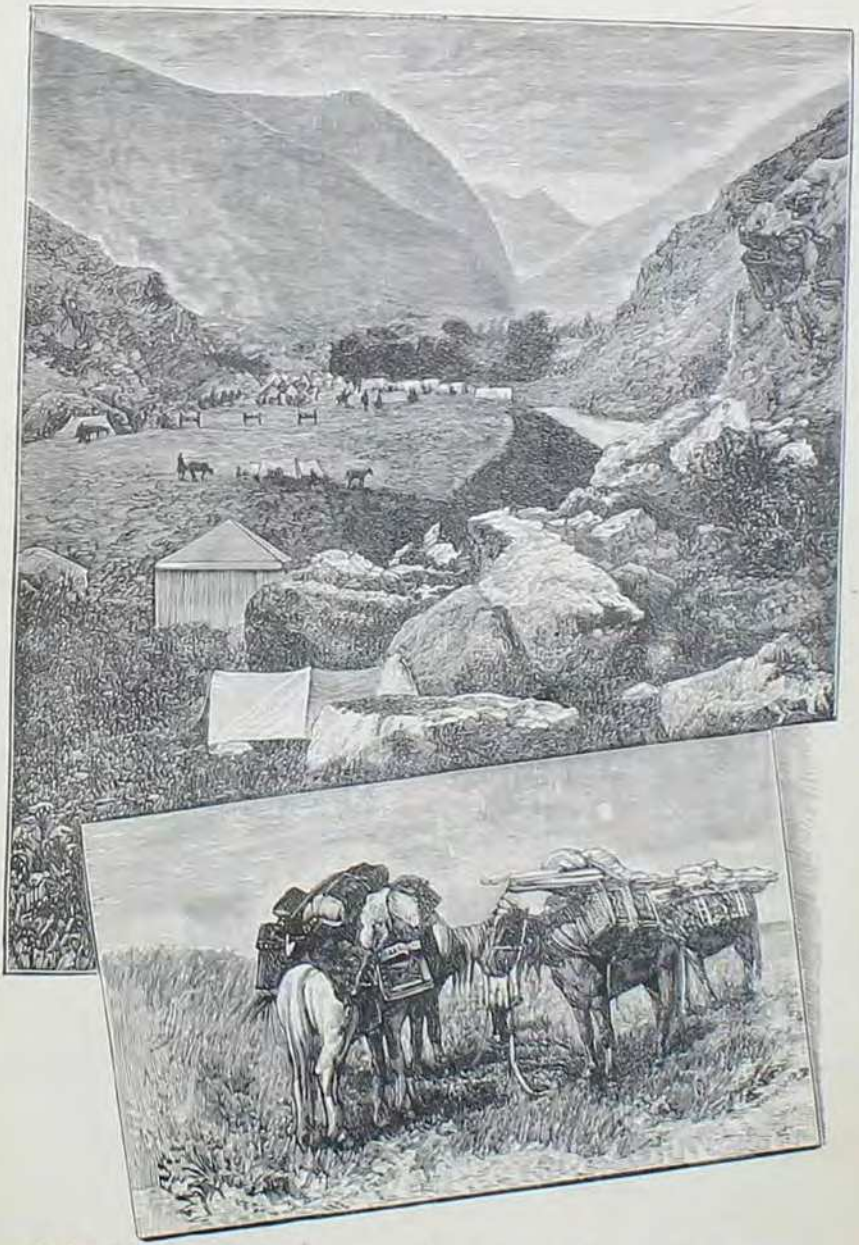
Поодаль, около расположившихся подъ тѣнью деревъ солдатъ, собрались кучки народа и сартовъ, а также бабъ-солдатокъ, провожающихъ своихъ мужей; нѣкоторыя изъ нихъ воютъ.

Раздался сигналъ сбора.

Роты выстроились; прежде всего двинулся авангардъ, а за нимъ потянулся весь отрядъ подъ звуки марша и грохотъ барабановъ. Раздалась солдатская пѣсня, среди которой выдѣлялось громкое выкрикиваніе подголоска.

— Привалъ!—раздается голосъ спереди изъ облака пыли.

— Стой, привалъ!—подхватываютъ возгласъ въ ротахъ, и баталіонъ останавливается.

1. Бивуакъ Памирскаго отряда въ Исфайрамскомъ ущельѣ у выхода въ Алайскую долину.
2. Типы вьючныхъ лошадей.

Провожавшіе въ послѣдній разъ прощаются съ памирцами, и чрезъ полъ-часа отрядъ уже въ полномъ походномъ порядкѣ слѣдуетъ по пыльной дорогѣ, пролегающей то по широко раскинувшейся степи, окаймленной высокими снѣжными горами, то узкими улицами пыльныхъ сартовскихъ кишлаковъ.

Памирскій отрядъ раздѣлился на двѣ части: одна направилась по кратчайшему пути черезъ перевалъ Тенгизъ-бай, а другая на городъ Ошъ, гдѣ должна была захватить огромный вьючный транспортъ и, переваливъ черезъ Алайскій хребетъ, соединиться съ остальными силами отряда, который двинулся по Исфайрамскому ущелью, черезъ хребетъ Большого Алая. Быстрымъ шагомъ, длинной вереницей идутъ солдаты, тяжело дыша, то поднимаясь, то спускаясь по узкимъ карнизамъ, какъ бы прилѣпленнымъ къ отвѣснымъ гранитнымъ стѣнамъ. Грозно возвышаются съ обѣихъ сторонъ пути громоздящіяся другъ надъ другомъ отвѣсныя скалы, мѣстами переходящія въ крутыя осыпи, усѣянныя осколками гранита и сорвавшимися съ вершинъ камнями. Слѣва глубокій обрывъ, на днѣ котораго клокочетъ горная рѣчка, наполняющая все ущелье какимъ-то неистовымъ шумомъ, напоминающимъ ревъ сильной бури. Далѣе ущелье все болѣе и болѣе съужи-вается, и наконецъ начинается крутой и довольно продолжительный подъемъ на Тенгизъ-бай. Около полутора сутокъ боролся отрядъ съ огромною преградой, и нѣкоторымъ ротамъ пришлось ночевать на вышкѣ его (12.000 фут.), въ снѣгу, да еще во время мятели. Переваливъ черезъ Тенгизъ-бай, отрядъ вышелъ изъ темнаго Исфайрамскаго ущелья и подошелъ къ выходу въ Алайскую долину, гдѣ и остановился би-вуакомъ около крѣпости Дараутъ-курганъ.

За пять лѣтъ до возмущенія кипчаковъ (1871 г.), когда Кокандское ханство было самостоятельнымъ, крѣпость эта имѣла важное значеніе для кокандцевъ, такъ какъ, расположенная у входа въ Дараутъ-Исфайрамское ущелье, она оберегаетъ долину рѣки Туза, впадающей въ рѣку Кизиль-су, и защищаетъ перевалъ Тенгизъ-бай отъ нападеній памиро-алайскихъ кочевниковъ со стороны Каратегина. Кокандскій ханъ держалъ въ этой крѣпости довольно большой гарнизонъ съ уполномоченнымъ комендантомъ, который вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ былъ вырѣзанъ въ 1871 году памиро-алайскими кочевниками, а крѣпость осталась въ

запущенія. Теперь Дараутъ-курганъ представляетъ изъ себя цитадель изъ толстыхъ глинобитныхъ стѣнъ, слегка размытыхъ въ верхней части своей дождями. По угламъ четырехугольника возвышаются круглыя башни, придающія крѣпости довольно внушительный видъ. Продневавъ у крѣпости, отрядъ двинулся дальше, шелъ все время вверхъ по правому берегу Кизиль-су, вдоль по Алайской долинѣ, и наконецъ, 16 іюня, прибылъ къ мѣстечку Борда-ба, гдѣ и встрѣтился съ другою частью памирскаго отряда.

III.

Ляангарское ущелье. Скобелевскій домикъ. Разсказъ капитана.

Ляангарское ущелье пролегаетъ по тропинкѣ, тянущейся вдоль узкаго берегового карниза, нависшаго надъ ревущею рѣкою Ляангаръ-сай, и ведетъ отъ города Ошъ къ укрѣпленію Гульча. Съ обѣихъ сторонъ ущелья громоздятся другъ надъ другомъ огромные каменные утесы, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно нависаютъ надъ головою до того, что страхъ беретъ при мысли, что вотъ-вотъ эта огромная каменная глыба сорвется и упадетъ съ своей высоты.

Узкая полоса голубого неба, виднѣющаяся вверху, мало освѣщаетъ ущелье, погруженное въ непріятно-таинственный мракъ, среди котораго царитъ лишь шумъ ревущей рѣки.

Погода начинала хмуриться, кое-гдѣ набѣгали темныя облачка, и мало-по-малу небо покрылось свинцовыми тучами. Гдѣ-то вдали слышались раскаты грома, подхваченные продолжительнымъ эхомъ, разносившіеся по горамъ и постепенно замиравшіе въ одномъ изъ темныхъ ущелій. Облака нависли почти надъ самыми головами, и въ воздухѣ наступила какая-то особенная тишина. Брызнулъ дождикъ! Онъ освѣжилъ душную атмосферу ущелья, люди вздохнули свободнѣе и пошли бодрѣе.

Вдругъ, какъ-бы внезапно распахнувъ гигантское окно, въ ущелье ворвался сильный вихрь, и вслѣдъ за нимъ дождь полилъ, какъ изъ ведра.

Узкая, глинистая тропинка, быстро размякшая отъ дождевыхъ потоковъ, съ шумомъ сбѣгавшихъ съ окружныхъ скалъ, сдѣлалась такою скользкою, что ноги разъѣзжались, идти становилось необыкновенно трудно, да, кромѣ того, ежеминутно грозила опасность сорваться и полетѣть въ пропасть.

Дружный хохотъ вдругъ пронесся по ущелью, нарушая воцарившуюся тишину между солдатами. Ротный барабанщикъ, по прозванію „чортова шкура", поскользнулся и его инструментъ, соскочивъ съ крючка, ударился о камень и, сдѣлавъ гигантскій прыжокъ, покатился съ обрыва, выдѣлывая самыя удивительныя сальто-мортале. Несчастный барабанщикъ, весь выпачканный въ грязи, стоялъ, съ грустью посматривая на сбѣжавшій свой инструментъ.

— „Ай да такъ"!—хохотали солдаты.—Смотри, смотри, ей-Богу, въ рѣку попадетъ,—кричалъ, хохоча, толстый дородный солдатъ, хлопая себя рукою по колѣну.

— Ишь, какъ клоунъ въ циркѣ прыгаетъ,—прибавилъ другой.

Чтожъ ты, „чортова шкурина", дѣлать будешь безъ своей музыки?—обращались къ несчастному барабанщику проходившіе солдаты.—Ты бы за нимъ тоже въ припрыжку.

— Пошли вы къ лѣшему, ну васъ,—отбоярился барабанщикъ.

Ему дѣйствительно было не до того, во-первыхъ, отвѣтственность, если барабанъ въ воду попадетъ и будетъ унесенъ рѣкой, а съ другой стороны, и жаль его, онъ ему служилъ прекраснымъ кресломъ во время приваловъ, особенно въ мокрую погоду, когда уставшіе солдаты не могли ни сѣсть, ни лечь на полъ, между тѣмъ какъ онъ всегда возсѣдалъ на своемъ барабанѣ и только иногда изъ уваженія къ чинамъ уступалъ половину своего мѣста фельдфебелю. Онъ жадно слѣдилъ за полетомъ барабана, не обращая уже вниманія на насмѣшки солдатъ.

Вдругъ барабанъ подпрыгнулъ и легъ между двухъ камней, почти у самой рѣки.—Слава Богу,—подумалъ барабанщикъ и, карабкаясь за острые камни по скользкой глинѣ, поползъ онъ добывать своего сбѣжавшаго товарища, ободряемый насмѣшливыми криками проходившей мимо роты.

Небо окончательно заволокло тучами, и въ ущельѣ воцарилась глубокая тьма. Яркій блескъ молніи озарилъ все ущелье, и вслѣдъ за нимъ грянулъ оглушительный раскатъ грома. Подхваченные эхомъ, въ темныхъ ущельяхъ, раскаты не успѣвали еще замереть, какъ снова, будто волшебнымъ огнемъ, озарились мрачныя громады, и опять раздавались раскаты съ новою силой, какъ-бы желая догнать убѣгавшіе вдаль звуки, подхваченные мрачными ліангарскими ущельями. А дождикъ

лилъ какъ во дни потопа. Но вотъ мало-по-малу раскаты становились слабѣе, молнія какъ-то вяло освѣщала горы, медленно мигая своимъ блѣднымъ свѣтомъ, дождикъ понемногу стихалъ.

Становилось свѣтлѣе. Сквозь разорвавшіяся свинцовыя тучи кое-гдѣ уже виднѣлись клочки голубого неба.

Солдаты остановились и, снявъ рубашки, стали выжимать изъ нихъ воду, а нѣкоторые, присѣвши на камни, свертывали себѣ курево. Солнышко выглянуло изъ-за тучъ и своею теплотою пріятно ласкало озябшіе члены солдатъ. Все сразу ожило, все точно проснулось съ первымъ лучемъ дивнаго свѣтила. Воздухъ наполнился какимъ-то чуднымъ ароматомъ, птички то и дѣло взлетали то здѣсь, то тамъ, иногда вырываясь почти изъ-подъ самыхъ ногъ идущихъ солдатъ, а въ вышинѣ, распустивъ огромныя крылья, парилъ, описывая большіе круги, горный житель—орелъ.

—Глянь-ко, ребята, домъ русскій!—крикнулъ одинъ изъ идущихъ,—ей-Богу, домъ!

Всѣ обратили вниманіе на небольшой, выбѣленный, русскаго типа домикъ, расположившійся около самой рѣки Ліангаръ-сай, и каждый задавалъ себѣ вопросъ, кто бы это могъ построить домъ среди этой суровой горной природы, вдалекѣ отъ всего русскаго-роднаго. Вѣдь не киргизы же? Гдѣ имъ! они не признаютъ другого жилища, кромѣ своихъ юртъ.

Около домика былъ назначенъ двухъ-часовой привалъ, и солдаты принялись сушить промокшее бѣлье и „согрѣвать“ себѣ чайники, а офицеры, въ ожиданіи закуски, забрались въ домикъ.

Это было небольшое строеніе, сложенное изъ сырцоваго кирпича, состоящее изъ двухъ комнатъ и кухни. Потолокъ уже частью разрушился, штукатурка мѣстами держалась на полусгнившихъ „чіяхъ“ (камышѣ). Окна были выбиты, и въ нихъ не оставалось и признака стеколъ, очевидно утащенныхъ киргизами. Около домика находился навѣсъ, служившій когда-то для стоянки лошадей, а теперь пріютившій подъ свой кровъ киргиза, торгующаго арбузами, дынями и сушеными фруктами. Денщики втащили палацы и складные табуреты, мы усѣлись въ кружокъ, и на сцену появилась неизбѣжная въ походахъ—водка. Какъ пріятно было пропустить рюмочку послѣ тяжелаго перехода! Всѣ

были заняты своимъ дѣломъ, кто раскупоривалъ бутылки, кто приготовлялъ закуску, а кто лежалъ на палацѣ, разминая свои уставшіе члены. Снаружи доносился оживленный говоръ солдатъ, и заливалась на всѣ лады гармоника.

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ старый капитанъ П.

— Николай Николаевичъ, рюмочку скорѣе,—обратились къ нему хоромъ офицеры.

П. былъ любимъ всѣми въ отрядѣ. Это былъ боевой и бывалый офицеръ, участникъ Хивинскаго, Кокандскаго и Алайскаго походовъ.

— Уфъ, и какостная же погода захватила насъ, господа,—сказалъ онъ, какъ-бы оправдываясь, что вотъ-молъ по этой самой причинѣ и нужно выпить рюмочку, и съ этими словами опрокинулъ ее въ ротъ.—А знаете, господа,—продолжалъ капитанъ,—сколько воспоминаній воскресилъ во мнѣ этотъ домикъ! Знаете-ли вы, что его построилъ Скобелевъ?

— Скобелевъ?—удивился я.

— Да, Скобелевъ,—сказалъ капитанъ,—и самъ проектировалъ для него планъ. Это было въ 1876 году во время Алайскаго похода, когда войска наши спѣшили къ укрѣпленію Гульча, чтобы успѣть разогнать возставшихъ кипчаковъ и кара-киргизъ и захватить ихъ коновода Абдулла-бека, сына извѣстной царицы Алая Курбанъ-Джанъ-датхи. Какъ и сегодня, мы шли Лянгарскимъ ущельемъ, и ужасная гроза разразилась надъ нашими головами. Измокшіе, голодные, мы пришли вотъ на это мѣсто,—онъ указалъ пальцемъ въ землю,—и раскинули палатки. Скобелевъ помѣстился въ своемъ бухарскомъ шатрѣ, куда собралось множество офицеровъ напиться генеральскаго чайку. Дождикъ лилъ, и вода, промочивъ холстъ, капала на насъ черезъ палатку.

— А вѣдь плохо, господа,—сказалъ Скобелевъ.

— Неважно, ваше превосходительство,—отвѣчаемъ мы.

— Такъ вотъ что, господа,—говоритъ онъ,—въ виду того, что намъ частенько придется проѣзжать съ Алая въ Ошъ, то по-моему нелишне поставить на этомъ большомъ переходѣ хоромы, въ которыхъ бы было возможно переночевать или пообѣдать.

Сказавъ это, генералъ взялъ карандашъ и свою записную книжку, начертилъ планъ и профиль, написалъ всѣ размѣры проектируемаго зданія и, вырвавъ листокъ, протянулъ его мнѣ, такъ какъ я ближе всѣхъ сидѣлъ къ нему.

— Возьмите, поручикъ, и съ завтрашняго же дня приступите къ постройкѣ дома, для чего вамъ будетъ оставленъ взводъ, состоящій изъ каменщиковъ и плотниковъ,—я отдамъ объ этомъ въ приказѣ.

Дѣлать было нечего, хоть я и понятія не имѣлъ о постройкахъ, а пришлось сдѣлаться и инженеромъ, разъ начальство приказало.

Заложили мы тутъ же новое строеніе, самъ генералъ положилъ первый камень, прочитали молитву и крестъ поставили, а вечеромъ кутнули у обожаемаго начальника отряда. На утро отрядъ ушелъ а я остался съ взводомъ для возведенія домика. Потолковалъ съ солдатами, съ чего бы начать; затѣмъ общимъ совѣтомъ порѣшили и, приступили къ работѣ. Нашлись у меня и свѣдущіе люди, такъ что работа закипѣла, и чрезъ недѣлю было надѣлано множество сырцоваго кирпича, да и кладка подвигалась. За лѣсомъ пришлось посылать въ г. Ошъ, но это не представляло собою особаго затрудненія. Уже и косяки были вставлены и мырлатъ положенъ, только крыть осталось зданіе. Вдругъ, однажды, утромъ прискакалъ казакъ съ пакетомъ. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю, что генералъ ѣдетъ съ Алая и предувѣдомляетъ, что надѣется остановиться въ домѣ у Ляангаръ-сая.

Струхнулъ я не на шутку; хорошо я зналъ, что это было приказаніе, а домъ далеко не оконченъ. Крыша не крыта, внутри не оштукатурено, и печей нѣтъ, и кирпича жженаго не доставлено.

Забилъ я тутъ тревогу, начали мы по очереди днемъ и ночью работать, и дѣло стало подвигаться впередъ. Я почти не спалъ, и мнѣ казалось, что я не успѣю окончить своей работы. Спасибо печнику, попался лихой и смышленый солдатикъ; онъ взялся сложить печи изъ камня, не прибѣгая къ кирпичу. Я ужасно измучился и чувствовалъ, что заболѣю. Оставалось пять дней до пріѣзда генерала и я былъ въ отчаяніи. Однажды послѣ обѣда я прилегъ въ палаткѣ отдохнуть, по обыкновенію, вдругъ вижу, что деньщикъ Шиловъ тихонько поднимаетъ край полотнища и что-то говоритъ мнѣ.

Я уже начиналъ дремать, но очнулся.

— Что тебѣ?—спросилъ я.

— Бѣда, ваше благородіе!

— Что такое?—спросилъ я, вскочивъ на ноги.

— Киргизы, ваше благородіе, близко.

— Что!

Схвативъ револьверъ и шашку, я выбѣжалъ изъ палатки, и передо мною открылась слѣдующая картина.

Нѣсколько конныхъ киргизовъ что-то дѣлали надъ двумя лежавшими на землѣ моими солдатами и видимо спѣшили взвалить ихъ на лошадей, а прочіе ломали мой домикъ, изъ-за котораго я пережилъ столько тяжелыхъ минутъ.

— Ребята! нашихъ рѣжутъ!—закричалъ я, но никто не появился на мой призывъ. Полагая, что киргизы успѣли покончить съ солдатами, захвативъ ихъ за работой, я, не помня себя, бросился съ револьверомъ на киргизъ, вязавшихъ солдата, и спустилъ курокъ. Выстрѣла не было. Осѣчка! — подумалъ я и, взведя курокъ, опять выстрѣлилъ. Что за чортъ, — опять осѣчка! Я взглянулъ на револьверъ и чуть не умеръ отъ ужаса—онъ былъ разряженъ. А ко мнѣ подбѣгали трое скуластыхъ киргизъ, и я уже ясно различалъ ихъ искаженныя злобой рожи и узкіе прорѣзы глазъ. Я выхватилъ шашку и, зажмуривъ глаза, бросился на нихъ. Что-то сильно сдавило мнѣ горло, и я полетѣлъ на землю. Я уже ничего не видѣлъ и чувствовалъ, что кто-то сидитъ на мнѣ, я хотѣлъ пошевелиться, но напрасно, что-то сильно давило мнѣ грудь. Вдругъ я почувствовалъ, что острое лезвее ножа дотронулось до моего горла. Рѣжутъ, подумалъ я. Ножъ скользнулъ и впился въ мое горло! Я громко вскрикнулъ—и открылъ глаза. Надо мною шевелилось отъ вѣтра полотнище палатки, со лба крупными каплями катился потъ.

Я вскочилъ и вышелъ наружу. Рабочіе уже устилали крышу соломой и замазывали ее жидко разведенной глиной.

Капитанъ остановился и, пропустивъ еще рюмочку, громко крякнулъ и продолжалъ.—Итакъ, ровно черезъ пять дней, я благополучно окончилъ домикъ, но всѣ труды мои и страданія, пережитыя за это время, были напрасны; генералъ не пріѣхалъ, и дѣла, осложнившіяся на Алаѣ, заставили его вытребовать меня на театръ военныхъ дѣйствій, и я,

оставивъ 4-хъ человѣкъ для окарауливанія и окончательной очистки дома, отправился на Алай.

— Ну, пора, господа,—закончилъ онъ, вставая.—Кокшаровъ!—крикнулъ онъ денщика,—позови дежурнаго фельдфебеля.

Бравый сверхсрочный фельдфебель, придерживая шашку и отдавая честь, вошелъ въ комнату.

— Подъемъ съиграть и строиться!—сказалъ капитанъ.

— Слушаю-съ!

И фельдфебель, повернувшись кругомъ, вышелъ изъ комнаты, а чрезъ нѣсколько мгновеній рожокъ прогремѣлъ подъемъ, и мы, поднявшись съ мѣстъ, направились къ ротамъ, оставивъ прислугу собирать наши пожитки. Погода совершенно уже прояснилась, солнце ярко свѣтило, озаряя снѣжныя вершины горъ, около которыхъ ютились еще свинцовыя тучи. Предстояло перевалить небольшой, но крутой перевалъ Чигирь-Чикъ, и отрядъ медленно сталъ подниматься въ гору. Лошади, напрягая всѣ свои силы, рвутся изъ-подъ тяжелыхъ вьюковъ. Не слышно между солдатами ни веселаго смѣха, ни обычныхъ разговоровъ, приправленныхъ остротами, и только мѣрные шаги раздаются среди полной тишины, а снизу гдѣ-то далеко, далеко, чуть доносится до идущихъ шумъ кипящаго Ляангара.

IV.

Ольгинъ лугъ. Въ гостяхъ у царицы Алая. Киргизская Тамаша.

Я проснулся довольно рано. Товарищъ мой, поручикъ Барановъ, сладко спалъ еще, прикрывъ голову кавказской буркой. Въ воздухѣ царила необыкновенная нѣга. Палатка чуть-чуть колыхалась отъ легкаго вѣтерка, по временамъ налетавшаго изъ ущелья на нашъ лагерь.

— Николай Александровичъ,—окликнулъ я спавшаго.

— Ммм... послышалось въ отвѣтъ изъ-подъ бурки.

— Вставайте, пора,—сказалъ я и сталъ одѣваться.

Бурка, какъ бы сама собою, откинулась, и изъ-подъ нея поднялась всклокоченная съ заспанными глазами голова поручика.

— Осипъ, чайникъ!—крикнулъ онъ, уже по пріобрѣтенной „за походъ“ привычкѣ, и, протеревъ кулакомъ глаза, какъ бы-вдругъ стряхнулъ послѣдніе остатки сна и сталъ одѣваться.

Въ палатку вползъ на-четверенькахъ откормленный солдатъ съ сильно загорѣлымъ лицомъ и поставилъ на землю небольшой мѣдный чайникъ.

— „Вѣстника“ накормилъ?—спросилъ Барановъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, ячменю давалъ, да и трава здѣсь хорошая.

— Ну, ладно, давай сухарей!

Солдатъ скрылся, а мы отправились къ ближайшему горному потоку освѣжиться холодной водой. Что за чудная картина открылась передъ нами! Надъ головами возвышались огромные каменные великаны, сплошь покрытые арчею, съ бѣлѣющими снѣжными вершинами, впереди чернѣлось Талдыкское ущелье, а позади широко раскинулся зеленою бархатною равниною „Ольгинъ лугъ“, замкнутый со всѣхъ

Подъемъ Памирскаго отряда на перевалъ Чигиръ-Чикъ.

сторонъ горами, на которомъ маленькими сѣренькими грибочками виднѣлись разбросанныя юрты киргизскихъ ауловъ и громадныя стада рогатаго скота и верблюдовъ.

Освѣжившись холодною водою горнаго потока, мы вернулись въ палатку, гдѣ насъ уже ожидалъ горячій чай и сухари, а также добытое Осипомъ въ аулѣ густое, какъ сливки, молоко.

Полотнище палатки поднялось, и въ нее вошелъ капитанъ П.

— Чайку не прикажите-ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, спасибо. А вотъ я, господа, къ вамъ съ предложеніемъ. Завтра дневка, и, слѣдовательно, мы свободно можемъ препріятно провести эти два дня.

— Какимъ же образомъ?—спросили мы.

— Да вотъ, хотя бы съѣздить верстъ за 12 отсюда на лѣтовки алайской царицы въ Ягачартъ. Мы навѣрное застанемъ и самое Курбанъ-Джанъ-дахту, такъ какъ она на лѣто всегда перекочевываетъ изъ Гульчи сюда. Интересная старуха, — сказалъ онъ,—тѣмъ болѣе мнѣ бы хотѣлось ее видѣть, такъ какъ я не встрѣчалъ ее съ 1876 года, когда она была захвачена отрядомъ князя Витгенштейна и доставлена Скобелеву, который принималъ ее въ Ляангарскомъ домикѣ.

Это предложеніе было радостно принято нами, и мы рѣшили немедленно отправиться съ визитомъ къ царицѣ Алая. Приказавъ сѣдлать лошадей, мы допили чай и затѣмъ отправились; къ компаніи нашей присоединились еще трое офицеровъ. Мы поѣхали вдоль широко раскинувшагося „Ольгина луга“.

— Странное названіе носитъ эта мѣстность; навѣрное оно дано ей кѣмъ либо изъ русскихъ,—сказалъ Барановъ.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ П.,—и я вамъ могу сейчасъ же пояснить, откуда оно взялось. Видите-ли, въ 1876 году, нѣсколько дамъ сопровождали своихъ мужей въ Алайскій походъ, и изъ нихъ были четыре Ольги, въ числѣ которыхъ была и супруга нашего начальника отряда, полковника Іонова. 11-го іюля, во время дневки, здѣсь праздновался Ольгинъ день, и въ честь этихъ смѣлыхъ именинницъ названіе „Ольгина луга“ осталось навсегда и теперь нанесено на карту.

— Значитъ вы, Николай Николаевичъ, знакомы съ алайской

царицей?—спросилъ я П., желая навести разговоръ на эту интересную личность.

— Какъ же и даже очень хорошо; я сопровождалъ ее до самаго города Ош, по окончаніи Алайскаго похода.

— Ну, разскажите же намъ что нибудь про нее,—пристали мы къ П., который видимо только и ждалъ этой просьбы, такъ какъ былъ большой охотникъ до разсказовъ о быломъ своемъ житьѣ и совершенныхъ походахъ.

— Извольте, господа, съ удовольствіемъ. Видите-ли, — началъ онъ,—Курбанъ-Джанъ-датха была женою извѣстнаго Алимъ-бека, прославившаго свое имя въ Туркестанѣ цѣлымъ рядомъ дикихъ набѣговъ и звѣрскими убійствами въ городѣ Ошѣ. Алимъ былъ предательски убитъ одною киргизкою. Оставшись вдовою, датха приняла власть мужа и начала дѣятельно управлять Алаемъ, избравъ изъ среды батырей мужа, которому не позволяла вмѣшиваться въ управленіе страною. Долго благополучно царствовала датха, и слава объ ея мудромъ управленіи разнеслась далеко за предѣлы Коканда и Каратегина.

Послѣ смерти Алимъ-бека, воспользовавшись безцарствіемъ на Алаѣ и вступленіемъ въ управленіе имъ алайской царицы, кокандскій ханъ объявилъ алайскихъ кочевниковъ своими подданными и обложилъ ихъ податью, но датха стряхнула съ себя это иго и наконецъ принудила кокандскаго хана Худояра подписать грамоту, въ которой онъ признавалъ въ ней законную правительницу Алая. Бухарскій эмиръ, кашгарскій ханъ Якубъ-бекъ и другіе всѣ относились къ ней съ уваженіемъ и даже разъ въ годъ присылали на Алай своихъ пословъ, снабженныхъ богатыми подарками. Сыновья датхи были ей помощниками въ управленіи, и каждый изъ нихъ завѣдывалъ извѣстною частью Алая. Старшій Абдулла-бекъ, прославившій себя потомъ въ борьбѣ съ нами, Махмудъ-бекъ, Канчи-бекъ, Хасанъ-бекъ и племянникъ датхи Мирза-Паясъ были вѣрной опорой алайской царицы и любимцами кочевого населенія. Объ этихъ бекахъ разнеслась слава далеко за предѣлы Алая, какъ о храбрыхъ батыряхъ и лучшихъ джигитахъ. Послѣ плѣна Автобачи, извѣстнаго коновода кипчаковъ, когда Кокандское ханство было завоевано нашими войсками, и городъ Андижанъ палъ передъ всепобѣждающимъ „бѣлымъ генераломъ“, на Алаѣ вспыхнуло возстаніе. За-

кипѣло, заколыхалось горное населеніе Алая, и шайки отважныхъ батырей стали пополняться новыми силами. Изъ покоренной Ферганы бѣжали узбеки и киргизы, и все это стекалось на громкій кличъ Абдулла-бека, раздавшійся съ высотъ снѣжнаго Алая. Огромныя шайки лихихъ джигитовъ стали разбойничать, производя безпорядки среди русскаго населенія возникавшей области, и разбои эти всегда сопровождались обильнымъ кровопролитіемъ. Тогда-то, для огражденія Ферганской области, былъ двинутъ полубатальонъ пѣхоты черезъ Исфайрамское ущелье къ крѣпости Дарауть-кургану, подъ командой капитана Исполадъ-Бога, который былъ встрѣченъ огнемъ, засѣвшаго въ неприступныхъ скалахъ со своими батырями, Абдулла-бека и, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, принужденъ былъ вернуться въ г. Маргеланъ. Вотъ послѣ этого эпизода и былъ объявленъ алайскій походъ и на Алай посланъ отрядъ, во главѣ котораго находился Скобелевъ. Мы выступили другою дорогой, черезъ Ошъ и перевалъ Талдыкъ и не были встрѣчены непріятелемъ до урочища Янги-Арыкъ, гдѣ казаки доставили намъ свѣдѣнія, что киргизы заняли это ущелье, сожгли мосты и готовятся подъ предводительствомъ самого Абдулла-бека дать отпоръ нашему отряду. Генералъ Скобелевъ, думая скоро кончить съ киргизами, приказалъ пѣхотѣ „прогнать халатниковъ“ но не тутъ-то было! Позиція киргизъ оказалась неприступною; они, скрываясь за каменными завалами, сильно поражали насъ, такъ что Скобелеву скоро пришлось убѣдиться въ невозможности аттаковать горцевъ, и онъ рѣшилъ произвести обходъ. Для этого кавалерія была послана на рекогносцировку, а мы, въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій, оставались около Кизильскургана. Вотъ тогда-то я и былъ отозванъ отъ постройки домика въ Лянгарѣ. Черезъ пять дней были собраны самыя точныя справки о путяхъ, могущихъ служить обходомъ. Планъ наступленія былъ составленъ, и мы двинулись впередъ. Справа, со стороны перевала Талдыкъ, двигался отрядъ подъ командою майора Іонова, въ которомъ находился и я. Мы зашли въ тылъ Абдулла-беку и подъ его огнемъ, выбивавшимъ изъ строя много жертвъ, возстановили сожженный мостъ черезъ рѣку Белаули и, пройдя по немъ, заняли позицію. Путь отступленія же къ кургану Омаръ-бека отрѣзали двѣ казачьи сотни подъ командою полковника князя Витгенштейна. Тутъ только Абдулла-бекъ увидѣлъ, что

сопротивленіе невозможно, и ночью ушелъ къ Заалайскому хребту, черезъ перевалъ Кизиль-Артъ (14.000 ф.), а оттуда на Памиры. Летучій отрядъ князя преслѣдовалъ по пятамъ Абдулла-бека, но тотъ, съ ловкостью горнаго козла, увертывался отъ него, завлекая князя въ глубь Заалайскаго хребта, гдѣ весь отрядъ чуть-чуть не погибъ около озера Кара-Куль, во время мятели, отрѣзанный огромнымъ переваломъ отъ главныхъ силъ, безъ провіанта и фуража. Такимъ образомъ, Абдулла-бекъ съ братьями своими Махмудъ-бекомъ и Хасанъ-бекомъ и большинствомъ изъ своей шайки ушелъ отъ преслѣдованія русскихъ черезъ Памиры въ Афганистанъ, завѣщавъ остающимся батырямъ не сдаваться гяурамъ; послѣ этого мы двинулись къ Алайской долинѣ, гдѣ и остановились, тревожимые все время шайками горцевъ.

Вѣсть о неудачѣ на Янги-Арыкѣ дошла и до царицы Алая, и она со всѣми стадами и имуществомъ бросилась въ Кашгаръ, но по дорогѣ была ограблена шайками китайскихъ разбойниковъ, и несчастная датха была вынуждена направиться по слѣдамъ своихъ сыновей, т. е. на Кизиль-Артъ. Въ сопровожденіи сына своего Канчи-бека и племянника Мирза-Паяса, она отправилась безъ имущества на плохенькихъ, киргизскихъ лошадяхъ къ Кизиль-Арту и около мѣстечка Борда-ба наткнулась на возвращавшагося князя Витгенштейна, которымъ и была захвачена и доставлена въ отрядъ. Въ это время генералъ Скобелевъ былъ въ укр. Гульчѣ, и мнѣ было поручено доставить къ нему арестованную царицу Алая и ея двухъ батырей. Я очень обрадовался этому порученію. Войдя въ юрту, гдѣ помѣщалась плѣнная, я увидѣлъ сидѣвшую на коврѣ по-азіатски киргизку небольшого роста, хотя немолодую, но красивую, одѣтую въ парчевый халатъ, отороченный какимъ-то мѣхомъ—это была датха. Она грустно сидѣла, опустивъ голову. Передъ нею стоялъ подносъ, на которомъ лежали фисташки, кишмишъ и другія туземныя сласти. Царица Алая видимо находилась въ размышленіи о той метаморфозѣ, которая происходила съ нею, и вся была погружена въ свое горе. Она сразу даже не замѣтила моего появленія и, только спустя нѣсколько секундъ, вскинула на меня своими умными, выразительными глазами и слегка вздрогнула. Я черезъ переводчика сказалъ ей, что назначенъ сопровождать ее до Гульчи, гдѣ находится теперь генералъ Скоболевъ; она отнеслась совершенно равнодушно къ моему заявленію.

— Я теперь раба русскихъ, которые могутъ дѣлать со мною что угодно, такая, значитъ, воля Аллаха,—отвѣтила она черезъ переводчика, и крупныя слезы блеснули на узкихъ прорѣзахъ ея глазъ.

Я сказалъ ей, что мы ѣдемъ завтра.

— Хопъ, хопъ [1]), таксыръ [2]), —сказала она мнѣ и кивнула головою въ знакъ согласія.

Вышелъ я изъ юрты и подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, навѣяннымъ на меня безотраднымъ горемъ царицы, направился къ себѣ.

На утро мы были уже на лошадяхъ. Казаки конвоировали плѣнныхъ. Датха бодро сидѣла въ сѣдлѣ, одѣтая въ бархатную шубейку съ галунами и шапочку съ парчевымъ верхомъ, отороченную мѣхомъ.

Подъѣзжая къ Ляангару, я замѣтилъ около домика большое сборище киргизъ и казаковъ, и мнѣ сообщили, что генералъ ѣдетъ на Алай и остановился для отдыха на станціи. Я приказалъ доложить о себѣ и тотчасъ же былъ принятъ. Сообщивъ о цѣли своего пріѣзда, я получилъ приказаніе ввести въ домъ плѣнныхъ.

Датха, въ сопровожденіи Канчи-бека и Мирза-Пайса, вошла въ комнату. Оба батыря отвѣсили низкій кулдукъ, плѣнная же царица стояла молча, низко наклонивъ свою голову.

Скобелевъ всталъ, подошелъ къ ней и протянулъ свою руку. Датха, повидимому, растерялась, она не ожидала такого пріема, и радостная улыбка озарила ея лицо. Она пожала руку героя и сказала ему что-то по киргизски.

— Скажите датхѣ, — обратился Скобелевъ къ стоявшему здѣсь переводчику—киргизу, поручику Байтакову,—что я очень радъ видѣть ее въ добромъ здоровьѣ и надѣюсь, что она, пользуясь своимъ огромнымъ значеніемъ на Алаѣ, повліяетъ и на кочевое населеніе склониться къ миру и подчиниться требованіямъ Россіи. Я много слышалъ объ ея мудромъ управленіи и томъ значеніи, которое заслужила она у сосѣднихъ хановъ, а потому увѣренъ, что датха пойметъ безполезность враждебнаго отношенія къ русскимъ. Передайте ей, — сказалъ генералъ, когда переводчикъ перевелъ часть его рѣчи, — что она, какъ мать, можетъ гордиться своими сыновьями. Абдулла-бекъ свято исполнилъ свой долгъ и ушелъ лишь тогда, когда бороться уже было немыслимо.

[1]) Хопъ, хопъ,—хорошо, хорошо.

[2]) Таксыръ—ваше благородіе.

Но пусть она знаетъ, что русскіе умѣютъ цѣнить храбрость враговъ. Если она сумѣетъ склонить своихъ сыновей покинуть Афганистанъ и возвратиться на Алай, то я награжу ихъ, какъ подобаетъ награждать героевъ, а теперь я прошу датху принять дастарханъ, — и генералъ приказалъ принести, по туземному обычаю, огромный подносъ, на которомъ цѣлою горою возвышались туземныя угощенія; вслѣдъ за тѣмъ онъ собственноручно надѣлъ на плѣнницу парчевый почетный халатъ и обратился къ батырямъ, увѣщевая ихъ вѣрно служить Россіи.

Умная царица сразу поняла положеніе и тутъ же дала обѣщаніе генералу, что миръ и тишина будутъ царить въ долинѣ Алая, пока живетъ она на свѣтѣ. По ея требованію, изъ Афганистана возвратился ея сынъ Махмудъ-бекъ и много другихъ батырей; только одинъ Абдулла-бекъ не послушался увѣщаній матери и не вернулся на Алай, а ушелъ въ Мекку. Но не суждено было сыну царицы Алая поклониться тамъ великому пророку. Онъ не вынесъ тяжести пути по безводной пустынѣ, раны его открылись и онъ по дорогѣ умеръ.

Попрежнему поселилась датха въ Яга-Чартѣ, продолжая пользоваться безграничнымъ вліяніемъ на Алаѣ, а ея сыновья были назначены управителями Алайскихъ волостей и приносили огромную пользу нашему правительству.

Такимъ образомъ присоединенъ былъ Алай къ русской имперіи, и мы, простоявъ на долинѣ Большого Алая, направились вверхъ по рѣкѣ Кизиль-су и черезъ перевалъ Кара-Казыкъ спустились въ долину Шахимардана и черезъ Вуадиль возвратились въ Маргеланъ. Вотъ и все, господа,—заключилъ П.,—что я могу вамъ сообщить о датхѣ, которую навѣрно мы сегодня увидимъ, и о той роли, которую она играла въ этихъ мѣстахъ.

— Спасибо, Николай Николаевичъ, теперь мы, получивъ подробныя свѣдѣнія о датхѣ, еще съ большимъ удовольствіемъ жаждемъ увидѣть эту интересную женщину,—сказалъ Барановъ.

— Ну, господа, рысью!—скомандовалъ П.,—а не то поздно будетъ, ужъ очень долго я заболтался.

И дѣйствительно, слушая длинный и интересный разсказъ капитана, мы и не замѣтили, что солнце уже было совсѣмъ на полуденной линіи, и лошади, опустивъ головы, лѣниво ступаютъ на собственныя тѣни,

поминутно отмахивались хвостами отъ докучливыхъ мухъ, не дававшихъ имъ покоя.

Мы поѣхали рысью и втянулись въ узкое ущелье, миновавъ которое очутились въ широкой долинѣ, окруженной горами, сплошь покрытыми арчею, и направились къ показавшемуся большому аулу, юрты котораго были украшены пестрыми палацами и коврами. Громадные табуны лошадей бродили поодаль, наслаждаясь здоровою сочною травою. Со стороны аула къ намъ приближалась группа всадниковъ съ головами, обмотанными большими бѣлыми чалмами. Пестрые халаты ихъ, ярко освѣщенные заходящимъ солнцемъ, красиво выдѣлялись среди суровой природы горнаго ландшафта. Впереди на великолѣпномъ гнѣдомъ жеребцѣ ѣхалъ полный, дородный киргизъ, съ сытымъ, загорѣлымъ и добродушнымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшою черною бородкою. Вся фигура его выражала полное довольство жизнью. Одѣтъ онъ былъ въ костюмъ, отличавшійся отъ прочихъ джигитовъ своею простотою и изяществомъ. Бѣлый бешметъ, перетянутый въ таліи широчайшимъ серебрянымъ, украшеннымъ насѣчкою и чернью, поясомъ, бѣлая, какъ снѣгъ, чалма; азіатская, съ серебряною рукояткою, шашка красиво блестѣла на солнцѣ. Грудь его была украшена медалями, придававшими его костюму еще болѣе величественный видъ. Вслѣдъ за нимъ ѣхали трое джигитовъ, вооруженныхъ мултуками и шашками.

За нѣсколько шаговъ до насъ всѣ туземцы слѣзли съ лошадей и встали въ почтительную позу, сложивъ руки на животѣ, какъ принято у нихъ при выраженіи особеннаго уваженія.

П. соскочилъ съ лошади и подошелъ къ бѣлому всаднику съ медалями на груди.

— Здравствуй, Махмудъ-бекъ!—сказалъ онъ.

— А! таксыръ, селамалейкумъ, калай-сызъ [1])?—радостно, улыбаясь своимъ широкимъ ртомъ, проговорилъ киргизъ.

— Что датха, какъ здорова?—спросилъ П.

— Спасибо, таксыръ, слава Аллаху, здорова, она послала меня встрѣтить дорогихъ гостей,—отвѣтилъ Махмудъ,—она очень рада будетъ видѣть тюру, милости просимъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

---

[1]) Здравствуйте, какъ поживаете?

— Господа, позвольте представить вамъ, это гульчинскій волостной управитель Махмудъ-бекъ, сынъ алайской царицы, съ біографіей которой я васъ только что познакомилъ,—сказалъ П.

Мы соскочили съ лошадей, и каждый пожалъ руку симпатичному киргизу.

— Ну, ѣдемъ, Махмудъ-бекъ,—сказалъ П., и мы тронулись въ путь.

Нѣсколько кучекъ туземцевъ, въ праздничныхъ халатахъ, тюбитейкахъ и чалмахъ, поджавъ ноги, сидѣли, образуя на яркозеленомъ фонѣ какъ-бы вѣнки, сплетенные изъ пестрыхъ цвѣтовъ. Разодѣтыя киргизки въ необыкновенно большихъ чалмахъ, скрывающихъ ихъ смуглыя лица, озабоченно сновали изъ юрты въ юрту; оживленіе въ аулѣ было всеобщее. Очевидно, насъ ждали. Но кто могъ предупредить здѣсь о нашемъ пріѣздѣ—право, не знаю. Я спросилъ П. не онъ-ли увѣдомилъ киргизъ о своемъ намѣреніи побывать у датхи, но онъ отрицалъ совершенно, увѣряя, что не посылалъ никого сказать, что мы будемъ.

— Вы не знаете киргизъ, у нихъ на этотъ счетъ особенное чутье,—сказалъ онъ,—прекрасно знали они, что мы непремѣнно заѣдемъ къ датхѣ, ну, и приготовились.

Около одной богатой юрты мы остановились; толпа мальчишекъ бросилась къ нашимъ лошадямъ; взявъ за поводья, они стали водить ихъ взадъ и впередъ.

Махмудъ-бекъ приподнялъ дверь юрты, мы вошли въ нее, и я увидѣлъ датху. Она сидѣла по-азіатски на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. Это была уже немолодая киргизка, съ сильно сморщеннымъ лицомъ, съ маленькими, слезящимися глазами, добродушно улыбавшимися намъ. Она отдала какое-то приказаніе сыну, и въ ея жестахъ я уловилъ привычку повелѣвать. Она одѣта была въ парчевую кацавейку, отороченную мѣхомъ, а голова ея была обмотана огромною кисейною чалмою. Мы по очереди подошли къ сидящей старухѣ и пожали ей руку. Она узнала П. и очень ему обрадовалась.

— А Скобелевъ ульды! (умеръ) — сказала она, причемъ лицо ея выразило сожалѣніе, и покачала головою.

— Давно уже,—сказалъ П.

— А Іоновъ пріѣдетъ ко мнѣ?—спросила она.

— Да, я думаю,—отвѣтилъ капитанъ,—полковникъ часто вспоминаетъ васъ и навѣрное не проѣдетъ мимо вашихъ ауловъ.

— Да, онъ хорошій человѣкъ,—сказала датха,—и жена его и дѣти хорошія, имъ Аллахъ пошлетъ счастія. А теперь на Памиръ идете?—спросила датха.

— Да, на Памиръ.

— Плохо тамъ, ни корму для лошадей, ни достаточнаго количества барановъ, ничего нѣтъ, — сказала она, — киргизы живутъ тамъ бѣдные, тяжело вамъ будетъ; я и то приказала Махмуду и Мирза-Наясу, чтобы они вамъ немедленно все доставляли.

Она говорила съ П. по-киргизски, а онъ намъ переводилъ ея рѣчь. Послѣ этого аудіенція наша у датхи окончилась. Вошедшій Махмудъ-бекъ объявилъ, что пловъ поданъ, и мы, пожавъ руку царицы Алая, вышли изъ ея юрты.

Такъ вотъ она, эта датха, о которой я такъ много слышалъ и которую такъ жаждалъ увидѣть,—самая обыкновенная киргизка съ виду, даже трудно себѣ представить, чтобы эта старуха могла когда-то играть такую важную роль.

Мы вошли въ юрту, менѣе богатую, но болѣе обширную, нежели юрта датхи, гдѣ уже собралось немало почетныхъ гостей, случайно съѣхавшихся изъ сосѣднихъ ауловъ. Здѣсь же былъ и Хасанъ-бекъ, братъ Махмуда, высокій, съ большой черной бородой киргизъ, и Абду-Кадыръ, прибывшій недѣлю тому назадъ изъ Каратегина, и казій [1]) города Ошъ, и старый мулла, и много другихъ знатныхъ киргизъ, обладателей почетныхъ халатовъ.

Всѣ почтительно встали при нашемъ появленіи и, обмѣнявшись съ каждымъ изъ насъ привѣтствіемъ и погладивъ свои бороды, опять чинно усѣлись въ прежнемъ порядкѣ. Во время ѣды плова въ юрту вошелъ красивый, стройный киргизъ съ хищнымъ разбойничьимъ лицомъ, не лишеннымъ нѣкотораго величія; онъ сдержанно улыбнулся и, поздоровавшись съ П., пожалъ каждому изъ насъ руку; это былъ Канчи-бекъ, старшій сынъ датхи. Онъ угрюмо усѣлся въ сторонѣ, не вступая въ разговоры и не касаясь плова. Время клонилось къ вечеру, и гостепріимный хозяинъ объявилъ намъ, что юрты для насъ уже

[1]) Казій—судья.

готовы, и мы отправились на покой. Прекрасныя кибитки, въ которыхъ были постланы на коврахъ легкія одѣяла, были къ нашимъ услугамъ, и въ нихъ мы прекрасно провели ночь. Утромъ разбудили меня загудѣвшія громадныя трубы, напоминающія собою библейскія, съ которыми по преданію евреи обходили городъ Іерихонъ, и немудрено, если отъ множества такихъ трубъ разрушились стѣны города, потому что отъ двухъ моя юрта вся тряслась, и я былъ принужденъ заткнуть уши, чтобы не лопнули перепонки.

Эти трубы скликали киргизъ на тамашу [1]), устраиваемую въ честь русскихъ гостей. Въ воздухѣ запахло пловомъ. Всадники группировались въ долинѣ, готовые начать байгу (родъ скачки). Наконецъ, передъ толпою былъ брошенъ зарѣзанный козленокъ, и одинъ изъ джигитовъ ловко подхватилъ его и поскакалъ. Всѣ понеслись за нимъ, преслѣдуя общую цѣль завладѣть козленкомъ и принести его къ намъ. Датха сидѣла вмѣстѣ съ нами на разостланныхъ коврахъ и равнодушно смотрѣла на несущуюся толпу всадниковъ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за ходомъ игры. Вотъ, вотъ, нагоняютъ джигита съ добычей, окружили!... Защелкали въ воздухѣ нагайки, и на мгновенье все спуталось въ общей массѣ и покрылось густымъ облакомъ пыли. Но, вотъ, снова, съ отнятымъ козленкомъ, вырывается изъ толпы всадникъ, и вдругъ онъ рванулся въ сторону, далеко оставляя за собою дико кричащую и несущуюся за нимъ толпу джигитовъ. Шумъ поднялся ужасный—„байга“ оживилась. Козленокъ, совершенно растерзанный, переходилъ изъ рукъ въ руки; наконецъ, одному изъ джигитовъ удалось далеко ускакать съ добычей, и онъ, описавъ кругъ, подскакалъ къ нашему ковру и бросилъ подъ ноги намъ козленка, отъ котораго остались одни лишь клочья. Толпа криками привѣтствовала побѣдителя, а П. вручилъ ему призовой халатъ и пятирублевую бумажку. Почти до сумерекъ длилась тамаша, много было выпито кумысу, всѣ наѣлись досыта плову, всюду виднѣлись веселыя лица.

— Ну, а намъ, господа, пора и во-свояси,—сказалъ П.,—какъ разъ къ вечерней зарѣ успѣемъ.

Мы не протестовали, такъ какъ времени оставалось мало, и, попрощавшись съ датхой, которая пожелала намъ добраго пути, мы въ сопровожденіи бековъ отправились къ отряду.

[1]) Тамаша—гуляньe.

Было уже совершенно темно, когда мы подъѣзжали къ бивуаку.

— Стой, кто идетъ, что пропускъ? — раздался грозный окликъ часового.

П. сказалъ. И мы въѣхали въ лагерь.

Отдыхая въ своей палаткѣ, подъ впечатлѣніемъ радушнаго пріема у алайской царицы, я и не помышлялъ о томъ, что черезъ три года буду свидѣтелемъ ужаснаго горя, разразившагося надъ датхою и ея сыновьями. Въ 1893 году сыновья ея были вдругъ арестованы и посажены въ тюрьму, а по Алаю стали ходить тревожные слухи о задушеніи русскаго таможеннаго стражника, погибшаго съ двумя джигитами, во время задержанія контрабанды. Началось слѣдствіе, которое выяснило, что наша [1]), которую везли Канчи-беку контрабандисты, была задержана таможеннымъ досмотрщикомъ; послѣдній сначала соглашался пойти на компромиссъ съ контрабандистами, но затѣмъ раздумалъ и былъ задушенъ ими, не имѣя возможности защищаться, такъ какъ револьверы его и его джигитовъ оказались безъ патроновъ. Говорили, что въ этомъ дѣлѣ участникомъ былъ Канчи-бекъ, но точныхъ уликъ не было, и дѣло было отложено областнымъ судомъ для дополнительнаго слѣдствія. Великое горе охватило сердце старухи матери; сыновья, ея гордость и надежда, опозорены, замѣшанные въ гнусномъ убійствѣ, и посажены въ тюрьму, наравнѣ съ мошенниками и ворами. Лучше бы убила она ихъ своими руками, если бы предвидѣла такое позорное дѣло, но все же она надѣялась и глубоко вѣрила, что сыновья ея не причастны въ этомъ преступленіи. Между тѣмъ, пока длилось дополнительное слѣдствіе, военный губернаторъ Ферганской области генералъ-майоръ Повало-Швыйковскій усиленно хлопоталъ о переводѣ этого дѣла изъ-подъ вѣдѣнія гражданскаго суда въ полевой военный; ходатайство его было уважено: беки преданы полевому суду.

Я навѣщалъ въ Маргеланской тюрьмѣ несчастныхъ и долго бесѣдовалъ съ ними. Трудно было представить себѣ, чтобы эти люди, столько лѣтъ безпорочно служившіе русскому правительству, были участниками преступленія. Мнѣ отъ души было жаль, глядя на похудѣвшее, грустное лицо Махмудъ-бека и Мирза-Пулса, которые судились за укрыватель-

[1]) Наша — наркотическое средство для куренія, сдѣланное изъ выжимковъ стеблей конопли.

ство преступленія. Я утѣшалъ ихъ, сколько могъ, но они и сами понимали, что значило преданіе ихъ военному суду. Мрачный сидѣлъ въ одиночной камерѣ Канчи-бекъ и все лишь молился Аллаху, соблюдая строгую уразу (постъ). Къ нему никого не допускали. Его сердце испытывало двойное горе: въ числѣ арестованныхъ былъ и его единственный сынъ Арсланъ-бекъ, сидѣвшій тоже въ тюрьмѣ, въ которой томились 21 киргизъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ таможенныхъ.

Судопроизводство происходило при закрытыхъ дверяхъ, нѣсколько дней длились пренія, судьями были командиры баталіоновъ подъ предсѣдательствомъ генерала Корниловича, которые вынесли смертный приговоръ девяти человѣкамъ и въ числѣ ихъ Канчи-беку и его сыну 12-лѣтнему мальчику, а Махмудъ, Мирза-Наясъ и другіе присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы.

Въ неописанномъ отчаяніи пріѣхала въ Маргеланъ „царица Алая", несмотря на дряхлость свою и измученную горемъ душу, явилась къ военному губернатору и валялась въ ногахъ у него, вымаливая помилованіе сыновьямъ и внуку...

Да, велико было горе матери, у которой судьба на глазахъ отнимала всѣхъ сыновей. Всѣ русскіе и туземцы были озадачены приговоромъ суда: ожидали полнаго оправданія бековъ, и вдругъ—смертная казнь. Всколыхнулось алайское населеніе, и стали ходить слухи, что киргизы намѣрены освободить осужденныхъ батырей.

Военный губернаторъ понялъ, что ему грозитъ опасность со стороны киргизъ, и усилилъ караулы. Вокругъ тюрьмы ходили патрули, а около его дома дежурили солдаты. Въ теченіе всего времени суда войска спали не раздѣваясь, дежуря по-очередно и имѣя при себѣ боевые патроны; но всѣ эти предосторожности были напрасны. Послѣ конфирмированія смертнаго приговора надъ Канчи-бекомъ и киргизомъ Полваномъ они оба были отвезены въ Ошъ, гдѣ и повѣшены 2-го марта 1895 года, въ виду своей родины, дорогого имъ Алая. На казнь изъ города Маргелана за 90 верстъ пріѣхалъ и генералъ Повало-Швыйковскій и руководилъ приведеніемъ въ исполненіе приговора суда. Принимая во вниманіе безпорочную службу Махмуда и Мирза-Наяса и несовершеннолѣтіе Арсланъ-бека, каторжныя работы имъ и смертная казнь послѣднему были замѣнены ссылкою въ Сибирь, по дорогѣ куда Махмудъ-бекъ, не выдержавъ тягости пути, умеръ.

Послѣ этого печальнаго событія датха пережила новую метаморфозу: мозгъ ея не выдержалъ тяжелаго горя; помѣшалась бывшая Алайская царица, и теперь, въ рубищѣ, не подпуская къ себѣ никого, сидитъ она и молится Аллаху о спасеніи души своего сына. Такимъ образомъ угасъ царственный родъ на Алаѣ, и со смертью датхи только разсказы объ ея быломъ могуществѣ и силѣ будутъ ходить изъ ущелья въ ущелье, разносимые батырями по ауламъ.

Жестокую ошибку сдѣлалъ новый военный губернаторъ Повало-Швыйковскій, исходатайствовавшій преданіе полевому суду всѣми любимыхъ бековъ. Какъ говорилъ губернаторъ, онъ это сдѣлалъ для поднятія русскаго престижа, будто-бы упавшаго. Жестоко ошибался генералъ; сарты и киргизы привыкли уважать русскія власти и упадка значенія русскихъ въ краѣ не замѣчалось.

Случайное убійство контрабандистами русскихъ объѣздчиковъ, какъ выяснилось слѣдствіемъ, хотѣвшихъ взять отступное съ киргизъ, было, несомнѣнно, совершено безъ вѣдома волостныхъ управителей. Они только испугались за отвѣтственность и донесли позже, чѣмъ слѣдовало, быть можетъ, провѣряя фактъ убійства. Да, они заслуживали наказанія,— но не казни-же. Какъ хлопотали за несчастныхъ бековъ и генералъ Корольковъ, и генералъ Іоновъ, и все русское населеніе Ферганы, это доказываетъ какою симпатіею пользовались осужденные. Нѣкоторыя дамы собирались даже послать телеграмму о смягченіи участи осужденныхъ Государынѣ Императрицѣ, но Повало-Швыйковскій зорко охранялъ намѣченный имъ планъ, онъ и противъ этого принялъ мѣры, запретивъ на телеграфѣ передавать подобныя депеши. Такимъ образомъ датха не могла дать телеграмму на Высочайшее имя съ мольбою о помилованіи ея сыновей. Но недолго остался вѣренъ себѣ новый губернаторъ. Послѣ рокового приговора совѣсть начала мучить его, онъ сталъ бояться озлобившагося населенія, и вотъ галлюцинаціи преслѣдуютъ его, ему кажется, что скопища киргизъ идутъ освобождать заключенныхъ бековъ, онъ, въ ужасѣ за свою безопасность, торопитъ казнь. Караулы усиливаются; около губернаторскаго дома сосредоточивается главная охрана — всѣ негодуютъ. Видя свою ошибку и что первый блинъ вышелъ комомъ, онъ послѣ казни Канчибека сразу перемѣнитъ свою политику и начинаетъ дѣйствовать въ

угоду туземному населенію, унижая значеніе русскаго и развращая въ этомъ отношеніи населеніе до того, что оно, бывшее въ полной покорности, во время его управленія областью рѣшилось поднять вооруженную руку на русскихъ солдатъ.

Достойное наказаніе понесъ генералъ [1]), но еще большимъ наказаніемъ будетъ служить ему память, которую онъ оставилъ по себѣ въ области, да 21 убитыхъ, звѣрски зарѣзанныхъ сартами солдатъ 18-го мая 1898 года въ Андижанѣ [2]).

---

[1]) Генералъ-маіоръ Повало-Швыйковскій былъ по Высочайшему повелѣнію отрѣшенъ отъ должности и затѣмъ уволенъ въ отставку за то, что «среди глубокаго мира допустилъ нападеніе туземцевъ на русскія войска».

[2]) Въ ночь на 18 мая 1898 г. въ г. Андижанѣ вооруженныя скопища сартовъ напали на роты 20-го Туркестанскаго линейно-кадроваго баталіона, когда всѣ люди спали, утомленные знойнымъ днемъ и учебною стрѣльбою. Туземцы, руководимые Ишаномъ, объявившимъ Газовать (священную войну), стали рѣзать сонныхъ солдатъ. 21 линеецъ были зарѣзаны на мѣстѣ и кромѣ того многіе были ранены. Къ счастью, въ лагерѣ находился офицеръ, подпоручикъ Карселадзе; онъ быстро собралъ людей, разломалъ пороховой погребъ, добылъ патроны и отбилъ нападавшихъ, за что и награжденъ орденомъ Св. Владиміра съ мечами и бантомъ, а 10 нижнихъ чиновъ—георгіевскими крестами.

БИБЛІОТЕКА
178 пѣх. Виленскаго полка

V.

Кизиль-Артское ущелье. Юсуфъ-керекешъ. Іюньская зима. Перевалъ Кизиль-Артъ. Казачьи продѣлки.

Медленно движется длинная вереница сѣрыхъ, утомленныхъ солдатъ, пробирающихся между большими каменными глыбами и поднимающихся вверхъ по Кизиль-Артскому ущелью. Это ущелье врѣзывается узкою щелью въ Заалайскій хребетъ, поднимаясь отъ Алайской долины къ перевалу Кизиль-Артъ, и затѣмъ съ вышки его снова спускается въ долину рѣки Марканъ-су. Шумя и пѣнясь, бѣжитъ навстрѣчу идущимъ горная рѣчка Кокъ-сай, затѣйливо извиваясь между камнями и утесами и тѣмъ еще болѣе затрудняя и безъ того нелегкое движеніе отряда. Чуть проходимая тропа вьется, круто поднимаясь вверхъ и часто пересѣкаемая быстрою рѣкой, представляетъ собою немалое препятствіе для движущагося обоза и пѣхоты, не говоря уже про совьючившуюся артиллерію, которой особенно тяжело было пробираться въ этихъ мѣстахъ.

19-го іюня погода была пасмурная, облака почти спустились на землю и казалось, что вотъ-вотъ коснешься ихъ головою. Дорога, благодаря небольшой ширинѣ и нагроможденнымъ всюду камнямъ, была чрезвычайно неудобна. Вьюки поминутно задѣвали за большіе обломки скалъ, лежащіе на протяженіи всего пути, обрывались и падали, такъ что бѣдные солдаты положительно выбивались изъ силъ, поминутно перевьючивая лошадей. Часамъ къ восьми поднялся холодный вѣтеръ, облака совершенно спустились на землю, снѣжная крупица стала гуще падать и немилосердно бить въ лицо, но вскорѣ повалилъ сначала мелкій, а затѣмъ крупный снѣгъ. Закрутилась мятель, кругомъ не видно ни зги. Спереди, сзади, съ боковъ—все бѣло, все несется въ какомъ-то фантастически-ужасномъ вихрѣ. Идти приходилось положительно ощупью, наобумъ выбирая дорогу. Измокшіе и прозябшіе солдаты, одѣтые по-лѣтнему, старались

быстрою ходьбою хоть немного разогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Но, несмотря на всю неприглядную и тяжелую обстановку, въ нашемъ солдатѣ сказывался бодрый, свѣжій, не унывающій русскій духъ, тотъ духъ, который руководилъ имъ и при переходѣ черезъ Балканы, и въ альпійскихъ походахъ Суворова. Вотъ, подъ большимъ камнемъ, немного прикрывающимъ собою отъ снѣга и вѣтра, собралась кучка измокшихъ и иззябшихъ солдатъ. Какъ ни въ чемъ не бывало закручиваются „цыгарки“, и, вслѣдъ за подбадривающимъ табачнымъ дымкомъ, слышатся солдатскіе остроты и разговоры:

— Ну, что, братцы, совсѣмъ зимушка-то рассейская, смотри: всѣ уши залѣпило,—говоритъ одинъ.

— А въ Маргеланѣ-то, поди, теперь солдаты лежатъ себѣ да фрухтой разной обжираются,—добавляетъ другой солдатъ, выколачивая о каблукъ трубку.—И не пойму, для ча это насъ повели сюды, кому нужны эти гали (камни),—пропади они совсѣмъ, ишь сапожишки о нихъ, проклятыхъ, размочалилъ,—прибавляетъ онъ, разсматривая свои изорванные и никуда уже негодные сапоги.

Но недолго длится привалъ; раздается команда. Медленно, какъ будто нехотя, подымаются со своихъ мѣстъ солдаты и снова безмолвно лѣзутъ впередъ, навстрѣчу разсвирѣпѣвшей стихіи. Какъ ни хотѣлось бы подольше отдохнуть, но положительно нѣтъ физической возможности дѣлать болѣе или менѣе продолжительные привалы въ такую погоду, когда даже во время ходьбы холодъ пронизываетъ до костей, а попадающій за воротникъ снѣгъ, тая, холодными струйками бѣжитъ по спинѣ. Но, вотъ, послѣ полудня, снѣгъ мало-по-малу началъ стихать, туманъ разсѣялся, и дорогу можно было уже различать на довольно далекое разстояніе.

Люди и обозъ страшно растянулись, и кое-гдѣ, между камней, мелькали вяло идущіе, измученные солдаты и вьючныя лошади, сопровождаемыя керекешами. Несчастныя существа эти керекеши—просто жаль смотрѣть на нихъ. Оборванные, притомъ вѣчно голодные, находящіеся въ полной зависимости отъ своихъ караванбашей и, конечно, страшно эксплоатируемые ими, они къ окончанію похода превращались просто въ нищихъ. Съ какою грустью и отчаяніемъ на лицѣ приходили многіе изъ нихъ къ офицерамъ, заявляя плачевнымъ тономъ: „тюра, тюра, алаша кунчалъ!“, то есть, что лошадь, не вы-

Киргизки въ праздничномъ нарядѣ.

неся тяжести вьюка, пала. Часто приходилось слышать такія восклицанія, но кому же какое дѣло до чужого горя?

Грустно ступаетъ ногами въ жалкихъ изорванныхъ оберткахъ, рядомъ съ своею лошадью, керекешъ Юсуфъ; невесело у него на душѣ. Весь въ лохмотьяхъ, въ просаленомъ и рваномъ халатѣ, чрезъ который холодный вѣтеръ пронизываетъ насквозь его иззябшее отощалое тѣло.

Заложивъ руки за спину съ вывороченными ладонями наружу, медленно поднимается Юсуфъ по узкому ущелью.

И для чего я пошелъ въ этотъ походъ, думаетъ онъ,—хоть плохо, бѣдно жилось дома, а все какъ ни на-есть свой уголъ былъ, а теперь живешь, какъ собака, не зная отдыха, не имѣя пищи и крова. Э-эхъ плохо — яманъ, вздохнулъ Юсуфъ и покосился на лошадь. Бѣдное животное со сплошною раною на спинѣ, на которую безжалостно было положено поверхъ чомы [1]) 9 пудовъ казеннаго груза, вытягивая шею и низко опустивъ голову, напрягая всѣ силы, тащилось въ гору.

Жаль стало Юсуфу лошадь и онъ, подойдя къ ней, сталъ рукою подпирать накренившійся на одну сторону вьюкъ. Лошадь кряхтѣла и время отъ времени останавливалась. Останавливался и Юсуфъ, не въ силахъ былъ онъ подгонять усталое животное, онъ самъ шелъ пѣшкомъ и испытывалъ сильную усталость, и ему понятно было, что лошадь съ вьюкомъ въ 9 пудовъ тоже устаетъ, да кромѣ того два дня подрядчикъ выдавалъ только половинную порцію ячменя, а травы нигдѣ не было.

Юсуфъ былъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и характера мягкаго, лошадей онъ любилъ, такъ какъ съ малолѣтства занимался извозомъ, и видя теперь муки своего работника, онъ испытывалъ что-то вродѣ страданія—ему очень хотѣлось бы помочь своей „алача“ но какъ? чѣмъ?—онъ самъ измученъ, истощенъ и нравственно подавленъ,—гдѣ ему помочь кому бы то ни было. Лошадь остановилась и не шла.

Чего сталъ, ей!—раздался голосъ казака, сопровождавшаго транспортъ,—ей, шайтанъ!—выругался казакъ, видя, что керекешъ медлитъ

[1]) Чома — туземное вьючное сѣдло.

и не успѣлъ обернуться Юсуфъ, какъ почувствовалъ, что его точно ожгло чѣмъ-то по лицу, искры брызнули изъ глазъ и онъ схватился за лицо.

„Какой нехорошій народъ эти казаки„, подумалъ несчастный сартъ. Онъ не выругался, не закричалъ даже, только двѣ крупныя слезы навернулись на его глаза и онъ сквозь нихъ, какъ будто сквозь замерзшее стекло, увидѣлъ казака, расправлявшагося съ другимъ керекешемъ. Лошадь, казакъ, идущіе солдаты—все какъ-то скривилось передъ глазами Юсуфа, а въ груди стало какъ-то неловко, что-то подступало къ горлу и бѣдный керекешъ не выдержалъ — заплакалъ.

Тихо, какъ-то нехотя подошелъ онъ къ лошади, поправилъ вьюкъ и проговорилъ: айда!—Животное двинулось дальше. Шелъ и Юсуфъ возлѣ своего работника и весь ушелъ въ воспоминанія о прошломъ.

Вспомнились ему его сакля, его жена, его ребенокъ въ Ошѣ, какъ, бывало, онъ усталый послѣ утомительнаго дня отдыхалъ у себя въ саклѣ, а ему приготавливалась шурпа (супъ) или пловъ, когда заработокъ бывалъ хорошій, въ особенности во время покупки хлопка. Эхъ, если бы не Абду-Джалиль, отрядный подрядчикъ, обѣщавшій Юсуфу хорошую плату, онъ ни за что бы не пошелъ на Памиръ, вѣдь, вотъ, и лошадь пропала. Куда теперь годна она, спина вся въ ранахъ, ноги разбиты, сплечилась, а смотритъ-то какъ уныло, какъ будто съ жизнью прощается; поддался Юсуфъ увѣщаніямъ и пошелъ. —Чтожъ, утѣшалъ себя Юсуфъ, вѣдь быть можетъ, не обманетъ подрядчикъ, вѣдь онъ человѣкъ богатый, да и мусульманинъ,—и тутъ, на мгновеніе, забывъ всю тяжесть своего настоящаго положенія, Юсуфъ началъ рисовать разныя заманчивыя картины.

Ему представлялось его возвращеніе изъ похода, когда ему Абду-Джалиль заплатитъ 100 рублей. — Сто рублей, повторялъ полушепотомъ Юсуфъ эту небывалую для него сумму, да, вѣдь, это цѣлый капиталъ, на который я такую саклю построю, что всѣ кишлачники ахнутъ, да арбу заведу, лошадку куплю хорошую рублей за 40, эхъ, да женѣ и себѣ на халатъ еще останется. Буду ѣздить въ новой арбѣ не съ товаромъ, а съ баями [1]), которые такъ много платятъ, пловъ буду каждый день ѣсть, какъ богатые арбакеши на базарѣ, ну и

[1]) Бай — купецъ, богатый.

оставаться на черный день будетъ много. — Юсуфъ даже подпрыгнулъ отъ радости, такъ легко стало у него на душѣ.

Между тѣмъ обозъ подходилъ къ горной рѣчкѣ. Сильныя воды ея какъ будто кипѣли, пѣнились, ударяясь о камни и наполняли воздухъ такимъ шумомъ, что невозможно было слышать самаго сильнаго крика въ нѣсколькихъ шагахъ.

Одно за другимъ покорно спускались вьючныя животныя въ холодную воду и, медленно ступая по каменистому дну, съ трудомъ передвигали ноги противъ теченія, ежеминутно рискуя быть сбитыми съ ногъ и унесенными водою. Двигались они одно за другимъ, по направленію къ противоположному берегу, ободряемыя криками солдатъ и керекешей. Вотъ и Юсуфъ со своею лошадью у рѣки. Захрапѣло животное и попятилось.—Айда, айда! —ободрялъ ее Юсуфъ, но лошадь не шла, только глаза ея выражали какой-то особенный страхъ.

Нѣсколько лошадей обошло Юсуфа и спустилось въ воду. Подъѣхалъ завѣдывающій обозомъ офицеръ.

— Это что? чего она не идетъ? Ей, Петренко,—крикнулъ онъ казаку, всынь-ка ей нагайки, да этому болвану тоже, что онъ тутъ стоитъ, только дорогу загораживаетъ!

Керекешъ не понималъ, что это относится до него и, видя гнѣвъ начальника, началъ старательно дергать упиравшуюся лошадь за недоуздокъ, а казакъ въ это время неистово стегалъ ее по крупу.

Попыталось было животное лягнуть своего мучителя, но тяжесть вьюка не давала ей даже чуть-чуть приподнять обѣ заднія ноги и ея порывъ выразился въ какомъ-то судорожномъ движеніи корпуса, а нагайка продолжала дѣлать свое дѣло.

Отъ боли и отчаянія лошадь шарахнулась впередъ, на мгновеніе остановилась въ нерѣшительности и, какъ-бы боясь новыхъ мученій, вдругъ спустила въ воду переднія ноги и погрузилась въ рѣку. Юсуфъ полѣзъ за ней.

Вотъ вода уже выше колѣнъ, онъ чувствуетъ, что его сноситъ, голова кружится отъ быстраго движенія воды и ему кажется, что все быстро несется назадъ и въ то же время онъ стоитъ на мѣстѣ. Вотъ что-то больно ударило его по ногѣ,—ой! какъ больно,— подумалъ Юсуфъ и хотѣлъ рукой схватить за ногу, но вода была уже по

поясъ, онъ сильнѣе задвигалъ ногами, но ноги его не могли осилить воды и его отнесло назадъ, онъ собралъ всѣ силы и ринулся впередъ, желая схватить рукою конецъ болтавшагося аркана отъ его вьюка.

Вдругъ что-то сильное толкнуло его и понесло.—Онъ не понималъ, что съ нимъ, и чувствовалъ только что несся куда-то далеко, далеко. Два раза мелькнула передъ его глазами голова его лошади и больше онъ ничего не видѣлъ.

А тамъ на берегу раздавались крики:—держи, утонулъ! Лошадь то лови! соль на ней,—разойдется!

И цѣлая толпа солдатъ и керекешей бросилась ловить тонущую лошадь, спасая драгоцѣнную въ отрядѣ соль, а объ Юсуфѣ всѣ какъ будто и позабыли, вспомнили о немъ лишь тогда, когда отъ него и слѣда уже не было.

Памятью о немъ только въ карманѣ подрядчика остались тѣ сто рублей, о которыхъ такъ мечталъ бѣдный керекешъ.

И много такихъ было въ отрядѣ Юсуфовъ.

Стало яснѣе, кругомъ все застлано бѣлою снѣжною пеленою, какъ бы накрыто одною сплошною скатертью и, благодаря этому, и безъ того мертвый пейзажъ получалъ видъ еще болѣе грустный и удручающій.

Пасмурны и недовольны лица у идущихъ солдатъ, какъ-то апатично переставляютъ ноги усталыя лошади, у каждаго на лицѣ можно прочесть одну мечту, одно лишь скромное желаніе — лечь и отдохнуть; еще только полчаса ходьбы и это осуществится.

Кто не бывалъ въ походахъ, а особенно въ горныхъ, тотъ не можетъ понять того восторга, подъема духа и прелести, какія доставляетъ усталому, измученному человѣку голубая струйка дыма бивуачной кухни, весело поднимающаяся змѣйкой къ облакамъ. Будь солдатъ изнеможенъ до послѣдней степени, онъ оживетъ, силы его возобновятся, какъ только онъ издали увидитъ этотъ соблазнительный бивуачный дымокъ. Но не только люди, даже лошади прибодряются, ощущая запахъ бивуака, и радостно ржатъ и рвутся изъ-подъ своихъ тяжелыхъ и неудобныхъ вьюковъ. Показался дымокъ. „Бивуакъ!"—раздается крикъ замѣтившихъ его. „Бивуакъ!"—разносится радостное извѣстіе по всѣмъ концамъ растянувшагося отряда, и всѣ, напрягая послѣднія силы, ста-

раются возможно скорѣе преодолѣть небольшое разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ желаемой цѣли.

Около кухоннаго котла уже сгруппировалась кучка подошедшихъ погрѣться солдатъ, ружья составлены въ козлы, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ подхода людей. Маленькій костеръ, сложенный изъ небольшого количества захваченнаго топлива, мигая, еле-еле горитъ, распространяя вокругъ себя ѣдкій дымъ тлѣющаго сырого „терескена“ [1]), но все же, несмотря на эту непріятность, каждый старается ближе протянуть къ нему свои окоченѣвшія руки. Кухонная прислуга, пришедшая раньше, поставила палатку, въ которую забрались офицеры, въ ожиданіи своихъ вещей и палатокъ.

Снѣгъ продолжалъ падать, но не въ такомъ обильномъ количествѣ, какъ во время перехода; вѣтра не было, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоставало и топлива. Подошедшіе люди были посланы собирать кизякъ, котораго находилось очень немного, да и тотъ намокъ и не горѣлъ. Уже подобралось порядочно народу, но обоза, конвоя его и арріергарда все еще не видно. Сидятъ люди подъ открытымъ небомъ, терпѣливо ожидая своихъ незатѣйливыхъ походныхъ хоромъ, а снѣгъ все сыплетъ, да сыплетъ.

Только спустя четыре часа подошелъ наконецъ и обозъ съ промокшими подстилочными кошмами, палатками и разными солдатскими вещами. Палатки мигомъ засѣрѣли на бѣломъ снѣжномъ фонѣ зимняго ландшафта, и прозябшіе солдаты стали, было, грѣть воду въ манеркахъ, но мокрый кизякъ не горѣлъ; такъ и пришлось лечь, не согрѣвшись чайкомъ.

„Хотя бы водочки выдали!“—ворчали солдаты, кутаясь въ мокрые тулупы и лежа на сырой кошмѣ, подъ промокшими палатками; но водка почему-то выдана не была, а супъ съ совсѣмъ недоваренымъ мясомъ поспѣлъ только къ первому часу ночи, и, конечно, разоспавшіеся люди такъ его и не поѣли, и онъ былъ вылитъ изъ котловъ завьючившейся съ разсвѣтомъ кухней.

Никогда еще такъ скоро не были стюкованы вещи и навьючены лошади, какъ на слѣдующее утро; къ тому же погода прояснилась,

---

[1]) Терескенъ—колючій мягкій кустарникъ, съ огромнымъ корнемъ, растущій въ изобиліи на Памирѣ, прекрасно горитъ, какъ въ сухомъ, такъ и въ сыромъ видѣ.

и сквозь сѣрые клочки снѣжныхъ облаковъ просвѣчивало голубое небо; удалось „согрѣть“ и чайники. Какимъ вкуснымъ показался на этотъ разъ черствый сухарь съ чаемъ, сильно попахивающимъ дымкомъ, съ какимъ наслажденіемъ пили всѣ его, начиная съ командира и кончая послѣднимъ керекешемъ.

Раздалась команда: „въ ружье!“ и отрядъ тронулся, круто поднимаясь на перевалъ Кизиль-Артъ.

Тяжело дышется на высотѣ 14.000 футовъ, часто останавливаются солдаты запыхавшись, захватывая полною грудью, какъ вытащенная изъ воды рыба, разрѣженный воздухъ. Круто поднимается узенькая тропа, заваленная камнями; справа обрывъ, на днѣ котораго бѣжитъ рѣчка Кокъ-сай, извиваясь между гранитными утесами. Перевалъ покрытъ снѣгомъ, кругомъ не видно ни деревца, ни кусточка — все сѣро, пустынно и мрачно.

Часто попадаются то съ правой, то съ лѣвой стороны тропинки, трупы лошадей и верблюдовъ, многіе изъ нихъ уже совершенно истлѣвшіе.

Вотъ двое солдатъ добираются уже до вышки, за ними карабкается еще небольшая кучка. Остановились и смотрятъ вверхъ.

— „А што, братцы, вотъ и на небо сичасъ запрыгну,—шутитъ одинъ изъ нихъ.—Смотри, робята!—и онъ съ крикомъ „ура!“ бросается впередъ, карабкаясь по снѣгу, и вмигъ взбирается на вершину перевала. Но тутъ силы покидаютъ его, и онъ, въ изнеможеніи, переводя духъ, садится на снѣгъ.

— Ну, и гора! Ну, и горища, дьяволъ тя побери! — говоритъ другой, остановившись и тяжело дыша, глядитъ вверхъ на скрывающуюся въ облакахъ всю вершину перевала, разражаясь при этомъ цѣлымъ потокомъ крѣпкихъ русскихъ словечекъ, и, какъ будто облегчивъ себя этимъ, ползетъ далѣе, работая руками и ногами...

Вышка перевала значительно поднимается надъ окрестными вершинами, и чудный видъ открывается передъ глазами: съ боковъ вершины горъ угрюмо и мрачно стоятъ у подножія перевала, а спереди зіяетъ крутой обрывъ, въ концѣ котораго виднѣется долина рѣки Маркань-су, и всѣ, видя себя выше окружающихъ вершинъ, невольно испытываютъ одинаково радостное чувство оттого, что забрались такъ высоко, выше облаковъ, въ которыхъ еще вчера проходили. Зады-

мились „цыгарки“ и трубки, и вчерашняго настроенія какъ-бы не бывало; всѣ веселы, шутятъ, и кто-то было затянулъ пѣсню, но, не встрѣтивъ, однако, поддержки, оборвалъ ее и замолкъ.

— Ну, что, отдохнули, братцы?—спрашиваетъ подъѣхавшій офицеръ.

— Еще-бы маленько, ваше благородіе,—какъ-бы сговорившись, отвѣчаютъ солдаты.

— Ну, садись!

И самъ онъ слѣзаетъ съ лошади и садится на камень.

— Спасибо тебѣ, перевалушко, — шутитъ солдатъ, отдирая уцѣлѣвшіе лоскутья подошвъ,—удружилъ ты намъ сегодня, да и себя не забылъ, ишь подметки да подборы себѣ на память оставилъ!

Всѣ хохочутъ.

Спускъ въ долину рѣки Марканъ-су довольно крутъ и извилистъ, но подъ гору идти не то, что въ гору, а потому чуть не бѣгомъ спускаются солдаты, перегоняя одинъ другого, и, перейдя въ бродъ рѣку, идутъ по глубокому песку, вдоль по широкому ущелью, окаймленному невысокими, покрытыми снѣгомъ, горами.

Тяжело было идти, послѣ труднаго перевала, по рыхлой песчаной дорогѣ, а тутъ еще высота 12.000 футовъ сильно отзывалась на непривыкшихъ къ разрѣженному воздуху людяхъ. Встрѣчный вѣтеръ, несущій цѣлыя облака пыли, также сильно препятствовалъ движенію отряда, такъ что люди и лошади, тяжело дыша, еле тащили ноги. По пути поминутно попадались отдыхавшіе солдаты, грустно сидѣвшіе, безъ обычной болтовни, протирая отъ пыли глаза и уши. Воды не было—рѣка осталась позади.

Вотъ одинъ тщедушный, выбившійся изъ силъ молоденькій вольноопредѣляющійся захватился за болтающійся конецъ вьючной веревки и машинально переступаетъ ногами, буксируемый лошадью и не замѣчаетъ, какъ та, прижимая уши и скаля зубы, намѣревается лягнуть его, чтобы отдѣлаться отъ лишняго груза; но вьюкъ не даетъ ей привести въ исполненіе свое намѣреніе, и животное, въ безсильной злобѣ, покоряется своей участи.

— А что, землякъ, усталъ? — раздается сочувственный голосъ казака:—садись ко мнѣ! — и онъ сдвигается на крупъ лошади и сажаетъ юношу въ сѣдло.

Вообще казаки во время Памирскаго похода съ жалостью относились къ пѣхотѣ, на долю которой доставалось болѣе тягости, чѣмъ другимъ родамъ оружія. Казаки, бывало, то и дѣло сажаютъ на свою лошадь измученнаго линейца, а сами идутъ пѣшкомъ, солдатикъ же съ блаженной улыбкой отдыхающаго человѣка покачивается на спинѣ казачьяго мастачка.

Еще одно замѣчательное свойство оренбуржцевъ: во все время похода они никогда ни въ чемъ не нуждались. Какими-то способами они доставали себѣ всегда все необходимое, тогда какъ пѣхота изнывала отъ жажды и голода.

Идетъ казачья сотня, а между лошадьми, семеня ногами, бѣжитъ баранъ, привязанный за шею чумбуромъ, а иной разъ и цѣлая корова.

— Откуда, такія вы, сякія дѣти, набрали скота?—кричитъ офицеръ.

— Пристали по дорогѣ самъ, ваше благородіе!—отвѣчаютъ казаки, и офицеръ, удовлетворенный поясненіемъ, успокаивается.

Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сценки. Ѣдетъ керекешъ, апатично сидя на своемъ вьючкѣ, и цѣлая вереница завьюченныхъ бѣлыми сухарями [1]) лошадей слѣдуетъ за нимъ, связанная въ одну линію хвостъ съ поводомъ. Сидитъ керекешъ и поетъ пѣсню, а казакъ, живо смекнувъ, что, молъ, время терять нечего, соскочилъ съ мастака, вынулъ шашку да и ткнулъ ею снизу въ одинъ изъ каповъ. Сухари одинъ за другимъ посыпались на землю, а казакъ, подбирая ихъ, складывалъ въ торбу. Когда торба была наполнена, онъ привязалъ ее къ сѣдлу и крикнулъ по-киргизски керекешу:

— Ей, уртакъ (землякъ), ты такъ всѣ сухари растеряешь!— и при этомъ указалъ на валявшіяся лепешки.

Соскочилъ киргизъ, увидалъ дыру въ мѣшкѣ, покачалъ головою и давай ее завязывать, а казака благодаритъ и суетъ ему въ награду два сухаря, приговаривая:—„Казакъ якши, казаку силяу (награду) бирямаъ (даю)“.—„Якши, якши“,—поддакиваетъ казакъ, пряча за пазуху сухари, и похлопываетъ по плечу керекеша. Другой разъ случай былъ еще характернѣе. Это было около бивуака, когда отрядъ проходилъ мимо юртъ отряднаго подрядчика. Около одной изъ нихъ кир-

[1]) Т. е. сартовскими лепешками, заготовленными для подрядчика и его прислуги, такъ какъ туземцы русскихъ сухарей не ѣдятъ.

гизъ возился надъ приготовленіемъ плова (это было въ то самое время, когда солдаты ужасно голодали, а подрядчикъ неимовѣрно наживался). Уже закрылъ киргизъ крышкой котелъ и огонь выгребъ — поспѣлъ значитъ. Проѣзжаетъ мимо оренбурженъ.

— Ей, уртакъ, айранъ барма [1])?—кричитъ казакъ киргизу.

— Хазыръ, хазыръ, таксыръ [2]),—отвѣчаетъ киргизъ и уходитъ въ юрту. А казакъ скокъ съ лошади, да къ котлу. Снялъ крышку и вывалилъ весь плавъ, часть въ фуражку, а часть въ манерку, закрылъ снова пустой котелъ крышкой, сѣлъ на коня, да и былъ таковъ. Все это было сдѣлано съ поразительною быстротою и ловкостью.

Выходитъ киргизъ съ чашкою, наполненною айраномъ, и, не видя казака, угощаетъ подошедшихъ пѣхотныхъ солдатъ.

— Айранъ якши [3])?—скаля свои жемчужные зубы, спрашиваетъ онъ линейца.

— Якши, якши! — хлопая по плечу киргиза, отвѣчаетъ солдатъ и продолжаетъ свой путь, а киргизъ идетъ къ котлу посмотрѣть на приготовленное кушанье, осторожно снимаетъ крышку и замираетъ съ нею въ рукахъ...

А между тѣмъ на бивуакѣ цѣлый кружокъ солдатъ и казаковъ сидятъ на землѣ, ѣдятъ да похваливаютъ „сартовскую палаву“. И сколько такихъ случаевъ можно было наблюдать надъ казаками за походъ и зимовку на Памирахъ.

По этому поводу я однажды имѣлъ разговоръ съ однимъ есауломъ и критиковалъ поведеніе оренбурженъ, удивляясь, что казачьи офицеры легко относятся къ нижнимъ чинамъ за ихъ продѣлки.

— А знаете, что я на это вамъ скажу,—объяснилъ есаулъ,—что я, напримѣръ, никогда не вздую казака, если онъ украдетъ, да не попадется. Съ такимъ, который только одними казенными харчами довольствуется, пропадешь въ походѣ. Возьмите-ка да посмотрите на нашу службу — гоняютъ, гоняютъ, отдыха не даютъ, интендантство фуража не доставляетъ, а подлецъ подрядчикъ только о барышѣ думаетъ; вѣдь сами знаете, какъ вашъ солдатъ голодаетъ, а коли стя-

---

[1]) Земляк, есть-ли кислое молоко съ водой (питье)?

[2]) Сейчасъ, сейчасъ, баринъ.

[3]) Айранъ хорошъ?

нетъ что-нибудь, такъ у васъ его сейчасъ — подъ судъ, а у насъ немного проще: укралъ да попался — нагайкой отхлещемъ, а не попался — твое счастье. Вотъ намедни, когда мы на рекогносцировку ходили, вѣдь трое сутокъ сломя голову шли, корма подножнаго — хоть бы травинка, и ячменя интендантъ, чтобъ ему пусто было, видите-ли, опоздалъ доставить. Я для своего коня запасъ ячменя берегъ въ курджумахѣ, какъ золото, и въ палаткѣ вмѣсто подушки подъ голову клалъ. Просыпаюсь это я, гляжу, а половины ячменя нѣтъ! Выкрали подлецы, изъ-подъ головы своего сотеннаго командира выкрали, а что подѣлать? Такъ у насъ ужъ поставлено дѣло, что заставляютъ казака красть—ничего не подѣлаешь.

И есаулъ былъ правъ.

Еще верстъ шесть протянулся отрядъ ущельемъ, затѣмъ поворотилъ вправо, и вдругъ передъ нашими глазами открылась огромная равнина, окруженная кольцомъ совершенно бѣлыхъ, снѣговыхъ горъ, среди которыхъ блестѣло озеро Кара-куль, на южной сторонѣ котораго была назначена завтрашняя стоянка отряда.

— Ну, ребята, завтра мы значитъ на эфту самую Памиру зайдемъ! Самъ слышалъ, какъ ротный господамъ сказывалъ!—сообщаетъ солдатъ собравшейся кучкѣ товарищей, и всѣ довольны, что наконецъ добрались до Памира, но никто не думаетъ о томъ, сколько ему еще предстоитъ впереди погулять по этой каменной, горной пустынѣ и натерпѣться всякихъ невзгодъ.

VI.

Смерть Тилли-добровольца. Музъ-куль. Перевалъ Акъ-Байталъ. Въ аулъ за молокомъ. Ночная рекогносцировка.

— Осмѣлюсь доложить!

— Что такое? — спросилъ я просунувшаго голову въ палатку унтеръ-офицера Бѣлова.

— Тилля умираетъ, пожалуйте въ лазаретъ, докторъ проситъ!

Я вскочилъ и бѣгомъ пустился къ лазаретной юртѣ. Я былъ дежурнымъ по баталіону, а потому меня и позвалъ докторъ. Тилля былъ довольно замѣчательная личность. Онъ былъ простымъ сартомъ и когда-то служилъ у меня малайкой (лакеемъ), всегда отличался влеченіемъ ко всему русскому и даже охотно носилъ русскій костюмъ. Это былъ рослый, здоровый сартенокъ, съ сильной мускулатурой, весьма неглупый и расторопный. Когда былъ объявленъ Памирскій походъ, ему во что бы то ни стало захотѣлось поступить солдатомъ въ отправляющійся на Памиры отрядъ. Недолго думая, онъ явился къ командиру баталіона и изложилъ ему свою просьбу; но такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ сартъ въ военную службу не принимался и законоположеній на случай поступленія узбековъ добровольцами въ русскую армію не было, то командиръ отказалъ Тиллѣ въ принятіи его добровольцемъ. Однако, сартенокъ не потерялъ энергіи и явился съ той же просьбой къ начальнику отряда, Іонову, который прямо отвѣтилъ ему, что сартовъ въ военную службу не принимаютъ. Потерпѣвъ и здѣсь неудачу, Тилля отправился къ губернаторскому дому и дождавшись, когда командующій войсками выходилъ, чтобы сѣсть въ коляску, подалъ генералу прошеніе и еще разъ изложилъ лично свою просьбу. Послѣ этого, черезъ нѣсколько дней, состоялся приказъ о зачисленіи Тилли рядовымъ во 2-й Туркестанскій линейный баталіонъ. Очень

скоро усвоилъ молодой солдатъ все, что требуется отъ рядового, и выступилъ въ походъ уже совершенно готовымъ солдатомъ, ничѣмъ не уступавшимъ старослужащимъ. Службу Тилля несъ исправно, порученія исполнялъ точно и сразу попалъ на хорошій счетъ у ротнаго командира.

Первое время, когда, бывало, онъ сильно уставалъ во время тяжелыхъ переходовъ, солдаты посмѣивались надъ нимъ.

— Что, сартъ, ноги не идутъ!—говорили они.

— Ничего, пойдутъ!—отшучивался Тилля и догонялъ товарищей.

Только при подъемѣ на перевалъ Кизиль-Артъ съ нимъ случилось странное явленіе. До самой вышки онъ бодро шелъ, много шутилъ и дышалъ почти свободно, когда прочіе солдаты задыхались.

— Ишь сарту духу хватаетъ!—ворчали они.

Но только поднялся Тилля на перевалъ, какъ кровь хлынула у него изъ горла, онъ лишился чувствъ и съ полчаса пролежалъ въ безсознательномъ состояніи. Фельдшеръ кое-какъ помогъ несчастному добровольцу, и онъ, придя въ себя, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился дальше, такъ что даже и въ околотокъ не явился. Только вдругъ, придя на южный берегъ озера Кара-куль, гдѣ всѣ жаловались на сильное удушье, благодаря высотѣ 13.300 футовъ, Тилля началъ задыхаться, и съ нимъ случился второй припадокъ, заставившій солдатъ внести его въ лазаретъ.

Теперь онъ умиралъ. Когда я вошелъ въ лазаретную юрту, то увидѣлъ передъ собою полунагого человѣка. Я узналъ сейчасъ же Тиллю, хотя онъ сильно измѣнился. Лицо его было синебагроваго цвѣта, глаза какъ-то странно вытаращены, изо рта текла пѣна, а руки были согнуты кулаками къ груди. Онъ сильно хрипѣлъ и конвульсивно дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я доктора.

— Сейчасъ будетъ готовъ,—сказалъ онъ мнѣ,—доложите начальнику отряда—параличъ легкихъ. И чего было брать его въ походъ, жилъ бы себѣ въ малайкахъ, а тутъ вотъ...—покачалъ онъ головою.

— Высоты не вынесъ?—спросилъ я.

— Да, конечно, шутка-ли такіе переходы, на 14.000 футахъ, погодите, это еще цвѣточки,—указалъ онъ на умирающаго,—ягодки еще впереди, много будетъ такихъ...

Вдругъ умирающій какъ будто немного приподнялся и, издавъ страшный крикъ, какъ-то сильно захрипѣлъ и опрокинулся на подушку; руки его повисли, и одна спустилась на землю; онъ сразу осунулся и сдѣлался какимъ-то особенно маленькимъ, какъ будто провалился въ кровать.

—Готовъ,—сказалъ докторъ, взявъ руку несчастнаго охотника, и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:—идите докладывайте.

Я вышелъ изъ юрты и направился къ дежурному по отряду.

Похоронили мы Тиллю съ воинскими почестями. Мулла изъ ближайшаго аула отчиталъ умершаго; надъ могилой его киргизы поставили памятникъ, сложенный изъ каменьевъ, и завалили его архарьими рогами.

— Да, едва вошелъ отрядъ въ область Памира, а жертва уже есть,—подумалъ я, направляясь послѣ похоронъ Тилли въ свою палатку, а съ бивуака доносилась солдатская пѣсня; и гдѣ-то гремѣла гармоника, неизбѣжная спутница русскаго воина. Иной разъ каждая пуговица кажется тяжелѣе чугунной гири, и солдатъ со злобой срываетъ ее прочь, а гармоника неизмѣнно треплется за его спиною, и лишь только придетъ измученный солдатъ на бивуакъ, поставитъ палатку и не успѣетъ еще отдохнуть, а ужъ гармоника заливается, наигрывая неизбѣжную „Матаню“.

Кара-куль лежитъ на высотѣ 13.000 футовъ; это большое озеро съ горько-соленою водою и мертвыми солонцеватыми берегами, окаймлено кольцомъ снѣговыхъ горъ. Среди озера, ближе къ сѣвернымъ берегамъ его, тянется довольно большой, скалистый островъ, съ такою же мертвою природою, какъ и берега самаго озера. Мнѣ захотѣлось пробраться на этотъ островъ, тѣмъ болѣе, что мѣстные киргизы увѣряли, что еще ни одинъ европеецъ не проникалъ туда.

Приказавъ сложить парусиную лодку, я взялъ двухъ рядовыхъ охотничьей команды, и мы поплыли по озеру.

Воды его, казалось, впервые носили на поверхности своей судно и словно сердито морщились, уступая человѣческой силѣ. На зеркальныхъ водахъ озера плавало множество водяной птицы, которая близко подплывала къ лодкѣ, съ удивленіемъ поглядывая на насъ. Стайка гусей подплыла почти на 8 шаговъ, и я, схвативъ ружье, приложился и выстрѣлилъ. Громъ выстрѣла глухо пронесся надъ водою и замеръ,

подхваченный эхомъ въ ущельяхъ окружныхъ горъ. Одинъ гусь былъ убитъ, и тѣло его мѣрно колыхалось на поверхности озера; прочіе, поднявшись, отлетѣли немного въ сторону и спустились на воду. Настрѣлявъ множество дичи, мы пристали къ острову, и я принялся за съемку его. Это былъ голый, скалистый островъ, сплошь усѣянный утиными гнѣздами, въ которыхъ находились еще неоперившіеся птенчики. Нанеся островъ на планшетъ, я съ богатой добычей вернулся въ отрядъ, гдѣ вечеромъ всѣ съ аппетитомъ ѣли вкусную, жареную птицу.

Позднѣе, въ 1894 году, шведскій путешественникъ Свенъ-Хединъ пробрался на этотъ островъ по льду зимою и произвелъ его промѣры.

По берегамъ озера въ обильномъ количествѣ ростетъ небольшими кусточками терескенъ. Это растеніе представляетъ собою великолѣпное и единственное топливо въ Памирѣ, оно одинаково хорошо горитъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ сухомъ видѣ, а также иногда, за неимѣніемъ подножнаго корма, служило пищею для отрядныхъ лошадей. Терескенъ представляетъ собою небольшой колючій кустикъ съ зеленооранжевыми, мясистыми листочками, имѣющими большое сходство съ листьями барбариса, и съ толстымъ, короткимъ корневищемъ, неглубоко сидящимъ въ рыхлой, солонцеватой почвѣ. На Памирахъ его такое множество, что нѣкоторыя долины на протяженіи многихъ десятковъ верстъ сплошь покрыты этимъ растеніемъ, безъ котораго жутко пришлось бы отряду среди снѣговъ и бурановъ Памира.

— Господа,—сказалъ намъ за ужиномъ П.,—доставайте-ка на завтрашній день потеплѣе одежду, на такое мѣстечко придемъ, просто бѣда!

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Да на Музъ-куль [1]), гдѣ Бржезицкій китайцевъ поролъ; тамъ ужасные морозы.

И дѣйствительно, капитанъ былъ правъ. Лишь только мы спустились въ долину ледяного озера, какъ на насъ повѣялъ холодный вѣтеръ, и вскорѣ морозъ защипалъ носъ и уши. Дневка была необходима, такъ какъ впереди предстоялъ перевалъ Акъ-Байталъ въ 15.700 футовъ, но на Музъ-кулѣ оставаться было немыслимо. Іюнь-

[1]) Музъ-куль—ледяное озеро.

ская зима давала себя чувствовать, морозъ становился все сильнѣе, а вѣтеръ усиливался до того, что отрядъ, несмотря на сорокапятиверстный переходъ, отодвинулся еще на 10 верстъ и сталъ бивуакомъ подъ переваломъ на берегу рѣчки Чонъ-су. Тутъ съ памирскимъ отрядомъ случилась большая непріятность: онъ потерялъ много лошадей, которыя моментально издыхали безъ видимой тому причины.

Мы просто недоумѣвали, отчего появилась такая смертность на лошадей. Дохли преимущественно сартовскія и русскія лошади, киргизскіе же мастачки оставались невредимыми.

Совершенно случайно вопросъ этотъ разрѣшился. Проѣзжалъ мимо отряда киргизъ изъ ближайшей кочевки и, увидя дохлыхъ лошадей, сказалъ керекешамъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подъ переваломъ Акъ-Байталъ растетъ трава „ат-улды“ (т. е. лошадиная смерть); достаточно, чтобы лошадь съѣла самое небольшое ея количество, какъ она моментально околѣетъ, между тѣмъ киргизская лошадь никогда не будетъ ѣсть этой травы. Киргизъ указалъ еще нѣсколько такихъ же, гибельныхъ для лошадей, мѣстъ, лежавшихъ на пути слѣдованія отряда, и тамъ отрядныя лошади не пускались на подножный кормъ, а кормились ячменемъ изъ запасовъ, заготовленныхъ интендантствомъ.

Перевалъ Акъ-Байталъ (15.700 ф.) доставилъ немало затрудненія отряду. Подъемъ его со стороны Музъ-куля чрезвычайно крутъ, хотя и не очень продолжителенъ, затѣмъ переходитъ въ небольшой отлогій спускъ по гребню и, образуя сѣдловину, сразу опять поднимается на 2.000 футовъ, а съ этого мѣста начинается крутой и неудобный спускъ къ рѣкѣ Акъ-Байталъ. Здѣсь особенно давалъ себя чувствовать разрѣженный воздухъ, и только нѣкоторая привычка, уже пріобрѣтенная людьми, способствовала отряду къ болѣе или менѣе успѣшному преодолѣнію этой заоблачной преграды, но зато тяжело навьюченные верблюды и лошади сильно страдали, ежеминутно развьючивались и падали. Солдаты положительно изнемогали отъ ежеминутной вьючки. Они въ полномъ безсиліи садились на камни, ноги отказывались служить имъ, а по чернымъ обвѣтреннымъ лицамъ катились цѣлые ручьи пота, несмотря на страшный холодъ, царившій надъ переваломъ.

— Самъ еле ноги тащишь, а тутъ еще и лошади подсобляй!— ворчали они.

Спускъ съ перевала былъ значительно легче, и отрядъ потянулся вдоль рѣки Акъ-Байталъ, которую и перешелъ въ бродъ около Рабата № 1.

— Да какъ же это мы, братцы, въ темнотѣ переправляться-то будемъ?—спрашивали другъ друга солдаты, подойдя къ рѣкѣ уже въ совершенную темноту. — Вѣдь, недавно еще керекешъ утонулъ...

— А вотъ такъ и будешь,—отвѣтилъ фельдфебель:—скинешь сапоги и пойдешь.

И пошли солдатики, только многимъ изъ нихъ пришлось принять холодную ванну, окунувшись нѣсколько разъ съ головою въ быстрыя воды Акъ-Байтала. Много вещей утонуло при переправѣ черезъ эту рѣку и, что всего ужаснѣе, была потоплена отрядная соль, захваченная въ Боръ-да-ба, которая, уже купалась раньше, а теперь, пока доставали ее, успѣла почти вся раствориться въ водѣ.

— Посолили мы рѣку немного казенною солью! Солоно ей досталось, а все не такъ, какъ намъ пришелся Акъ-Байталъ! Эхъ-ма!— острили солдаты.

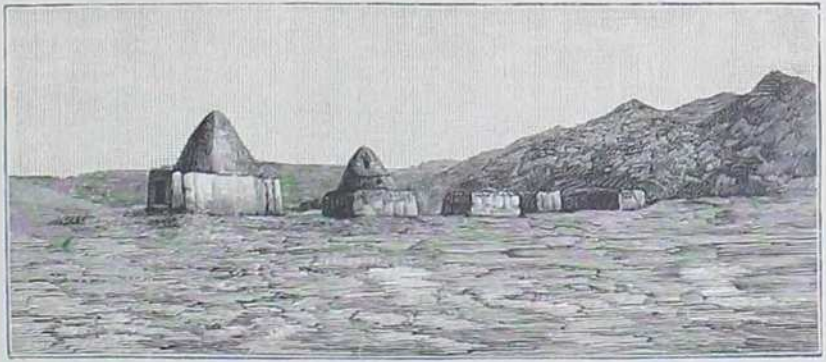
Однако, не прошла даромъ эта ночная переправа; число больныхъ увеличилось, и уже нѣкоторые были на краю могилы, у многихъ шла горломъ кровь и, кромѣ того, въ отрядѣ открылся тифъ, а одинъ канониръ конно-горной батареи умиралъ отъ воспаленія брюшины. Наконецъ, 27-го іюня, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Мургабу (верховье Аму-Дарьи) и сталъ бивуакомъ недалеко отъ кладбища Кара-гулъ, около слiянія рѣкъ Акъ-Байтала и Акъ-су съ Мургабомъ.

— Ну, слава Богу, отдохнемъ наконецъ,—думалъ каждый, напившись чайку и отдыхая въ своей палаткѣ.

— Долго здѣсь простоимъ?—спросилъ я, зайдя въ палатку штабъ-ротмистра Ш., исполнявшаго должность адъютанта у начальника отряда.

— Да съ недѣльку навѣрное,—сказалъ онъ:—кромѣ того, получено предписаніе до особаго распоряженія не переходить на правый берегъ рѣки Мургаба.

Я былъ очень обрадованъ этимъ извѣстіемъ; двадцатипятидневный почти безпрерывный горный походъ ужасно утомилъ меня, и я чувствовалъ, что не выдержу дальнѣйшаго движенія безъ основательнаго отдыха.

Кладбищѣ Кара-Гуръ.

Ну, и поѣли же рыбы [1]) солдаты за стоянку свою на рѣкѣ Мургабѣ. Ее ловили пудами попросту палатками, такъ что весь отрядъ питался ею до тѣхъ поръ, пока она не опротивѣла. А тутъ еще изъ г. Оша прибылъ маркитантъ и раскинулъ свой гостепріимный шатеръ на берегу Мургаба, снабжая насъ всевозможными винами и яствами за неслыханную цѣну. Да и немыслимо было иначе. Половина товара его или утонула, или разбилась во время ужасной дороги; пришлось наверстывать убытки, и всѣ, несмотря на высокія цѣны, охотно покупали у него продукты и были довольны. Каждый день музыка по вечерамъ играла въ лагерѣ, солдаты собирались, пѣли и плясали; оживленіе было полное.

— Вы не спите?—отворачивая полотнище моей палатки, спросилъ меня, вползая на корточкахъ, мой пріятель Барановъ.

— Нѣтъ, какъ видите, а что?

— Да, вотъ, мы собираемся прогулочку совершить небольшую въ сосѣдній аулъ, добыть хорошаго молока—будемъ варить какао и пельмени къ тому же заказаны, такъ, вотъ, не пойдете-ли и вы?

Хотя я лежалъ, и очень уютно обложилъ себя со всѣхъ сторонъ кошмою, чтобы вѣтромъ не поддувало, однако перспектива прогулки была очень заманчивою,—мы отправились.

Безъ шашекъ, безъ револьверовъ, съ одними чайниками пошли мы въ аулъ. Было за полдень, солнце ярко свѣтило, пріятно пригрѣвая намъ спины. Вдали маленькими сѣренькими грибочками виднѣлись юрты. Мы прямо направились на нихъ. Каково же было наше изумленіе, когда мы вмѣсто аула увидѣли кладбище Кара-Гуръ съ четырехугольными памятниками, увѣнчанными коническими крышами, которые мы и приняли за юрты.

Досада была ужасная, проводника не было, пришлось возвращаться обратно.

— Господа,—вдругъ позвалъ насъ поручикъ А.,—посмотрите, что это?

— Мы всѣ стали вглядываться. На небольшомъ пригоркѣ, саженяхъ въ двухстахъ отъ насъ виднѣлась группа всадниковъ, въ бинокль не трудно было разглядѣть ихъ поподробнѣе. Двое были въ крас-

[1]) Рыба изъ семейства Salmo-forio «османъ» очень вкусна, но костлява; напоминаетъ форель.

ныхъ мундирахъ, съ бѣлыми шляпами на головѣ, каковыя носятъ обыкновенно англичане; остальные походили не то на киргизъ, не то на афганцевъ, только трудно было разглядѣть ихъ, такъ какъ они очень скоро скрылись. Двое же наблюдали за ними въ бинокль.

— Ей Богу, англичане,—сказалъ А—новъ,—господа, идите скорѣе въ лагерь, необходимо выслать разъѣзды. Какая досада, что мы мы были пѣшими.

— А что если они сейчасъ аттакуютъ насъ—ловко, вѣдь, будетъ?—спросилъ одинъ изъ компаніи, — вѣдь мы безъ оружія.

— А манерки да чайники?—будемъ отбиваться ими.

— Неужели вы думаете,— замѣтилъ я,—что если это англичане, то они могутъ допустить подобную халатность съ нашей стороны? Вѣдь, это, дѣйствительно, глупо, во время похода, въ военное время, не зная, гдѣ противникъ, гулять за бивуачною линіею даже безъ шашекъ,—это, вѣроятно, мы первые только практикуемъ и не безъ риска посидѣть на колу или быть прирѣзанными, какъ собака.—Ну, господа, идемъ, — и мы, стараясь не оглядываться направились къ бивуаку. Солнце садилось, когда мы подошли къ постамъ. А—новъ направился къ начальнику отряда докладывать о случившемся, а мы поспѣшили приготовиться къ рекогносцировкѣ.

Начальникъ отряда пожурилъ насъ за подобное халатное отношеніе къ оружію и приказалъ немедленно выслать казаковъ, поручивъ произвести тщательное изслѣдованіе—кто это были видѣнные нами люди. Начальникомъ разъѣзда былъ назначенъ А—новъ, а я отправился въ числѣ прочихъ пожелавшихъ участвовать въ рекогносцировкѣ. Уже совершенно стемнѣло, когда мы въ сопровожденіи проводника въѣхали въ довольно узкое ущелье, миновавъ кладбище, съ котораго были видны незнакомцы. Съ лѣвой стороны шумѣла рѣка Мургабъ, а справа черною массою стояли молчаливые великаны.

— Господа, — сказалъ, обращаясь къ намъ А—новъ, придавая своему голосу особенную важность и сильно понизивъ его.—Мы раздѣлимся. Вы,—обратился онъ ко мнѣ,—съ пятью казаками поѣдете по берегу самой рѣки, а мы поднимемся сюда,—указалъ онъ наверхъ,—и будемъ стараться съѣхаться съ вами у рѣки.—Будьте осмотрительны, вотъ именно здѣсь, на этомъ мѣстѣ стояли видѣнные нами люди.—Съ Богомъ!

Я въ сопровожденіи казаковъ спустился къ рѣкѣ. Путь былъ очень неудобный, мѣстами приходилось прямо спускаться въ рѣку и рисковать быть унесеннымъ вмѣстѣ съ лошадью. Темнота была полная—ни зги не видать. То и дѣло лошадь проваливалась въ какую нибудь яму или попадали въ топкое мѣсто. Наконецъ, изъ-за хребта горъ сталъ выплывать красновато-желтый дискъ мѣсяца, его свѣтъ, играя на водѣ затѣйливыми змѣйками, освѣтилъ все ущелье, стало сразу свѣтло, какъ это бываетъ только въ горахъ, и мы прибавили шагу.

— Смотри! смотри! услышалъ я за собою голосъ казака.

— Да гдѣ?—спрашивалъ другой.

— Что увидали?—безпокойно спросилъ я.

— Люди, конные, — отвѣчалъ казакъ. Я вглядѣлся въ темноту и дѣйствительно разсмотрѣлъ силуэты всадниковъ. Мы на минуту остановились, сердце мое билось.

— Заряди винтовки,—сказалъ я и взялъ револьверъ въ руку.— Впередъ! — Мы тронулись рысью. Всадники шарахнулись въ сторону и поскакали, мы бросились за ними. Стрѣлять я не приказалъ. Въ одно мгновеніе мои казаки оцѣпили скакавшихъ. Держа револьверъ наготовѣ, я подъѣхалъ къ нимъ и расхохотался. Передо мною, съ искаженными отъ страха лицами, стояли два киргиза, сошедшіе съ лошадей и, почтительно сложивши руки на животѣ, ожидали своей участи.

Конечно, я сейчасъ же учинилъ имъ допросъ: откуда они и зачѣмъ были здѣсь. Сначала киргизы запирались, говорили разныя глупости, затѣмъ же сознались, что были проводниками у афганцевъ, которые сегодня покинули ихъ аулъ.

— А далеко вашъ аулъ отсюда?

— Нѣтъ недалеко,—отвѣчали киргизы,—даже и собакъ слышно. Дѣйствительно слышался отдаленный лай. Въ это время къ намъ подъѣхала другая часть нашей партіи и мы вмѣстѣ направились въ сопровожденіи пойманныхъ киргизовъ въ аулъ. Страшнымъ собачьимъ лаемъ привѣтствовали насъ нѣсколько злѣйшихъ псовъ, бросившихся на нашихъ лошадей.

— „Кить, кить [1])“, — разгоняли киргизы собакъ, какъ-бы боясь, что имъ достанется за подобную дерзость ихъ степныхъ сторожей.

[1]) Прочь, прочь.

Въ довольно большой юртѣ мы усѣлись вокругъ горѣвшаго костра, пока гостепріимный хозяинъ согрѣвалъ намъ кунганъ съ чаемъ. Голодъ мы испытывали ужасный, но ѣсть было нечего. Страшная бѣдность царила въ аулѣ—не было даже лепешекъ и только нѣсколько кусковъ верблюжьяго сыру было предложено намъ аульнымъ старшиною, но мы до него и не дотронулись; однако казаки поживились таки и здѣсь казалось бы ужъ тутъ-то нечѣмъ было поживиться—нѣтъ они и здѣсь, нашли, что можно стянуть. На крышахъ юрть лежало множество комковъ, величиною съ яйцо, творогу изъ бараньяго молока — это такъ называемый крутъ (баранiй сыръ) который киргизы ѣдятъ зимою, предварительно насушивъ его за лѣто. Такъ казаки, проѣзжая мимо юрть, совали крутъ во всѣ карманы.

Расплатившись съ хозяиномъ, мы поѣхали къ бивуаку.

— Ты что тамъ ѣшь?—спросилъ А—новъ оренбуржца.

— Крутъ, ваше благородіе.

— Откуда ты его досталъ?

— Да нешто мало его по кибиткамъ на крышахъ валяется.

„Валяется“ подумалъ я, и мнѣ стало противно — это все равно, что у нищаго суму украсть.

— Вотъ я тебѣ поваляюсь, — сказалъ А —новъ, и дѣйствительно наказалъ казака какъ слѣдуетъ. Прибывъ домой, если можно такъ назвать наши палатки, мы ничего не нашли—какао было выпито, а отъ пельменей и слѣда не осталось; погрызли сухарь и успокоились.

Между тѣмъ, съ Яшиль-куля приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи. Каждый день къ начальнику отряда являлись Аличурскіе кочевники и жаловались ему на насилiе афганцевъ, которые, притѣсняя киргизъ, выдвигали свои посты далеко за нашу границу. Но и на китайской границѣ было также неспокойно. Китайцы, узнавъ о нашемъ появленiи на Памирахъ, выслали съ восточной части Памира нѣсколько ляндзъ [1]), во главѣ съ Джанъ-дариномъ, и выстроили крѣпость Акъ-Ташъ, грозя отряду, стоявшему на рѣкѣ Мургабѣ, въ случаѣ отдѣленiя его части на Яшиль-куль, внезапнымъ нападенiемъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, полковникъ Іоновъ рѣшилъ предпринять двѣ рекогносцировки въ глубь Памировъ—одну подъ своимъ

[1]) Ляндза—эскадронъ.

личнымъ начальствомъ произвести на озеро Яшиль-куль въ сторону афганцевъ, а другую, подъ командой капитана Скерскаго, черезъ Акъ-Ташъ и Большой Памиръ на то же озеро, гдѣ оба отряда и должны были соединиться. 4-го іюля выступилъ рекогносцировочный отрядъ Скерскаго, а 7-го — третья рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, саперная команда, вторая сотня оренбуржцевъ и взводъ конно-горной батареи, подъ командой самого начальника отряда, двинулись къ переправѣ Шаджанъ. Остающіяся роты съ музыкой провожали отрядъ верстъ за десять вверхъ по рѣкѣ Мургабу и около переправы, напившись чайку, простились съ уходящими товарищами, а кругомъ гранитные великаны съ снѣжными вершинами мрачно смотрѣли на небольшую, сѣрую кучку людей, дерзавшихъ такъ смѣло бороться съ ихъ суровою, грозною природою.

VII.

Плѣнный афганецъ. Ужасный переходъ. Камень Чатыръ-Ташъ. Мѣстная легенда. Наканунѣ дѣла. Разсказъ капитана. Стычка съ афганцами. Смерть афганскаго капитана.

— Афганца поймали,—сообщилъ мнѣ на другой день послѣ переправы поручикъ Барановъ, разбудивъ меня въ 5 часовъ утра.

Я вскочилъ, какъ ужаленный, такъ какъ мнѣ послышалось: „афганцы идутъ".

Понявъ, въ чемъ дѣло, я побѣжалъ къ кружку солдатъ, обступившихъ человѣка въ красномъ мундирѣ, около котораго съ побѣдоноснымъ видомъ стоялъ киргизъ. Афганецъ былъ еще молодой человѣкъ, съ правильными, красивыми чертами лица. Онъ дико смотрѣлъ исподлобья на столпившихся солдатъ и видимо еще не вышелъ изъ состоянія неожиданности, попавъ врасплохъ въ нашъ лагерь.

— Гдѣ его взяли?—спросилъ я у киргиза.

Тотъ только этого и ждалъ, потому что началъ, какъ трещотка, передавать мнѣ подробности поимки афганца.

— Ѣхалъ я, таксыръ, по ущелью,—говорилъ киргизъ,—гляжу, а передо мной, точно изъ земли выросъ, афганецъ. Испугался я ужасно, да вдругъ вспомнилъ, что русскіе солдаты близко. „Кайда урусъ?" [1]) — спрашиваетъ меня афганецъ.—Ладно, думаю, скажу я тебѣ, гдѣ русскіе.—Ничего я не слыхалъ объ урусахъ, — говорю я афганцу.—„Ну, такъ проводи меня въ ближайшій аулъ",—говоритъ онъ.—Съ удовольствіемъ, говорю я, а самъ и думаю: какъ же, сведу я тебя, собаку, въ аулъ!—Уже начинало свѣтать, когда мы подъѣхали къ казачьимъ шатрамъ. „Нема бу?" (что это такое)—испуганно спра-

[1]) Гдѣ русскій?

шиваетъ меня афганецъ.—Урусляръ (русскіе),—говорю я ему, а самъ посмѣиваюсь въ душѣ, какъ ловко провелъ я афганца. Оторопѣлъ онъ, да и хотѣлъ скакать обратно, но было уже поздно: двое казаковъ держали подъ уздцы его лошадь, и развѣдчикъ былъ стащенъ на землю.—Киргизъ кончилъ и протянулъ мнѣ свою руку.—Дай, тюра, силяу-манъ байгушъ санъ тюра [1]),—сказалъ онъ. Я положилъ на его ладонь монету, и онъ, скорчивъ гримасу отъ удовольствія, сталъ кланяться, приговаривая: кулдукъ, кулдукъ, таксыръ [2]).

Афганца повели въ юрту начальника штаба, куда направился и я. Допросъ плѣннаго производился черезъ переводчика.

— Откуда ты?—спросилъ полковникъ Верещагинъ.

— Съ Аличурскаго поста,—отвѣтилъ афганецъ.

— А много васъ тамъ?

— Больше, чѣмъ васъ,—совралъ афганецъ.

— Да ты говори правду,—разсердился на такой отвѣтъ полковникъ.

— Афганцы не врутъ!—обиженно отвѣтилъ плѣнный.

— Не извѣстно-ли тебѣ, почему афганцы поставили свой постъ на Аличурѣ?

— Ничего мнѣ не извѣстно, я простой солдатъ и посланъ разузнать, гдѣ русскіе и если бы не проклятый киргизъ, то я бы не попался вамъ въ руки.

Афганецъ держалъ себя непринужденно, говорилъ заносчиво и видимо былъ ужасно раздосадованъ, что такъ глупо попался въ ловушку.

— Ты пѣхотный или кавалеристъ?—спросилъ я афганца.

— Рисоля! [3])—отвѣтилъ онъ.

И дѣйствительно, отобранное у него оружіе состояло изъ кривой шашки и кавалерійскаго карабина системы Пибоди-Мартини.

Болѣе ничего обстоятельнаго не сообщилъ пойманный, и его показанія шли совершенно въ разрѣзъ съ донесеніями киргизъ, которые увѣряли, что на Аличурскомъ посту, подъ командой афганскаго капи-

---

[1]) Дай, баринъ, на чай, я бѣднякъ, а ты баринъ.

[2]) Спасибо, спасибо, ваше благородіе.

[3]) Рисоля — кавалеристъ.

тана Гулямъ-Айдаръ-хана, находится небольшое число афганцевъ, которые ожидаютъ свѣжихъ силъ, но что подкрѣпленіе еще не подоспѣло, да и врядъ-ли подойдетъ къ двадцатымъ числамъ іюля, тогда какъ мы должны были быть на Яшиль-кулѣ двѣнадцатаго.

Тѣмъ не менѣе, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, мы двинулись далѣе и, переночевавъ въ урочищѣ Комаръ-Утекъ, съ разсвѣтомъ двинулись къ камню Чатыръ-Ташъ.

— Запасись водой, ребята,—приказалъ ротный командиръ,—переходъ будетъ тяжелый.

Дорога тянулась широкою долиною, окаймленною довольно высокими горами, и поднималась террасами въ гору. Встрѣчный вѣтеръ крутилъ цѣлыя облака мельчайшаго песку, что являлось однимъ изъ самыхъ значительныхъ препятствій для движенія пѣхоты. Къ полудню вѣтеръ усилился, и идти положительно стало невозможно. Песокъ засорялъ глаза, трещалъ на зубахъ, набирался въ носъ и уши, которыя такъ заложило, что невозможно было слышать собственныхъ словъ. Пять часовъ шли уже солдаты; вода была давно выпита, а по пути не попадалось ни одного ручейка. Сдѣлали привалъ, но что за отдыхъ для солдата безъ освѣжающей водицы, когда ему нѣтъ возможности ни умыть воспаленнаго лица, ни утолить жажды. У многихъ болѣла голова, а во рту засохъ языкъ. Появилось много отсталыхъ. На каждомъ шагу попадались то сидящіе, то лежащіе люди. Ужъ на что былъ здоровенный охотникъ Шароновъ, который, казалось, и устали не зналъ, и тотъ теперь шелъ, понуря голову, какъ-то тыкая въ землю ногами. Сильныя ноги его не слушались, гнулись въ колѣняхъ, а воспаленные глаза были апатично устремлены въ даль, гдѣ лишь виднѣлись облака желтой пыли, поднимаемой неугомоннымъ вѣтромъ. На душѣ у него было такъ же безотрадно, какъ и кругомъ. Теперь, когда силы покидали его, когда жажда неистово томила внутренности, а въ головѣ какъ будто стучали желѣзнымъ молотомъ, онъ вдругъ, подъ впечатлѣніемъ переносимыхъ лишеній, рѣшилъ, что онъ лишній на этомъ свѣтѣ. Вспомнилось ему на мгновеніе его былое житье въ деревнѣ, его женитьба на красавицѣ, славившейся на всю округу, но воспоминаніе это, отрадною искоркою мелькнувшее въ его воспаленномъ мозгу, быстро пронеслось мимо, оттѣсненное цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ

событій прошлаго. Припомнилась ему рекрутчина, побои, взятки дядекъ. Наконецъ, длинное путешествіе въ Туркестанъ, тоска по родинѣ и тяжелая служба молодого солдата. Почему-то вдругъ съ особенною яркостью вспомнилъ онъ, какъ однажды дежурный по батальону далъ ему пощечину за то, что, оставаясь за дежурнаго по ротѣ, онъ не отрапортовалъ ему во-время. Слезы навернулись у солдата на глазахъ. „А вѣдь зря тогда садануль онъ меня“, — подумалъ онъ: — я тогда и устава не зналъ — не обучался. Припомнилось ему, какъ пришла къ нему съ партіей и жена. Скромная бабенка была. Бывало изъ дому не выгонишь, все время въ работѣ, да избаловалась она, какъ и всѣ солдатки въ Туркестанскомъ краѣ. Долго не подмѣчалъ онъ за нею ничего такого, да вдругъ и засталъ ее съ дружкомъ за „бутылкой сладкой водочки“. Охъ, какъ вскипѣло тогда его сердце! Оттаскалъ онъ жену за косы и избилъ до полусмерти разлучника. Началось слѣдствіе, и посадили солдата на гауптвахту. А женѣ только того и нужно было. Стала его жизнь съ тѣхъ поръ каторгой. Въ батальонѣ солдаты издѣваются, что, молъ, „жену просмотрѣлъ“, а домой лучше не ходи—срамъ одинъ. Онъ и ротному жаловался на свою бабу, и билъ ее,—ничего не помогало; хотѣлъ ужъ было руки на себя наложить, да какимъ-то чудомъ Богъ его спасъ—одумался. Грустилъ, грустилъ онъ, да и запилъ, плюнулъ на все. Идетъ онъ, а самъ думаетъ, за что на его долю выпала такая тяжелая жизнь' Давно не было такъ тяжело на душѣ у Шаронова, давно не лежало такимъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ его горе. „Ужъ лучше бы околѣть въ горахъ“,—подумалъ онъ.—„Что за жисть! на службѣ тягость одна, а домой придешь, тамъ—жена потаскуха, больше ничего“. Онъ остановился и глубоко вздохнулъ, въ глазахъ его запрыгали кровавые круги, горы какъ-то странно перекосились, и онъ опустился на землю. Винтовка выпала изъ рукъ его и, щелкнувъ о камень стволомъ, упала на землю. „На стволѣ, должно, забоина будетъ“,— мелькнуло въ головѣ солдата: — „ну, да чортъ съ нимъ, все равно, съ мертваго не взыщешь“... Какая-то нѣга разлилась по всѣмъ его членамъ, и ему хотѣлось безконечно лежать тутъ среди этой дикой долины, далеко отъ людей и грустной дѣйствительности. Онъ слышалъ, какъ мимо него проходили люди, и ихъ тяжелые шаги нарушали пол-

ный покой, царившій въ его душѣ. „Вотъ, вотъ поднимутъ“,—тревожно думалъ онъ, когда раздавались приближающіеся шаги. Но шаги стихали, и онъ успокаивался. Мало-по-малу мысли путались въ его головѣ, какая-то истома овладѣла имъ, и онъ больше ни о чемъ не думалъ...

Вдругъ онъ вздрогнулъ, кто-то толкнулъ его. Онъ открылъ глаза и поднялъ голову. Надъ нимъ стоялъ начальникъ аріергарда. Добродушные глаза поручика Гермута [1]) съ участіемъ смотрѣли на лежащаго солдата.

— Встань, братецъ, до бивуака недалеко,—сказалъ онъ.

Шароновъ хотѣлъ подняться, но сильная боль въ головѣ, поясницѣ и ногахъ заставила его громко застонать.

— Ой, ваше благородіе, не могу, всего разломило!—проговорилъ онъ.

— Ну, прибодрись, прибодрись, я тебѣ помогу,—говоритъ офицеръ и помогаетъ солдату подняться на ноги.

— Садись на лошадь, а винтовку надѣнь за спину,—говоритъ онъ ему, какъ маленькому ребенку, котораго учитъ нянька, какъ нужно надѣть шляпу.

Шароновъ покорно садится на офицерскую лошадь и благодарно смотритъ на идущаго пѣшкомъ офицера.

— Ишь какой „господинъ-то“ нашъ!—думаетъ Шароновъ:—вотъ, кабы такихъ было побольше, и служба другая бы пошла.

Теперь на каждомъ шагу стали попадаться то сидящіе, то лежащіе, изнеможенные солдаты, дожидающіеся аріергарда, къ которому присоединяются и идутъ кое-какъ дальше. Не оставаться же одному среди мертвой долины, обрекая себя на голодную смерть или на пищу шакаламъ, все время слѣдившимъ за отрядомъ. А поручикъ Гермутъ на мѣсто отдохнувшаго солдата сажаетъ другого и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока самъ не устанетъ. И часто повторяются подобныя сцены во время этого тяжелаго, безводнаго пути. Да и немудрено, идя въ гору, при высотѣ 13.000 футовъ, утомиться, отдохнувъ лишь двадцать минутъ въ теченіе двѣнадцати-часовой ходьбы. Уже солнце спряталось за снѣжныя вершины — шесть часовъ, а бивуака все еще не видно.

---

[1]) Гермутъ, при постройкѣ въ 1893 году военной дороги черезъ Алайскій хребетъ, былъ вырванъ на воздухъ и тяжело раненъ въ голову и лицо.

— Гдѣ же камень? Кто знаетъ изъ прошлогоднихъ? — спрашиваетъ офицеръ.

— А вотъ за эфтой горкой, ваше благородіе, — указывая на небольшую возвышенность, говоритъ одинъ изъ охотниковъ, бывшій здѣсь во время прошлогодней рекогносцировки.

— Какъ, значитъ, этого, выйдемъ наверхъ, такъ и бивакъ увидимъ, если дальше не ушли, — добавляетъ онъ, упирая на послѣднее слово, какъ-бы боясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ „дальше не ушли".

— Ну, ребята, подбодрись! скоро отдохнемъ, — говоритъ офицеръ, — ужъ теперь недалеко. — Но онъ и самъ не вѣритъ своимъ словамъ: — ужъ не сбились-ли съ пути? — думаетъ онъ.

Длинною вереницей, еле волоча ноги, подобрались наконецъ солдаты на вершину небольшой горы, и радостный крикъ „бивакъ!" вырывается изъ устъ каждаго. Одинъ за другимъ подходятъ солдаты на вершину и, положивъ возлѣ себя ружья и аммуницію, смотрятъ на большой четырехугольный камень, лежащій среди громадной равнины, подъ которымъ блистаютъ огоньки костровъ и бѣлѣютъ, освѣщенныя вечернимъ закатомъ, палатки прибывшихъ туда казаковъ.

— И откуда такая „галя" взялась, братцы? — удивляется солдатъ.

— Откуда взялась, оттуда и есть! — сурово отвѣчаетъ старый охотникъ, бывалый уже въ этихъ мѣстахъ и считающій за нелѣпость задумываться надъ такими пустяками.

Офицеръ скачетъ назадъ и кричитъ отсталымъ, что уже виденъ бивуакъ. Всѣ какъ-бы перерождаются отъ этого магическаго слова. Новая сила какъ будто вливается въ ихъ утомленныя существа, и они нетвердымъ шагомъ подходятъ къ отдыхающимъ на вершинѣ товарищамъ. Отдохнувъ минутъ съ пятнадцать, добрались измученные солдаты наконецъ и до желаннаго бивуака, пройдя вмѣсто 45 верстъ добрыхъ шестьдесятъ.

Камень Чатыръ-Ташъ представляетъ собою довольно странное явленіе среди Памирской природы. Онъ совершенно отдѣльно лежитъ среди огромной котловины, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ окружающихъ горъ, и кажется свалившимся съ неба. Недалеко отъ камня стоитъ

очень интересное строеніе, представляющее собою надгробный памятникъ надъ могилой знатнаго туземца. Заинтересовавшись памятникомъ, я пошелъ осмотрѣть его. Это строеніе имѣло видъ часовни и состояло изъ четырехугольнаго корпуса съ коническою куполообразною крышей. Съ передней части устроенъ входъ въ видѣ небольшой пристройки со стрѣльчатою дверью. Внутренняя часть зданія довольно обширна и освѣщена отверстіями, продѣланными въ куполѣ, а также окномъ съ правой стороны. Когда я вошелъ въ зданіе и очутился среди довольно обширнаго четырехугольнаго пространства, вдругъ кто-то сзади подошелъ ко мнѣ. Я оглянулся и вздрогнулъ. Предо мною стоялъ высокій, худой, какъ смерть, старикъ съ длинною сѣдою бородою.

— А, таксыръ, тюра, саломать [1])! — проговорилъ онъ, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ, и только послѣ этого привѣтствія я понялъ, что имѣю дѣло съ живымъ человѣкомъ, до того онъ напоминалъ выходца съ того свѣта.

— Кто ты?—спросилъ я его.

— Киргизъ!—отвѣтилъ старикъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Хайдоръ-бій, у меня недалеко отсюда кочевки.

— Давно ты здѣсь живешь?

— О давно, таксыръ, еще мой прадѣдъ родился на Памирѣ.

— А не знаешь-ли, чья эта могила?—спросилъ я.

— Нѣтъ, таксыръ, не знаю, а только мой дѣдъ еще разсказывалъ, что это самая старая могила на Памирѣ, и похороненъ въ ней святой человѣкъ.

Говорившему со мною старику было лѣтъ 80, а потому я невольно подивился долговѣчности памятника, сооруженнаго изъ простой бѣлой глины. При подобной прочности, если ее возможно достигнуть намъ, русскимъ, подумалъ я, такія строенія, сохраняющіяся такъ долго въ полной исправности, несмотря на постоянные вѣтры и морозы, господствующіе на Памирѣ, можно бы смѣло утилизировать для военныхъ надобностей, если не войскъ, которымъ стоять въ этихъ мѣстахъ не придется, то

[1]) А, господинъ, здравствуй!

для станцій военнаго телеграфа или же для помѣщенія почтовыхъ джигитовъ, которые, въ особенности, обставлены въ этомъ отношеніи очень скверно, тѣмъ болѣе это было бы примѣнимо, что способъ постройки очень простъ и былъ бы удобенъ за полнымъ отсутствіемъ въ этихъ мѣстахъ строеваго лѣса.

Я вышелъ изъ строенія; киргизъ послѣдовалъ за мною.

— Мана Чатыръ-Ташъ [1])!—сказалъ онъ, указывая на возвышавшійся камень.

— Знаю,—отвѣчалъ я,—а откуда взялся онъ здѣсь, вѣдь не скатилась же съ горы эта громада?

— Нѣтъ, тюра, это не простой камень, этотъ камень чувствуетъ, какъ мы съ тобой, и слышитъ все, что мы говоримъ, только не можетъ онъ самъ ни говорить, ни пошевелиться. Давно - давно лежитъ этотъ камень на этой равнинѣ. Это было еще въ тѣ времена, когда люди жили въ мирѣ съ Аллахомъ, когда Всевышній часто слеталъ съ неба и бесѣдовалъ съ ними. Въ это время Памиръ былъ богатѣйшею страною. Великолѣпные сады и луга покрывали всѣ долины, много верблюдовъ и барановъ паслось на травѣ, много звѣрей жило въ горахъ, и птицы небесныя пѣли свои пѣсни. Да, тюра, такъ не поютъ теперь птицы, какъ пѣли онѣ тогда. Въ ихъ пѣсняхъ слышались разсказы о томъ, какъ великій Аллахъ создалъ міръ и человѣка.

— Мусульманскій народъ жилъ на Памирѣ въ то время и управлялъ имъ Яръ-ханъ, который жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, сложенномъ изъ гранита и драгоцѣнныхъ камней. Не было еще на свѣтѣ такого дворца. Крыша его была сдѣлана изъ чистаго золота, вмѣсто стеколъ самоцвѣтные камни, въ тѣнистомъ саду журчали фонтаны, и въ нихъ, плескаясь холодною водой и наполняя воздухъ веселымъ смѣхомъ, купались прекрасныя жены Яръ-хана. Хорошо жилось памирскому народу, всего было вдосталь, ни въ чемъ никто не нуждался! Однако народъ, упоенный своимъ счастіемъ, забылъ вскорѣ Аллаха; за это великій Вседержитель разгнѣвался на него и рѣшилъ уничтожить неблагодарное племя.

Въ то время на пустынномъ озерѣ Яшиль-кулѣ [2]), гдѣ семигла-

---

[1]) Вотъ «Чатыръ-Ташъ».

[2]) Яшиль-куль прежде назывался драконовымъ озеромъ. Въ виду того, что ни одинъ человѣкъ не посѣтилъ его береговъ, благодаря трудной одолимости

вый драконъ свилъ себѣ гнѣздо въ гранитныхъ скалахъ, въ одной изъ огромныхъ пещеръ у Гуръ-тага, жилъ великанъ Худамъ. Это чудовище достигало головою до облаковъ и обладало неслыханною силой. Вотъ его-то Аллахъ и послалъ на невѣрныхъ, и великанъ сталъ появляться на Аличурѣ въ долинахъ Акъ-су и Мургаба, производя неслыханныя опустошенія. Въ ужасъ пришло населеніе, и съ жаркою молитвою обратились памирцы къ Аллаху, а Яръ-ханъ, обливаясь слезами, молилъ Всевышняго пощадить народъ его. Аллахъ услышалъ молитву хана, во время сна явился къ нему и сказалъ: „молитва твоя услышана. Я хочу спасти народъ твой, но для этого ты долженъ исполнить волю мою: пусть единственный сынъ твой идетъ навстрѣчу великану, я буду помощникомъ юношѣ, и онъ сломитъ силу чудовища".

Видѣніе исчезло, а Яръ-ханъ въ страхѣ проснулся.

Но усомнился невѣрный ханъ, пожалѣлъ онъ сына и, призвавъ своего визиря Риза-Казія, сказалъ: „сегодня ночью мнѣ явился великій Аллахъ, сжалился Вседержитель надъ народомъ своимъ и научилъ меня, какъ освободить нашу страну отъ нападеній чудовища. Пойди ты домой и скажи своему сыну Изгару, чтобы онъ, набравши самыхъ смѣлыхъ воиновъ, шелъ навстрѣчу великану. Аллахъ поможетъ ему и мы навсегда избавимся отъ великаго горя".

Повѣрилъ Риза-Казій словамъ своего повелителя и, поклонившись ему, немедленно отправился исполнить его волю. Не теряя времени, смѣлый юноша собралъ воиновъ, и тѣ, руководимые имъ, наточивъ клычи [1]) и копья, пошли противъ Худама.

Однако Аллахъ въ невѣріи Яръ-хана увидѣлъ, что далеко не исправился повелитель Памира, и, жестоко разгнѣванный непослушаніемъ его, рѣшилъ истребить неисправимое племя. Увидя великана, отдыхавшаго на берегу озера, онъ сказалъ ему: „ты пойдешь и разоришь дворецъ Яръ-хана, уничтожишь городъ невѣрныхъ и сокрушишь все, не щадя ни дѣтей, ни женъ, ни самого хана. Только дома Риза-Казія

окружающихъ перевалахъ, объ этомъ озерѣ ходили разные баснословные слухи, и кочевники вѣрили, будто на немъ живутъ лишь драконы и разныя чудовища. Разсказы о первыхъ были занесены китайцами.

[1]) Мечи.

и его семейства за то, что они съ вѣрою отнеслись къ моему повелѣнію, ты не коснешься, иначе жестоко поплатишься за каждую каплю ихъ крови". И вотъ, сокрушая все на пути своемъ, убивая жителей, ломая сакли и вырывая съ корнями деревья, пошелъ Худамъ на Памирское ханство. Яръ-ханъ молился въ мечети, умоляя Аллаха пощадить его, а народъ окружилъ дворецъ и требовалъ головы своего повелителя, считая его причиною всѣхъ бѣдствій, разразившихся надъ страною. Но великъ былъ гнѣвъ Аллаха, и судъ его свершился. Худамъ перебилъ всѣхъ воиновъ и, сожравъ сына Риза-Казія, пошелъ на городъ. Погибъ Яръ-ханъ отъ руки великана, погибъ и весь народъ его; только семья Риза-Казія, скрытая Аллахомъ въ одной пещерѣ, осталась нетронутою. Въ ярость пришелъ, опьяненный кровью, великанъ, онъ искалъ Риза-Казія и не находилъ его. Въ исступленіи и захлебываясь отъ злобы, сѣлъ великанъ среди равнины и сталъ, дерзкій, хулить Аллаха. „Ей, Владыка!—кричалъ онъ,—куда ты скрылъ Риза-Казія, пославшаго на меня воиновъ, отдай мнѣ его, а не то я побросаю въ небо огромныя скалы, которыя сѣдыми вершинами окружаютъ равнину. Мнѣ не страшенъ Ты, Аллахъ, я жажду крови Риза-Казія"!

Великанъ умолкъ, и въ отвѣтъ на его рѣчи вдругъ густая тьма настала надъ Памиромъ, грянулъ громъ и сверкнула молнія, и среди вихря раздался голосъ съ неба: „Отнынѣ будешь ты лежать здѣсь, дерзкій червь, до скончанія вѣка, точимый дождемъ и вѣтрами, и не будетъ тебѣ покоя, пока не превратишься ты въ сыпучій песокъ, и доколѣ не разнѣютъ его вѣтры по всему Памиру, тогда душа твоя будетъ низвержена въ вѣчный огонь"! Голосъ затихъ, и настала глубокая тишина. Хотѣлъ великанъ насмѣшливо отвѣтить Аллаху, что не страшны ему угрозы Его, но почувствовалъ, что окоченѣлъ его дерзкій языкъ. Хотѣлъ подняться Худамъ, но ноги и руки какъ-бы приросли вдругъ къ землѣ и отказывались повиноваться его волѣ. Въ адской злобѣ онъ сдѣлалъ страшное усиліе, но напрасно. Худамъ превратился въ камень, по одному слову Всевышняго. Съ тѣхъ поръ сталъ лежать великанъ среди равнины, обросъ мохомъ и принялъ совершенный видъ камня, подъ которымъ отдыхаетъ усталый путникъ [1]). И страшно

[1]) Почему камень этотъ и называется Чатыръ-Ташъ, т. е. камень-шатеръ.

мучится Худамъ, видя свободнаго человѣка или караванъ, отдыхающій подъ его тѣнью, когда онъ, проклятый Аллахомъ, не можетъ даже пошевелить своими окаменѣлыми членами. Проклялъ Аллахъ и всю страну, въ которой царствовалъ ханъ-ослушникъ и жилъ дерзновенный исполинъ, и перестала страна эта произращать растенія, и превратилась она въ голую пустыню, гдѣ лишь господствуютъ вѣтеръ, да мятели.

Спасенная же Аллахомъ семья Риза-Казія положила начало кочевому населенію Памира.

Старикъ кончилъ, и мы подходили къ камню, о которомъ только что я слышалъ легенду.

— А знаешь что, тюра,—сказалъ киргизъ,—если раскопать немного этотъ камень и пробить слой гранита, то можно увидѣть черное тѣло великана Худама. Только горе тому, кто сдѣлаетъ это. Лишь только онъ увидитъ тѣло нечестивца, какъ самъ обратится въ камень.

— А вотъ я сейчасъ посмотрю, — сказалъ я и направился къ камню.

— Ой, койсанча, тюра [1]),—испуганно крикнулъ киргизъ и схватилъ меня за руку,—Боже тебя сохрани!

Въ его голосѣ я подмѣтилъ такой испугъ и опасеніе за мою участь, а также и глубокую вѣру въ то, что я неминуемо обращусь въ камень, если взгляну „на тѣло Худама“, что я рѣшилъ не тревожить бѣднаго старика и, давъ ему нѣсколько монетъ, направился къ своей палаткѣ.

На бивуакѣ все уже спало, и только кое-гдѣ около откинутаго полотнища виднѣлась солдатская фигура, зашивавшая истрепанную одежду. Солнце почти совершенно погасло, скрывшись за сѣдые хребты, и только послѣдній лучъ его золотилъ запоздавшее облачко, которое неслось къ западу, какъ бы догоняя умчавшихся впередъ товарищей. На другой день съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся къ камню Потулакъ-Кара-Ташъ. Условія пути были тѣ же; развѣ только воды было достаточно на протяженіи всего перехода.

---

[1]) Ай, оставь это, господинъ!

Афганскій капитанъ.

Было одиннадцатое іюля — Ольгинъ день. Конно-горная батарея праздновала свой храмовой праздникъ, но, въ виду близости противника, торжества никакого не было, и нижніе чины получили только по чаркѣ, разведеннаго водой, спирта.

Относительно афганцевъ свѣдѣнія были доставлены не совсѣмъ точныя и противорѣчащія одно другому. Киргизамъ было приказано угнать табуны афганскихъ лошадей и доносить немедля обо всемъ, что только будетъ извѣстно объ афганцахъ. Напряженіе въ отрядѣ было общее. Палатокъ не разставляли, и никто не ложился спать, ежеминутно ожидая выступленія. Кругомъ бивуакъ охранялся цѣпью парныхъ часовыхъ, и въ два пункта были высланы секреты. Луна уже выплыла изъ-за черныхъ силуэтовъ памирскихъ вершинъ и играла своимъ серебристымъ свѣтомъ на сталяхъ штыковъ и орудій; тишина соблюдалась полная. Мы сидѣли въ палаткѣ у ротнаго командира и съ удовольствіемъ попивали чаекъ. Разговоръ поддерживался на тему о предстоящемъ столкновеніи съ афганцами.

— А вѣдь съ разсвѣтомъ что нибудь да будетъ, господа,—сказалъ капитанъ П.,—ужъ у меня душа чуетъ. Бывало и раньше въ походахъ то же самое было. Ноетъ душа и конецъ, какъ бы съ тѣломъ прощается—ужъ это признакъ самый вѣрный.

— А вы развѣ въ предразсудки вѣрите?—спросилъ я.

— Да, вѣрю, и нельзя не повѣрить послѣ нѣсколькихъ случаевъ въ моей жизни. Вотъ хоть бы во время Кокандскаго похода. Дѣло было подъ Ходжентомъ жаркое, халатники раза два отражали штурмъ, но наконецъ надломились, и крѣпость пала. Нѣкоторое время постояли мы въ Ходжентѣ и двинулись дальше; я былъ въ это время ординарцемъ у Скобелева, который командовалъ кавалеріей. Идемъ мы это однажды походомъ. По обыкновенію, Скобелевъ разсказываетъ намъ анекдоты, а мы неистово хохочемъ—ужъ очень онъ живо разсказывалъ. Всѣ были веселы, какъ будто ѣхали на какое нибудь празднество, а не въ дѣло. Только одинъ молоденькій адъютантъ, изъ оренбургскихъ казаковъ, сотникъ Х., сидитъ въ сѣдлѣ грустный такой, ни слова не проронилъ всю дорогу.

— Да что вы, больны?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ.

— А что же это съ вами сегодня?—Х. отличался всегда веселымъ и живымъ характеромъ, а потому такое его настроеніе было очень подозрительно.

— Ничего, такъ себѣ, взгрустнулось,—сказалъ онъ, и я больше не спрашивалъ его о причинѣ внезапной грусти.

Пріѣхали мы на ночевку и остановились въ степи. Надо замѣтить, что во время Кокандскаго похода, когда шайки кокандцевъ и кипчаковъ ежеминутно нападали на отрядъ, мы избѣгали выбирать мѣсто для бивуака гдѣ нибудь въ кишлакѣ или садахъ; напротивъ, отрядъ располагался на открытомъ мѣстѣ и въ слѣдующемъ порядкѣ: въ видѣ огромнаго карре, фронтомъ въ поле, строилась пѣхота, образуя какъ-бы брустверъ укрѣпленія; въ интервалахъ между баталіонами становилась артиллерія, далѣе внутри карре были составлены арбы, а также располагался и отрядный штабъ. Каждый изъ баталіоновъ впередъ себя высылалъ шаговъ на сто парныхъ часовыхъ, а на двухстахъ шагахъ располагались секреты. Лишь только секретъ или кто либо изъ постовыхъ замѣчалъ приближающуюся кавалерію, то, не входя въ подробности о числѣ противниковъ, давалъ выстрѣлъ и немедленно всѣ секреты и посты отступали къ бивуаку. По этому выстрѣлу солдаты отряда, спавшіе не раздѣваясь, хватали ружья, строились въ указанномъ порядкѣ и были готовы встрѣтить дружнымъ залпомъ противника. Поражающее зрѣлище представляло собою подобное карре, когда оно, открывая залповой огонь во время ночи, посылало во всѣ четыре стороны свинцовый дождь, заставлявшій противника отказываться отъ попытокъ аттаки. Вотъ и тогда, придя на бивуакъ и разставивъ отрядъ въ обычный порядокъ, мы закусили въ общей столовой и разбрелись по палаткамъ. Ночь была темная и довольно прохладная. Я долго не могъ уснуть, все что нибудь мѣшало мнѣ, когда я погружался въ дремоту. То отрядная собака, пробѣгая мимо палатки, задѣвала за веревку, то вдругъ казалось, что фаланга проползала по тѣлу — однимъ словомъ у меня была безсонница. Я уперся глазами въ уголъ палатки, закурилъ папироску и задумался. Вдругъ чьи-то шаги обратили мое вниманіе. Шаги затихли около моей палатки.

— Вы спите?—раздалось снаружи.

— Нѣтъ!—встрепенулся я, узнавъ голосъ Х.,—заходите.

Онъ низко пригнулся и какъ-бы на корточкахъ вползъ въ палатку.

— Я вамъ не мѣшаю? — спросилъ онъ, усаживаясь въ ногахъ на постели.

— Нисколько, напротивъ, я очень радъ, что вы заглянули ко мнѣ,—мнѣ что-то не спится. Не хотите-ли папироску?—я протянулъ ему портсигаръ.

— Спасибо, не курю,—сказалъ онъ.

— Ахъ да! вы вѣдь не курите,—спохватился я и зажегъ спичку. Въ палаткѣ стало на минуту свѣтло. Спичка красноватымъ свѣтомъ озарила лицо сотника: оно было слегка блѣдно, глаза лихорадочно блестѣли, а волосы, какъ растрепанная грива, выбивались изъ-подъ папахи.

— Послушайте, Николай Николаевичъ, — сказалъ онъ, — я къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой?

— Вотъ съ какой, — началъ онъ послѣ минутнаго раздумья.— Меня, навѣрное, убьютъ въ первомъ же дѣлѣ... не перебивайте, — сказалъ онъ, замѣтя, что я собираюсь возражать, — ужъ я не ошибаюсь — я буду убитъ, такъ вотъ я вамъ хочу передать 75 рублей денегъ и это кольцо. Вы все это передайте въ Оренбургѣ моей невѣстѣ — знаете, дочка войскового старшины Вагина, вотъ ей и отдайте, да скажите, что я до послѣдней минуты думалъ о ней.

— Да что это вы себя заживо хороните? — возмутился я: — бросьте это и ложитесь-ка со мною—мѣста хватитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я серьезно вамъ говорю. Нынче ночью мнѣ матушка моя, покойница, являлась, долго плакала она надо мною и говоритъ мнѣ: готовься, Миша, Господь посылаетъ за твоей душой. Вотъ у меня и заныло сердце, а сердце, вѣдь, вѣщунъ.

Вижу я, что не по себѣ человѣку, а въ душѣ посмѣиваюсь надъ глупостью предразсудковъ.

— Такъ возьмете?—спросилъ онъ, протягивая мнѣ пакетикъ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ я, — только по-моему это совершенно вы напрасно дѣлаете.

Я взялъ вещи и положилъ ихъ на ягдтанъ [1]).

— Ну, прощайте, спасибо.

Онъ нервно схватилъ мою руку, и спустя мгновеніе торопливые шаги его раздавались за палаткой.

Больной человѣкъ, подумалъ я, и, завернувшись въ одѣяло, старался задремать, и, казалось, сонъ распускалъ надо мною свои крылья.

Вдругъ раздался отдаленный ружейный выстрѣлъ, который среди ночной тишины какъ-то продолжительно, но слабо пронесся надъ спящимъ бивуакомъ. Я поднялъ голову—все какъ будто было тихо. Вотъ еще выстрѣлъ, и за нимъ, словно рой пчелъ, что-то зашуршало на бивуакѣ — это выбѣгали изъ палатокъ люди и строились. Схвативъ револьверъ и шапку, я черезъ нѣсколько секундъ былъ около юрты отряднаго штаба. Все было попрежнему тихо, только отрядъ уже былъ въ полной готовности. Проскакало нѣсколько офицеровъ, и сотня казаковъ выѣхала въ степь. Я подошелъ къ 1-му стрѣлковому баталіону. Изъ темноты раздавались чьи-то торопливые шаги. „Кто идетъ?“ — раздался голосъ часового. „Свои — секреты!“ — послышался отвѣтъ. Нѣсколько солдатъ въ шинеляхъ подошли къ части. Нѣкоторые взяли къ ногѣ, а нѣкоторые оставались съ ружьемъ на плечѣ. Офицеры столпились вокругъ нихъ.

— Видали, что-ли?—спросилъ командиръ баталіона.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отъ насъ и выстрѣлъ былъ.

— Много?

— Точно такъ, страсть сколько, — отвѣтилъ солдатъ,—туды пошли,—прибавилъ онъ, указывая рукою по направленію къ западу.

Въ это время какъ-бы свистъ сильнаго вѣтра пронесся по степи, и, казалось, на бивуакъ налеталъ цѣлый ураганъ.

— Картечь!—раздалось гдѣ-то слѣва.

— По кавалеріи пальба, ротами! — скомандовалъ полковникъ. Лязгнули затворы, и все замерло въ ожиданіи, шумъ приближался.— Роты! — командовалъ полковникъ и выждалъ.—Пли!—вдругъ рѣзко

---

[1]) Ягдтанъ — командное кожаные сундуки для вьючки на лошадей, очень удобные во время походовъ, особенно въ горахъ; ихъ бываетъ всегда два и они лежатъ на ремняхъ на спинѣ лошади по обѣ ея стороны.

крикнулъ онъ. Трахъ! раздался дружный залпъ. На мгновеніе блеснувшій огонь освѣтилъ впереди какую-то массу.

Слѣва блеснула какъ будто молнія; бумъ, бумъ, трахъ, трахъ!— раздались орудійные выстрѣлы. Непріятельскій отрядъ, очевидно, показалъ тылъ, такъ какъ никого не появлялось. На другихъ фасахъ карре было то же самое. Наши казаки бросились въ темноту, и вскорѣ гдѣ-то издалека послышались выстрѣлы.

Уже разсвѣло. Передъ 1-мъ баталіономъ шагахъ въ 300-хъ валялось нѣсколько убитыхъ кокандцевъ, а изъ степи показались возвращавшіяся сотни казаковъ, между которыми виднѣлись и плѣнные въ пестрыхъ халатахъ. Мимо меня проскакали двое казачьихъ офицеровъ и остановились около кибитки начальника штаба. Я пошелъ туда. Въ юртѣ встрѣтилъ меня адъютантъ Б. Полковника не было.

— А знаете новость?

— Что такое?

— Сотникъ Х. убитъ.

Я вздрогнулъ.

— Не можетъ быть,—говорю.

— Пойдите, посмотрите—его привезли, лежитъ въ юртѣ.

Я чуть не бѣгомъ бросился къ казачьему лазарету; сердце мое сильно стучало, когда я входилъ въ юрту. На санитарныхъ носилкахъ лежалъ Х. Лицо его было открыто, а на правомъ вискѣ виднѣлся слѣдъ запекшейся крови. Оно было совершенно спокойно, только какая-то складка легла между бровей. Зубы чуть-чуть были оскалены, но это не безобразило лица покойнаго. Слезы катились у меня изъ глазъ, и я, глубоко вздохнувъ, перекрестился... Ну, какъ же не сдѣлаешься послѣ этого фаталистомъ, господа?—спросилъ капитанъ.

Наступило гробовое молчаніе. Разсказъ П. передъ дѣломъ заставилъ каждаго задуматься. Было уже около двухъ часовъ ночи, когда въ палатку вошелъ отрядный адъютантъ.

— Начальникъ отряда приказалъ выступать къ Яшиль-кулю со всѣми предосторожностями,—сказалъ онъ вполголоса капитану:— получены точныя свѣдѣнія объ афганцахъ.

— Господа! поднимайте людей,—сказалъ П., и мы одинъ за другимъ вышли изъ палатки.

Роты уже строились, и среди ночной тишины раздавалась перекличка. Выславъ впередъ разъѣзды и патрули, отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ. Темень была полная. Луна скрылась уже за горами, тишина царила надъ суровымъ Памиромъ, и слышались только легкій шумъ, сопровождающій движеніе части, и побрякиваніе орудій [1]). Начинало свѣтать. Все ярче и ярче вырисовывались контуры окружающихъ долину горъ. Гдѣ-то неистово выли шакалы. Всѣ шли молча, у каждаго на лицѣ было что-то серьезное.

Наконецъ, авангардъ отряда подошелъ къ небольшому обрыву надъ рѣкою Аличуромъ и остановился. Казаки спѣшились и залегли по гребню яра. Внизу, на небольшой, покрытой травою, площадкѣ около самой рѣки видѣлись юрты, составлявшія лагерь афганскаго поста.

— Послать ко мнѣ переводчика!—приказалъ вполголоса полковникъ Іоновъ. Опершись обѣими руками о луку сѣдла, онъ въ раздумьи устремилъ свой взоръ на юрты. Ему было непріятно, что афганцы не подозрѣвали о приходѣ отряда, и онъ хотѣлъ посредствомъ переговоровъ заставить ихъ уйти съ поста и оставить такимъ образомъ русскую территорію. Послать-ли офицера къ афганскому капитану? подумалъ онъ и даже сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, но вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Въ это время къ нему подошелъ пожилой киргизъ съ сытымъ и плутоватымъ лицомъ. Снявъ свою мѣховую шапку, киргизъ всталъ въ почтительную позу, готовый выслушать приказаніе начальника.

— Послушай, Сиба-Тулла,—сказалъ полковникъ,—спустись въ афганскій аулъ и скажи начальнику поста, что русскій полковникъ требуетъ его наверхъ для переговоровъ. Понялъ?

— Слушаю-съ, таксыръ,—отвѣсивъ кулдукъ, сказалъ переводчикъ и пошелъ по направленію къ обрыву. Было замѣтно, что онъ дрогнулъ. Идти одному въ непріятельскій лагерь было довольно рискованно. Киргизъ началъ спускаться и вдругъ оглянулся назадъ. Казачьи винтовки и бѣлые чехлы фуражекъ рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ оврага. Эта картина какъ будто пріободрила его, и онъ, быстро спустившись, вошелъ въ самую большую юрту. Переводчику было прика-

[1]) Въ нѣкоторыхъ долинахъ Памира артиллерія шла на колесахъ и вьючилась только для переправы и при крутыхъ подъемахъ и спускахъ.

зано обойтись съ афганскимъ начальникомъ поста почтительно, не входя самому ни въ какія разсужденія, но киргизъ, какъ оказалось, не понялъ своего назначенія. Часть афганцевъ спала, а часть пила чай, когда Сиба-Тулла поднялъ опущенную дверь юрты.

— Гдѣ начальникъ поста? — спросилъ переводчикъ у сидѣвшихъ афганцевъ, которые удивленно смотрѣли на вооруженнаго киргиза; на ихъ лицахъ выразилось безпокойство.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ афганцевъ и, выйдя изъ юрты, пошелъ къ отдѣльно стоявшей желомейкѣ.—Здѣсь,—сказалъ онъ слѣдовавшему за нимъ киргизу, поднявъ висячую дверь.

Киргизъ нагнулся и вошелъ.

Передъ нимъ, на низенькомъ табуретѣ, съ чашкой въ рукахъ, сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина въ бѣломъ мундирѣ съ золотыми плечевыми погонами. Стройная талія его была перехвачена ремнемъ, на которомъ висѣла афганская сабля съ сильно изогнутымъ клинкомъ. Подстриженная клинышкомъ бородка, черные пушистые усы и сросшіяся надъ переносицей брови придавали его смуглому лицу особенно отважный оттѣнокъ. Онъ пристально взглянулъ на киргиза. По костюму его было видно, что онъ готовился куда-то ѣхать.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ и поправилъ надѣтую на головѣ бѣлую чалму, изъ-подъ которой на вискахъ выбивались взбитые пучки волосъ.

— Меня послалъ русскій полковникъ,—отвѣтилъ киргизъ,—который требуетъ васъ на яръ для переговоровъ.

— Какой полковникъ?—удивился капитанъ.—Если онъ хочетъ говорить со мною, то пусть придетъ сюда; мы съ нимъ напьемся чаю и переговоримъ,—сказалъ онъ.

— Полковникъ не придетъ сюда, а если вы не выйдете наверхъ, то вамъ будетъ плохо, дерзко возразилъ киргизъ:—все равно, вѣдь, повѣсятъ!...

Въ это время съ испуганнымъ лицомъ въ юрту вбѣжалъ афганецъ. Капитанъ безпокойно взглянулъ на него.

— Кифтанъ [1])! Киргизы насъ продали,—заговорилъ онъ,—табунъ нашъ угнанъ, посланный на развѣдки джигитъ въ рукахъ русскихъ, и ихъ войско недалеко отъ насъ.

[1]) Кифтанъ—капитанъ по-афгански.

Капитанъ вздрогнулъ. Наступила минута замѣшательства, которою сумѣлъ воспользоваться переводчикъ. Онъ съ быстротою кошки бросился изъ юрты и черезъ нѣсколько минутъ доложилъ полковнику, что афганцы берутся за оружіе.

Съ обрыва было видно, какъ перебѣгали изъ одной юрты въ другую афганцы, какъ на пути запоясывались они и закладывали патроны въ ружья. И вотъ, цѣлая вереница красныхъ мундировъ, во главѣ со своимъ начальникомъ, стала подниматься на яръ и скоро построилась развернутымъ фронтомъ передъ нами. Ихъ лица горѣли негодованіемъ и рѣшимостью.

Капитанъ сдѣлалъ честь полковнику Іонову, приложивъ руку къ головному убору. Полковникъ отвѣтилъ ему по-русски подъ козырекъ. Начались переговоры черезъ переводчика.

— На какомъ основаніи вы выставили свой постъ на нашей территоріи?—спросилъ полковникъ.

— Потому что земля эта наша,—возразилъ афганецъ и, скрестивъ на груди руки, принялъ вызывающую позу,—мы владѣемъ ею по договору съ Англіей съ 1873 года,—прибавилъ онъ.

— Намъ нѣтъ дѣла до вашихъ договоровъ о нашихъ владѣніяхъ,—возразилъ полковникъ,—и я, исполняя возложенныя на меня обязанности, прошу васъ положить оружіе и уйти отсюда прочь.

Капитанъ вспыхнулъ.

— Я рабомъ не былъ и не буду,—сказалъ онъ,—а если вамъ угодно наше оружіе, то перебейте насъ и возьмите его—афганцы не сдаются,—заключилъ онъ свою рѣчь.

— Такъ вы не оставите этого мѣста и не отодвинетесь за границу Афганистана? спросилъ полковникъ.—Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ.

— Я сказалъ все!—отвѣтилъ афганецъ.

Видя, что путемъ переговоровъ ничего не подѣлать съ афганцами и избѣгая кровопролитія, полковникъ хотѣлъ неожиданно перехватать ихъ, не давъ имъ опомниться.

— Хватай ихъ, братцы!—вполголоса передалъ онъ приказаніе казакамъ.

Но не тутъ-то было. Не успѣли наши сдѣлать и шага впередъ,

какъ афганцы дали дружный залпъ, и двое изъ нашихъ грохнулись на землю. Раздался глухой, раздирающій душу, стонъ.

— Бей ихъ!—крикнулъ полковникъ, и все ринулось впередъ.

Полковникъ Іоновъ спокойно сидѣлъ на лошади, наблюдая за дерущимися; въ пяти шагахъ отъ него стоялъ афганскій капитанъ, который прехладнокровно стрѣлялъ изъ револьвера и вдругъ, рванувшись впередъ, подбѣжалъ къ лошади полковника.

Блеснулъ огонекъ, и выстрѣлъ прогремѣлъ надъ самымъ ухомъ начальника отряда. Какъ-то инстинктивно полковникъ подался на шею лошади, и пуля прожужжала мимо. Капитана окружили казаки. Но афганецъ уже успѣлъ выхватить изъ ноженъ свою кривую саблю и, какъ тигръ, бросился на нихъ. Вотъ упалъ уже одинъ казакъ подъ ударомъ кривого клинка капитанской шашки. Вотъ снова она, то поднимаясь, то опускаясь, наноситъ удары направо и налѣво.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ хорунжій Каргинъ и смотритъ на эту картину, пули свистятъ вокругъ него, а онъ стоитъ, какъ будто не дѣйствительность, а какая-то фантастическая феерія разыгрывается передъ нимъ.

— Хорунжій, да убейте же его наконецъ!—раздается роковой приговоръ полковника, и вотъ, вмѣсто того, чтобы схватить свой револьверъ или шашку, хорунжій, не отдавая себѣ отчета, хватаетъ валяющуюся на землѣ винтовку раненаго казака и прицѣливается. Онъ даже не справляется, заряжено-ли ружье, и спускаетъ ударникъ. Выстрѣлъ теряется среди общей трескотни и шума, и только легкій дымокъ на мгновеніе скрываетъ отъ глазъ фигуру капитана. Какъ-то странно вытянулся вдругъ афганецъ, взмахнулъ одной рукой, другой схватился за чалму, на которой заалѣло кровавое пятно, и стремглавъ полетѣлъ съ яра...

На одного ефрейтора наскочило двое афганцевъ, завязалась борьба. Ефрейторъ неистово ругался, желая освободиться отъ насѣдавшаго на него непріятеля, но въ это время подоспѣлъ казакъ.

— Не плошай!—кричалъ онъ издали отбивавшемуся ефрейтору, и съ этими словами шашка его опустилась на окутанную чалмою голову афганца. Вотъ и другой уже на землѣ съ проколотою грудью. Страшно хрипитъ онъ, издавая звуки, какъ-бы прополаскивая себѣ

горло собственною кровью, и, несмотря на это, силится подняться и зарядить ружье, но силы измѣняютъ ему, кровь хлынула горломъ, и онъ склонилъ свою голову.

Недалеко отъ мѣста стычки, подъ большимъ камнемъ, докторъ Добросмысловъ перевязываетъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ съ совершенно перебитою голенью неистово стонетъ.

— Ничего, ничего, потерпи, голубчикъ,—успокаиваетъ его докторъ.—Ужъ мы тебѣ ножку твою вылечимъ. Давай корпи,—кричитъ онъ фельдшеру, который мечется съ трясущеюся нижнею челюстью отъ одного къ другому изъ раненыхъ.

— Ой, больно, ваше высокоблагородіе!—стонетъ раненый, пока докторъ вынимаетъ висящіе снаружи осколки раздробленной кости.

Выстрѣлы все еще продолжаются, потому что засѣвшіе въ юртахъ афганцы все еще продолжаютъ стрѣлять. Наконецъ, раздался рѣзкій звукъ трубы, игравшей отбой, и пальба мало-по-малу утихла. Изъ юртъ выползли раненые афганцы.

Тяжелое зрѣлище представлялъ собою весь скатъ и зеленая площадка берега Аличура. Вездѣ валялись убитые или корчились раненые; послѣдніе, силясь подняться на руки, молили о помощи.

Подошелъ резервъ, и всѣ сгруппировались около мѣста, гдѣ лишь нѣсколько минутъ тому назадъ стояли передъ нами полные жизни люди, и гдѣ теперь валялись одни лишь обезображенные трупы.

Тихо между солдатами, нѣтъ ни веселаго говора, ни пѣсенъ; у каждаго на умѣ, что, быть можетъ, и его постигнетъ такая же участь, какъ и этихъ афганцевъ.

— Саперы впередъ!—раздается команда,—рой могилу.

Дружно принялись солдаты за работу, и черезъ четверть часа яма была уже готова. Одного за другимъ стащили афганцевъ и положили въ яму, а поверхъ всѣхъ былъ положенъ капитанъ Гулямъ-Хайдаръ-ханъ; пуля пробила ему голову, ударивъ въ лѣвый високъ.

— Ишь ты, тоже сражался,—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Извѣстно, сражался, а то какъ же?—замѣтилъ другой,—тоже, вѣдь, офицеръ!

Мѣрно падала земля съ лопатокъ на тѣла убитыхъ, покрывая ихъ одного за другимъ своимъ холоднымъ слоемъ и поглощая на-

вѣки павшихъ героевъ. Вотъ бѣлѣется кусокъ мундира афганскаго капитана, но одна, другая лопатка, и все покрыто землею.

Могила зарыта, и поверхъ нея сложенъ изъ камней памятникъ. Пѣхота трогается дальше.

— Пѣсельники на правый флангъ!—раздается команда ротнаго командира, и веселая солдатская пѣсня слышится съ прикрикиваніемъ и присвистываніемъ на всѣ лады, но въ ней нѣтъ той веселой нотки, какая обыкновенно бываетъ замѣтна въ обычной солдатской пѣснѣ. Запѣвало и то какъ-то нехотя и протяжно затягиваетъ свою обычную арію.

Отрядъ подошелъ къ восточному берегу озера Яшиль-куль и расположился бивуакомъ противъ развалинъ китайской крѣпости Сума-Ташъ.

Тихо на бивуакѣ. Нѣтъ обычныхъ пѣсенъ, и даже гармоники не слышно; все толкуютъ солдаты объ „авангардахъ".

— Ну, и храбрые они, братцы, ура, храбрые,—говоритъ одинъ солдатъ, сидя на корточкахъ и покуривая трубку: — ни одинъ, что есть, не сдался, всѣхъ перехлопали; не положимъ, говорятъ, оружію, уставъ, молъ, не дозволяетъ!

— И што тутко за храбрость! Значитъ, у авангарда солдатъ службу знаетъ: коли на постъ поставили, такъ значитъ и стой, „хотя бы и жисти опасность угрожала!"—повторилъ слова устава фельдфебель,— ты самъ, чай, уставъ-отъ гарнизонный знаешь? А еще капралъ! Ишь храбрость какую нашелъ! Меня коли, этта, на постъ поставятъ, то я за тридцать верстъ противника унюхаю, а ёнъ што?.. Спитъ себѣ и не видитъ, что наши у него на носу... Тьфу, а не офицеръ!—и фельдфебель сердито сплюнулъ, посылая ругань по адресу афганцевъ.

Показались носилки, на которыхъ лежали раненые. На одной изъ нихъ тяжело раненый казакъ Борисовъ еле-еле стонетъ. Тяжелое шествіе...

„Афганцы, афганцы!" раздается крикъ,—и всѣ бросаются смотрѣть плѣнныхъ. Это были шугнанцы, между которыми выдѣлялся одинъ молодой афганецъ, красавецъ юноша. Два пучка взбитыхъ волосъ, съ каждой изъ сторонъ головы, красиво выбивались изъ-подъ простѣлен-

наго головного убора. Пробитый пулями мундиръ его былъ изорванъ, видимо, во время рукопашной схватки. Онъ шелъ, высоко поднявъ голову, и окидывалъ сверкающимъ взглядомъ солдатъ. Шугнанцы почтительно шли съ грустными лицами, видимо ожидая чего нибудь страшнаго въ русскомъ лагерѣ.

— Ишь, смотри-ко, братцы,—говоритъ одинъ изъ солдатъ, указывая на афганца, — что значитъ судьба-то. Не суждено, такъ не умрешь. Глянь-ко у энтого аванганца и чалма, и мундиръ прострѣлены, да и весь какъ рѣшето истыканъ, а на емъ ни единой царапины нѣту а даве, когда мы въ аванганскую-то юрту забѣжали, глянулъ я въ ящикъ, а тамъ шугнанецъ, поваръ ихъ, сказывали, сидитъ, я его оттуда и выволокъ. Глянулъ, а онъ мертвый, пуля, значитъ, ему это въ самый глазъ угодила, какъ ни прятался сердешный, а нашла таки она его и въ ящикѣ подъ кошмами.

— Все Богъ,—возразилъ, вздохнувъ, другой солдатикъ,—на все Его святая воля.

— А „енъ“ какой вѣры будетъ?—спрашиваетъ молодой солдатъ унтеръ-офицера.

— „Магометчикъ“,—серьезно отвѣчаетъ тотъ.

— А энто что же за вѣра такая будетъ?—интересуется солдатъ.

— А такая же, какъ и у сарта,—поясняетъ унтеръ.

Удовлетворенный солдатикъ успокаивается.

Раздается барабанный бой къ обѣду.

— Становись на молитву!—кричитъ дежурный по ротѣ, и кучка солдатъ, съ котелками въ рукахъ, нестройнымъ хоромъ поетъ „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ“!...

VIII.

Бесѣда съ плѣнными. Афганецъ вмѣсто архара.

Мало-по-малу тяжелое впечатлѣніе, произведенное убитыми и ранеными сгладилось и жизнь на бивуакѣ вошла въ свою колею.

Ежедневно разставлялись посты, высылались секреты и заставы въ сторону, откуда ожидались афганцы, однимъ словомъ, дни тянулись скучно и однообразно. Единственнымъ нашимъ развлеченіемъ была бесѣда съ плѣнными и ихъ интересные разсказы очень занимали меня.

Была ясная, теплая погода, вѣтеръ, постоянно дувшій то съ одной стороны, то съ другой, притихъ, такъ что въ общей столовой нашей, которою намъ служила длинная палатка, было довольно сносно сидѣть, полотнище не хлестало по затылку и не сбивало фуражки.

Послѣ сытнаго обѣда и доброй порціи водки, мы, покуривая, сидѣли и вели оживленный разговоръ объ Абдурахманъ-ханѣ. Въ это время раздался выстрѣлъ. Въ одно мгновеніе мы повыскакали изъ столовой и увидѣли необыкновенной величины горнаго орла, бьющагося на землѣ; у него было переломлено крыло удачнымъ выстрѣломъ изъ карабина, направленнымъ извѣстнымъ охотникомъ капитаномъ Арсеньевымъ.

Громадный орелъ видимо изнемогалъ отъ боли, силясь подняться,— но напрасно. Я подошелъ къ нему ближе. Закинувъ голову назадъ и расширивъ свои красновато-огненные глаза съ черными зрачками, орелъ такъ сильно щелкнулъ клювомъ и издалъ такой ужасный крикъ, что я невольно сдѣлалъ шагъ назадъ.

Съ трудомъ удалось набросить арканъ на шею царя пернатыхъ и такимъ образомъ обезоружить его. Удивительно дѣло, самые смѣлые офицеры, увѣшенные орденами за доблести въ походахъ, не разъ встрѣчавшіеся со смертью лицомъ къ лицу, не могли подойти, боялись под-

битаго, обезсиленнаго, полуторааршиннаго орла, лишеннаго возможности даже подняться на воздухъ.

Пернатый плѣнникъ прожилъ въ отрядѣ три дня и издохъ, такъ какъ пуля повредила крыло, прошла сквозь грудь, зацѣпивъ немного легкое. Насмотрѣвшись на хищника, я отправился въ свою незатѣйливую хижину, чтобы прочитать газеты, которыя прибыли сюда только сегодня, и хотя новости были для всего міра уже застарѣлыми, т. е. совершившимися полтора мѣсяца тому назадъ, но все же на „крышѣ міра“ они были самыми свѣжими и мы съ жадностью поглощали ихъ. У меня въ карманѣ лежалъ номеръ „Новаго Времени“ и я былъ въ восторгѣ, такъ какъ кромѣ „Свѣта“, да этой газеты на этотъ разъ ничего не было получено.

Когда я подходилъ къ своей палаткѣ, въ надеждѣ удобно улечься и заняться чтеніемъ, сожитель мой, поручикъ Барановъ, выползъ изъ нея и направился къ виднѣвшимся вдали юртамъ.

— Куда это вы?—крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Да хочу поговорить съ плѣнными, пойдемте заодно.

— Пойдемте.

И мы отправились къ противоположному концу бивуака.

На разостланной кошмѣ, около небольшого шатра, сидѣло нѣсколько шугнанцевъ, а въ отдаленіи отъ нихъ въ красномъ мундирѣ, поджавъ подъ себя ноги,—афганецъ. Это былъ совершенно молодой, высокій, съ дышащимъ отвагою красивымъ лицомъ, юноша. Красный мундиръ чрезвычайно шелъ къ его смуглому лицу, а черные усики красиво пушились надъ верхнею губою, придавая молодому лицу его нѣсколько возмужалый видъ. Онъ бросилъ на насъ свой огненный взглядъ и поправилъ чалму на головѣ.

Подошелъ переводчикъ, и у насъ завязался оживленный разговоръ. Афганецъ отвѣчалъ очень охотно, и въ его тонѣ не было замѣтно и тѣни ненависти.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Гулдабанъ-Кудрявъ-ханъ, — отвѣтилъ плѣнный, — я родной братъ убитаго вчера капитана Гулямъ-Айдаръ-хана,—сказалъ онъ, и въ его голосѣ прозвучала грустная нотка.

— А самъ ты—офицеръ или солдатъ?

— Я?—вопросительно вскинулъ онъ глазами и ткнулъ себя въ грудь пальцемъ: — я солдатъ, но я окончилъ военную Кабульскую школу и долженъ два года отслужить въ войскахъ рядовымъ, и потомъ буду произведенъ въ дофордары [1]), а тамъ и въ офицеры.

— А твой братъ, давно онъ былъ капитаномъ и на Аличурскомъ посту?

— Видите-ли, — началъ афганецъ,—мой братъ занималъ очень видный постъ при эмирѣ; но когда въ 1888 году у насъ въ Афганистанѣ вспыхнуло возстаніе, и братъ эмира Исхакъ-ханъ отложился, то и мой братъ былъ на сторонѣ послѣдняго; за это, послѣ подавленія возстанія, онъ былъ лишенъ флигель-адъютантства и долгое время былъ въ изгнаніи, но потомъ вина его была прощена, и онъ получилъ назначеніе на Памиръ. Бѣдный, бѣдный мой братъ! — прибавилъ афганецъ и покачалъ головой. — Что теперь будетъ съ его семьею, если и меня разстрѣляютъ?

Онъ низко опустилъ голову.

— Нѣтъ, русскіе не разстрѣливаютъ своихъ военноплѣнныхъ,— успокоилъ я афганца:—напротивъ, лишь только наступитъ возможность, всѣ вы будете отпущены.

— А что большая семья осталась у твоего брата? — спросилъ Барановъ.

— Нѣтъ, только жена да маленькій сынъ, — отвѣтилъ плѣнный,— жена его молода и красива, и, оставшись совершенно одна, она скоро погибнетъ—у насъ въ Афганистанѣ не щадятъ красивыхъ женщинъ. Ахъ, зачѣмъ вы убили Гуляма! — покачалъ онъ опять головою. — А раненые гдѣ? — спросилъ онъ.

Я сказалъ, что оставлены на попеченіи киргизъ.

— Ну, значитъ, они умрутъ.

— Почему это? — удивился я,—къ нимъ два раза въ день ѣздитъ докторъ.

— Все равно,—отвѣтилъ афганецъ:—киргизы ненавидятъ насъ и непремѣнно прирѣжутъ ихъ при удобномъ случаѣ.

— А, пожалуй, это и правда,—сказалъ мнѣ Барановъ,—я тоже согласенъ съ предположеніемъ плѣннаго.

---

[1]) Дофордаръ—унтеръ-офицеръ.

Распрощавшись съ афганцемъ, мы отправились къ раненымъ. Сердце сжалось, когда я вошелъ въ темную юрту. Запахъ гніющаго тѣла заставилъ невольно сдѣлать шагъ назадъ. На грязной кошмѣ что-то копошилось, но глазъ, не привыкшій еще къ темнотѣ, не могъ различать предметы. Когда былъ отдернутъ тюнтякъ [1]), то передо мною открылась поражающая картина: двое раненыхъ афганцевъ лежали на кошмѣ и казались мертвыми. Двое сидѣли съ замотанными головами, а на перевязкѣ виднѣлись слѣды крови. Одинъ изъ несчастныхъ повернулъ ко мнѣ голову и что-то сказалъ, но это были не слова, а какіе-то раздирающіе душу стоны, вырвавшіеся изъ его прострѣленной въ двухъ мѣстахъ груди. Лежавшій около него афганецъ пошевелился и поднялъ голову, другой оставался неподвижнымъ. Эта неподвижность особенно обратила мое вниманіе. Конецъ ноги его, высунувшейся изъ-подъ закрывавшаго его тулупа, былъ какъ будто выточенъ изъ пожелтѣлой кости.

— Говоритъ-ли кто нибудь изъ васъ по-узбекски?—спросилъ я.

— Да, тюра, я немного говорю,—отвѣтилъ слабымъ голосомъ другой раненый, сидѣвшій въ глубинѣ юрты.

— Бываетъ-ли у васъ докторъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, тюра, не бываетъ, какъ перевязали насъ первый разъ, такъ и не пріѣзжалъ. Вотъ одинъ изъ товарищей уже умеръ, и никто его даже не увезетъ изъ юрты. Мы просили киргизъ, а тѣ говорятъ: „вытащимъ всѣхъ васъ, когда передохнете, собаки“.

Я слушалъ, не вѣря ушамъ своимъ, но факты были на-лицо.

— Мы ничего не ѣли съ тѣхъ поръ, какъ помѣстили насъ сюда, во рту горитъ, какъ въ печкѣ, а воды подать некому, киргизы совершенно отказываются помогать намъ, и даже грозились прирѣзать насъ, какъ барановъ. Попробовалъ я было проползти до рѣки,—говорилъ несчастный,—но силы не позволили, хотѣлъ изъ юрты вытащить мертваго—тоже не могъ... А вотъ этотъ, вѣроятно, не сегодня, такъ завтра отдастъ Богу душу,—сказалъ онъ, указывая на лежавшаго ничкомъ товарища...

У меня слезы подступили къ горлу. Барановъ, понуря голову, не понимая нашего разговора, сидѣлъ устремивъ свой взоръ въ сторону.

---

[1]) Верхняя кошма, закрывающая отверстіе сверху юрты.

Туземный базаръ на Памирскомъ посту.

Когда я сказалъ ему о томъ, что слышалъ отъ афганца, онъ возмутился.

— Это же свинство наконецъ,—проговорилъ онъ.—Вотъ наша пресловутая гуманность къ врагамъ, вотъ краснорѣчивый примѣръ ея,— возмутился онъ, и мы, обѣщавъ раненымъ сегодня же облегчить ихъ участь, отправились на бивуакъ.

Разсказъ нашъ о состояніи раненыхъ произвелъ сенсацію между офицерами, многіе изъ нихъ сейчасъ же отправились къ несчастнымъ, захвативъ съ собою обильное количество провіанта, а къ вечеру этихъ афганцевъ перевели въ отрядный лазаретъ; двое изъ нихъ были уже мертвы, а потому похоронены возлѣ могилы своихъ товарищей, павшихъ 12-го іюля.

Оставалось еще осмотрѣть развалины китайской крѣпости, гнѣздившейся надъ озеромъ, на одной изъ прибрежныхъ скалъ, и я отправился туда въ сопровожденіи мѣстнаго киргиза. Крѣпость представляла собою ни что иное, какъ четырехугольное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ, частью уже обвалившеюся, глинобитною стѣною и, видимо, съ проходомъ въ сѣверо-западной части. Здѣсь же стояли двѣ могилы съ старыми, полуразвалившимися надгробными памятниками и китайская кумирня съ камнемъ для жертвоприношенія Сума-Ташъ.

— Когда построена эта крѣпость?—спросилъ я у киргиза.

— Давно, тюра, я не помню, когда ее построили, но знаю, что китайцы занимали въ ней гарнизонъ, и ихъ джандаринъ [1]) ежегодно требовалъ отъ насъ, чтобы наши бій (старшины) пріѣзжали разъ въ годъ къ нему и кланялись въ ноги. Конечно, каждый изъ нихъ подносилъ джандарину или барана, или яка, а кто побогаче, то и цѣлаго верблюда—въ этомъ и состояла вся наша повинность. Вдругъ въ 1888 году нагрянули сюда афганцы. Китайцы хотѣли не допустить ихъ до занятія Яшиль-кулы, да только не смогли, и афганцы прогнали ихъ за перевалъ Харгушъ, разорили крѣпость и оставили на берегу рѣки Аличура своихъ солдатъ.

— Ну, а при комъ вамъ спокойнѣе жилось,—спросилъ я,—при афганцахъ или при китайцахъ?

[1]) Джандаринъ—генералъ.

— Конечно, таксыръ, при китайцахъ. Афганцы — это лютые звѣри,—съ ожесточеніемъ въ голосѣ говорилъ киргизъ. — Они обирали насъ, силою отнимали женъ и дочерей и держали на своемъ посту.

Теперь я понялъ глубокую, мстительную ненависть, которую питали киргизы къ своимъ истязателямъ.

Мы стали спускаться съ горы и уже совершенно дошли до озера, какъ вдругъ киргизъ тревожно схватилъ меня за рукавъ.

— Смотри, тюра, что это? — испуганно спросилъ онъ, указывая на столбъ пыли, поднимавшійся въ долинѣ. Я заслонилъ глаза рукою отъ солнечныхъ лучей и взглянулъ. Нашъ табунъ, погоняемый солдатами, бѣжалъ по направленію къ бивуаку.

Сотня казаковъ пронеслась мимо меня, а въ лагерѣ была тревога. Войска становились въ ружье.

— Что такое? — спрашивалъ я каждаго, попадавшагося мнѣ на встрѣчу, но никто ничего не зналъ. Я сѣлъ на лошадь и поскакалъ за казаками.

— Что такое означаетъ эта тамаша [1])?—спрашиваю казачьяго офицера.

— А видите-ли, афганскій кавалерійскій разъѣздъ, не зная о стычкѣ 12-го іюля, случайно наткнулся на наши пикеты и, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, показалъ тылъ,—отвѣтилъ мнѣ хорунжій.

Мы ѣхали рысью. Киргизы скакали впереди, отыскивая слѣды афганскихъ лошадей. Около ущелья слѣды исчезли, а потомъ ясно было замѣтно, что они расходились въ двѣ противоположныя стороны. Очевидно, афганцы раздѣлились на двѣ партіи.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія было рѣшено направить погоню по двумъ направленіямъ.

Было уже темно, когда мы остановились въ темномъ узкомъ ущельѣ, рѣшивъ, что поиски совершенно напрасны. Лошади наши сильно утомились и были покрыты пѣною. Луна своимъ желтымъ дискомъ блѣдно освѣщала вершины горъ.

[1]) Тамаша—собственно празднество, а также употребляется иногда въ смыслѣ кавардакъ, безпорядокъ.

— Что-жъ, назадъ?—обратился къ намъ капитанъ С., участвовавшій также въ погонѣ.

Въ это время нѣсколько камней скатилось съ противоположнаго скалистаго обрыва.

— Тсъ! господа, архары [1]),—обратился къ офицерамъ С., ярый и безстрашный охотникъ: — они теперь спускаются для водопоя. Не поймали афганцевъ, то, по крайней мѣрѣ, привеземъ архара, все-же не съ пустыми руками возвратимся.

Съ этими словами онъ взялъ у одного казака винтовку и, оставивъ лошадь, направился къ мѣсту, куда свалились камни. Прошло уже достаточно времени, а выстрѣла не было. Вдругъ до насъ долетѣлъ громкій голосъ С., кричавшаго намъ: „сюда! — афганцы!“ Въ одинъ моментъ мы были на лошадяхъ и подскакали къ тому мѣсту, откуда раздавался призывъ. Подняться на лошади было невозможно на крутой скатъ, и мы, оставивъ ихъ коноводамъ и, карабкаясь по камнямъ, забрались на вершину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ капитана валялся трупъ павшей лошади, а недалеко отъ нея стоялъ человѣкъ. Другой сидѣлъ верхомъ и не скрывался при нашемъ появленіи, очевидно, не желая оставлять товарища. Мы подошли къ нимъ. Это были два афганскихъ кавалериста. Просто невѣроятнымъ казалось, что они поднялись по такой кручѣ на лошадяхъ.

— Гдѣ остальные?—спросилъ капитанъ афганца.

— Это они сами знаютъ,—отвѣтилъ афганецъ.

Казаки сняли съ нихъ оружіе, послѣ чего одинъ изъ рисоля (кавалеристовъ) разсмѣялся.

— Отчего онъ хохочетъ, спроси его?—сказалъ переводчику капитанъ.

— Оттого, что я теперь настоящая баба! — отвѣчалъ чистымъ узбекскимъ языкомъ афганецъ, такъ что я понялъ его отвѣтъ, и при этомъ онъ указалъ жестомъ, что лишенъ оружія.

Офицеры наши, бывшіе здѣсь, поспѣшили предупредить его, что русскіе обращаются съ плѣнными гуманно, но афганецъ, повидимому, мало убѣдился этимъ и возразилъ:

---

[1]) Архаръ (Polis ovis)—каменный баранъ, живущій только на снѣговой линіи Памира, открытый извѣстнымъ путешественникомъ Марко-Поло.

— Дайте мнѣ чаю и лепешекъ, а потомъ вѣшайте, только теперь я очень голоденъ!

Всю дорогу онъ шутилъ и велъ себя такъ, что пріобрѣлъ всеобщую симпатію.

— Вотъ тебѣ и архаръ, — шутилъ С., — ужъ такого архара я никакъ не ожидалъ встрѣтить.

У пойманнаго афганца было найдено письмо къ убитому Гулямъ-Айдару, которому Файзабадскій губернаторъ предлагалъ возвратиться въ Бадахшанъ, передавъ постъ посланному, а также и письмо отъ жены несчастнаго капитана. Но не суждено было ему читать эти строки, написанныя любящей рукой. Читалъ ихъ начальникъ отряда, и слезы покатились по щекамъ туркестанскаго героя.

Бѣдная женщина умоляла мужа скорѣе пріѣхать въ Файзабадъ для опредѣленія сына въ военную школу. Столько заботливости и нѣжной любви было въ этомъ письмѣ! Тяжело становилось при мысли, что скоро бѣдная афганка узнаетъ о судьбѣ своего любимаго мужа, и горькія слезы польются рѣкою изъ ея прекрасныхъ глазъ.

IX.

Стоянка на Яшиль-кулѣ. Причины стоянки. Охота на кіика.

Былъ необыкновенно жаркій день. Солнце какъ-бы остановилось въ зенитѣ и своими палящими лучами особенно пригрѣвало каменистую почву Памира. Удивительное дѣло, вчера холодъ, даже снѣжокъ передъ разсвѣтомъ выпалъ, а теперь вдругъ такая жара, что еле-еле спасаешься отъ нея подъ низкой палаткой, на которую солдаты то и дѣло льютъ воду изъ парусиновыхъ ведеръ, чтобы хоть этимъ уменьшить невѣроятную духоту, царящую въ ней.

— Ухъ! — стонетъ мой сосѣдъ, валяясь въ одномъ бѣльѣ на своей походной кровати.—Просто невыносимо становится, не пройти-ли намъ въ юрту къ капитану П.,—говоритъ онъ,—тамъ навѣрно прохладнѣе.

— А что-жъ, идемте,—отвѣчаю я.

И мы, надѣвъ на босую ногу уже изрядно истрепанныя туфли, идемъ по направленію къ виднѣющейся юртѣ ротнаго командира.

Мы были не первые. Въ юртѣ капитана собралось довольно много народа; всѣ были въ костюмахъ, подобныхъ нашимъ, т. е. вѣрнѣе безъ костюмовъ, и въ разнообразныхъ положеніяхъ сидѣли на постланныхъ кошмахъ. Посреди кружка стоялъ уже опустѣвшій кунганъ.

— Милости просимъ, — привѣтствовалъ насъ хозяинъ. — Чайку не прикажете-ли?—и онъ, не дожидаясь нашего отвѣта, позвалъ денщика и приказалъ „подогрѣть кунганъ“.

Въ юртѣ было свѣжѣе. Небольшой сквозничекъ пріятно подувалъ на насъ и, охлаждая вспотѣвшее тѣло, заставилъ свободно и легко вздохнуть полною грудью.

— Что новаго, господа? — спросилъ поручикъ Барановъ, когда мы усѣлись на кошмѣ.

— Да ничего утѣшительнаго,—отвѣтилъ капитанъ:—сидимъ на мѣстѣ, да и только, приказаній для дальнѣйшаго слѣдованія все еще нѣтъ, и полковникъ опасается, какъ-бы намъ не опоздать съ углубленіемъ въ Шугнанъ, такъ какъ иначе перевалы будутъ закрыты, и возвращеніе въ Фергану отрѣзано.

— Да чего-же онъ не двигается самъ дальше, не дожидаясь приказаній?—спросилъ я, — вѣдь пошелъ-же онъ сюда, дѣйствуя совершенно въ разрѣзъ съ предписаніемъ [1])? Вѣдь за стычку 12-го іюля онъ не имѣлъ никакого разноса, напротивъ, Государь Императоръ прислалъ по поводу ея телеграмму: „иногда не мѣшаетъ проучить". Слѣдовательно, отчего же и не проучить еще разъ, не правда-ли, господа?

— Совершенно вѣрно, — замѣтилъ П., — вы правы, да и самъ Іоновъ нисколько не прочь сейчасъ же двинуться и занять Шугнанъ, это вѣдь его завѣтная мечта, и онъ страшно досадуетъ теперь, что она почти неосуществима.

П., котораго очень любилъ начальникъ отряда, хорошо зналъ положеніе дѣла, а потому мы особенно внимательно отнеслись къ этой новости.

— Почему-же неосуществима?—спросилъ Барановъ.

— А по простой причинѣ,—отвѣтилъ П.,—когда у одного ребенка десять нянекъ, то дитя зачастую остается безъ глазъ.

Мы съ удивленіемъ взглянули на капитана, который не замедлилъ удовлетворить наше любопытство.

— Видите-ли, господа,—сказалъ онъ.—Полковникъ Іоновъ былъ еще до начала похода противъ назначенія подполковника Громбчевскаго въ составъ отряда. Онъ хорошо понималъ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся. Какъ Громбчевскій, такъ и Іоновъ оба стремились къ одной цѣли—блеснуть звѣздою надъ „крышею міра": Громбчевскому это удалось ранѣе, и онъ уже создалъ себѣ имя извѣстнаго изслѣдователя Памира. Теперь предстояло завоеваніе этой обширной области, которое было возложено на нашего начальника отряда. Вдругъ къ нему назначаютъ совершенно постороннее лицо, и не подъ его вѣдѣніе, а вполнѣ самостоятельно дѣйствующее на Памирѣ, „начальника памирскаго населенія", под-

[1]) По распоряженію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отряды не должны были переходить рѣки Мургабъ,—предписаніе же это опоздало.

полковника Громбчевскаго, которому вмѣняется содѣйствовать отряду въ доставкѣ перевозочныхъ средствъ, проводниковъ, а также, какъ прекрасно знающему географическое положеніе Памира, быть руководителемъ отряда при переходахъ черезъ изслѣдованныя Громбчевскимъ мѣста, карты которыхъ еще не вышли изъ Туркестанскаго топографическаго отдѣла. Такое назначеніе было не особенно-то пріятно Іонову, человѣку самостоятельному и рѣшительному, а потому онъ очень недружелюбно отнесся къ Громбчевскому. Между обоими штабъ-офицерами на первыхъ же порахъ завязались враждебныя отношенія. Какъ вы знаете, они оба избѣгаютъ встрѣчи, и Громбчевскій поставилъ свои юрты даже внѣ района расположенія отряда.

— Но, при чемъ же теперь-то Громбчевскій въ вопросѣ дальнѣйшаго движенія?—спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ узнаете,—сказалъ капитанъ и, затянувшись трубкой, продолжалъ: — теперь, послѣ донесенія начальника отряда военному министру о необходимости дальнѣйшаго движенія, онъ смѣло бы могъ, не дождавшись отвѣта, несомнѣнно отрицательнаго, двинуться дальше. Вѣдь афганцы недалеко и грозятъ наступленіемъ, и это обстоятельство можетъ служить вѣрнѣйшимъ поводомъ къ походу. Пройдетъ два, три дня, войска будутъ уже далеко, а телеграмма о возвращеніи опоздаетъ, и цѣль Іонова будетъ достигнута, начнется война съ Афганистаномъ, на его долю выпадетъ слава завоевателя Памира, Шугнана и Рошана и русскій флагъ гордо разовьется надъ Индіей. Но вотъ тутъ-то и явилась помѣха въ лицѣ начальника памирскаго населенія. Запасы истощились, ячменя совершенно нѣтъ, такъ что небольшое его количество выписано съ Мургаба и не сегодня, завтра прибудетъ съ первой ротой, уже выступившей къ намъ [1]). Для того-же, чтобы поднять отрядъ и направиться въ глубь Шугнана, необходимъ огромный транспортъ, для котораго у насъ не имѣется лошадей, ни подъ сухари, ни подъ фуражъ.' Вотъ тутъ-то полковникъ и обратился къ Громбчевскому, ко-

[1]) Въ горной войнѣ на границахъ Индіи и Афганистана не такое значеніе имѣетъ количество наступающаго войска, какъ исправное и обильное довольствіе его. Съ голодными людьми и лошадьми ничего не подѣлать, такъ какъ ни провіанта, ни фуража на Памирѣ не достать ни за какія деньги.

нечно, оффиціальнымъ путемъ, чтобы тотъ доставилъ ему необходимое количество лошадей для движенія въ Шугнанъ. Не тутъ-то было. Отлично зналъ Громбчевскій, что начальникъ отряда хочетъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для выступленія, не дожидаясь приказаній, и отвѣтилъ ему, что не имѣетъ возможности исполнить просьбу, но что на случай приказанія, которое ожидается черезъ нѣсколько дней, имъ уже сдѣлано распоряженіе о пригонѣ табуновъ. Вотъ теперь полковнику и приходится сидѣть на Яшиль-кулѣ, досадуя на себя, что не захватилъ отряднаго обоза. Сдѣлали поблажку подрядчику, разрѣшили ему въ два пріема перевозить фуражъ, вотъ теперь и сидимъ, когда могли бы уже быть въ Шугнанѣ.

— Да, досадно,—сказалъ Барановъ.

— Еще бы не досадно! Хорошо, если приказаніе будетъ немедленно двигаться дальше, а если нѣтъ?—тогда, вѣдь, зазимуемъ на этомъ проклятомъ мѣстѣ,—отвѣтилъ П.

Нечего сказать, пріятная перспектива, — подумалъ я и, наливъ въ чашку горячаго чайку, сталъ отхлебывать его, обливаясь струями пота, который, охлаждаемый вѣтромъ, пріятно-холодными струйками текъ по шеѣ.

Вдругъ дверь кибитки поднялась и, согнувшись, вошелъ въ юрту казачій офицеръ.

— А, Петръ Петровичъ!—привѣтствовали мы его.

Начались рукопожатія.

— А я, господа, къ вамъ съ предложеніемъ,—обратился онъ къ намъ,—не составитъ-ли кто мнѣ компанію поохотиться за архарами.

— За архарами?—переспросилъ я,—развѣ теперь время?

— Самое настоящее,—замѣтилъ хорунжій,—тѣмъ болѣе, что съ нами отправляется извѣстный охотникъ, киргизъ Хасанъ-бекъ.

— Вотъ охота по горамъ таскаться, — возразилъ капитанъ, видимо очень недовольный, что казакъ покушается нарушить его собраніе и лишить его возможности продолжать начатую бесѣду. Однако ему не пришлось остаться безъ собесѣдниковъ. На вызовъ хорунжаго отозвался лишь я одинъ. Охота на архара или кіика всегда была для меня мечтою, и вотъ эта мечта осуществляется.

Положимъ, я уже и ранѣе охотился въ горахъ, но охоты были

всѣ неудачны, и я ограничился лишь тѣмъ, что видѣлъ только слѣдъ звѣрей, за которыми ползалъ по скаламъ въ теченіе трехъ сутокъ.

— Когда же ѣдемъ?—спросилъ я.

— Да что же, съ разсвѣтомъ можно,—сказалъ хорунжій.—Берите карабинъ, чая заварки двѣ, сахару да чашку, больше ничего не нужно. Ну, такъ больше никто, господа?—спросилъ онъ.

Никто не выразилъ желанія.

— Ну, до свиданія, — и, отдавъ честь компаніи, хорунжій вышелъ.

Болѣе меня уже не интересовали разговоры, я думалъ о предстоящей охотѣ и радовался удачному времени, въ которое выпалъ мнѣ этотъ случай.

Уже свѣтало, когда мы садились на лошадей и въ сопровожденіи какого-то киргиза тронулись въ путь. Узкая тропа пролегала по краю обрыва, то поднимаясь, то опускаясь почти къ самымъ водамъ шумящей рѣки. Два раза пришлось намъ перейти въ бродъ рѣку, и наконецъ мы свернули въ одно изъ чернѣвшихся ущелій, продолжая слѣдовать за проводникомъ. Чѣмъ дальше углублялись мы въ ущелье, тѣмъ природа окружныхъ горъ замѣтно измѣнялась. Наконецъ на одной изъ зеленыхъ площадокъ я увидѣлъ нѣсколько киргизскихъ юртъ, маленькими грибочками сѣрѣвшихъ на зеленомъ фонѣ травы. Около одной стояла киргизка, у которой на рукахъ былъ грудной ребенокъ. Увидя насъ, она быстро скрылась въ юрту, откуда вышелъ старый киргизъ съ почтенною наружностью.

— А, саломатъ! саломатъ! тюраляръ! (здравствуйте, господа) — прошамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, взялъ подъ уздцы мою лошадь одной рукой и принялъ поводья изъ рукъ хорунжаго.

— Ей, Игамъ-берды!—крикнулъ старикъ.

— А?—лѣниво отозвался кто-то на его зовъ изъ юрты, и вслѣдъ затѣмъ толстый, но еще молодой киргизъ, съ лоснящимися жирными, сильно выдающимися скулами вылѣзъ изъ узкой двери юрты и, улыбаясь во весь ротъ, обнажилъ свои ровные, сверкающіе бѣлизною зубы.

— Возьми лошадей,—сказалъ ему старикъ, и киргизъ, апатично собравъ поводья и заложивъ руки назадъ, сталъ водить лошадей.

— Хасанъ ёкъ [1]),—сказалъ киргизъ.—Хасанъ уѣхалъ, завтра пріѣдетъ.

Такое извѣстіе сильно огорчило насъ. Безъ Хасанъ-бека, знавшаго всѣ мѣста, какъ свои пять пальцевъ, охота была бы затруднительною. Дѣлать нечего, мы рѣшились ждать его до слѣдующаго дня, а тамъ, если бы онъ не пріѣхалъ, охотиться однимъ. Старикъ отстегнулъ висячую, сдѣланную изъ длинныхъ щепочекъ, дверь, и мы, согнувъ спины, вошли въ юрту. Непріятный кислый запахъ чего-то прѣлаго сразу пахнулъ на насъ, и я просилъ хозяина открыть тюнтякъ, т. е. снять кусокъ кошмы, закрывавшей верхнее отверстіе юрты. Яркій свѣтъ ворвался въ темную кибитку, и я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ меня киргизку, возившуюся съ небольшимъ барашкомъ, повидимому чѣмъ-то больнымъ. Хозяинъ, замѣтя, что намъ непріятно такое зрѣлище, сморщилъ брови и суровымъ голосомъ крикнулъ „китъ!“ (пошла), и киргизка моментально исчезла.

Мы сидѣли на коврѣ. Въ юрту понемногу стали набираться обитатели аула, и всѣ они, каждый погладивъ обѣими руками бороду и проговоривъ свое „саломъ-а-лейкумъ“ (здравствуйте), протянувъ намъ каждому обѣ руки, садились, поджавъ подъ себя ноги, и сказавъ „Хасанъ ёкъ“, изрѣдка перебрасывались другъ съ другомъ фразами, а снаружи доносились распоряженія хозяина о приготовленіи намъ угощенія. Вскорѣ турсуки съ кумысомъ, киргизскій творожный сыръ „крутъ“, „баурсаки“, т. е. лепешки на бараньемъ салѣ, каймакъ—сливки, все было передъ нами, а въ заключеніе мы были угощены жареною на вертелѣ бараниной, да такою, что просто слюнки текли при видѣ немного подпеченнаго куска жирнаго мяса.

Между тѣмъ для насъ была приготовлена самая нарядная юрта; появились прекрасныя одѣяла и даже сальная свѣча была вставлена въ какой-то допотопный, но русской фабрикаціи подсвѣчникъ, какими-то судьбами попавшій въ эту горную трущобу Памира. Устроившись въ новомъ помѣщеніи, мы пригласили хозяина къ себѣ и угостили его водкой, до которой старикъ оказался большимъ охотникомъ; проглотивъ стаканчикъ, онъ сталъ вдругъ замѣчательно разговорчивымъ и веселымъ. Удивительное дѣло, какъ туземцы любятъ „аракъ“—

[1]) ёкъ—нѣтъ.

водку, къ какимъ удовольствіемъ пьютъ ее они, но такъ какъ по корану спиртные напитки имъ запрещены, то они употребляютъ ихъ чрезвычайно секретно. Русскихъ они, въ этомъ случаѣ, не стѣсняются, но всегда просятъ никому не говорить.

Такимъ образомъ мы остались до сумерекъ въ юртахъ и, благодаря теплымъ одѣяламъ, довольно сносно провели ночь, которая не отличалась теплотою. Я проснулся почти съ разсвѣтомъ и первымъ дѣломъ пошелъ освѣдомиться, пріѣхалъ-ли Хасанъ. Какова же была моя радость, когда на мой вопросъ изъ темноты раздался голосъ старика: „Кильды, тюра, Хасанъ кильды"! (пріѣхалъ, баринъ, Хасанъ пріѣхалъ).

Вслѣдъ за этимъ изъ юрты вылѣзъ и самъ ожидаемый охотникъ. Это былъ средняго роста, крѣпко сложенный, батырь съ смуглымъ лицомъ и сильно выдающимися скулами. Узкіе прорѣзы глазъ, по-китайски, поднялись наружными уголками кверху, и черезъ нихъ лукаво проглядывали быстрые и не лишенные ума зрачки. Маленькіе черные усы и на концѣ подбородка жалкая мочалистая бородка дополняли наружность его; что поражало въ немъ—это бѣлые, какъ-бы выточенные изъ слоновой кости, крѣпкіе зубы. Вообще киргизы отличаются прекрасными зубами и объясняютъ это тѣмъ, что не ѣдятъ совсѣмъ ничего соленаго и мало употребляютъ мяса, питаясь молочною пищею.

— Кайда, тюра, казакъ? (гдѣ казакъ)—спросилъ Хасанъ, протягивая мнѣ обѣ руки.

— Спитъ!—сказалъ я, и мы направились къ нашей юртѣ.

— Ну, что, ѣдемъ?—спросилъ я Хасана.

— Якши, тюра, хорошо. Только знаешь что?— сказалъ онъ,— лучше выѣдемъ мы сейчасъ верхами, у Ходжа-Серкера въ аулѣ оставимъ лошадей, поднимемся по ручью „екибулакъ" и какъ разъ къ вечеру будемъ на мѣстѣ, гдѣ я въ прошлый разъ убилъ кіика (козла), когда онъ спускался на водопой; тамъ переночуемъ и на утро поднимемся къ снѣгу, а тамъ, если архаровъ не увидимъ, то навѣрное убьемъ кіика.

— А развѣ архаровъ нѣтъ?—спросилъ я, съ горечью въ душѣ думая, что и теперь не поохочусь за архарами.

— Нѣтъ, тюра, архаръ есть, только ужъ высоко очень. Если хочешь, поднимемся и выше—„хопъ"? (хорошо)—закончилъ онъ свой

проектъ.—Только, тюра, „итыкъ яманъ"! (сапоги плохіе), — прибавилъ Хасанъ, глядя на мои выростковые сапоги. — Мои лучше—а? Хочешь, у меня есть еще пара, я тебѣ ихъ дамъ, да и другому тюрѣ—казаку достану.

Скрывшись въ юрту, онъ вытащилъ оттуда два свертка кожи. Конечно, я не замедлилъ тщательно разсмотрѣть предложенную мнѣ обувь, которая состояла въ мягкомъ сапогѣ безъ каблуковъ и изъ нѣсколькихъ кусковъ сыромятной кожи; изъ нихъ одинъ накладывался подъ подошву, а остальными обматывалась вся нога, и все это завязывалось воловьими жилами. Въ такой лишь обуви и возможно бродить по горнымъ дебрямъ и въ особенности въ погонѣ за кіиками и архарами. Поблагодаривъ киргиза за цѣнный, въ настоящую минуту, подарокъ, я отдарилъ его кинжаломъ и обѣщалъ дать водки, чему онъ особенно обрадовался, и мы пошли будить спящаго товарища.

— Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ, — тормошилъ я спящаго хорунжаго.

— Мм... аа?..—произнесъ онъ и, потянувшись, поднялся на руки.

— Ѣдемъ! Хасанъ уже здѣсь.

Онъ вскочилъ.

— Хасанъ!—крикнулъ онъ.

— До-бай, тюра? (что прикажете)—спросилъ киргизъ.

— Ѣдемъ!

— Хопъ, таксыръ (слушаю-съ).

Черезъ нѣсколько минутъ мы, въ сопровожденіи Хасана, выѣхали въ путь и направились вверхъ по горному ручью, берега котораго были покрыты колючими кустиками терескена. Высокія скалы сурово громоздились надъ нами, а впереди въ безконечное небо уходили снѣжныя вершины одного изъ отдаленныхъ хребтовъ. Путь, усѣянный острыми осколками сорвавшихся и расколовшихся каменныхъ глыбъ, былъ достаточно неудобенъ для лошадей, но наши киргизскіе горцы, очевидно, привыкшіе къ подобнымъ путямъ, шли бодро, ловко лавируя между камнями. Было довольно снѣжно, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ холодъ дѣлался ощутительнѣе.

Наконецъ, стали попадаться уже цѣлыя площади неотталвшаго

еще съ зимы снѣга, вѣроятно, потому, что солнечные лучи не проникаютъ въ это темное, узкое, загроможденное скалами, ущелье. Такимъ образомъ, проѣхавъ безъ остановки часа четыре, все поднимаясь по тому же ручью, мы повернули въ одно изъ ущелій, въ которомъ, говорилъ Хасанъ, находится знакомый ему аулъ, гдѣ и предполагалось остаться на ночевку. Дѣйствительно, на небольшой равнинѣ намъ попался, на тощей, съ виду заморенной, лошаденкѣ, киргизъ, гнавшій небольшое стадо барановъ, который, обмѣнявшись привѣтствіемъ съ Хасаномъ, что-то сказалъ ему и проѣхалъ мимо.

Наконецъ, я увидѣлъ четыре юрты, и мы на рысяхъ подъѣхали къ аулу.

Та же встрѣча любопытныхъ обитателей, то же угощеніе бараниной и кумысомъ, какъ и у Хасана, повторились и здѣсь, только съ тою разницею, что приносила намъ угощеніе жена аульнаго старшины, молодая, здоровая и чрезвычайно красивая киргизка, все время закрывавшаяся рукавомъ своей рубашки и скалившая прелестные бѣлые зубы. Хасана обступила цѣлая толпа, и мы, въ отведенной намъ юртѣ, уже пили чай и рѣшили, передохнувъ немного, идти въ засаду, гдѣ козелъ спускается на вечерній водопой.

Начинало смеркаться.

— Ну, тюра, „айда“ (пойдемъ),—сказалъ мнѣ Хасанъ.

Онъ все время обращался ко мнѣ, такъ какъ я говорилъ по-киргизски. На этотъ разъ лицо его было серьезно; за спиной былъ крѣпко приторочень мултукъ (ружье), а на поясѣ болтались разные мѣшочки съ порохомъ и дробью, неизбѣжный ножъ, а также кремень и кресала.

Презабавная штука у киргизъ — это ихъ „мултукъ“, и можно лишь удивляться, какъ они мѣтко и всегда удачно изъ него стрѣляютъ, да иначе же представить себѣ невозможно, такъ какъ на заряженіе его употребляется не менѣе 20 минутъ. Мултукъ состоитъ изъ толстаго, утолщеннаго къ верхней части, ствола съ нарѣзнымъ каналомъ въ 8 мм. въ діаметрѣ. Стволъ привязанъ проволокой къ куску дерева, напоминающаго пистолетное ложе. Около дульной части устроена рогатина, служащая стойкою и упоромъ во время стрѣльбы. Выстрѣлъ производится помощью фитиля, приставляемаго къ затравкѣ.

Зарядъ и пуля закладываются съ дульной части; пуля представляетъ собою просто кусочекъ спресованнаго свинца и туго забивается въ дуло. Однако такое первобытное оружіе не мѣшаетъ киргизу стрѣлять изъ него на довольно далекое разстояніе и быть отличнымъ стрѣлкомъ.

Въ нѣсколько минутъ я уже былъ готовъ, а хорунжій отказался идти, говоря, что лучше поберечь силы для завтрашней тяжелой и болѣе интересной охоты, и хотя я сначала и подосадовалъ на него за подобную, недостойную охотника, лѣность, однако впослѣдствіи ужасно завидовалъ его бодрости духа.

Мы вышли съ Хасаномъ вдвоемъ и бодрымъ шагомъ стали подниматься по довольно крутому скату горы. Мѣстами намъ попадались узенькія, едва замѣтныя тропинки, пробитыя козлами, которые всегда ходятъ по старымъ путямъ. Уже было почти совсѣмъ темно, когда мы подошли къ журчащему по камнямъ ручейку и сѣли подъ большою, старою арчею.

— Ну, здѣсь,—сказалъ Хасанъ,—теперь, тюра, сиди и смотри, а я пойду вонъ за ту арчу.

Приведя въ порядокъ свое оружіе, онъ отправился по указанному направленію и скоро скрылся за камнями. Громадный дискъ луны какъ бы вынырнулъ изъ-за горъ и своимъ мѣднымъ свѣтомъ озарилъ ущелье, живописно играя въ журчащей водѣ ручейка. Стало довольно свѣтло, и я даже различалъ арчу, за которою сидѣлъ Хасанъ. Все было тихо, и мнѣ казалось, что я слышу удары своего сердца; я ждалъ съ нетерпѣніемъ желаннаго гостя, но, повидимому, судьба намъ не благопріятствовала.

Просидѣвъ такимъ образомъ часа два, я вдругъ услышалъ приближающійся шорохъ по камнямъ, взвелъ курки и приготовился. Шорохъ затихъ и вдругъ снова раздался съ большею силой. Каково же было мое разочарованіе и досада, когда вмѣсто кіика ко мнѣ подошелъ Хасанъ.

— Нѣтъ, тюра, теперь кіикъ уже не придетъ,—сказалъ онъ,—пойдемъ-ка въ аулъ и съ разсвѣтомъ сами отправимся на поиски.

— Не повезло!—подумалъ я и печально побрелъ за Хасаномъ.

— Что, много убили?—иронически спросилъ меня хорунжій.

Но мнѣ было не до шутокъ, и я оставилъ вопросъ его безъ отвѣта. Съ чувствомъ полнаго разочарованія закутался я въ одѣяло и крѣпко заснулъ. Однако недолго пришлось мнѣ отдыхать. Хорунжій спалъ цѣлый день, отчего ему не спалось, и онъ, сговорившись съ Хасаномъ выйти возможно раньше, въ три часа безпощадно разбудилъ меня. Дѣлать было нечего: несмотря на то, что хотѣлось страшно спать, я былъ менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ совершенно готовъ, а умывшись свѣжею водою и выпивъ чашку кумыса, даже почувствовалъ себя необыкновенно бодрымъ. Начинало свѣтать, когда мы подошли къ ручью, по которому ѣхали вчера, и стали подниматься по направленію къ снѣжнымъ вершинамъ, казавшимся въ весьма близкомъ отъ насъ разстояніи и скрывавшимся изъ глазъ, по мѣрѣ приближенія нашего къ крутой горѣ, по которой мы начали взбираться. Лѣзть было довольно тяжело; камни вырывались изъ-подъ ногъ, и съ шумомъ, увлекая въ своемъ паденіи множество мелкихъ осколковъ, катились внизъ. Иногда попадалась небольшая, полусгнившая арча.

Ну, вотъ, наконецъ вершина, — подумалъ я, глядя вверхъ и замѣчая, что гора будто кончается; я сбираю силы и въ одинъ махъ залѣзаю на мнимую вышку, но, увы, передо мною открывается небольшая равнина, а дальше опять такая же и даже болѣе высокая гора, надъ которою все такъ же близко возвышаются снѣжныя вершины.

— Что, Хасанъ, скоро снѣгъ?—спросилъ я.

— Іокъ (нѣтъ), къ вечеру развѣ доберемся,—невозмутимо лѣниво, небрежно переставляя ноги, сказалъ онъ.

Я сѣлъ на камень и, закуривъ папироску, невольно бросилъ взглядъ и не могъ не полюбоваться чудной картиной. Ручейка не было видно, и громадные камни, казавшіеся такими большими, теперь имѣли видъ булавочной головки, а ущелье, изъ котораго мы вышли, утопало въ какомъ-то дымчато - голубоватомъ туманѣ. Со всѣхъ сторонъ возвышались снѣжные хребты, утопавшіе въ голубомъ небѣ своими, позолоченными восходомъ солнца, снѣжными головами.

Дальше подъемъ становился все тяжелѣе и тяжелѣе. Часто приходилось чуть не ползкомъ пролѣзать по такимъ мѣстамъ, гдѣ, какъ сказалъ поэтъ: „лишь злой духъ одинъ шагалъ, когда, низверженный

съ небесъ, въ бездонной пропасти исчезъ". Голова не выдерживала, когда посмотришь внизъ, и мысль о томъ, что можно легко сорваться, заставляетъ быть очень осторожнымъ.

Ползя все выше и выше и часто спугивая кекеликовъ [1]) и уларовъ [2]), мы къ полудню забрались на значительную высоту и пошли по гребню хребта, покрытому арчею.

— Вотъ туда пойдемъ,—сказалъ Хасанъ, указывая на видиѣвшуюся снѣжную массу, какъ разъ впереди насъ:—тутъ, коли Аллахъ поможетъ, мы увидимъ козловъ, а быть можетъ и архаровъ.

Я чувствовалъ сильную усталость и досадовалъ на хорунжаго, который слегка подтрунивалъ надо мною и вчерашней моей охотой. Мы усѣлись подъ небольшимъ камнемъ и закусили захваченной вареной бараниной и лепешками. Становилось значительно теплѣе, и солнце даже довольно сильно припекало. Подкрѣпивъ свои силы, мы, карабкаясь по невѣроятнымъ глыбамъ, добрались часамъ къ четыремъ до снѣговой линіи.

Холодъ былъ сильный и, несмотря на солнце, давалъ себя чувствовать. Мы были на краю громаднаго обрыва. Ноги и руки, изорванные о камни, сильно болѣли, и отдыхъ казался необходимымъ.

— Здѣсь заночуемъ?—спросилъ я Хасана.

— Какъ хочешь, тюра...

Онъ не договорилъ и сталъ пристально смотрѣть внизъ, гдѣ далеко въ пропасти виднѣлись нѣсколько деревьевъ арчи.

— Кіики!—таинственнымъ голосомъ проговорилъ Хасанъ.

— Кіики?—повторили мы, и всякая усталость была забыта.

Я долго не могъ разглядѣть ничего тамъ, куда указывалъ мнѣ пальцемъ Хасанъ, и, наконецъ, увидѣлъ двухъ козловъ, щипавшихъ траву около небольшой арчи. Мы порѣшили спуститься. Кіики были возлѣ самаго обрыва, на небольшомъ, почти неприступномъ карнизѣ, и убить ихъ тамъ было бы безполезно, такъ какъ они достались бы развѣ беркутамъ и стервятникамъ; мы рѣшили дѣйствовать такимъ образомъ. Хасанъ долженъ спуститься и зайти по возможности въ сторону и выстрѣломъ заставить ихъ перемѣнить свое мѣсто, а мы

[1]) Кекликъ— горный рябчикъ.
[2]) Уларъ—горная индюшка.

Памирскіе охотники съ убитыми архарами и кіиками.

предполагали спуститься и ждать, когда добыча приблизится на ружейный выстрѣлъ.

Хасанъ быстро исчезъ, а я и хорунжій стали спускаться. Спускъ представлялъ собою совершенно крутую осыпь, покрытую сплошь осколками аспида, который катился вмѣстѣ съ нами, увлекая за собою массу другихъ мелкихъ камней; казалось, что мы плыли вмѣстѣ съ горою. Мѣстами приходилось захватываться за вѣтви арчи или упираться ногами на попадавшіеся большіе камни, которые, между тѣмъ, скользя, сопутствовали намъ далѣе.

Наконецъ, спустившись на достаточное разстояніе, мы пошли вправо, по узкому карнизу, по тропѣ, протоптанной кіиками, и, снова перелѣзая съ камня на камень, со скалы на скалу, стали спускаться дальше. Кіики были въ разстояніи не болѣе четырехсотъ шаговъ и видимо не замѣчали насъ, находившихся какъ разъ противъ нихъ, на краю страшной пропасти.

Стрѣлять или нѣтъ, подумалъ я, и рѣшилъ лучше еще спуститься, но было поздно: Хасанъ выстрѣлилъ. Глухой звукъ выстрѣла разнесся по ущельямъ и продолжительнымъ, раскатистымъ эхомъ долго переливался по горамъ. Кіики вздрогнули, насторожились и вдругъ въ одинъ моментъ огромными прыжками бросились вправо отъ насъ. Хорунжій выстрѣлилъ, но, очевидно, промахнулся. Одинъ кіикъ остановился и, вдругъ перемѣнивъ направленіе, сталъ подниматься съ правой стороны, прямо на насъ.

Мы притаились за камнями.

Ровные щелчки его крѣпкихъ копытъ о камни уже ясно долетали до насъ; громкое сопѣнье, какъ отъ паровоза, которое всегда сопровождаетъ кіика во время бѣга, слышалось сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ справа отъ меня, шагахъ въ 45-ти, появилась его мощная, сѣро-бурая, стройная фигура. Громадные рога загибались далеко за спину, длинная борода была почти прижата къ груди: пораженный неожиданностью непріятной съ нами встрѣчи, онъ какъ-бы вдругъ окаменѣлъ и сдѣлалъ быстрый поворотъ.

Мы съ хорунжимъ выстрѣлили почти разомъ.

Стремглавъ, увлекая за собою цѣлыя глыбы камней, полетѣлъ кіикъ въ зіявшую черную пропасть, оставляя за собою цѣлый столбъ пыли.

Иногда видѣлъ я, какъ онъ, ударившись о камень, дѣлая чудовищный сальтомортале, отлеталъ въ сторону и снова катился внизъ. Наконецъ, около арчи, запутавшись ногами въ ея корняхъ, торчащихъ надъ землею, онъ недвижно легъ. Между тѣмъ новый выстрѣлъ Хасана заставилъ насъ отвлечься на минуту отъ убитой добычи, но никто не появлялся, и мы стали осторожно спускаться къ нашему трофею.

Какъ это потащимъ мы его оттуда, думалъ я, вѣдь въ немъ добрыхъ пудовъ шесть, если не болѣе.

Мы все ниже и ниже спускались и, наконецъ, подошли къ арчѣ. Громадный кіикъ лежалъ съ окровавленной мордой; голова его была прострѣлена одной пулей; кто изъ насъ попалъ—неизвѣстно; каждый приписывалъ удачный выстрѣлъ себѣ.

Сосчитавъ число шишекъ на рогахъ, мы увидѣли, что козлу было не болѣе семи лѣтъ, и приблизительно вѣсилъ онъ $5^1/_2$ пудовъ. Подумавъ и посовѣтовавшись другъ съ съ другомъ, что намъ предпринять, мы порѣшили общими силами затащить его наверхъ; привязавъ его за ноги взятыми съ собою арканами и передохнувъ немного, мы принялись за свою тяжелую ношу и такъ измучились, какъ еще никогда, по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось. Два раза онъ срывался у насъ, и приходилось снова спускаться внизъ и затаскивать на пройденное уже разстояніе.

Между тѣмъ Хасана не было, и мы не могли понять, что бы это значило. Уже совершенно стемнѣло, когда мы добрались до мѣста, откуда увидѣлъ Хасанъ кіика. Ноги и руки сильно болѣли. Я чувствовалъ, что болѣе не въ силахъ сдѣлать шагу. Хорунжій былъ бодрѣе меня, но и онъ молчалъ, закинувъ руки за голову и лежа въ растяжку на землѣ.

— Хасанъ!—громко крикнулъ хорунжій.

Эхо повторило его крикъ, но отвѣта не послѣдовало.

— Куда же Хасанъ дѣлся въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я,—ужъ не убился-ли, чего добраго?

— Что вы? киргизъ—да убьется! Нѣтъ. Мы съ вами пять разъ успѣли бы сломать себѣ шею, прежде чѣмъ онъ хоть разъ оступился бы,—возразилъ мнѣ хорунжій.

Мы оба замолчали.

Собравъ немного сухой травы и наломавъ вѣтокъ арчи и подбросивъ терескена, мы развели костеръ, и яркое пламя освѣтило большое пространство.

Я поудобнѣе устроился около огня и облокотился головою на убитаго кіика. Луна не всходила.

„Эге!“—раздался крикъ, и я съ радостью узналъ голосъ Хасана, но каково же было наше удивленіе и радость, когда онъ свалилъ на землю огромную тушу. Я взглянулъ и даже глазамъ своимъ не повѣрилъ—это былъ настоящій архаръ. Громадные рога, загнутые спиралью, красовались на его свѣтло-сѣрой головѣ. Въ изнеможеніи Хасанъ сѣлъ у огня. Потъ ручьями лилъ съ него, и онъ, самодовольно улыбаясь, проговорилъ: „Якши архаръ?“ (хорошій архаръ).

— Да гдѣ ты встрѣтилъ его?—спросилъ я, досадуя, что не на мою долю выпала эта добыча.

— Ухъ, высоко, „мана унда“ (вотъ тамъ),—махнулъ въ пространство рукою охотникъ.

Правда, что добыча Хасана была по величинѣ значительно меньше нашей, но дотащить одному и такую было положительно подвигомъ съ его стороны.

— Ну, что, Хасанъ, усталъ?—спросилъ я его.

— Немножко, тюра,—отвѣтилъ онъ.—Ну, тузукъ (довольно), тюра. Скоро пойдемъ?

Я вытаращилъ на него глаза.

— Какъ! идти въ аулъ? Нѣтъ, я не иду ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце. Такъ, безъ отдыха, и ногъ не дотащишь.

Съ этимъ рѣшеніемъ я сталъ дремать у костра, а Хасанъ, между тѣмъ, налаживалъ палки для приготовленія ужина, состоявшаго изъ куска жареной козлятины, да кунгана чаю. Товарищъ мой спалъ, положивъ, какъ и я, голову на спину убитаго кіика.

Сонъ покинулъ меня, и я съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ Хасанъ поворачивалъ надъ огнемъ большой кусокъ мяса, и соблазнительный запахъ жаркого пріятно щекоталъ мой пустой желудокъ. Поужинавъ, мы завалились спать, а съ первыми лучами солнца направились въ обратный путь.

Въ аулахъ насъ встрѣтили возгласами одобренія. Въ лагерѣ толпа товарищей обступила нашихъ лошадей, разсматривая добычу. Вполнѣ довольные, мы сидѣли въ своей палаткѣ, и я разсказывалъ впечатлѣнія объ удачной охотѣ.

Вдругъ въ палатку просунулась голова адъютанта.

— Прочтите,—протянулъ онъ мнѣ приказъ по отряду.

Я прочелъ, но сразу даже не повѣрилъ и перечелъ снова. Въ приказѣ говорилось объ арестѣ меня и хорунжаго на 3 сутокъ за то, что мы о поѣздкѣ своей не доложили дежурному по отряду.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ я.

Приказъ обошелъ черезъ всѣ руки, и подтруниваніе товарищей посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Нечего дѣлать, пришлось отсидѣть безвыходно въ палаткѣ, около которой мѣрными шагами расхаживалъ часовой.

X.

Сѣрные горячіе источники. Импровизованная баня. Рекогносцировка капитана Скерскаго. Встрѣча съ китайцами. Крѣпость Акъ-Ташъ. Тутекъ. Озеро Викторія.

— Послать рабочихъ по 20 человѣкъ съ роты!—раздался громкій крикъ дневальнаго подъ самой моей палаткой.

Барановъ вскочилъ и полусонными глазами обвелъ палатку.

— Что такое? тревога?—безпокойно спросилъ онъ.

— Рабочихъ зовутъ!—отвѣтилъ я.

— Ахъ, рабочихъ! — и онъ снова завернулся съ головой въ одѣяло.

— Осипъ!—крикнулъ я денщика.

— Чего изволите?

— Куда это рабочихъ?

— Баню строить; сказываютъ, что воду горячую нашли.

— Что ты врешь!

— Никакъ нѣтъ, извольте сами посмотрѣть.

Я одѣлся и, освѣжившись водой, направился къ берегу рѣки Аличура.

— Гдѣ бани строятъ?—спросилъ я попавшагося мнѣ солдата.

— А вонъ тамъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ, указывая на противоположный берегъ рѣки, гдѣ около поставленной юрты копошились рабочіе.

Я пошелъ къ рѣкѣ и на керекешной (вьючной) лошади переправился на другую сторону.

— А, въ банькѣ желаете вымыться?—встрѣтилъ меня капитанъ П., иниціаторъ импровизованной бани.

— Да неужели въ банѣ?—удивился я.

— Да, и въ самой настоящей, натопленной самою природою,—

отвѣтилъ онъ.—Не вѣрите? пойдемте,—и онъ меня повелъ къ юртѣ, замѣнявшей баню.

Я былъ въ восторгѣ, полтора мѣсяца не удалось ни разу вымыться хорошенько, когда недѣлями приходилось спать одѣтымъ, а тутъ—баня.

При нашемъ приближеніи, рабочіе оставили работу и вытянулись.

— Кончили, братцы?—спросилъ П.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, почти совсѣмъ откопали, теперь юрту съ боковъ заваливаемъ.

— А отколѣ это вода такая берется, ваше высокоблагородіе?—спросилъ одинъ изъ солдатъ, видимо изъ менѣе робкихъ.

— А это, видишь, подъ землею огонь есть, который и нагрѣваетъ протекающую близко его воду, вотъ она и выходитъ на поверхность земли горячею.

Солдатъ глупо улыбнулся и, подойдя къ собравшимся въ кружокъ линейцамъ, сказалъ:

— А чудно, ей Богу, братцы, господа сказывали, что подъ землею огонь; такъ какъ-же это мы не спечемся? должно, брехотня одна.

— Сказывали, значитъ, такъ оно и есть, не съ твоимъ кауномъ [1]) господскія рѣчи судить.

— Ишь, умникъ нашелся!—подхватилъ другой, и солдатъ сконфуженно ретировался.

— Ну, давай, что-ли, чайники, что ротъ-отъ разинулъ!—крикнулъ на молодого солдата „сердитый“ ефрейторъ, дядька Максимовъ.

Солдатъ нагнулся и зачерпнулъ въ источникѣ горячую воду.

— А чаю засыпалъ?—спросилъ ефрейторъ.

— Сейчасъ, дядька Максимовъ, засыплю.

— А ты какъ засыплешь, то чайникъ-то въ водѣ еще погрѣй.

— Слушаю.

— Ишь благодать-то, братцы!—повернувшись къ солдатамъ, продолжалъ ефрейторъ.—Господь-то Богъ сжалился надъ солдатомъ, что ему нечѣмъ водицы себѣ согрѣть [2]) и готоваго кипяточку послалъ.

---

[1]) Каунъ значитъ по-сартовски дыня (солдаты про глупую голову говорятъ такъ).

[2]) На Ишиль-кулѣ совершенно не было топлива, даже терескенъ и тотъ былъ довольно далеко, приходилось собирать кизякъ, а за дровами была командирована цѣлая рота на рѣку Джанъ-Канды.

Скоро, подъ всевозможныя прибаутки, чайникъ переходилъ изъ рукъ въ руки, наполняя деревянныя походныя чашки.

Послѣ обѣда я проходилъ мимо солдатскихъ палатокъ и слышалъ разговоръ:

— А что, Потапычъ, съ готоваго-то кипяточку у меня брюхо ужъ что-то очень болитъ, а ты какъ?

— Да и у меня, дядька Максимовъ, тоже, — должно придется къ фершалу пойти, чтобы каплевъ далъ.

— А что, и въ самомъ дѣлѣ въ околодокъ сходить, а то коли на работу какую нарядятъ—бѣда!

И оба солдата направились къ санитарной юртѣ.

Къ вечеру число больныхъ желудкомъ увеличилось, а на другой день у горячихъ ключей не было видно людей съ чайниками и манерками, были лишь одни мывшіе себѣ бѣлье, да купающіеся.

Весь правый берегъ Аличура былъ покрытъ какъ-бы небольшими лужами, наполненными чистою прозрачною водою, отъ которой подымался паръ. Надъ одною изъ такихъ лужъ была поставлена юрта. Густой паръ валилъ сквозь верхнее отверстіе ея. Я попробовалъ было войти въ юрту, но это оказалось невозможнымъ, до такой степени въ ней было жарко.

Я обошелъ всѣ ключи; ихъ было семь, и температура въ каждомъ была особенная. Какъ оказалось по изслѣдованіи, вода въ источникахъ сильно насыщена сѣрою, и прибрежные камни имѣли золотистожелтый цвѣтъ отъ свободнаго осадка ея. Самый горячій источникъ имѣлъ 70° R., такъ что, когда мы пользовались природной баней, то пришлось прибавлять въ источникъ много ведеръ холодной воды, чтобы имѣть возможность мыться въ немъ. Для этой цѣли рабочіе прокопали канавку и изъ рѣки пустили въ нее холодную воду.

Что за блаженство было вымыться въ подобной банѣ, и мы всѣ отдали ей должную честь. Съ самаго утра и до заката солнца, когда на бивуакѣ раздавался оглушительный сигналъ къ зарѣ, около бани-юрты толпился народъ въ ожиданіи своей очереди.

Аличурскіе горячіе ключи за свое цѣлебное свойство почитаются у туземнаго населенія святыми. Они, какъ говорили мнѣ киргизы, совершенно излечиваютъ застарѣлый ревматизмъ, а также многія другія

болѣзни. Афганцы и стоявшіе здѣсь до 1888 года китайцы также считали ихъ священными и даже построили въ честь этихъ источниковъ кумирню съ камнемъ для жертвоприношеній Сума-Ташъ.

Эта кумирня поставлена около китайской крѣпости, отъ которой остались теперь однѣ лишь развалины. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ китайцы заняли Памиры подъ предводительствомъ генерала джандарина Джанъ-Хунга и, подчинивъ себѣ киргизъ, поставили гарнизонъ въ выстроенной ими крѣпости Сума-Ташъ, гдѣ и находились до 1888 года. Во время афганской смуты, когда междоусобія въ Афганистанѣ заставили Абдурахмана послать свои войска на Памиры, китайцы были прогнаны, а ихъ крѣпость разрушена, и только кумирня съ жертвенникомъ пощажены непріятелемъ.

Послѣ чудной бани, такъ пріятно подѣйствовавшей на мое самочувствіе, я зашелъ въ общую столовую, т. е. въ длинную палатку, поставленную надъ двумя, вырытыми параллельно другъ другу, канавами, служившими намъ для помѣщенія ногъ. Народу уже было много — всѣ ожидали завтрака.

Около одного конца стола (которымъ служила тоже земля, обложенная дерномъ) столпилась группа офицеровъ. Одинъ изъ толпы металъ банкъ, прочіе понтировали.

— Бита!—раздавался равнодушный голосъ банкомета, и его рука, какъ-то особенно жадно растопыря пальцы, сгребала съ положенной доски деньги.

— Господа! да будетъ вамъ — завтракъ поданъ, — кричалъ съ другого конца палатки капитанъ С.

— Да ну васъ съ вашимъ завтракомъ. Здѣсь серьезная игра, а онъ съ своимъ завтракомъ! Ѣшьте на здоровье, если голодны! — сердито отозвался штабсъ-капитанъ, очевидно сильно уже проигравшійся и питавшій надежду отыграться.

Мы усѣлись за ѣду и, окончивъ трапезу, направились по своимъ палаткамъ, оставивъ игроковъ допгрывать свой штосъ.

День былъ жаркій, въ палаткѣ стояла невозможная духота; я было легъ отдохнуть, но потъ градомъ лилъ съ моего лица, и я выползъ наружу.

— Чаю хотите?—окликнулъ меня изъ палатки военный инженеръ

Серебренниковъ [1]), одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ офицеровъ отряда.

— Съ удовольствіемъ выпью чашку, — отвѣтилъ я и направился къ палаткѣ капитана. Я очень любилъ побесѣдовать съ этимъ человѣкомъ, а тутъ еще надѣялся, что онъ сообщитъ мнѣ что-либо относительно нашей судьбы. Но новаго я ничего не узналъ—мы продолжали сидѣть въ ожиданіи распоряженій, а распоряженій никакихъ не поступало. Становилось просто невыносимо.

У Серебренникова я засталъ есаула В.; онъ сидѣлъ на ящикѣ и пилъ коньякъ.

— Съ легкимъ паромъ! — сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. — Правда, прелестная баня?

— Чудо!—отвѣтилъ я и присѣлъ на складной стулъ.

— А вотъ Николай Николаевичъ интересныя вещи мнѣ разсказываетъ,—сказалъ капитанъ, обращаясь ко мнѣ,—объ этой рекогносцировкѣ, что за два дня до нашего выступленія была произведена Скерскимъ [2]).

— Да развѣ ваша сотня ходила? — удивился я, обращаясь къ есаулу,—а я думалъ—третья.

— А то какъ-же,—конечно, наша.

— Ну, такъ разсказывайте,—перебилъ насъ капитанъ.

Я превратился въ слухъ и приготовилъ записную книжку. Эта рекогносцировка меня очень интересовала, и я только ждалъ случая услышать о ней что-либо. И вотъ случай представился.

— И такъ, господа,— началъ есаулъ, — разставшись съ отрядомъ 5-го іюля, наша сотня двинулась вверхъ по рѣкѣ Акъ-су. Погода стояла хорошая, лошади шли бодро, да и мы, подъ впечатлѣніемъ товарищескаго завтрака, чувствовали себя прекрасно. Часу въ третьемъ дня, миновавъ мѣстечко Аю-Кузы-Аузы, гдѣ сдѣлали небольшой привалъ, подошли мы къ обрывистому берегу рѣки Акъ-Буры, гдѣ и остановились на ночевку. Стоянка была довольно сносная, тѣмъ болѣе, что травы для лошадей нашлось достаточно, но зато ночью вдругъ

---

[1]) Военный инженеръ Серебренниковъ, первый русскій инженеръ, производившій постройки на Памирахъ.

[2]) Подполковникъ Скерскій нынѣ состоитъ при Азіатскомъ отдѣлѣ Главнаго Штаба; на его долю выпали самыя тяжелыя рекогносцировки по Памирамъ въ теченіе 1892—1894 годовъ.

выпалъ снѣгъ, который съ первыми лучами солнца началъ таять, и къ выступленію только въ нѣкоторыхъ лощинкахъ оставались слѣды іюльской зимы.

Цѣлью нашей рекогносцировки было обойти Малый и Большой Памиры, а также очистить отъ китайцевъ крѣпость Акъ-Ташъ, которую они построили на нашей территоріи, послѣ чего и соединиться на озерѣ Яшиль-куль съ отрядомъ.

Чуть свѣтъ казаки стали сѣдлать лошадей и вьючить обозъ, и мы, напившись чайку и пропустивъ на дорогу „по единой", выступили въ путь. Однако этотъ переходъ не особенно-то отличался удобствомъ. Только что миновали мы могилу Гударъ, какъ по пути стали попадаться тонкія болота, образовавшіяся отъ собравшейся съ окрестныхъ горъ воды. Лошадь ежеминутно увязала въ размякшей глинѣ, а тутъ еще одно обстоятельство, при этомъ весьма непріятнаго свойства, заставило насъ прійти въ отчаяніе. Только что моя лошадь успѣла выкарабкаться на клочекъ сухой земли, какъ начальникъ партіи обратилъ вниманіе на странный темноватый туманъ, низко державшійся надъ видиѣвшимися впереди болотами.

— Смотрите, — сказалъ онъ, — а, вѣдь, это какое-нибудь мерзкое испареніе. Говорятъ, что въ этихъ дебряхъ скопляются удушливые газы. Однако-же это на нашемъ пути!

— Все равно не минуешь, надо ѣхать, — отвѣтилъ я и съ этими словами далъ коню нагайку и рысью врѣзался въ видиѣвшійся туманъ.

Что вдругъ со мною сдѣлалось, одному Богу извѣстно.

Я бросилъ поводья и сталъ нещадно бить себя по лицу, въ которое впилось по крайней мѣрѣ тысячи три самыхъ злѣйшихъ болотныхъ комаровъ, показавшихся намъ туманомъ.

Лошадь моя мотала головой, махала хвостомъ и вдругъ, несмотря на усталость и убійственный путь, понесла меня карьеромъ по направленію къ ущелью Шинды-Аузы. Я обернулся назадъ. Сотня скакала за мною. Казаки махали руками, и до меня долетѣла ругань, направленная по адресу проклятыхъ комаровъ. Зрѣлище было до того комическое, что я, несмотря на то, что лицо мое страшно горѣло и чесалось, отъ души хохоталъ, глядя на борьбу человѣка съ комарами и бѣгство отъ нихъ. Комары были такіе мелкіе, что забирались даже подъ одежду, и долго приходилось потомъ почесываться и помнить это

ужасное мѣсто. Однако непріятель нашъ продолжалъ преслѣдовать сотню до самаго ущелья Шинды-Аузы, гдѣ на выручку явился внезапно налетѣвшій порывъ холоднаго вѣтра. Комары сразу исчезли.

— А, вотъ и аулы!—услышалъ я возгласъ одного изъ казаковъ.

Взглянулъ и къ своему удовольствію увидѣлъ нѣсколько юртъ, уютно расположившихся подъ одной изъ нависшихъ скалъ. Увидя приближающуюся сотню, киргизы выѣхали къ намъ навстрѣчу. Это были киргизы, считающіе себя китайскими подданными. Типомъ своимъ они немного отличались отъ алайскихъ кочевниковъ и скорѣе походили на китайцевъ или дунгановъ [1]), чѣмъ на киргизъ. Одинъ изъ нихъ, очевидно старшина, на дряхлой клячонкѣ подъѣхалъ къ намъ и, соскочивъ съ лошади, прижавъ руки къ животу, поклонился.

Сотенный переводчикъ сейчасъ же появился на сцену, и мы стали допрашивать старшину о китайцахъ, но онъ отвѣчалъ намъ неопредѣленно, и я даже подмѣтилъ въ его отвѣтахъ, что онъ вполнѣ симпатично относился къ китайцамъ. Надо замѣтить, что памирскіе киргизы сильно поддерживаютъ китайцевъ, любятъ ихъ и съ большою охотою подчиняются волѣ уполномоченныхъ богдыхана. Во-первыхъ, эта симпатія истекаетъ уже изъ того, что китайцы не берутъ никакихъ податей съ кочевого населенія, не притѣсняютъ своихъ подданныхъ кочевниковъ, а только требуютъ, чтобы одинъ разъ въ годъ аульные старшины ѣздили въ крѣпость Ташъ-Курганъ, на поклонъ къ джандарину. Конечно, подобное иго вполнѣ сносно для киргизъ, и они съ удовольствіемъ несутъ его, тогда какъ другая часть кочевниковъ страдаетъ подъ властью афганцевъ, варварски обращающихся со своими подданными [2]).

Старшина намъ сказалъ, что китайцы занимаютъ гарнизонъ въ крѣпости Акъ-Ташъ, что нѣсколько китайскихъ ляндзъ недавно были здѣсь и скоро опять пріѣдутъ. Говорилъ, что китайцы хорошіе стрѣлки,

---

[1]) Дунгане населяютъ Кашгаръ; это монгольское племя явилось отъ смѣси китайцевъ съ киргизами.

[2]) Къ русскимъ киргизы относятся также недовѣрчиво, и когда мы были на Памирахъ, то не могли узнать ничего достовѣрнаго о китайцахъ, а послѣднимъ былъ извѣстенъ каждый шагъ Памирскаго отряда. Между тѣмъ объ афганцахъ намъ доносилось киргизами все, и вообще они очень сочувствовали, когда отрядъ прогналъ афганскія войска.

однимъ словомъ, старался пугнуть насъ, надѣясь, что мы возвратимся назадъ. Вслѣдъ затѣмъ, соблюдая восточное гостепріимство, онъ предложилъ намъ занять лучшую юрту. Конечно, мы не отказались отъ этого и вскорѣ пріятно потягивали чаекъ, лежа на мягкихъ киргизскихъ кошмахъ.

Между тѣмъ, на всякій случай были выставлены пикеты въ ту сторону, откуда могли появиться китайцы. Небо мало-по-малу заволакивалось тучами, пошелъ дождь, который лилъ впродолженіе цѣлой ночи. Холодъ былъ ужасный, и только юрты выручили насъ отъ весьма непріятнаго положенія, въ которомъ мы бы очутились, сидя подъ палатками во время такого ливня. Все было спокойно. Съ разсвѣтомъ вернулись пикеты, не привезя никакихъ свѣдѣній о китайцахъ. Мы тронулись къ Акъ-Ташу.

Здѣсь значительная высота мѣстами (17.000 ф.) особенно давала себя чувствовать. Лошади изнемогали, и дыханіе ихъ становилось похожимъ на шипѣніе паровой машины. Мы ѣхали, выславъ впередъ разъѣздъ. Къ полудню былъ задержанъ разъѣздомъ китайскій кавалеристъ и представленъ къ начальнику партіи. Это существо вызвало всеобщій дружный смѣхъ. Не то старая баба, не то какое-то странное чучело сидѣло на тощей клячѣ съ закинутою за спиною магазинкой. Это необыкновенное существо махало руками и что-то безъ умолку говорило. Мы вызвали мѣстнаго киргиза, который переводилъ нашему переводчику то, что говорилъ китаецъ. Трудно было вести разговоры съ подобнаго рода парламентеромъ, который не давалъ возможности дослушать переводимой фразы и снова начиналъ свое. Онъ говорилъ, что китайцы въ крѣпости, что теперь ихъ очень немного, но что вотъ на-дняхъ шесть ляндзъ [1]) явятся на помощь, и тогда мы будемъ принуждены уйти отсюда. Между тѣмъ, пока длилась эта канитель, я разсматривалъ наружность китайца.

Знаете, если взять для сравненія самую старую и безобразную киргизку, то можно составить нѣкоторое представленіе о памирскомъ китайцѣ. Его безбородое, похожее на печеное яблочко лицо, на которомъ гашишъ и опіумъ положили отпечатокъ какой-то дряблости и тусклости, придаютъ ему отвратительный видъ. Полугнилые черные

[1]) Ляндза — эскадронъ.

зубы и узкіе прорѣзы глазъ, поднятыхъ наружными уголками кверху, довершаютъ безобразіе слуги богдыхана.

— Скажи ему, что онъ можетъ ѣхать, мы скоро будемъ въ крѣпости,—сказалъ начальникъ партіи.

Переводчикъ передалъ это китайцу, и тотъ понесся обратно, надѣляя свою клячу усиленными ударами нагайки.

Мы двинулись къ крѣпости и черезъ полчаса были подъ стѣнами ея. Никого не было видно, какъ будто бы ни одной души никогда и не находилось на Акъ-Ташѣ.

Небольшая глинобитная курганча возвышалась на одномъ изъ предгорій и равнодушно смотрѣла на насъ своими черными бойницами. Мы въѣхали въ укрѣпленіе, и слѣдующая картина представилась моему взору: цѣлая толпа такихъ же чучелъ, какое уже попалось намъ навстрѣчу, стояла со сложеннымъ передъ собою оружіемъ. Лица ихъ, какъ будто отчеканенныя однимъ и тѣмъ же штампомъ, были необыкновенно схожи между собою, а головы, повязанныя синими платками, украшенными бѣлыми узорами, съ торчащими кончиками на затылкѣ, напоминали деревенскихъ бабъ.

— Да никакъ это бабы!—раздавалось между казаками.—Ей-Богу, „бабы», а не солдаты, тьфу, ты, гадость какая!—сердился урядникъ.

Обмундировка этихъ солдатъ состояла изъ куртки безъ рукавовъ, сдѣланной изъ плотной грубой матеріи съ кругами на груди и спинѣ, на которыхъ гласила надпись, съ какого года на службѣ состоитъ воинъ, какого рода оружія, чинъ, званіе и фамилія, а также названіе ляндзы. Длинный коричневый полукафтанъ съ боковыми разрѣзами, спускавшійся до самой земли, имѣлъ видъ сарафана. По бокамъ коленкоровые набедренники, спускавшіеся до колѣнъ, поддерживались такого же цвѣта чулками. На ногахъ ихъ пестрѣли узорами вышивки желтые сапоги, подбитые войлокомъ.

Я подошелъ къ одному изъ нихъ и взялъ лежащую передъ нимъ магазинку. Китаецъ вздрогнулъ, покосился на меня, но сейчасъ же успокоился, лишь только я положилъ обратно его собственность. Это была магазинка Винчестера и притомъ въ весьма сносномъ состояніи. Ни ржавчины, ни царапинъ не было видно. Однако не у всѣхъ оказалось подобное оружіе. Тутъ были и мултуки (фитильныя ружья), и даже

шомпольныя ружья тульской фабрикаціи, и англійскіе скорострѣльные карабины, а также двѣ или три, не помню, берданки. Зато холодное оружіе было у всѣхъ одинаково и отличалось выдержанностью китайскаго стиля. Оно состояло изъ клынча (прямая шашка) въ 1½ аршина съ прямымъ обоюдострымъ клинкомъ и костяною рукояткою съ предохранительнымъ кружкомъ, сдѣланною изъ чешуи какого-то животнаго—думаю, что или изъ кожи змѣи, или шкуры крокодила.

Ихъ начальникъ, ксуакъ, т. е. унтеръ-офицеръ, объяснилъ намъ, что онъ не хочетъ драться, или вообще вступать въ ссору съ русскими, такъ какъ не уполномоченъ на это своимъ правительствомъ, но что мы если мы займемъ крѣпость, то придутъ китайскіе ляндзы краснаго и синяго знамени и прогонятъ насъ. Несчастный китаецъ думалъ, что мы намѣрены задержать его гарнизонъ, и даже выразилъ крайнее удивленіе, когда ему было сказано, чтобы онъ убирался во-свояси.

Лишь только переводчикъ передалъ это, какъ китайцы схватили свое оружіе, значекъ, повскакали на лошадей, понеслись изъ крѣпости, перегоняя другъ друга, и скоро исчезли въ ущельѣ. Они, повидимому, ужасно боялись, какъ-бы мы не передумали нашего великодушнаго рѣшенія и не вернули ихъ обратно.

Вообще, надо замѣтить, что пограничныя китайскія войска не отличаются боевою подготовкой и только называются солдатами, на дѣлѣ же они никуда не годятся. Они набираются преимущественно изъ китайцевъ, уроженцевъ провинцій Кашгаръ и Аксу, и охотно несутъ регулярную службу за 6 ланъ въ мѣсяцъ, т. е. на наши деньги около 12-ти рублей. Между тѣмъ иррегулярное войско и по наружному виду, и по качеству представляетъ полную противоположность первому. Оно состоитъ изъ кашгарскихъ каракиргизъ и изображаетъ что-то подобное нашимъ казакамъ. Ихъ скуластыя плоскія лица, черныя чалмы, длинная пика и винтовки за плечами придаютъ имъ весьма внушительный и воинственный видъ. Они прекрасно владѣютъ пикою и мѣтко стрѣляютъ. Мнѣ пришлось однажды видѣть, какъ подобный кавалеристъ убилъ изъ винтовки бѣгущаго памирскаго зайчика. Однако, эта кавалерія очень незначительна, да и мало полезна для китайцевъ, такъ какъ, не получая никакого вознагражденія, отбываетъ свою повинность и, для существованія своего, занимается грабежемъ, нерѣдко нападая и на китайцевъ.

Лишь только уѣхалъ храбрый гарнизонъ изъ крѣпости, я пошелъ осматривать и наносить планъ ея на походный планшетъ. Это укрѣпленіе было попросту четырехугольное пространство, обнесенное глинобитною стѣною, вдоль которой съ внутренней стороны тянулась стрѣлковая ступень. По фронту фасы его имѣли 34, а въ глубину 32 шага съ 17-ю бойницами по длиннымъ и 13-ю по короткимъ фасамъ. Здѣсь было устроено также помѣщеніе для гарнизона и лошадей. Нѣсколько мѣшковъ ячменя, да немного муки, которые трусливый гарнизонъ впопыхахъ оставилъ въ крѣпости, достались намъ, и и наши лошади на-славу поужинали китайскимъ кормомъ, а мы, переночевавъ въ ней и отправивъ донесенія, съ разсвѣтомъ выступили дальше.

Дорога наша тянулась по довольно широкой долинѣ и вела къ рѣкамъ Акъ-су и Кара-су. Я любовался на мертвенно-грозныя скалы, рѣзко выдѣлявшіяся на голубомъ небѣ. Иногда орелъ, распустивъ огромныя крылья, высоко парилъ надъ нами, высматривая себѣ добычу. Но врядъ-ли могъ царь птицъ здѣсь что нибудь высмотрѣть. Скалы, камни и песокъ, отсутствіе живности, вотъ обстановка, которая окружала насъ. Миновавъ нѣсколько небольшихъ подъемовъ, мы спустились къ рѣкѣ и перешли въ бродъ Акъ-су, а затѣмъ, проходя по небольшому ущелью, переправились и черезъ Кара-су. Послѣдняя переправа была очень неудобна. Малѣйшая неосторожность всадника или невѣрный шагъ лошади — и оба они навѣрное погибнутъ безвозвратно, такъ какъ рѣка, при достаточной глубинѣ, такъ быстротечна и несетъ такое множество камней, что лошадь ежеминутно рискуетъ получить страшный ударъ въ ногу, и тогда умѣнье сдержать ее является спасителемъ всаднику—иначе же конецъ. Разъ лошадь упала, ее уже не поднимешь—быстрыя воды унесутъ и ее, и сѣдока.

Послѣ переправы ландшафтъ сильно измѣнился. Кое-гдѣ попадалась зеленѣющая трава. Киргизскіе аулы съ большимъ количествомъ барановъ и яковъ стали встрѣчаться все чаще и чаще. Слѣдуя болотистымъ берегомъ рѣки Кизиль-Рабатъ, оставя аулы въ правой сторонѣ, мы стали замѣтно подниматься на перевалъ того же имени.

— Однако, господа, мы заночуемъ подъ переваломъ, — сказалъ намъ начальникъ партіи.

— Почему же это? вѣдь еще рано, и мы смѣло перевалимъ черезъ него,—замѣтилъ ему я.

— Вотъ то-то и дѣло, что не перевалимъ. Меня особенно предупреждали насчетъ этого мѣста, и даже на картѣ Іоновъ мнѣ отмѣтилъ его, какъ самое непріятное. Здѣсь царитъ такъ называемый „тутекъ“,—сказалъ онъ.

— Тутекъ? Что это такое?—удивился я.

— А видите-ли,—объяснилъ мнѣ капитанъ, — тутекъ значитъ удушье; происходитъ оно отъ того, что въ этомъ мѣстѣ, благодаря свойству почвы, а также безвѣтрію, скопляется угольная кислота, которая, приблизительно, на протяженіи болѣе половины человѣческаго роста, держится надъ землею. Этакихъ мѣстъ довольно много на Памирахъ, и они являются истиннымъ бичемъ для путешественника, потому что разъ только человѣкъ или лошадь упадетъ на землю, то подняться имъ не суждено, они навѣрное задохнутся. Я васъ прошу, господа,—сказалъ онъ намъ,—особенно слѣдить за людьми, чтобы они не отдыхали и не садились на землю для различныхъ надобностей—упаси Богъ, если даже будутъ чувствовать себя совершенно больными,—это здѣсь неминуемо. Ну, какъ же я могу рѣшиться, не запасшись свѣжими силами, преодолѣть такую преграду?

Конечно, мы вполнѣ согласились съ мнѣніемъ начальника и охотно переночевали подъ переваломъ.

При подъемѣ было очень холодно. Сырой вѣтеръ пронизывалъ меня до костей, проникая даже сквозь теплый бешметъ. Крупные осколки скалъ загромождали и безъ того узкую тропу, такъ что все время приходилось лавировать между ними, а также поминутно пересѣкать текущіе съ перевала ручьи. Нѣсколько небольшихъ озеръ, лежащихъ по склону горы одно выше другого и соединенныхъ шумящими протоками, попалось намъ по пути, но они были совершенно мертвы. Ни птицы на ихъ водахъ, ни рыбы не было замѣтно въ нихъ, и только пустынная масса воды мрачно смотрѣла среди сѣрой, непригляднй обстановки. Вотъ около этихъ-то озеръ мы и почувствовали тутекъ. Я не знаю, что въ это время ощущали другіе, но я постараюсь передать вамъ то состояніе, которое испытывалъ я, и то, что видѣлъ я, наблюдая сотню и товарищей. При подъемѣ ко вто-

Подполковникъ Генеральнаго Штаба
Александръ Генриховичъ Скерскій.

рому озеру меня начало душить. Воротъ казался узкимъ, и я разстегнулъ его, но это не помогало. Въ ушахъ стоялъ шумъ, а въ вискахъ стучала кровь. Удары сердца становились очень неровные. То вдругъ казалось мнѣ, что оно переставало биться, дыханіе захватывало, и я въ испугѣ невольно хватался за грудь и щупалъ пульсъ на рукѣ—мнѣ казалось, что я умираю. Біеніе пульса было еле-еле слышно. Это явленіе очень скоро проходило. Нѣсколько разъ кровь лила изъ носа, а какъ я замѣтилъ, то у многихъ слюна была сильно окрашена кровью. Лошади сопѣли и поднимали кверху свои морды. Я чувствовалъ полное ослабленіе. Рука моя устала держать поводъ и свалилась на луку, шашка оттягивала плечо, голова склонялась, и вдругъ на меня напала полная сонливость. Мнѣ хотѣлось спрыгнуть съ лошади, свалиться на камни и заснуть. О, сколько бы я далъ тогда за осуществленіе моей завѣтной мечты! Каждый камень, бросавшій тѣнь на песокъ, манилъ меня подъ свою сѣнь. Лошадь моя стала спотыкаться, такъ что пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ. Казаки всѣ уже спѣшились. Двѣ вьючныя лошади издохли, а всѣ остальныя страдали острымъ катарромъ кишекъ.

— Кто тамъ сѣлъ?—услышалъ я голосъ капитана.

— Моченьки нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—животъ подвело.

— Встать!—крикнулъ капитанъ,—экій ишакъ [1]) этакій! Умирать тебѣ захотѣлось что-ли? Вотъ спустимся съ перевала, и все пройдетъ.

Казакъ неохотно поднялся и, сгибая колѣна, поплелся далѣе. Часа полтора спустя, издохли еще три казачьи лошади. Тяжело было видѣть, какъ боролось бѣдное животное со смертью, какъ задыхалось оно, лежа на землѣ, не въ силахъ подняться на ноги, какъ молилъ его кроткій взглядъ о помощи.

Положеніе мое становилось критическимъ. Животъ болѣлъ нестерпимо—хотѣлось кричать, и памирская болѣзнь разразилась со всей своей силой.

Мнѣ напоминаетъ это положеніе морскую болѣзнь, съ тою разницею, что нѣкоторые выносятъ ее, здѣсь же каждаго постигаетъ совершенно одинаковая участь—каждый долженъ отдать дань Памиру,—и мы ее отдали.

---

[1]) Ишакъ—по-сартовски оселъ.

Спустившись съ перевала и потерявъ нѣсколькихъ лошадей, мы остановились на берегу рѣки Кара-су, южнѣе кладбища Джарты-Гумбезъ, и навѣстили могилу ефрейтора Лохматкина, умершаго отъ тутека во время первой рекогносцировки генерала Іонова въ 1891 г. Печально смотрѣлъ на насъ одинокій крестъ, сколоченный изъ палокъ походной носилки, на которой и умеръ первый русскій солдатикъ на Памирѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ, несмотря на холодъ и на вѣтеръ, выкупался я въ рѣкѣ, тѣмъ болѣе, что лишь только спустились мы въ долину Малаго Памира, какъ силы наши возобновились, и болѣзненное состояніе исчезло. Мы даже были въ весьма хорошемъ настроеніи духа и подшучивали другъ надъ другомъ.

Далѣе намъ предстоялъ путь къ Большому Памиру по отвратительной дорогѣ, ведущей къ озеру Викторіи (Зоръ-куль). Вѣтеръ продолжалъ дуть въ лицо. Нѣсколько озеръ попалось намъ по пути, и цѣлыя стаи гусей и утокъ держались на водахъ ихъ, такъ что выстрѣломъ изъ винтовки мнѣ удалось убить сразу двухъ.

Наконецъ, мы спустились по очень неудобному и каменистому откосу и вышли на котловину, окаймленную со всѣхъ сторонъ кольцомъ снѣговыхъ горъ. Котловина эта тянулась съ востока къ западу, имѣя продолговатую форму. Густыя бѣлыя облака затянули небо, какъ-бы сплошною пеленою, и только иногда солнце, прорываясь черезъ ихъ сѣроватую массу, освѣщало сѣдыя, закутанныя въ облака, мрачныя вершины, которыя, какъ-бы любуясь своимъ величіемъ, отражались въ зеркальныхъ водахъ громаднаго Зоръ-куля, напоминавшаго кусокъ зеркала, положеннаго среди этой котловины. Несмотря на іюль мѣсяцъ, здѣсь было очень холодно, и только успѣли мы поставить палатки, какъ повалилъ снѣгъ, закрутилась метель, и іюльская зима нисколько не уступала сѣвернымъ февральскимъ. Въ какой нибудь часъ все уже было бѣло, и толстый слой снѣга покрылъ всю котловину, а окрестныя горы были почти незамѣтны подъ закутавшей ихъ бѣлой пеленою. Не скажу, чтобы было пріятно почевать въ палаткѣ, тѣмъ болѣе, что раздобыть огня и топлива для согрѣванія воды не было никакой возможности, и оставалось одно средство — это закутаться въ теплый тулупъ и, заваливъ себя кошмами, постараться, если позволитъ холодъ, уснуть, что я и сдѣлалъ.

На сей разъ холодъ оказался снисходительнѣе и неособенно безпокоилъ меня и только иногда пробѣгалъ вдоль спины. Я спалъ крѣпко, а между тѣмъ снѣгъ все сыпалъ и сыпалъ, и слой его, все прибывая и прибывая, заваливалъ мое незатѣйливое жилище, и наконецъ я съ палаткой совершенно скрылся подъ нимъ.

Пройдя рѣкою Памиръ, мы преодолѣли значительный перевалъ Кайнды и стали подниматься на Хоргушъ. Чудная картина, представляющая собою рѣзкій контрастъ Памирской природѣ, открылась передъ нашими глазами на перевалѣ. Онъ весь былъ покрытъ зеленымъ ковромъ сочной травы, на которомъ пестрѣло всевозможными колерами множество полевыхъ цвѣтовъ. Но только мы спустились къ озеру Чукуръ-кулю, какъ опять сѣрая пустыня сурово открылась передъ нами. Здѣсь насъ встрѣтили киргизы и сообщили, что на Аличурѣ стоятъ афганцы. Принявъ всѣ мѣры предосторожности, въ полной готовности на отпоръ въ случаѣ внезапнаго нападенія, мы двинулись къ Яшиль-кулю. Я ужасно желалъ скорѣе встрѣтиться съ афганцами, мнѣ хотѣлось сильныхъ ощущеній; но не суждено мнѣ было испытать ихъ; они выпали на вашу долю, счастливцы. Какая страшная досада охватила меня, что не днемъ раньше мы пришли на Яшиль-куль. А все тутекъ проклятый, не будь его, не дневали бы, и моимъ мечтамъ пришлось бы осуществиться. Ну, да еще впереди много предстоитъ. Поживемъ — увидимъ.

Есаулъ всталъ.

Мы поблагодарили его за любопытное сообщеніе, пожали другъ другу руки и разошлись по палаткамъ.

XI.

Обратно на Мургабъ. Парадъ 22 іюля. Плѣнный афганецъ. Разсказъ плѣнника. Афганцы и ихъ войска.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

— Что такое?

— Слышали, господа? — сказалъ, войдя въ нашу палатку, баталіонный адъютантъ.

— Ничего не слышали, да говорите скорѣе. Походъ? двигаемся дальше?— спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да, какъ раки, назадъ идемъ на Мургабъ.

— Да быть этого не можетъ. Что за чушь,—сказалъ Барановъ. Я тоже не вѣрилъ.

— Ишь Ѳома невѣрный. Читайте,—сказалъ адъютантъ, подавая книгу приказовъ моему сожителю,—а кстати прослезитесь и распишитесь,—прибавилъ онъ.

Дѣйствительно, въ приказѣ было сказано, что, согласно распоряженію военнаго министра — далѣе не двигаться, а возвращаться на Мургабъ, гдѣ и приняться за постройку укрѣпленія для зимовки.

— Вотъ тебѣ и Шугнанъ! — сказалъ Барановъ, — и чего это Іоновъ сидѣлъ. И безъ провіанта бы дошли. Положимъ, ужъ лучше идти назадъ, чѣмъ безъ цѣли сидѣть на Яшиль-кулѣ,—ворчалъ мой сожитель.

Я былъ съ нимъ вполнѣ согласенъ, и мнѣ ужасно надоѣло это торчаніе здѣсь. Но теперь оставался открытымъ вопросъ, идемъ-ли мы всѣ обратно въ Маргеланъ, или зазимуемъ на Памирѣ? Всѣ ходили недовольные, грустные, а тутъ еще слухи о холерѣ заставляли семейныхъ безпокоиться о судьбѣ своихъ семействъ. Каждая почта привозила извѣстія о смертности, начавшей проявляться и среди русскаго населенія. Уныніе было всеобщее.

— Когда же выступаемъ?—спрашивали мы другъ друга, но никто ничего не зналъ.

Настало 22 іюля, день тезоименитства Государыни Императрицы; былъ назначенъ парадъ. Наканунѣ съ утра все чистилось, и всѣ, по возможности, приводили себя въ парадный видъ, хотя это было довольно мудрено, потому что у большинства вмѣсто одежды висѣли какіе-то отрепья, а сквозь сапоги торчали портянки—видъ былъ довольно жалкій. Но свойство русскаго солдата таково, что если приказано быть въ парадной одеждѣ, то, стало быть, это такъ и надо—хоть выдумай, а будь въ цѣлой рубашкѣ, чембарахъ и чехлѣ. И дѣйствительно, всѣ были если не прекрасно, то сносно одѣты, и отрядъ имѣлъ достаточно парадный видъ.

Въ день парада съ праздничными лицами выстроился баталіонъ развернутымъ фронтомъ, а артиллерія приготовилась для производства салютаціонной стрѣльбы.

Вотъ идетъ начальникъ отряда. На немъ бѣлый китель съ шарфомъ. Офицерскій георгіевскій крестъ красуется въ петлицѣ; штабные чины слѣдуютъ за нимъ. — „Смирно“! — раздается команда.— „На плечо“!—„Слушай, накраулъ“! Музыка играетъ встрѣчу.

— Здорово, братцы!—слышится голосъ начальника.

— Здравія желаемъ, ваше высокородіе!—гудятъ въ отвѣтъ сотни здоровыхъ грудей.

Полковникъ беретъ чарку съ водкой и, поднявъ ее кверху, говоритъ:

— Ребята! вотъ намъ на „крышѣ міра“ приходится отпраздновать торжественный день тезоименитства нашей матушки-царицы. Пусть наши молитвы о ней и громкое искреннее „ура“ принесутъ Ея Величеству счастіе и долгоденствіе. За здоровье матушки-царицы „ура“!

И при грохотѣ орудій долго разливалось по ущельямъ эхо дружнаго, громкаго, русскаго „ура“. Затѣмъ, послѣ тостовъ и церемоніала, нижніе чины пили водку, а у начальника отряда былъ обѣдъ для офицеровъ.

Иду я на другой день мимо юртъ, въ которыхъ помѣщались плѣнные, какъ вдругъ меня окликнулъ кто-то изъ юрты: „тюра, бери кель“ (господинъ, поди сюда).

Я подошелъ. Смотрю: на кошмѣ въ кибиткѣ сидятъ афганцы, а между ними и захваченный ихъ офицеръ, который говорилъ по-узбекски.

— А, саломатъ, тюра, калай-сызъ? [1])—спросилъ онъ.

— Спасибо,—и я пожалъ протянутую руку.

Я любилъ этого афганца; что-то неотразимо-симпатичное было въ выраженіи его лица. Часто я заходилъ поговорить съ нимъ и на сартовскомъ языкѣ и бесѣдовалъ по нѣскольку часовъ. Теперь лицо его выражало необыкновенную тоску.

— Правда, что насъ разстрѣляютъ?—спросилъ онъ.

— Что?—вытаращилъ я на него глаза.—Откуда ты это взялъ?

— Да вотъ керекеши говорятъ, что будто приказъ пришелъ такой.

— Нѣтъ, нѣтъ, будь спокоенъ,—сказалъ я ему:—это все вранье. Васъ навѣрное на-дняхъ отпустятъ.

— Эхъ, не вѣрится мнѣ что-то—видно, не увижу я Файзабада. А знаешь, тюра, у меня въ Файзабадѣ жена и сынъ остались; жалко ихъ, безъ меня они пропадутъ. А жена-то красавица какая! Вотъ, и у Гулдабана невѣста осталась, тоже поди ждетъ,—сказалъ онъ, указывая на молодого афганца, уцѣлѣвшаго послѣ стычки.

Афганецъ не понялъ, о чемъ говорятъ, но видя, что рѣчь коснулась его, улыбнулся, оскаливъ свои чудные зубы.

— А жалко, тюра, что лошадей нашихъ продали. Я слезами обливался, когда вчера аукціонъ былъ. Вѣдь мой-то конь выросъ со мною, это питомецъ мой... эхъ...—афганецъ тяжело вздохнулъ.

Я понималъ его, и мнѣ было стыдно за это распоряженіе. Дѣйствительно, къ чему было продавать афганскихъ лошадей? „Vae victis“! [2]) вспомнилось мнѣ.

Афганецъ сидѣлъ, низко опустивъ свою красивую голову, и видимо о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ вскинулъ на меня своими глазами и совершенно неожиданно спросилъ меня:

— Хочешь, тюра, я разскажу тебѣ про себя?

— Очень буду радъ, пожалуйста.

Я видѣлъ, что плѣнному хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь

---

[1]) Здравствуй, какъ здоровье?

[2]) Горе побѣжденнымъ.

своимъ горемъ и радостью, онъ хотѣлъ видимо въ разсказѣ утопить ужасное чувство неизвѣстности, которое переживалъ. Когда онъ увидѣлъ во мнѣ человѣка, расположеннаго къ нему, у него явилось желаніе познакомить меня поближе съ собою и, кромѣ того, хотѣлось отблагодарить за вниманіе къ себѣ. Онъ, очевидно, подмѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ я отношусь къ его разсказамъ и даже многое записываю, вотъ онъ и рѣшилъ доставить мнѣ удовольствіе.

— Знаешь, тюра, я не афганецъ,—началъ онъ,—я узбекъ, сартъ по рожденію. Родился я въ Кокандѣ, въ то время, когда ханствомъ управлялъ Худояръ-ханъ. Отецъ мой былъ серкеромъ (сборщикомъ податей) и состоялъ на ханской службѣ. Мать моя, какъ я помню, была женщина красивая и молодая. Знаю, что про нее разсказывали, что такой красавицы еще не бывало въ Кокандѣ. Жили мы не бѣдно, и каждый день толпа родственниковъ приходила къ намъ ѣсть пелау (пловъ).

Былъ у моего отца братъ—ученый мулла, который училъ молодыхъ людей въ медрессе (университетъ). Часто онъ приходилъ къ намъ и всегда сидѣлъ до глубокой ночи. Отецъ его очень любилъ и когда уѣзжалъ надолго, то поручалъ нашъ домъ его надзору. Мать моя тоже ласково относилась къ нему. Однажды отца не было дома, время было осеннее, дождь цѣлый день лилъ, какъ изъ ведра, такъ что я не выходилъ на улицу. Дядя мой сидѣлъ пасмурный, какъ и погода, онъ даже съ матерью почти не разговаривалъ. Такъ прошелъ день, и я, помолившись Аллаху, легъ въ углу сакли, закутавшись въ одѣяло.

Было уже поздно, когда меня разбудилъ тихій разговоръ. Я насторожилъ свое ухо и различилъ голосъ дяди, говорившаго, очевидно, моей матери. Я не понималъ тогда, что онъ говорилъ ей, и только помню, что мать какимъ-то печальнымъ голосомъ говорила: „Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, Аллахъ не велитъ, нельзя!“

Вдругъ что-то случилось странное. Мать взвизгнула и бросилась въ сторону, а въ темнотѣ раздалось какое-то рычаніе...

Я быстро вскочилъ на ноги и бросился туда, откуда мнѣ послышался крикъ.

Въ это мгновеніе сильная рука дяди схватила меня за воротъ рубашки, и я полетѣлъ въ противоположный уголъ сакли.

— Сиди, ахмакъ (дуракъ),—раздалось мнѣ вслѣдъ, и я, перепуганный, легъ на свое ложе и закутался одѣяломъ.

Дядя зажегъ чиракъ (свѣтильникъ), и я увидѣлъ, что лицо его было искажено злобой. Мать моя сидѣла на полу и плакала. Я хотѣлъ броситься къ ней на шею, цѣловать ее, плакать вмѣстѣ съ нею, но я не смѣлъ; я боялся дяди и зналъ, что если я только двинусь съ мѣста, то онъ изобьетъ меня. Я лежалъ молча и думалъ, о чемъ можетъ плакать моя мать. Дядя хотя и злой человѣкъ, соображалъ я, но онъ любитъ мою мать, я самъ сколько разъ слышалъ, когда онъ ей говорилъ объ этомъ, и, размышляя на эту тему, я крѣпко уснулъ.

Когда я проснулся, мать моя еще спала,—дяди не было. Къ полудню вернулся отецъ и привезъ для матери шелковую рубашку, а мнѣ надѣлъ шитую золотомъ тюбетейку; я очень обрадовался, а мать моя, потомъ, когда отецъ ушелъ въ мечеть, начала плакать. Вдругъ она подошла ко мнѣ и, схвативъ меня на руки, прижала къ своей груди и зарыдала. Я тоже началъ плакать. Затѣмъ она порывисто оставила меня и ушла въ сосѣднюю саклю. Нѣсколько минутъ я стоялъ на мѣстѣ, но вдругъ что-то какъ будто потащило меня за матерью, и я побѣжалъ туда, куда ушла она. Въ саклѣ было мрачно, и я сначала никого не замѣтилъ; только какой-то тихій храпъ раздавался въ потемкахъ. Я окликнулъ мать—отвѣта не было. Тогда я распахнулъ ставни.

Моя мать лежала въ углу сакли, лужа крови была около нея, зубы были сильно оскалены, на шеѣ зіялъ глубокій разрѣзъ, а рука конвульсивно сжимала ножъ. Я тогда не понялъ, что она зарѣзала себя, но я понялъ, что совершилось что-то ужасное, и въ страхѣ бросился назадъ въ саклю и, забившись въ уголъ, просидѣлъ до вечера. Я видѣлъ, какъ прибѣжалъ отецъ и сталъ что-то кричать; я слышалъ, какъ дядя мой упрекалъ отца, что онъ убилъ жену. Но я тогда своимъ дѣтскимъ умомъ понялъ, что не отецъ причина смерти матери, и обвинялъ дядю, какъ убійцу ея.

Теперь я понимаю все, но тогда это темное дѣло было для меня черньe ночи. Видѣлъ я, какъ связали моего отца и увели. Дядя остался хозяйничать въ домѣ. Никто на меня не обращалъ вниманія—матери я уже больше не видѣлъ.

Черезъ два дня у насъ въ городѣ только и было рѣчи, какъ будутъ казнить моего отца за то, что онъ зарѣзалъ свою жену, и толпа народа пошла на базарную площадь.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ, — сказалъ мнѣ дядя: — увидишь, какъ твоего отца зарѣжутъ за то, что онъ убилъ твою мать. Вотъ и тебя также казнятъ, если ты такой же будешь,—сказалъ онъ.

Мнѣ было ужасно страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ это зарѣжутъ отца. Я видѣлъ, какъ барановъ рѣжутъ, и мнѣ тогда только было непонятно, куда же это дѣнется отецъ, когда его зарѣжутъ. Я спросилъ объ этомъ дядю, но онъ меня выругалъ дуракомъ и ударилъ по затылку.

На площади было много народа. Посреди возвышалось лобное мѣсто. Преступниковъ было 30 человѣкъ; были между ними молодые и, старые; въ числѣ послѣднихъ я узналъ и отца. Онъ, понуря голову, стоялъ, сложивъ на животѣ связанныя руки.

Пришелъ мулла и прочиталъ молитву, и вотъ одного за другимъ стали брать какіе-то люди, что-то дѣлали съ ними и потомъ бросали ихъ на землю. Вотъ и отецъ мой подходитъ къ джигиту въ красномъ халатѣ. Взглянулъ я, и мнѣ показалось, что отецъ глядитъ на меня своимъ добрымъ взглядомъ — мнѣ вдругъ почему-то стало его жалко, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно хотѣлось увидѣть, какъ это его зарѣжутъ.

Палачъ взялъ его за бороду, и больше я ничего не видѣлъ— его бросили, гдѣ лежали и остальные казненные. Не знаю почему, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ страшно, что я затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и, рыдая, побѣжалъ по улицѣ.

Опомнился я у городскихъ воротъ, подумалъ мгновеніе, какая-то неестественная сила управляла мною — я вдругъ рѣшилъ не идти обратно и направился впередъ по Маргеланской дорогѣ. Солнце уже совершенно зашло за Алайскія горы, когда я присѣлъ у дувала [1]) кишлака. Я сильно утомился, голодъ мучилъ меня, но усталость взяла перевѣсъ, и я крѣпко уснулъ. Проснулся я рано утромъ — кто-то толкалъ меня въ бокъ.

— Чего ты тутъ лежишь?—спрашивалъ меня старикъ съ длинной бѣлой бородою.—Откуда ты?

---

[1]) Дувалъ—заборъ.

Я сказалъ.

— А отецъ твой гдѣ?

— Отца зарѣзали.

— А мать?

— И мать зарѣзали.

— Ахъ, ты, несчастный,—сказалъ старикъ,—ну, пойдемъ со мной.

Я послѣдовалъ за нимъ въ саклю. Какіе-то люди съ черными бородами, какія бываютъ только у таджиковъ, сидѣли вокругъ подноса, на которомъ лежали лепешки. Мнѣ дали чашку чаю и нанъ [1]). Я съ удовольствіемъ утолилъ свой голодъ. Люди, бывшіе въ саклѣ, говорили по-таджицки, и я ничего не понималъ, но замѣчалъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ. Одинъ изъ нихъ далъ старику денегъ и, взявъ меня за руку, повелъ изъ сакли.

— Садись,—сказалъ онъ мнѣ, указавъ на ишака, жевавшаго клеверъ.

Я сѣлъ, а сзади меня усѣлся и таджикъ—мы отправились. Ѣхали мы долго по такимъ большимъ горамъ, что мнѣ часто дѣлалось страшно, и я боялся, что сорвусь и упаду въ пропасть. Таджикъ меня не билъ, не ругалъ, поилъ чаемъ и кормилъ—однимъ словомъ, обходился хорошо. Такимъ образомъ мы и пріѣхали въ Файзабадъ. Вотъ тутъ-то и началась моя новая жизнь.

Меня продали одному афганцу, Мусса-Мамату, который взялъ меня вмѣсто сына и, когда мнѣ исполнилось 11 лѣтъ, отдалъ меня въ школу.

Учился я хорошо, выучился писать и читать, и вотъ меня мой новый отецъ повезъ въ Кабулъ, гдѣ и опредѣлилъ въ военное училище. Трудно было мнѣ учиться въ этой школѣ. Тамъ воспитывались дѣти именитыхъ афганцевъ, и мнѣ приходилось переносить побои и насмѣшки, но я сносилъ все терпѣливо и пробылъ пять лѣтъ въ Кабулѣ. Мнѣ стукнуло 16 лѣтъ, и я уже былъ выпущенъ солдатомъ въ афганскую гвардію, куда попалъ, благодаря своему росту и наружности.

Маджиръ, командиръ полка, полюбилъ меня, и черезъ годъ я былъ дофордаромъ, т. е. унтеръ-офицеромъ. Я часто ходилъ въ гости

[1]) Нанъ—хлѣбъ.

къ своему начальнику, и мы жили душа въ душу. Но, вотъ, и мое сердце забило тревогу. У Маджира была дочь — красавица писаная. Полюбилъ я ее всею силой молодой любви, и не ускользали отъ меня и ея долгіе взгляды, когда, бывало, я сиживалъ вечерами у отца ея. Взялъ я да и признался Маджиру въ моихъ чувствахъ къ его дочери. Обрадовался даже старикъ, спросилъ свою Ляйлю, хочетъ-ли она за меня замужъ идти, а она только этого и ждала. Ну, и сыграли свадьбу. Эхъ, какъ счастливъ-то я былъ! Черезъ годъ у меня и сынъ родился — обрадовался я, что не дочь,—у насъ, у афганцевъ, считается позоромъ, если первенецъ дѣвочка родится. А тутъ еще эмиръ мнѣ и офицерскій чинъ пожаловалъ; только ты, тюра, не говори, пожалуйста, никому, что я офицеръ. Прошло два года, а тутъ вдругъ возстаніе вспыхнуло. Разстался я съ женой и цѣлый годъ воевалъ въ Шугнанѣ и Рошанѣ, да Аллахъ милостивъ, остался невредимъ — въ какихъ перестрѣлкахъ-то бывалъ, и хоть бы одна пуля задѣла, а вотъ теперь попался въ западню, точно волкъ какой. Ужъ умирать, такъ въ бою, а теперь разстрѣляютъ, какъ собаку. Какъ подумаю, такъ просто руки на себя наложить готовъ, а тутъ еще сердце ноетъ, что съ женой да съ сыномъ станется...

У афганца сверкнули слезы, но онъ быстро оправился.

— Ну, кулдукъ, тюра, вижу, что меня любишь, и я тебя люблю. Узнай, пожалуйста, когда съ нами покончатъ.

— Ничего съ вами не сдѣлаютъ, отпустятъ васъ домой къ себѣ съ Богомъ, вотъ и все,—сказалъ я.

Афганецъ грустно улыбнулся и ничего не возразилъ, и въ его взглядѣ я прочелъ увѣренность въ своемъ предположеніи и полное недовѣріе къ моимъ словамъ.

— Ну „хошъ“ [1]),—сказалъ я, пожавъ ему руку, и отправился къ себѣ въ палатку, переполненный чувства симпатіи къ плѣнному.

Да, къ чести афганцевъ, о нихъ можно сказать много хорошаго, а потому я и остановлюсь на описаніи этого оригинальнаго и въ высшей степени интереснаго племени среди населенія Средней Азіи.

Афганцы рѣзко выдѣляются среди окружающихъ ихъ народностей

---

[1]) Хошъ—прощай.

востока и представляютъ собою полный контрастъ изнѣженному, лѣнивому жителю Азіи.

Этотъ немногочисленный народъ, сплоченный какъ-бы въ одну семью, проникнутую воинскимъ духомъ, не поддался вліянію жаркаго востока, а строго сохранилъ свои обычай и остался вѣрнымъ простой и суровой жизни.

Цивилизація, вносимая повсемѣстно англичанами въ завоеванныя ими страны, не произвела на афганцевъ того разрушающаго дѣйствія на ихъ нравственность, что въ большинствѣ случаевъ мы видимъ въ просвѣщенныхъ англичанами недавно, а также давно перешедшихъ къ нимъ, странахъ Азіи, Африки и др. частей свѣта. Афганцы, напротивъ, извлекли изъ нея по возможности только одни хорошія качества и преимущественно обратили свое вниманіе на то, что касалось усовершенствованія ихъ военнаго дѣла. Они познали всю необходимость прогресса въ немъ и дѣятельно принялись за укрѣпленіе своей страны и, не щадя своихъ небольшихъ средствъ, упорнымъ трудомъ довели его до сравнительно большихъ размѣровъ.

Въ концѣ этого столѣтія успѣхъ афганцевъ въ военномъ искусствѣ былъ доведенъ уже до того, что они справедливо могутъ быть названы первымъ воинственнымъ народомъ среди азіатовъ.

При живомъ и несокрушимомъ характерѣ, неустрашимой храбрости и любви ко всевозможнымъ приключеніямъ, афганцы, при благопріятныхъ условіяхъ, если бы употребили во-время всѣ усилія для защиты своей независимости отъ западныхъ и сѣверныхъ народовъ, безъ сомнѣнія, увеличили бы свою территорію и перенесли бы свои границы за предѣлы Акъ-Су и къ подножію Эльборуса. Въ такомъ случаѣ Россіи, вмѣсто покоренія Хивы и Бухары, пришлось бы вести болѣе серьезную и продолжительную войну съ Афганистаномъ, которая, въ концѣ-концовъ, безъ сомнѣнія, окончилась бы въ пользу ея, но и результаты русскихъ были бы болѣе значительны, чѣмъ въ настоящее время. Вопросъ Центральной Азіи былъ бы упрощенъ и сразу разрѣшенъ уничтоженіемъ афганцевъ и ихъ престижа.

Не рѣдко въ исторіи мы видимъ случаи, когда около большого государства находится маленькое и на первый взглядъ почти незамѣтное, которое между тѣмъ поставлено въ такія условія, что безнаказанно

причиняетъ первому не мало безпокойства. Вотъ такимъ-то государствомъ является въ настоящее время и Афганистанъ.

Англичане, находясь въ постоянномъ опасеніи за Индію, хорошо сознали всю важность враждебныхъ отношеній Афганистана къ Россіи, а потому всѣми мѣрами старались завладѣть этимъ государствомъ, не пренебрегая никакими способами для достиженія намѣченной цѣли.

Между тѣмъ снабженіе Англіею такого народа, какъ афганцы, оружіемъ, боевыми припасами, обученіе ихъ офицеровъ, которые имѣютъ довольно систематическую подготовку въ школахъ, устроенныхъ на англійскій ладъ, и въ свою очередь прекрасно обучающихъ солдатъ, несомнѣнно современемъ обратится на самихъ-же англичанъ, и напрасно думаютъ они, что въ критическій моментъ афганцы будутъ служить имъ помощниками. Напротивъ, они сами возстануть противъ Англіи, если Россія не коснется ихъ владѣній. Афганцы не боятся англичанъ и, напротивъ, опасаются Россіи, о чемъ, даже несмотря на свою хвастливость и заносчивость, не стѣсняясь, говорятъ сами.

Какого мнѣнія о русскихъ афганцы, можно заключить изъ довольно интересной бесѣды моей съ однимъ афганскимъ офицеромъ, съ которымъ я встрѣтился на Памирѣ, а именно съ маіоромъ Мурадъ-ханомъ, везшимъ письмо отъ Абдурахмана къ полковнику (нынѣ генералу) Іонову.

Этотъ офицеръ произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе и изъ разговора съ нимъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ человѣкъ сравнительно образованный, не лишенный остроумія, весьма находчивый и, какъ говорится, въ карманъ за словомъ не полѣзетъ. Мнѣ было крайне любопытно узнать о взглядахъ афганцевъ, въ лицѣ этого маіора, на насъ русскихъ и я повелъ бесѣду на эту тему.

Принимая во вниманіе, что Мурадъ-ханъ былъ въ своихъ разсказахъ несравненно скромнѣе встрѣченныхъ мною афганцевъ на Яшилькулѣ послѣ стычки, я придаю его сообщеніямъ не малую долю вѣроятія, тѣмъ болѣе, что въ его разсказахъ можно было ясно различить ложь отъ правды.

На вопросы мои объ афганскихъ войскахъ и ихъ организаціи онъ вначалѣ давалъ краткіе уклончивые отвѣты, въ родѣ отрывистыхъ фразъ, напр. „очень много“, или „очень храбры“, „вооружены прекрасно“. Когда-же я коснулся политическихъ дѣйствій его правитель-

ства, онъ коротко и рѣзко оборвалъ меня фразой: „про то начальство знаетъ“. Но тѣмъ не менѣе, лишь рѣчь зашла про англичанъ, онъ воодушевился, глаза его зажглись какимъ-то злобнымъ огонькомъ и онъ такъ быстро заговорилъ, что переводчикъ еле поспѣвалъ за нимъ, и мнѣ стоило большихъ усилій обрывать его разсказъ, хотя на короткое время, дабы дать возможность ориентироваться переводчику. По тону его можно было замѣтить, какъ онъ ненавидѣлъ англичанъ. Напримѣръ, онъ такъ увлекся, что отрицалъ совершенно какую бы то ни было зависимость афганцевъ отъ Англіи; говорилъ, что у афганцевъ теперь свои оружейные заводы, свои военныя школы, выпускающія вполнѣ образованныхъ офицеровъ. Онъ съ непритворнымъ ожесточеніемъ говорилъ мнѣ про антагонизмъ всего населенія противъ англичанъ, причемъ привелъ для примѣра фактъ, какъ афганцы однажды перебили все англійское посольство въ Кабулѣ [1]) и какъ еще въ 1878 году, когда эмиръ Ширъ-Али торжественно принималъ русское посольство генерала Столѣтова, въ то же время наотрѣзъ отказалъ въ пріемѣ англійской миссіи, выѣхавшей уже въ Кабулъ.—Слово „Инглизъ“ (англичанинъ) считается у насъ ругательствомъ,—добавилъ маіоръ.

— Мы любимъ русскихъ,—говорилъ—онъ, за то, что они храбры и великодушны, и мы готовы даже содѣйствовать имъ, если они вздумаютъ идти на Индію; намъ не нужна она, мы довольствуемся своимъ Афганистаномъ и только пламенно желаемъ одного, чтобы русскіе не касались нашего государства. Если же только Россія поднимется на Индію, Афганистанъ будетъ въ передникъ рядахъ ея.

Про Абдурахмана, какъ истинный патріотъ, Мурадъ-ханъ говорилъ съ особеннымъ жаромъ. Онъ хвалилъ его, какъ мудраго и спра-

[1]) Въ 1879 году Каваньяри, офицеръ англійской службы, прибылъ въ Кабулъ во главѣ миссіи, съ конвоемъ въ 50 человѣкъ пѣшихъ и 25 конныхъ сипаевъ. Въ это время въ Кабулѣ было большое скопленіе афганскихъ войскъ, весьма враждебно настроенныхъ противъ англичанъ. Безъ всякаго повода со стороны послѣднихъ, афганцы вдругъ атаковали зданіе посольства и открыли по немъ убійственный огонь. Малочисленный отрядъ отвѣчалъ на выстрѣлы выстрѣлами и, подъ начальствомъ лейтенанта Хамильтона, три раза атаковалъ осаждавшихъ. Тогда афганцы выставили 2 орудія противъ миссіи, которая продолжала все же держаться на своей позиціи. Наконецъ, храбрый Хамильтонъ палъ мертвымъ. Послѣ этого самъ Каваньяри и докторъ Келли имѣстѣ съ уцѣлѣвшими сипаями бросились на афганцевъ и всѣ были до одного перебиты. Послѣ этого англичане начали свой походъ на Афганистанъ.

ведливаго правителя, и при этомъ прибавилъ, что, несмотря на то, что не проходитъ дня безъ казни въ Кабулѣ, афганцы горячо любятъ своего правителя (вѣроятно, увлеченный патріотизмомъ, маіоръ забылъ прибавить, что Абдурахманъ казнитъ въ большинствѣ случаевъ жителей покоренныхъ ханствъ).

— Съ плѣнными афганцы обращаются, какъ и русскіе,—говорилъ маіоръ,—и только жестоко наказываютъ измѣнниковъ.

Онъ не мало изумился, когда я ему разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ афганской смуты, бывшей въ 1888 году и описанной въ брошюрѣ нашего извѣстнаго и симпатичнаго путешественника Б. Л. Громбчевскаго, который былъ очевидцемъ варварства афганцевъ по отношенію къ жителямъ возставшихъ ханствъ.

— Да, это такъ, сказалъ онъ, но что бы дѣлали вы, русскіе, если бы ваши восточные народы поднялись съ оружіемъ въ рукахъ и стали бы громить ваши города?—На это я ему возразилъ, что и среди нашихъ покоренныхъ народовъ бывали возмущенія, но мы обходились безъ такихъ звѣрскихъ расправъ и наказывали только виновныхъ.

Афганецъ ничего мнѣ не отвѣтилъ и, спустя немного времени, пробормоталъ: „то вы, а то мы“!

На стычку 12 іюля онъ смотрѣлъ весьма здраво и говорилъ, что капитанъ Гулямъ-Айдаръ-ханъ вполнѣ выполнилъ свой долгъ, но осуждалъ его за то, что онъ открылъ огонь противъ русскихъ безъ приказанія Абдурахмана, который, по его словамъ, не желаетъ быть врагомъ Бѣлаго Царя. Во время разговора о нашихъ спорныхъ границахъ на Памирѣ онъ даже довольно своеобразно сострилъ.

— Вотъ, вы считаете, что Лянгаръ вашъ,—сказалъ маіоръ,—такъ почему же даже и въ настоящее время тамъ стоитъ нашъ кавалерійскій полкъ?

— А потому,—возразилъ одинъ изъ офицеровъ,—что вашъ полкъ нисколько намъ не мѣшаетъ, а если бы онъ оказался намъ вреднымъ для нашего движенія, то мы нашли бы средство устранить это препятствіе!—Такъ, —сказалъ Мурадъ-ханъ,—такъ Лянгаръ вашъ?—Да, нашъ,—утвердительно отвѣтилъ поручикъ К.—Афганецъ усмѣхнулся, блеснувъ своими жемчужными зубами и, взявъ предложенную папироску, прибавилъ: „въ такомъ случаѣ Петербургъ мой“! Подобная острота

вызвала всеобщій хохотъ, къ которому, однако, не присоединился нашъ афганскій гость, продолжавшій съ серьезнымъ лицомъ затягиваться папироской.

Кто-то было затѣялъ разговоръ о дѣлѣ подъ Кушкой, но мы порѣшили, что это, безъ сомнѣнія, задѣнетъ самолюбіе афганца и перемѣнили этотъ, могущій быть непріятнымъ нашему гостю, разговоръ на другую тему; мы заговорили о вознагражденіи офицеровъ въ различныхъ арміяхъ.

—Вотъ, англичане богаты и хорошо платятъ своимъ войскамъ,—сказалъ Муратъ,—а русскіе не обладаютъ такими средствами и, несмотря на то, что ваши генералы и офицеры гораздо лучше англійскихъ, они оплачиваются несравненно хуже,—и крайне удивлялся нашимъ, по его мнѣнію, весьма малымъ окладамъ. На это я ему возразилъ, что мы, русскіе, служимъ изъ чести служить въ войскахъ своего отечества и за платой не гонимся. Афганцу весьма понравился такой отвѣтъ и онъ моментально началъ говорить въ томъ же духѣ и о своихъ соотечественникахъ.

Между тѣмъ я поинтересовался узнать у маіора о судьбѣ афганцевъ, находившихся у насъ въ плѣну послѣ стычки 12 іюля 1892 года, и крайне былъ обрадованъ, узнавъ, что они всѣ живы и награждены Абдурахманомъ.

Мурадъ-ханъ совершилъ съ нами нѣсколько переходовъ, но не привыкшій къ концамъ въ 50 и болѣе верстъ, онъ чувствовалъ себя неособенно хорошо, говоря, что у нихъ переходы гораздо короче, и съ непритворнымъ изумленіемъ поглядывалъ на бодро идущую пѣхоту.

Однако маленькія пушки конно-горной батареи все время вызывали въ немъ усмѣшку и остроты и онъ неоднократно обращался съ просьбами, чтобы ему показали, какъ онѣ стрѣляютъ, мотивируя тѣмъ, что ему, какъ артиллеристу, это будетъ весьма интересно; но просьба его не была исполнена.

Разставшись съ афганцемъ друзьями, мы были приглашены погостить въ Файзабадъ; онъ переписалъ наши фамиліи себѣ въ книжку и, въ сопровожденіи своей свиты, состоявшей изъ служебныхъ лицъ Бадахшана и Шугнана и нѣсколькихъ джигитовъ, уѣхалъ во-свояси.

Подобная симпатія и нѣкоторый страхъ передъ Россіей замѣтна безусловно во всѣхъ афганцахъ, и тѣ изъ нихъ, съ которыми мнѣ

Солдатъ афганской пѣхоты (племени Катаганъ изъ Бадахшана).

пришлось встрѣчаться, всѣ выражали одни и тѣ же чувства, высказанныя маіоромъ, какъ къ Россіи, такъ и къ Англіи. Что же касается афганца-солдата, то о немъ, къ чести его, можно сказать только хорошее. Афганецъ, какъ военный, крайне симпатиченъ, какъ по внѣшности, такъ и по слѣпому слѣдованію воинскимъ традиціямъ. Онъ храбръ и стоекъ и скорѣе умретъ, чѣмъ оставитъ свой постъ, что вполнѣ подтверждается фактомъ геройской смерти капитана Гулямъ-Айдаръ-хана на Аличурскомъ посту и рядомъ эпизодовъ изъ Англо-Афганской распри.

Кромѣ такого презрѣнія къ смерти, афганецъ отличается безкорыстною честностью, и никакія богатства въ мірѣ не заставятъ его отступить отъ долга службы, отъ данной имъ клятвы эмиру. Онъ ничего не возьметъ, отъ всего откажется. Шугнанцы, эти лютые враги своихъ поработителей-афганцевъ, и тѣ отзываются о нихъ, какъ о военныхъ, не безъ восторга. Афганцы лютые звѣри, говорилъ мнѣ одинъ изъ шугнанцевъ, но они гораздо храбрѣе англичанъ и, несмотря на то, что несравненно хуже ихъ вооружены, они часто берутъ верхъ тѣмъ, что никогда не бываютъ въ нерѣшительности. Самое небольшое число ихъ аттакуетъ иногда страшныя силы противника и разъ только афганецъ бросился въ аттаку, то онъ или умретъ, или побѣдитъ.

Примѣромъ храбрости афганскаго солдата служитъ довольно рельефно рисующій ее фактъ единоборства съ тигромъ, съ одною саблею въ рукахъ. Подобный поединокъ сильно распространенъ въ войскахъ Абдурахмана и служитъ какъ-бы состязаніемъ даже между офицерами.

Много примѣровъ видимъ мы изъ столкновеній съ афганцами, а также изъ исторіи войны Афганистана съ Англіей, подтверждающихъ что афганцы не берегутъ своей жизни, и все лишь горе заключается въ томъ, что они не стратеги и еще не привыкли къ войнѣ съ европейцами, т. е. быстро перестраиваться и встрѣчать фланговыя аттаки. Однако, въ виду того, что афганцы не имѣютъ ни базы, ни глубокихъ транспортовъ, они обладаютъ весьма опаснымъ свойствомъ для европейскихъ войскъ, а именно способностью очень быстро разсыпаться во всѣ стороны и собираться съ такою же быстротою, создавая на совершенно новой позиціи въ горахъ сильнаго врага и нападая на обозы и транспорты. Афганцы рѣдко ведутъ наступательную войну и придерживаются оборонительной, и лишь только дѣло коснется защиты ихъ дорогого

отечества, они всѣ до одного умрутъ за него и никто изъ нихъ не попроситъ пощады.

Россіи афганцы боятся, чтутъ русскаго солдата за храбрость и стойкость и, проученные нашими туркестанскими войсками подъ Кушкой, врядъ-ли посмѣютъ затѣять какія-либо враждебныя дѣйствія противъ нея.

Постепенное развитіе военнаго искусства въ Афганистанѣ, вслѣдствіе частыхъ войнъ съ Англіею, параллельно улучшило и его войска, быть солдата и, наконецъ, военная организація его достигла наибольшаго успѣха. Солдаты хорошо обучены, чисто и щегольски одѣты въ опредѣленную форму. Офицеры получаютъ сравнительно порядочное образованіе и многіе изъ нихъ въ тонкости изучили англійскій языкъ.

Природные афганцы представляютъ собою одинъ классъ—военный, и кто уже разъ попалъ на военную службу, тотъ до самой старости продолжаетъ служить въ рядахъ своего родного войска. Болѣе слабыхъ опредѣляютъ на разныя нестроевыя должности, какъ-то: въ прислугу къ офицерамъ, въ писаря и военную полицію. Послѣ афганской смуты, когда братъ Абдурахмана, Исхакъ-ханъ отложился и, потерпѣвъ неудачу, бѣжалъ въ Самаркандъ съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ, войска, покинувшія бѣглеца, были сильно наказаны и сосланы въ самыя отдаленныя части государства, гдѣ они и должны были нести сторожевую пограничную службу, но въ 1893 году эмиръ простилъ имъ штрафъ и они были замѣнены новыми силами. Содержаніе афганскіе офицеры и солдаты получаютъ приличное и послѣдніе, состоя на казенномъ иждивеніи, имѣютъ въ мѣсяцъ въ пѣхотѣ 5 руб., въ кавалеріи — около 16, а кромѣ того за павшую лошадь выдается отъ казны вознагражденіе.

Въ числѣ природныхъ афганцевъ въ арміи встрѣчаются и узбеки, населяющіе Афганистанъ, а также бѣжавшіе въ предѣлы его отъ казней кокандскаго хана Худояра. Не мало въ числѣ афганскихъ воиновъ газарейцевъ, населяющихъ Афганскій Туркестанъ или, какъ его называютъ, Чааръ-Вилаэтъ, катаганъ—самыхъ воинственныхъ жителей Бадахшана, персовъ, однако въ числѣ офицеровъ преимущественно замѣтны настоящіе афганцы. Узбеки совершенно свыклись съ афганскими обычаями, но остаются вѣрными своей религіи (они шіиты, а афганцы суниты), хотя наружно и придерживаются обычаевъ афганцевъ.

Афганскихъ войскъ насчитывается до 80.000. Какъ и наши, они раздѣляются на три рода оружія, т. е. на пѣхоту, кавалерію и артиллерію; первые два еще кромѣ того на гвардію и армію и на иррегулярное войско и ополченіе. Гвардейская пѣхота щеголяетъ своей красотой, чему, конечно, много способствуетъ довольно красивая форма солдатъ, состоящая изъ красныхъ суконныхъ мундировъ, съ бѣлыми выпушками по бортамъ, съ бѣлыми же или желтыми воротниками и обшлагами и красными или же желтыми погонами, съ мѣдными пуговицами, украшенными англійскимъ гербомъ. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ каски, сдѣланной изъ кожи и подбитой войлокомъ, или же изъ толстаго сукна, съ мѣднымъ англійскимъ гербомъ на передней ея сторонѣ. Коричневыя или бѣлыя брюки и башмаки съ сильно загнутыми концами довершаютъ костюмъ гвардейца.

Вооружена гвардія нарѣзными ружьями различныхъ системъ и 2-мя патронташами на ремняхъ изъ бѣлой кожи. Армейская пѣхота одѣта или въ черный, или синій суконный мундиръ безъ погонъ, черныя брюки и такого же цвѣта барашковую коническую шапку, или же въ національный костюмъ. Впрочемъ, нѣкоторые гвардейскіе полки замѣняютъ форменный головной уборъ бѣлою чалмою, которая несравненно болѣе идетъ афганцу, нежели безобразная форменная каска.

Кавалерія представляетъ собою высшій родъ войска. Туда выбираются самые красивые афганцы и газарейцы и подбираются лучшія лошади. Среди разнообразныхъ мундировъ афганской кавалеріи, по типу похожихъ на англійскіе, особенно красивы красные мундиры съ чалмами, вмѣсто смѣшныхъ пестрыхъ касокъ, которыми снабжены прочіе полки.

Но все же, несмотря на всю щеголеватость мундира, и этотъ полкъ уступаетъ армейской кавалеріи, которая въ своихъ національныхъ костюмахъ представляетъ великолѣпное зрѣлище. Красавецъ-афганецъ въ живописно надѣтой чалмѣ или конической барашковой шапкѣ, въ черномъ бешметѣ, съ примкнутою за спину винтовкой, представляетъ собою величественно-воинственный видъ и кажется несравненно мужественнѣе афганца, одѣтаго въ самый изысканный европейскій мундиръ.

Афганскій кавалеристъ, выросшій на лошади, какъ и наши кавказцы, сильно привязывается къ ней. Первая забота кавалериста-афганца — это его скакунъ. И онъ скорѣе согласится голодать самъ,

нежели лишить своего любимца-коня корма и хорошаго ухода. Также одинъ изъ предметовъ роскоши у афганца составляетъ его холодное оружіе, и часто въ чай-ханэ или въ офицерскихъ казино затѣваются горячіе споры на эту тему, оканчивающіеся часто даже кровавыми драмами.

Артиллерія въ Афганистанѣ немногочисленна и орудій [1]) насчитывается всего до трехсотъ пушекъ новѣйшихъ системъ и кромѣ того, какъ пришлось убѣдиться при знакомствѣ съ маіоромъ артиллеристомъ, афганцы плохо обучены артиллерійскому дѣлу и онъ, офицеръ, не зналъ самыхъ начальныхъ теоретическихъ вещей, представляющихъ собою азбуку артиллеріи. Однако это обстоятельство не мѣшало афганской артиллеріи приносить значительный вредъ англичанамъ, особенно въ 1895 году, во время вторженія англійскихъ войскъ въ Читралъ.

Офицеры афганской арміи дѣлятся на два класса: на офицеровъ, получившихъ образованіе, и офицеровъ, выслужившихся изъ простыхъ солдатъ. Тѣ и другіе представляютъ собою страшный контрастъ. Первые ищутъ себѣ болѣе интеллигентнаго общества, читаютъ англійскія газеты, состоятъ членами военныхъ клубовъ и постоянно носятъ свой мундиръ, которымъ, подражая англичанамъ, гордятся. Изъ нихъ выбираются эмиромъ лица для занятія должностей въ государствѣ, они въ большинствѣ случаевъ и командуютъ полтанами (баталіонами), топъ-ханами (батареями) и полками въ кавалеріи. Вторая же категорія не имѣетъ ничего общаго съ первой, за исключеніемъ строя; она ищетъ себѣ среду болѣе подходящую и находитъ ее среди солдатъ, съ которыми офицеръ 2-й категоріи преспокойно пьетъ чай въ чай-ханэ, кутитъ и держитъ себя совершенно по-товарищески, тѣмъ болѣе, что внѣ строя такіе офицеры избѣгаютъ носить свой мундиръ, а обыкновенно одѣваются въ національный костюмъ. Но лишь только этотъ же самый офицеръ вступилъ въ отправленіе служебныхъ обязанностей, онъ забываетъ всякія частныя отношенія и строгая дисциплина занимаетъ у него первое мѣсто.

Мундиры офицеровъ крайне разнообразны и соотвѣтствуютъ чинамъ [2]).

---

[1]) Частью орудія англійскія, а частью сдѣланныя на афганскомъ оружейномъ заводѣ. Кромѣ того имѣется въ Афганистанѣ за послѣднее время конно-горная артиллерія.

[2]) Джарнейль—генералъ, корнейль—полковникъ, кифтонъ—капитанъ, литвантъ—поручикъ и т. д.

Многіе изъ нихъ сшиты изъ темно-синяго сукна, съ красною выпушкой, а у артиллеристовъ еще съ вышитыми на воротникахъ гранатами. Нѣкоторые красные или бѣлые шитые золотомъ и съ плетеными плечевыми погонами, мундиры лѣтомъ прикрываются однобортными полотняными куртками, предохраняющими ихъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей.

Многіе франты, пріобрѣтя себѣ европейскую обувь, щеголяютъ лаковыми сапогами, но страсть къ національному головному убору все же сохраняется и между ними и они съ большой охотой носятъ бѣлыя чалмы или остроконечныя каракулевыя папахи.

Вообще войска Абдурахмана могутъ похвастаться передъ войсками прочихъ азіатскихъ народовъ. Они хорошо обучены по англійскимъ уставамъ, строго дисциплинированы, да и съ хорошей нравственной выработкой.

Красавецъ-афганецъ съ большими усами, съ черными, какъ смоль, кудрями, собранными и взбитыми на вискахъ и красиво выбивающимися изъ-подъ бѣлой чалмы, съ кокетливо подстриженною или бритою бородою, съ воинственно-гордой осанкой, представляетъ собою довольно отрадное явленіе послѣ встрѣченныхъ вами обитателей пустыннаго Памира и окружающихъ его ханствъ; большую симпатію вы чувствуете къ афганцу, видя въ немъ сотоварища по оружію и по духу, а если встрѣтите въ немъ врага, то гораздо пріятнѣе видѣть передъ собою мужественное лицо героя и сознавать, что есть кого побѣждать и что каждый шагъ вашъ сопряженъ съ опасностью въ лицѣ достойнаго и храбраго врага.

XII.

Назадъ на Мургабъ. Освобожденіе плѣнныхъ. Рекогносцировка капитана Скерскаго по Большому и Малому Памиру. Базай-и-Гумбезъ. Ташъ-хана. Перевалъ Іонова.

Настало 25-е іюля—день выступленія, и полковникъ Іоновъ сдѣлалъ распоряженіе, за часъ до отправленія авангарда, освободить плѣнныхъ и снарядить ихъ, какъ слѣдуетъ. Узнавъ объ этомъ, я забѣжалъ въ афганскую юрту.

— А, саломатъ, тюра!—привѣтствовалъ меня афганецъ.

— Собирайся, сейчасъ домой васъ отпустятъ.

— Не можетъ быть.

— Я тебѣ говорю.

Афганецъ перевелъ сотоварищамъ принесенную мною вѣсть.

— Кулдукъ [1]),—сказалъ онъ,—но въ его тонѣ все-таки слышалось недовѣріе.

— Говорилъ я тебѣ, что отпустятъ васъ—такъ и вышло.

Въ это время въ юрту вошелъ дежурный по отряду съ переводчикомъ.

— Скажи имъ, что они свободны,—сказалъ онъ.—Имъ дадутъ оружіе, лошадей, провіантъ, и они могутъ себѣ ѣхать на родину.

Какъ просіяли лица у несчастныхъ плѣнниковъ, когда переводчикъ сообщилъ имъ о давно ожидаемой свободѣ.

Они повскакали со своихъ мѣстъ и стали одѣваться. Черезъ полчаса афганцы сидѣли на лошадяхъ.

— Ну, прощай, тюра,—сказалъ мнѣ мой пріятель,—да пошлетъ Аллахъ на твою голову счастья и здоровья,—и онъ пожалъ мнѣ руку.

Какъ доволенъ былъ онъ, какое праздничное выраженіе было на его лицѣ. Онъ красиво сидѣлъ въ сѣдлѣ и ожидалъ, когда разрѣшатъ ему двинуться въ путь.

---

[1]) Спасибо.

— Въ ружье!—раздалась команда.

Всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ, и роты, колыхаясь, начали равняться. Небольшая вереница плѣнныхъ потянулась мимо насъ. Они улыбались и, кивая головой офицерамъ, говорили: „хошъ, тюра", „хошъ, тюра", то есть прощайте, господа. Около камня Чатыръ-Ташъ отрядъ опять раздѣлился на двѣ части: пѣхота и артиллерія двинулись прямо къ Мургабу, а сотня, уже ходившая на Акъ-Ташъ, была назначена въ новую рекогносцировку, для объѣзда самыхъ отдаленныхъ частей Памира, которыя по донесеніямъ киргизъ были заняты китайцами.

— Ну, съ Богомъ, отправляйтесь, капитанъ,—напутствовалъ полковникъ Іоновъ капитана С., начальника рекогносцировки.

— Сотня, справа по три, шагомъ маршъ!—раздалась команда.

Мы направились вверхъ по рѣкѣ Аличуру и, оставивъ его въ лѣвой сторонѣ, потянулись то лѣвымъ, то правымъ берегомъ рѣки Гурумды. Чудную картину представляли собою горы, окаймляющія долину. Онѣ отвѣсными стѣнами возвышались надъ рѣкою и неровными зубчатыми вершинами, напоминающими сказочные замки, рѣзко выдѣлялись на чистомъ и особенно яркомъ здѣсь небѣ. Мы поднимались къ перевалу Тетеръ-Су и, войдя въ ущелье, остановились на ночлегъ.

— А вотъ завтра опять тутекъ испробуемъ,—сказалъ есаулъ В.

— Да развѣ и на этомъ перевалѣ онъ есть?—спросилъ я.

— Не на самомъ перевалѣ, а по ту сторону его, это все-таки не такъ несносно: тысячи на четыре футовъ ниже.

Я съ трепетомъ ожидалъ ужасовъ тутека и вспоминалъ разсказы о немъ есаула. Подъемъ на перевалъ былъ почти незамѣтенъ; путь, пролегающій по каменистому грунту, оказался превосходнымъ, и если бы не снѣгъ съ вѣтромъ, то все было бы прекрасно.

При спускѣ съ перевала я сталъ ощущать слабость, явились симптомы удушья, но не въ сильной степени; только голова очень разболѣлась. Какъ говорили казаки, здѣсь тутекъ былъ несравненно слабѣе, чѣмъ на Маломъ Памирѣ. По другую сторону перевала погода рѣзко измѣнилась; необычайный зной явился на смѣну снѣга и вѣтра, такъ что мы сняли все верхнее платье и остались въ рубашкахъ. Такимъ образомъ, благополучно миновавъ тутекъ, мы вступили въ долину рѣки

Кормчи и раскинули палатки подъ перевалом Бендерскаго [1]). Мѣстность эта представляла собою узкую лощину, окруженную заоблачными хребтами. Жалкая полусгорѣвшая трава небольшими островками проглядывала на берегу рѣки, и природа Памира была здѣсь не менѣе мертва, какъ и въ другихъ частяхъ его.

— Ваше высокоблагородіе,—окликнулъ есаула казакъ.

— Чего тебѣ?

— Траву нашли.

— Гдѣ?

— Да вонъ въ этомъ ущельѣ,—указалъ казакъ на чернѣющуюся передъ нами щель.—Всего версты три будетъ,—просто выше пояса трава.

Мы приказали подать лошадей и отправились. Дѣйствительно, только успѣли палатки наши скрыться за скалами ущелья, какъ мы были поражены метаморфозой ландшафта. Высокая, достигающая колѣнъ трава, великолѣпные ручьи съ чистою зеркальною водою, мелкій кустарникъ—все служило поводомъ къ предположенію заключенія, что въ такомъ оазисѣ суровой „крыши міра“ должна обитать какая нибудь тварь. И дѣйствительно, не успѣли мы проѣхать и двухъ верстъ, какъ казакъ подъѣхалъ ко мнѣ и, указавъ на небольшой откосъ, сказалъ полушепотомъ: „гляньте, ваше благородіе,—архары“.

Шагахъ въ пятистахъ отъ насъ паслось цѣлое стадо горныхъ барановъ—это были самки. Самцы никогда не ходятъ стадами, а самое большее по-трое, чаще же они бродятъ въ одиночку. Мы спѣшились, взяли у казаковъ винтовки и стали подкрадываться къ стаду. Архары долго не замѣчали насъ, такъ что намъ удалось подкрасться къ нимъ шаговъ на сто. Сердце мое сильно билось. „Вотъ и по архарамъ пострѣляю“,—думалъ я.

— Ну, довольно, стрѣляйте,—шепнулъ мнѣ есаулъ.

Два выстрѣла грянули разомъ и, подхваченные эхомъ, понеслись по ущельямъ. Архары вздрогнули и, какъ горохъ, разсыпались по скату. Результатъ былъ удаченъ: двѣ жертвы валялись на травѣ. При-

[1]) Бендерскій—военный топографъ, бывшій въ Кабулѣ въ 1878 году въ посольствѣ генерала Столѣтова, а затѣмъ много работавшій на Памирѣ и вообще въ Туркестанѣ.

казавъ казакамъ взять обѣ туши, мы, въ надеждѣ убить еще хоть одного архара, побрели по откосу и направились къ зеленѣвшемуся кустарнику.

— Что это? собака? — удивленно спросилъ я, указывая на необыкновеннаго звѣря, остановившагося въ недоумѣніи противъ насъ.

— Какого чорта собака, это здѣшній медвѣдь,—сказалъ есаулъ и прицѣлился.

Медвѣдь оставался неподвижнымъ. Онъ, очевидно, первый разъ видѣлъ людей и относился къ намъ очень довѣрчиво, давая возможность хорошенько себя разглядѣть. Это былъ маленькій, величиною съ волкодава, медвѣдь, скорѣе похожій на собаку, чѣмъ на медвѣдя. Его грязно-сѣро-бурая шкура была въ какихъ-то плѣшинахъ; повидимому, онъ былъ очень старъ.

— А, ну его къ чорту,—сказалъ есаулъ и опустилъ ружье: — куда намъ съ нимъ возиться—не увеземъ.

Медвѣдь невозмутимо стоялъ въ той же удивленной позѣ и, только когда мы повернули въ сторону, вдругъ побѣжалъ обратно. Однако, болѣе намъ ничего не удалось встрѣтить; мы къ вечеру вернулись въ лагерь и закусили вкусной архариной.

На перевалѣ Бендерскаго опять „тутекъ“—что за наказаніе! Но, вотъ, мы оставили за собой Малый Памиръ и вышли на большую широкую равнину, съ лѣвой стороны которой тянется гряда закутанныхъ въ облака снѣговыхъ горъ Гинду-куша. Эта долина мѣстами покрыта высокою травою, а мѣстами пересѣчена болотами.

— А вотъ и Базай-и-Гумбезъ,—сказалъ начальникъ разъѣзда, указывая на одинъ надгробный памятникъ, возвышавшійся среди нѣсколькихъ могилокъ.

Я приблизился къ нему и сталъ осматривать эту замѣчательную могилу, имѣющую историческое значеніе, а также служащую самымъ южнымъ пунктомъ нашихъ Памирскихъ владѣній.

Это было небольшое четырехугольное строеніе, поставленное на невысокомъ фундаментѣ и увѣнчанное куполообразною крышею. Маленькая дверь на востокъ и небольшое окно довершали архитектуру его. На меня пахнуло чѣмъ-то затхлымъ, когда я вошелъ внутрь зданія; непріятная темнота царила въ склепѣ, и только тощій лучъ

свѣта врывался въ маленькое окно. Ничего особеннаго не представляло собою строеніе.

— Кому принадлежитъ эта могила? — спросилъ я капитана С., знакомаго хорошо съ исторіею Памира.

— Какъ кому? Базаю-датхѣ.

— Знаю, но кто собственно былъ этотъ самый Базай? — спросилъ я.

— Базай-и-датха былъ однимъ изъ тѣхъ уполномоченныхъ губернаторовъ, которые высылались кокандскими ханами для управленія Памиромъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь видите могилу, стояло небольшое укрѣпленіе, да вотъ и слѣды отъ него, смотрите,— указалъ онъ на развалившіяся глинобитныя стѣны. — Вотъ въ этомъ укрѣпленіи и жилъ Базай-датха со своимъ гарнизономъ. Однажды, когда онъ собиралъ подать съ кочевниковъ и послѣ сборовъ вернулся въ крѣпость, на нее ночью напали ваханскіе и канджутскіе разбойники; это случилось въ 1864 году. Укрѣпленіе было разрушено, а Базай и его гарнизонъ мученически убиты и похоронены на этомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи въ память Базай-и-датхи и поставленъ былъ кокандцами этотъ памятникъ, носящій названіе Базай-и-Гумбезъ, т. е. могила Базая.

— А знаете-ли что, господа? вѣдь мы недалеко отъ перевала Іонова [1]), гдѣ нашъ начальникъ отряда чуть не погибъ въ 1891 году, отыскивая его, — сказалъ намъ начальникъ разъѣзда.—Мы здѣсь днюемъ, и я бы вамъ совѣтовалъ проѣхаться и осмотрѣть его — говорятъ, это самый красивый и самый высокій изъ всѣхъ перевaловъ (23.000 ф.), да, кромѣ того, онъ представляетъ собою прямой путь въ Индію; съ него берутъ начало истоки рѣки Инда.

И такъ, мы были надъ Индіей, надъ этой сказочной страной, куда стремился еще и Петръ Великій,—при этой мысли, каждый испытывалъ необыкновенное удовольствіе,—скоро, скоро, быть можетъ, придется и спуститься туда.

Я не замедлилъ выразить желаніе отправиться на перевалъ—есаулъ обѣщалъ составить мнѣ компанію. Пообѣдавъ и давъ отдохнуть лошадямъ, мы отправились въ путь. Сильно изломанная, узкая тропа, изви-

[1]) Сухеуравать—названіе перевала, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, до открытія его полковникомъ Іоновымъ.

ваясь, поднимается вверхъ по почти отвѣсному скату горы. Съ правой и съ лѣвой стороны высятся огромныя голыя скалы, какъ-бы вылитыя изъ чугуна, а внизъ и взглянуть страшно, тѣмъ болѣе, что ѣхать пришлось по самому краю обрыва, на днѣ котораго бѣжитъ быстрая рѣка, откуда доносились до насъ какъ-бы раскаты грома. Это гремѣли катящіеся по дну рѣки камни, увлекаемые исполинскою силою потока. Шумъ рѣки соотвѣтственно суживанію ущелья все усиливался и наконецъ дошелъ до того, что я не слышалъ даже самаго, громкаго собственнаго крика. Великолѣпная сочная трава покрывала весь нашъ путь, и цѣлый коверъ цвѣтовъ ласкалъ мой, утомленный однообразіемъ, взоръ.

Въ одномъ мѣстѣ, подъ отвѣсною, закутанною въ облака, горою, намъ попались три небольшія строенія, изъ нихъ два безъ крышъ. Строенія эти были безъ всякой связи сложены изъ камня. Въ этихъ первобытныхъ жилищахъ пріютилось нѣсколько ваханцевъ. Живутъ они очень бѣдно; нѣсколько барановъ составляли все ихъ богатство. Едва поровнялись мы съ этими убогими строеніями, какъ оттуда вышло нѣсколько ваханцевъ съ накинутыми на плечи лохмотьями. Они протягивали къ намъ руки и просили милостыни. Какъ удалось мнѣ узнать, эти люди бѣжали въ дебри Памира отъ афганскихъ казней и принуждены скрываться здѣсь, питаясь дичиною и разными корнями. Большинство изъ нихъ занимается разбоемъ, нападая на заплутавшіеся караваны, а очень небольшая часть сѣетъ пшеницу, но этимъ могутъ заниматься только жители долины Ваханъ-Дарьи, такъ какъ хлѣбъ не вызрѣваетъ выше 9.000 футовъ. Вообще, ваханцы—рослый красивый народъ, принадлежащій къ арійской расѣ, находятся почти въ дикомъ состояніи и живутъ по долинѣ Ваханъ-Дарьи. Длинные волосы, черные, какъ смоль, блестящими локонами спадаютъ по плечамъ. Большіе черные глаза, окаймленные широкими, сросшимися надъ переносицей, бровями и носъ съ небольшой горбинкой придаютъ имъ весьма суровый и хищный видъ. Они очень напоминаютъ своею внѣшностью афганцевъ, хотя несравненно красивѣе послѣднихъ. Рѣчь ваханцевъ до того мелодична, и они такъ пріятно владѣютъ языкомъ, что мнѣ казалось, что предо мною одичалые французы, и только хорошо вслушавшись, я различилъ азіатское нарѣчіе.

Ловкость въ ваханцѣ развита необыкновенно. На моихъ глазахъ одинъ изъ нихъ поймалъ сидѣвшую птицу (грифа). Что за чудное зрѣлище было, когда полуголый дикарь, почти приникнувъ къ землѣ, безъ всякаго шума, переползая по скаламъ, подкрадывался къ намѣченной жертвѣ и вдругъ, не давъ ей опомниться, схватилъ ее руками. Кромѣ ловкости, ваханцы еще неутомимые ходоки и на протяженіи многихъ верстъ не отстаютъ отъ бѣгущей лошади. Ваханскія женщины отличаются необыкновенною красотою. Это настоящія восточныя красавицы, какихъ мы видимъ лишь на рисункахъ и которыхъ рѣдко встрѣчаемъ въ нашихъ средне-азіатскихъ областяхъ Туркестанскаго края. Я долго издали любовался молодою ваханкой, смотрѣвшей на меня своими большими черными, съ поволокой, глазами, но, когда я подошелъ къ ней ближе, чувство отвращенія овладѣло всѣмъ моимъ существомъ. Красавица была такъ грязна и издавала такой ужасный запахъ, что я скорѣе отвернулся отъ нея; впечатлѣніе, которое произвела на меня ея красота, сразу уступило чувству омерзѣнія.

Оставивъ Ташъ-хану, гдѣ оставаться на болѣе продолжительное время было невозможно, такъ какъ ни намъ, ни лошадямъ не давали покоя комары и мошки, мы двинулись дальше. Удушье на высотѣ 10.000 футовъ настолько ощутительно, что удивляешься, какъ можно въ подобныхъ мѣстахъ жить болѣе или менѣе продолжительное время. Я положительно задыхался, и только намѣреніе преодолѣть во что бы то ни стало этотъ высокій перевалъ удерживало меня, чтобы не вернуться обратно. Подъемъ на самый перевалъ былъ ужасенъ. Сначала на высотѣ 20.000 футовъ съ трудомъ, проваливаясь, шли мы по рыхлому снѣгу, затѣмъ, поднявшись выше, полѣзли безъ всякаго признака тропинки. Съ большими затрудненіями достигли мы, ведя въ поводу лошадей, до ледниковъ, по которымъ со всѣхъ сторонъ текла вода, и, выбравъ болѣе или менѣе сухое мѣстечко, рѣшились переночевать здѣсь. Съ помощью захваченнаго терескена мы развели огонь и согрѣли воду, которую намъ удалось вскипятить въ 5 минутъ, но зато чай почти не заварился. Это явленіе объяснялось тою значительною высотою, на которой мы находились. Привязавъ лошадямъ торбы съ ячменемъ, мы кое-какъ продремали до разсвѣта, и едва забрезжилъ первый лучъ, какъ мы полѣзли на вышку перевала

(23.000 ф.). На этомъ самомъ мѣстѣ чуть не погибъ полковникъ Іоновъ, когда, застигнутый здѣсь вьюгой, онъ со своимъ разъѣздомъ не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ [1]).

Самъ начальникъ отряда, голодая вмѣстѣ съ казаками въ теченіе пяти дней, согрѣвался, лежа между ними. Всѣхъ ожидала гибель, если бы одинъ изъ нашихъ офицеровъ случайно не отыскалъ пропавшій разъѣздъ.

Вышка перевала представляетъ собою огромную массу снѣга, окруженную небольшими снѣжными холмами. Осмотрѣвъ перевалъ и записавъ температуру—2°, мы двинулись обратно и къ вечеру были въ лагерѣ. Надо было дать отдохнуть лошадямъ, такъ какъ на слѣдующій день разъѣздъ выступалъ дальше.

Черезъ два дня мы были на Акъ-Ташѣ. Я отправился посмотрѣть на китайское укрѣпленіе, но отъ него не осталось и слѣда. Оказалось, что для разрушенія его была выслана съ Мургаба вторая рота.

— А что китайцы были здѣсь?—спросилъ я киргиза, аульнаго старшину.

— Были, таксыръ, были,—сказалъ онъ мнѣ.

— Ну, и видѣли они, что сдѣлали наши съ ихъ крѣпостью?

— Видѣли,—отвѣчалъ киргизъ,—и ихъ джандаринъ очень сердился и говорилъ, что лишь только вы уйдете съ Памира, то они все равно здѣсь новую крѣпость построятъ.

Вообще дипломатія китайцевъ меня забавляла, они играли съ нами въ прятки. Лишь только мы оставляли какой либо пунктъ, они сейчасъ же появлялись тамъ, но лишь отрядъ выступалъ, чтобы прогнать ихъ, они наканунѣ, предупрежденные киргизами, исчезали. Наконецъ, наше скитаніе по дебрямъ Памира окончилось, мы прибыли на Мургабъ и соединились съ главными силами отряда.

---

[1]) Перевалъ Іонова представляетъ собою весьма удобный перевалъ, спускающійся въ долины истоковъ рѣки Инда. Въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцѣ черезъ него можно перевалить безъ затрудненій. Въ августѣ, именно, когда онъ былъ открытъ Іоновымъ, на перевалѣ этомъ бываютъ метели; въ октябрѣ и до мая онъ закрывается совершенно.

XIII.

Вопросъ о постройкѣ зимнихъ помѣщеній. Выступленіе на Шаръ-Куль.

— Ну, что, рѣшенъ вопросъ, гдѣ поставить укрѣпленіе? — спросилъ я военнаго инженера Серебренникова, входя къ нему въ палатку.

— Да, слава Богу, съ этимъ порѣшили, и теперь остается повозиться надъ выработкой типа зимнихъ помѣщеній.

Онъ отложилъ въ сторону планшетъ и карандашъ и, предложивъ мнѣ походный табуретъ, усѣлся на кровать. Въ палаткѣ было немного душно, и пришлось поднять два противоположныя полотнища, чтобы продувало.

— Вотъ подлый климатъ, — сказалъ капитанъ, — сегодня лѣто, завтра зима, а тамъ навѣрное и дождь будетъ.

— Да, скверно, — согласился я: — не знаешь, во что одѣться, если уходишь версты за двѣ отъ бивуака. Такъ гдѣ же будетъ поставлено укрѣпленіе?

Капитанъ взялъ карту и сталъ мнѣ объяснять географическое и стратегическое положеніе будущей крѣпости.

— Вотъ, видите-ли, рѣка Мургабъ, а тутъ въ него впадаютъ Акъ-Су и Акъ-Байталъ, т. е. скорѣе не впадаютъ, а всѣ три рѣки сливаются, образуя Мургабъ. Вотъ тутъ около кладбища Кара-Гулъ, на обрывѣ къ рѣкѣ Мургабу, высотою 8—10 саженъ. Находясь такимъ образомъ въ центрѣ Памирской территоріи, оно пріобрѣтаетъ еще одно огромное значеніе тѣмъ, что ляжетъ въ узлѣ главныхъ Памирскихъ дорогъ, такъ что пройти по Памирамъ, минновавъ его, хотя и возможно, но очень затруднительно. Если васъ интересуетъ, я познакомлю васъ съ проектомъ тѣхъ хоромъ, въ которыхъ, быть можетъ, и вамъ придется прожить эту зиму.

Военный инженеръ
Адріанъ Георгіевичъ Серебренниковъ.

— Пожайлуста, это очень любопытно.

— Видите-ли, я еще не окончательно рѣшилъ прибѣгнуть къ этому типу помѣщеній, но такъ какъ, сколько я ни ѣздилъ и ни искалъ и вблизи не нашелъ подходящаго строительнаго матеріала, то пока остановился на слѣдующемъ. Хочу я утилизировать юрты для помѣщенія въ нихъ и гарнизона, и офицеровъ, кухни, лазаретъ и т. п. Для этой цѣли будетъ поставлена юрта и вокругъ нея пять юртъ меньшей величины, которыя, непосредственно прилегая къ средней, соединяются съ послѣдней проходами. Такимъ образомъ образуется улитка съ однимъ только входомъ. Вмѣсто кроватей предполагаются нары, которыми будетъ служить земля, т. е. посреди каждой юрты сдѣлается углубленіе. Печи, конечно, желѣзныя придется дѣлать здѣсь же изъ привезеннаго желѣза. Такихъ улитокъ поставимъ по числу людей, разсчитывая каждую на взводъ. Теперь вопросъ остается открытымъ, какъ заслонить эти строенія отъ сильнаго вѣтра и снѣга. Этотъ вопросъ я разрѣшилъ такимъ образомъ: крыши юртъ завалить терескеномъ и густо смазать все глиной, а также и бока, къ которымъ присыпать песокъ и такимъ образомъ, чтобы образовался откосъ градусовъ въ 45. Я вполнѣ убѣжденъ, что эти строенія, за невозможностью пока построить что либо капитальнѣе, будутъ вполнѣ сносными для привыкшихъ уже къ невзгодамъ людей. Одно досадно, что до сихъ поръ не извѣстно, сколько человѣкъ остается зимовать, и это очень затрудняетъ составленіе окончательныхъ проектовъ. Что касается печей для выпеканія хлѣба, то онѣ останутся такими же, какъ и теперь, но также будутъ прикрыты юртою. Какъ нибудь ужъ эту зиму пробьемся, ничего не подѣлать, вѣдь спали на снѣгу и подъ палатками, а на будущій годъ ужъ выстроимъ болѣе капитальныя строенія. Ужасная досада, что лѣса нѣтъ. Ѣздилъ я на Кудару и недалеко отъ зимовокъ памирскаго разбойника Сахипъ-Назара нашелъ березу и тополь, но они очень коротки и непригодны къ постройкѣ, да наконецъ и перевозка оттуда весьма тяжела. Вотъ съ рѣчки Джанъ-Каинды удалось привезти нѣсколько деревьевъ, тоже неважныхъ. Но зато сколькихъ лошадей они намъ и стоили!

— А что много развѣ издохло?

— Да штукъ семь издохло и въ два раза болѣе искалѣчено. Особенно

тяжело досталось бѣднымъ лошадкамъ при переправѣ черезъ перевалъ Пшартъ [1]). Да и немудрено. Лѣсины привязывались къ лошадямъ въ родѣ оглобель, у которыхъ одинъ конецъ волочился по землѣ; конечно, это нелегко, но другимъ способомъ никакъ не перевезешь.

— Да, съ такимъ строительнымъ матеріаломъ трудновато будетъ сооружать зданія,—сказалъ я.

Въ палатку вошелъ денщикъ и поставилъ на землю мѣдный чайникъ.

— Чайку, съ коньякомъ?—предложилъ мнѣ капитанъ.

Я не отказался.

Мало по малу въ палатку капитана собралось еще нѣсколько человѣкъ; всѣ любили симпатичнаго Адріана Георгіевича и охотно навѣщали его. Онъ всегда относился ровно ко всѣмъ и никогда не имѣлъ враговъ.

— Такъ завтра работаемъ?—спросилъ кто-то.

— Да, завтра, господа, завтра, — сказалъ капитанъ, наливая въ кружки, въ глиняные чашки и жестяные стаканы чай и угощая собравшихся коньячкомъ.

Раздался сигналъ, и музыка грянула маршъ.

— Ну, вотъ и обѣдъ наконецъ!

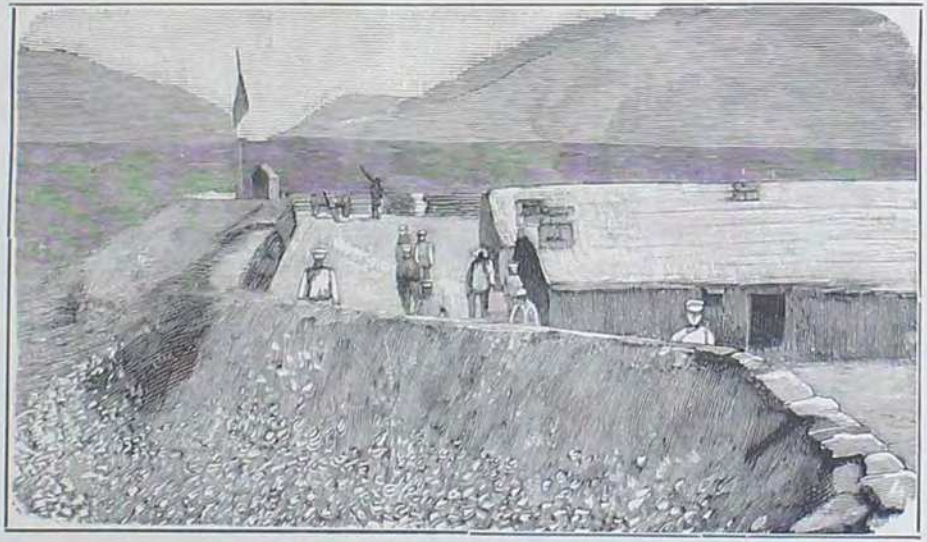
Всѣ встали и толпою направились въ общую столовую.

На другой день, чуть свѣтъ, отрядъ, вооруженный въ боевую аммуницію, съ лопатами, кирками и носилками отправился къ мѣсту работы; всѣ люди были разсчитаны на двѣ смѣны; одна оставалась на бивуакѣ а другая работала до обѣда, затѣмъ возвращалась, и вмѣсто нея заступала вторая смѣна. Офицеры и унтеръ-офицеры наблюдали за рабочими, которые рѣзали на берегу дернъ; производили трассировку и копали рвы.

Работа кипѣла дружно, и сердце радовалось при видѣ этихъ сотенъ людей, сооружающихъ на крышѣ міра уголокъ, въ которомъ придется имъ провести суровую зиму, и откуда русскій флагъ, какъ до-

---

[1]) По р. Джанъ-Канды недалеко отъ перевала Пшартъ находится много золотого песку. Мѣстные кочевники занимались промывкою золота и въ настоящее время видны развалины золотопромывательнаго завода. Вѣроятно, вслѣдствіе тяжелыхъ климатическихъ условій, отсутствія путей сообщенія работа не пошла.

Казармы земляныя на Памирскомъ посту.

казательство могущества Россіи, будетъ виденъ всему свѣту. Изо дня въ день кипѣла работа, и укрѣпленіе незамѣтно выростало. Къ 25-му августа фасы были готовы, ровъ очищенъ, устроены барбеты для пулеметовъ. По типу своему укрѣпленіе это представляло редутъ усиленной полевой профили, почти квадратной формы, съ барбетами въ двухъ переднихъ углахъ для пулеметовъ и орудій. Впослѣдствіи, вмѣсто улитокъ, военнымъ инженеромъ Серебренниковымъ, съ помощью только небольшого гарнизона Памирскаго поста, были сооружены полууглубленныя землянки, каждая на полуроту, удобно приспособленныя для помѣщенія нижнихъ чиновъ гарнизона и сложенныя изъ сырцоваго кирпича, съ достаточнымъ количествомъ свѣта. Надъ землею онѣ возвышаются немного менѣе 2 аршинъ и, благодаря великолѣпно устроеннымъ печамъ и крышѣ, вполнѣ защищаютъ живущихъ въ нихъ отъ холода и сырости, о чемъ вполнѣ свидѣтельствуетъ хорошее состояніе здоровья чиновъ памирскаго гарнизона.

Лазаретъ и кухня находятся въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ, поставленныхъ надъ землею также изъ сырцоваго кирпича. Кромѣ этихъ зданій, тамъ же поставленъ флигель (надъ землею), служащій жилищемъ для офицеровъ, имѣющихъ въ немъ каждый по отдѣльной комнатѣ, за исключеніемъ начальника отряда, которому отведено ихъ двѣ. Офицерская столовая, замѣняющая собраніе, дополняла комфортъ памирскаго жилища. Складъ вещей, пороховой погребъ и метеорологическая будка находятся также въ укрѣпленіи, а внѣ его построена только баня. Всѣ зданія и само укрѣпленіе капитально выстроены, какъ и уже сказалъ выше, по проекту и подъ руководствомъ военнаго инженера Серебренникова, имя котораго останется памятнымъ въ исторіи присоединенія Памира; онъ, при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ, построилъ первое русское укрѣпленіе на „крышѣ міра“, которое явилось на Памирѣ истиннымъ чудомъ. Шведскій путешественникъ Свенъ-Гединъ, долго работавшій на Памирѣ, неоднократно посѣщалъ наше укрѣпленіе и слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ въ своихъ корреспонденціяхъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“. „Крѣпость,—говоритъ онъ,—выстроена удивительно хорошо и практично и дѣлаетъ честь офицерамъ, которымъ принадлежитъ иниціатива въ этомъ дѣлѣ. Я увѣренъ, что пришлось преодолѣть громадныя затрудненія, чтобы достичь до этого

великолѣпнаго конца, который свидѣтельствуетъ, что значитъ энергія и предпріимчивость"...

Начальникъ инженеровъ Туркестанскаго военнаго округа, генералъ-майоръ Клименко, въ августѣ 1894 года, осматривалъ постройки памирскаго укрѣпленія и нашелъ, что „всѣ выполненныя войсками работы по возведенію укрѣпленнаго поста, съ зимними бараками и землянками, вполнѣ удовлетворительны и заслуживаютъ величайшей похвалы, особенно за выполненіе такихъ работъ въ самый короткій срокъ, съ 23 іюля по 31 октября 1893 года[1]), при весьма ограниченномъ числѣ рабочихъ рукъ". Въ настоящее время около укрѣпленія раскинулся небольшой базарчикъ, гдѣ продаются, привезенные изъ Ферганы, необходимые жизненные продукты. Здѣсь же въ небольшомъ чай-ханэ собирались мѣстные киргизы и постовые джигиты подѣлиться новостями и, затягиваясь крѣпкимъ кальяномъ, попивать горячій кокъ-чай, и солдатики частенько заходили къ гостепріимному мама-джану, хозяину чай-ханэ, у котораго къ ихъ услугамъ имѣлось все въ запасѣ: и гвозди для сапогъ, и туземный сахаръ-леденецъ и сушеные фрукты къ чаю.

Погода вдругъ рѣзко измѣнилась и сдѣлалась отвратительной, каждый день шелъ снѣгъ, по ночамъ вездѣ замерзала вода, начались непогоды, а о нашей участи ничего не было извѣстно, будемъ-ли мы зимовать всѣ, или часть возвращается въ Фергану.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое,—ворчали мы:—при такомъ положеніи дѣлъ, если продлится еще съ недѣлю наше неопредѣленное положеніе, и мы будемъ оставлены здѣсь на зиму, то ничего не удастся выписать изъ Маргелана—перевалы закроются, а между тѣмъ на насъ остались лохмотья.—Всѣ бродили пасмурные и ругались на свою судьбу. Только 23 августа вопросъ разрѣшился: было получено предписаніе оставить 160 человѣкъ пѣхоты, 40 казаковъ и 8 офицеровъ, остальнымъ же возвращаться въ Маргеланъ.

Опять наступили новыя волненія. Многіе изъ офицеровъ хотѣли остаться на зимовку, видя въ этомъ поправку разстроенныхъ денежныхъ средствъ, другіе, напротивъ, боялись быть оставленными и рвались

---

[1]) Капитанъ военный инженеръ Серебренниковъ производилъ постройки и Памиръ въ концѣ 1892 года и въ 1893 и въ 1894 годахъ.

скорѣе къ своимъ семьямъ. Одни солдатики оставались безмолвны, ожидая своей участи безъ ропота и тѣни неудовольствія. „Зимовать такъ зимовать, говорили они, небось не пропали до сихъ поръ, такъ и за зиму не пропадемъ". Только въ этомъ шутливомъ тонѣ подмѣчалась грустная нотка.

Наступило 24 августа. Съ утра въ офицерской кухнѣ началась необыкновенная возня, отрядные повара и прислуга то и дѣло бѣгали изъ столовой въ кухню. Приготовлялся прощальный обѣдъ. Выволакивались вино, водка, остатки всевозможныхъ консервовъ, даже варенье кто-то пожертвовалъ; однимъ словомъ, пиръ готовился на-славу. Въ 12 часовъ грянулъ хоръ музыки и всѣ офицеры отряда собрались въ послѣдній разъ за общую трапезу. Прибылъ и начальникъ отряда, и обѣдъ начался. Пили много, жженку варили изъ спирта, сахара и клюквеннаго экстракта и разошлись по палаткамъ только съ наступленіемъ вечера.

Прощались и нижніе чины, и имъ былъ устроенъ обѣдъ съ удвоенной порціей спирта, да отъ себя еще по чаркѣ пожаловалъ памирцамъ начальникъ отряда. Разгулялись солдатики, загремѣли гармоніи и танцы съ пѣніемъ продолжались до самой вечерней зари, а на слѣдующій день отрядъ выступилъ на озеро Шаръ-Куль.

„Ну, вотъ, слава Богу, и обратно, думалъ каждый, по горло надоѣло это сидѣнье на одномъ мѣстѣ". Грустны были лица у оставленныхъ солдатиковъ; они считали себя приговоренными къ смерти, тѣмъ болѣе, что о памирскихъ морозахъ киргизы разсказывали всевозможные ужасы. Остались они въ полной готовности бороться съ суровою природою Памира, устраивая себѣ своими руками зимнія жилища, безъ достаточнаго количества теплой одежды и запасовъ, безъ ропота, съ полнымъ сознаніемъ своего долга и убѣжденіемъ, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ.

XIV.

Назадъ въ Фергану. Хорунжій Лосевъ. Непріятный сюрпризъ.

„Стой“! гдѣ-то далеко впереди раздалась команда. „Стой,—привалъ“! послышалось ближе и солдаты остановились, нестройно срывая ружья съ плеча и беря ихъ къ ногѣ.

Вотъ ружья составлены, скатанныя шинели положены около пирамидъ и усталые солдаты развалились на каменистомъ грунтѣ Шаръ-Кульской долины. Недалеко отъ ротъ, на разостланномъ палацѣ собрались и офицеры, вмѣстѣ съ провожающими ихъ товарищами, остающимися на Мургабѣ, и закусываютъ.

Совсѣмъ другое настроеніе царитъ между ними, нѣтъ у нихъ унылаго вида, не замѣтно и той тоски, которая обуяла всѣми, особенно за послѣднюю недѣлю стоянки на Мургабѣ, напротивъ, всѣ веселы, всѣ довольны своею судьбою—одни, что скоро вернутся въ Маргеланъ къ семействамъ, оставленнымъ на произволъ судьбы въ самое ужасное время холеры [1]), другіе, напротивъ, радуются тому, что имъ удалось добиться назначенія на Памирскій постъ на зимовку.

Одинъ только хорунжій Лосевъ сидитъ поодаль отъ веселой компаніи и молча, устремивъ свой взоръ въ темнѣющее впереди ущелье, глубоко погруженъ онъ въ мрачныя думы. Веселый смѣхъ походныхъ товарищей, ихъ постоянное обращеніе къ нему съ просьбою выпить, шутки по его адресу даже не сердятъ его, онъ какъ-бы нехотя протестуетъ на приставаніе веселой компаніи—не до того ему теперь.

Какъ онъ просилъ командира полка, чтобы онъ отмѣнилъ свое распоряженіе объ оставленіи его на зимовку, какіе онъ доводы представлялъ полковнику, что и мать-то стара, что и братъ у него на

[1]) Въ 1892 году господствовала сильная холера въ Туркестанѣ.

рукахъ малолѣтній, ничего не помогло.—Командиръ оставался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи.

— Я уже двухъ уволилъ отъ зимовки,—сказалъ онъ,—но тѣ другое дѣло, тѣ люди семейные, а вы молоды, вамъ даже полезно поучиться военному дѣлу при боевой обстановкѣ.

Дѣлать было нечего, пришлось покориться. Но ни чувство состраданія къ матери, которая далеко не была такъ стара, ни братъ, уже ходившій въ гимназію, были причиною такого упорнаго стремленія хорунжаго въ Маргеланъ. Совсѣмъ другое чувство руководило на этотъ разъ юнымъ казакомъ, чувство, сильнѣе котораго нѣтъ ничего въ мірѣ, чувство, бороться съ которымъ не можетъ ни одинъ человѣкъ даже обладающій самымъ сильнымъ характеромъ и твердою волею—чувство любви, самой пламенной любви управляло Лосевымъ и онъ болѣе не въ силахъ былъ владѣть собою—онъ изнемогалъ.

Когда человѣкъ любитъ женщину первою истинною любовью, когда въ ней сосредоточивается для него одинъ интересъ жизни, когда кромѣ нея ничего кругомъ не интересуетъ его, тогда самая короткая разлука съ любимымъ существомъ представляется для него чѣмъ-то ужаснымъ, чѣмъ-то чудовищнымъ и невѣроятнымъ. Разставаясь тогда на самое непродолжительное время кажется, что долго, долго не увидишь любимаго лица, не услышишь привычнаго шороха платья, нѣжныхъ рѣчей и этихъ глазъ, въ которыхъ читается все: любовь, радость и надежда на розовое счастіе. Да, при такой любви, обуявшей всѣмъ существомъ человѣка, онъ не можетъ быть далеко отъ предмета своей страсти. При ней, вблизи отъ нея, зная, что, вотъ, кончится трудовой день, и онъ найдетъ отдыхъ и успокоеніе въ атмосферѣ, которою онъ только и дышетъ—въ обществѣ ея, онъ воодушевленный работникъ, онъ съ особенною энергіею хватается за трудъ, работаетъ безъ устали, сознавая, что все это для того, кто ему дороже всего въ мірѣ.

Совершенно другое замѣтно въ разлукѣ, а особенно въ разлукѣ долговременной, сопряженной съ опасностями и невозможностью опредѣлить время, когда придется возвращаться назадъ туда, гдѣ тебя ждутъ. Ужасная драма разыгрывается тогда въ душѣ человѣка, онъ весь сосредоточенъ на одномъ существѣ, всѣ мысли его тамъ далеко, далеко, около его дорогого кумира, онъ не можетъ, не въ состояніи ни

работать, ни мыслить ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о той, которую онъ одну любитъ больше всего на свѣтѣ. И вотъ онъ, какъ Прометей, прикованный желѣзными цѣпями, рвется и не можетъ вырваться туда, куда зоветъ его этотъ дорогой ему образъ. Сердце его обливается кровью и злая разлука, какъ древній воронъ, клюетъ его и терзаетъ на части.

Такая, вотъ, буря клокотала въ душѣ Лосева съ самаго дня выступленія его изъ Маргелана.

„Она"—его счастіе и отрада въ жизни—провожала его вмѣстѣ съ матерью и онъ не могъ урвать минуты, чтобы крѣпко прильнуть къ ея губамъ. Онъ молча, глядя ей въ глаза, пожалъ руку, а она крѣпко сжала его пальцы своей маленькой ручкой, глаза ея подернулись слезой и она отвернулась. Онъ собралъ всѣ силы свои, чтобы не заплакать, этого онъ ужъ никакъ не могъ допустить.

Раздалась команда. Войска потянулись походными колонами, поднимая пыль.

— Прощай, Лена,—прошепталъ онъ, какъ-то нервно тряхнулъ ея руку и побѣжалъ, не оборачиваясь, къ своей лошади, вскочилъ въ сѣдло, рванулъ за поводья, пригнулся и въ карьеръ пустился догонять сотню.

Быстрая скачка отуманила его и онъ на мгновеніе забылся. Обогнавъ пѣхоту, онъ затянулъ удила.—Для чего я такъ скакалъ? подумалъ онъ,—но не нашелъ себѣ отвѣта.

Да, уходить медленно, шагомъ, отъ любимаго существа—это мучительно, это не то что сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги и въ одно мгновенье очутиться далеко, далеко отъ всего дорогого, любимаго, близкаго тебѣ...—да, это не то.

Весь переходъ Лосевъ думалъ только о своей Леночкѣ, о вечерѣ наканунѣ разлуки, какъ они, сидя подъ розовымъ кустомъ, строя планы будущей совмѣстной жизни, такъ много и жарко цѣловались и клялись въ вѣрности...

Тутъ онъ немного вздрогнулъ, ему особенно ярко представился поручикъ Чаровъ, этотъ красивый, немного нахальный юноша, по уши влюбленный въ его Лену, онъ ненавидѣлъ его всею душою и сильно ревновалъ его къ невѣстѣ. Однако онъ не замѣчалъ этого, ему каза-

лось, что онъ только ненавидитъ Чарова, но отнюдь не ревнуетъ его. По его мнѣнію, ревновать женщину, значитъ не уважать ее—не любить тою чистою любовью, которою онъ любилъ Лелю Гладкову. Но въ томъ-то и бѣда, что ни одинъ ревнивецъ не замѣчаетъ за собою своего недостатка, и не знаетъ предѣла этому ужасному чувству, примѣняемому иногда безъ всякаго повода.

Лосевъ и Чаровъ были друзьями, на одной квартирѣ жили, были на „ты“, скучали другъ безъ друга, и такъ бы это продолжалось безконечно, если бы не пріѣхали въ городъ Гладковы.

Встрѣтивъ въ собраніи Лену, эту миленькую блондинку съ кудрями роскошныхъ золотистыхъ волосъ, оба офицера влюбились въ нее и наперерывъ старались снискать ея взаимность, которая и выпала на долю Лосева.

Однако Чаровъ не унывалъ и продолжалъ свое ухаживаніе даже и послѣ того, какъ его другъ сталъ женихомъ Гладковой, которая не считала нужнымъ отстранять веселаго собесѣдника, друга избраннаго ею человѣка, и относилась къ Чарову по-товарищески. Она прекрасно замѣчала, что жениху ея не нравится, что она не отталкивала отъ себя Чарова, она видѣла, что Лосевъ ужасно злится, когда она весело балагурила съ ненавистнымъ ему человѣкомъ, но ужъ такова была Лена Гладкова, что разъ она рѣшила поставить на своемъ, то никто не могъ помѣшать ей въ этомъ. Она ужасно любила Лосева и попробуй онъ охладѣть къ ней, она бы вцѣпилась въ него, не отпустила бы его отъ себя или бы покончила съ собою, но она была упряма.

Ее забавляла ревность Лосева—ей просто весело было, когда онъ, исполняя ее приказаніе, долженъ былъ быть любезнымъ и вѣжливымъ по отношенію къ человѣку, котораго пламенно желалъ уничтожить, стереть съ лица земли. Это была простая прихоть, такъ свойственная женщинамъ.

— Такъ вотъ ты какъ меня любишь!—говорила она Лосеву, когда тотъ упрекалъ ее за бесѣду съ Чаровымъ, — тебѣ не нравится, что мнѣ весело, когда Чаровъ начинаетъ разсказывать свои веселыя исторіи, стыдись,—говорила она,—вѣдь это даже смѣшно и противно такое недовѣріе, вѣдь это неуваженіе ко мнѣ, ты начинаешь досадовать на

меня, а досада чувство ужасное, разъ оно вкрадется въ наши съ тобою отношенія, то добра не будетъ. Я хочу, это мой капризъ, чтобы Чаровъ бывалъ у насъ и ты не дѣлалъ бы изъ этого скандала, и если ты любишь меня, то поймешь и будешь паинькой,—она пригнулась къ нему, ея губки близко придвинулись къ его лицу, локоны защекотали его пылавшія щеки, въ глазахъ его помутилось, какая-то нѣга разлилась по всему тѣлу. Онъ не сознавалъ, что вдругъ произошло съ нимъ, только онъ чувствовалъ, что случилось что-то особенное, не похожее на обыденное земное... и ему было такъ хорошо, какъ бываетъ это разъ въ жизни и больше не повторяется.

Онъ смирялся и уступалъ, а на другой день снова возмущался, старался унизить въ глазахъ невѣсты своего друга, называлъ его подлецомъ, негодяемъ, грозилъ вызвать на дуэль и т. д.

Однако до дуэли не дошло—друзья объяснились и разъѣхались врагами, но Чаровъ продолжалъ бывать въ домѣ Гладковыхъ, гдѣ его очень любили за веселый характеръ и охотно приглашали. Тутъ Лосевъ увидѣлъ, что промахнулся, давъ болѣе свободы дѣйствія своему врагу разрывомъ съ нимъ и еще сильнѣе возненавидѣлъ его.

Вдругъ походъ. Лосевъ долженъ былъ идти, оставаться было невозможно.

Готовился и Чаровъ, къ радости несчастнаго жениха, назначенный въ авангардъ отряда. Но всякое несчастіе бываетъ неожиданно и рушится всегда на неприготовленную голову. Наканунѣ выступленія Чаровъ, пробуя купленную лошадь, упалъ съ нее и вывихнулъ ногу, идти въ походъ онъ не могъ, пришлось лечь въ госпиталь. Ужасно страдалъ теперь Лосевъ, онъ не ожидалъ такого удара судьбы и теперь считалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Онъ рисовалъ себѣ картину, какъ его Лена ходитъ навѣщать больного Чарова, и вотъ, казалось ему, она начинаетъ любить его все больше, сильнѣе и, отказавъ ему, идущему теперь, быть можетъ, на смерть, выходитъ замужъ за врага его, за гнуснаго, гадкаго человѣка.

Вотъ что терзало душу бѣднаго Лосева всю дорогу. То ему представлялось, что выздоровѣвшій Чаровъ сидитъ теперь въ тѣнистомъ саду съ нею—тамъ, гдѣ такъ недавно они испытывали вдвоемъ столько счастья, то ему казалось что, вотъ, ненавистный врагъ его, глядя въ

глаза его невѣстѣ, крѣпко сжимаетъ ей руки и вдругъ... дальше онъ боялся углубляться въ свои мрачныя предположенія, онъ вскакивалъ и начиналъ ходить по бивуаку. Онъ ненавидѣлъ въ такія минуты свою Лену, презиралъ ее и, сжимая кулаки, сквозь зубы бормоталъ: „вотъ погодите, голубки, я васъ... врасплохъ".

Но вдругъ снова нѣжная любовь къ оскорбленной только что имъ дѣвушкѣ еще съ большею силою зажигалась въ немъ и онъ доставалъ ея карточку, ставилъ передъ собою и долго, долго глядѣлъ на нее и не могъ наглядѣться, налюбоваться дорогими ему чертами. Долго любовался онъ портретомъ и потомъ пламенно прижималъ его къ губамъ.

Огарокъ стеариновой свѣчки тускло освѣщалъ внутренность палатки, покачивавшейся отъ дуновенія вѣтерка; на бивуакѣ было все спокойно— все спало послѣ тяжелаго перехода, только издали вмѣстѣ съ вѣтромъ долеталъ нестройный звукъ, производимый жующими свой ячмень лошадьми, да удары ихъ копытъ о каменистый грунтъ Памира.

Спрятавъ карточку, Лосевъ пододвигалъ ягтанъ [1]) къ кровати, усаживался на немъ, доставалъ походную чернильницу и бумагу, подкладывалъ подъ нее папку отъ планшета и начиналъ писать. Долго почти до разсвѣта писалъ онъ свои посланія къ невѣстѣ и все не могъ высказаться, все чего-то не хватало.

Въ этихъ письмахъ сквозила и любовь самая нѣжная, хорошая любовь, и бѣшеная страсть, поэзія и ревность жгучая, тоска безотрадная—всего было много въ нихъ, тяжелые конверты съ такими посланіями отправлялись имъ съ каждою оказіею по назначенію.

Получалъ и онъ письма, но они не удовлетворяли его, онъ ихъ уже зналъ наизусть, перечитывая каждый день, по приходѣ на бивуакъ, въ своей палаткѣ. Всѣ спятъ, а Лосевъ пишетъ или читаетъ, такъ и прозвище онъ получилъ „писатель".

Два мѣсяца прошло послѣ выступленія, и въ дѣлѣ онъ побывалъ, пороху понюхалъ, а мысль о возвращеніи не давала ему покоя. Писемъ отъ Лены онъ получилъ всего шесть, а ему хотѣлось ихъ получать каждый день, два раза въ день,—ежечасно. За послѣднія двѣ недѣли онъ не получилъ ни одного письма.

---

[1]) Вьючный сундукъ.

— Такъ и есть, думалъ онъ, мои предположенія сбылись, — и снова тоска завладѣвала имъ и онъ начиналъ хандрить.

Извѣстіе о выступленіи воскресило бѣднягу, но каково же было его разочарованіе, когда онъ именно, онъ, никто другой, былъ оставленъ зимовать. Въ отчаяніи онъ бросился къ командиру, но напрасно— ничего не помогло, всѣ доводы его были опровергнуты, онъ былъ оставленъ, въ числѣ двухъ казачьихъ офицеровъ.

Вотъ отчего онъ грустный такой сидѣлъ поодаль отъ ликующей толпы товарищей, не принимая участія въ ихъ весельи. Невесело ему было.

— Въ ружье!— раздалась команда проскакавшаго командира, всѣ поднялись, солдаты заволновались, разбирая ружья, и отрядъ направился дальше.

— А знаете-ли новость, господа?—подъѣхалъ къ офицерамъ адъютантъ,—вѣдь мы, пожалуй, и всѣ зазимуемъ.

— Что вы? быть не можетъ! — посыпалось на него со всѣхъ сторонъ. У всѣхъ на лицѣ мелькнуло безпокойство.

— Да вотъ, смотрите!—адъютантъ сталъ читать бумагу.

По распоряженію высшаго начальства, отряду было приказано зайти на озеро Рангъ-Куль, построить тамъ крѣпость и оставаться до распоряженія.

— Вотъ такъ и въ Маргеланъ пошли! Вотъ такъ сюрпризъ! Ужъ прямо бы повели на Рангъ-Куль, а не дразнили бы возвращеніемъ,—думалъ каждый.

А Лосевъ, опустивъ поводья и склонивъ на грудь голову, ѣхалъ обратно къ Памирскому посту, грустный, переполненный зависти къ удалявшемуся отряду.

XV.

Рангъ-Кульское укрѣпленіе. Комендантъ. Афганскій маіоръ. Лосевъ ѣдетъ въ Маргеланъ.

Въ семидесяти верстахъ отъ Памирскаго поста, среди огромной котловины, окаймленной невысокими, но покрытыми снѣгомъ горами, надъ которыми величественно возвышается вершина Музъ-Тагъ-Ата, блестя своею сѣдою головою надъ Памиромъ [1]), расположились два небольшія озера, одно восточнѣе другого, соединенные довольно широкимъ протокомъ, — это и есть озера Шаръ-Куль и Рангъ-Куль. Здѣсь, на восточномъ берегу Рангъ-Куля и раскинулъ отрядъ свои палатки.

Отдохнули солдаты наканунѣ на берегу озера Шаръ-Куль и потому, совершивъ теперь переходъ въ 20 верстъ, чувствовали себя достаточно бодрыми, чтобы приняться за работу, и работа закипѣла.

Съ 27-го августа по 1-е сентября, съ необыкновенной энергіей, безъ отдыха, работали солдаты надъ новымъ укрѣпленіемъ, и вотъ на брустверѣ его водворенъ русскій флагъ.

Укрѣпленіе построено на громадной зеленой площади, покрытой сочною зеленою травою, только берега озера усѣяны осокою, откуда и само озеро получило названіе Рангъ-Куль (осочьяго). Это озеро отъ крѣпости находится въ 6-ти или 7-ми верстахъ, и его не видно даже съ бруствера.

Самое укрѣпленіе сложено изъ мѣшковъ, наполненныхъ землею, которая для этого бралась снаружи, отчего и образовался ровъ, имѣетъ четырехугольную форму. Это незатѣйливое укрѣпленіе удовлетворяло намѣченной цѣли—закрыть доступъ со стороны Кашгара къ Памирскому посту, такъ какъ, скрытое отъ глазъ въ небольшой котловинѣ, вне-

[1]) По новѣйшимъ измѣреніямъ вершина Музъ-Тагъ-Ата (т. е. отецъ ледяныхъ горъ) высится на 25.000 футовъ надъ уровнемъ моря.

запно, на очень близкомъ разстояніи, выростало передъ глазами приближающагося всадника. Даже днемъ, отойдя шаговъ на четыреста, трудно было его замѣтить, и развѣ только юрты, виднѣвшіяся маленькими грибочками изъ-за ограды, выдавали присутствіе человѣка. Однако, это обстоятельство не могло мѣшать въ стратегическомъ отношеніи значенію укрѣпленія, такъ какъ по всей долинѣ Рангъ-Куля и во всѣхъ джилга (ущельяхъ), всюду ютилось множество ауловъ памирскихъ кочевниковъ, охотно зимовавшихъ въ этой части Памира, закрытой отъ вѣтровъ, да и снѣгу тутъ выпадаетъ самое незначительное количество.

Недалеко, въ ущельяхъ находятся залежи соли, которую на якахъ [1]) доставлялъ въ памирскій отрядъ командиръ Рангъ-Кульской крѣпости.

Вотъ въ этомъ-то укрѣпленномъ посту и поселился гарнизонъ въ 40 человѣкъ пѣхоты съ офицеромъ, послѣ ухода отряда въ Маргеланъ.

На второй день своего комендантства, поручикъ Тимофѣевъ, выйдя изъ юрты, прохаживался по брустверу, любуясь, озаренною солнцемъ, вершиною Музъ-Тага. Онъ былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ, а потому на судьбу свою не пенялъ и былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Одно ему было не по душѣ, что прибывшій къ нему съ 30-ю казаками Лосенъ ужасно надоѣлъ ему своимъ нытьемъ и жалобами на печальную участь. Тимофѣевъ былъ человѣкъ положительный, туркестанецъ стараго закала, любилъ выпить и былъ всегда далекъ отъ какихъ либо стоновъ и жалобъ на судьбу свою. Теперь, обезпеченный матеріально, представлявшій собою единицу, онъ былъ вполнѣ счастливъ и всею душою проклиналъ своего сожителя, нарушавшаго его самочувствіе. Вчера онъ настоялъ на томъ, что слѣдуетъ спрыснуть назначеніе, и оба офицера выпили бутылку водки, захваченную съ поста. Правда, языки ихъ развязались, откуда только рѣчь бралась, разговорамъ конца не было, но хорунжій не выдержалъ, вдругъ загрустилъ и залился слезами... А на другой день съ обвязанной головой лежалъ цѣлый день.

---

[1]) Якъ—это горный быкъ похожій на буйвола, очень безобразенъ, имѣетъ лошадиный хвостъ, служитъ прекраснымъ перевозочнымъ средствомъ на Памирѣ.

— Неподходящій онъ мнѣ, думалъ Тимофѣевъ, ну его, ужъ скорѣе бы командировали бы куда,—и онъ снова началъ смотрѣть вдаль.

Вдали поднималась пыль и изъ-за нея показалась группа всадниковъ, приближающихся къ крѣпости.—По костюму какъ будто не киргизы, подумалъ Тимофѣевъ.

— Ей, переводчикъ!—крикнулъ командиръ.

На зовъ начальника выскочилъ изъ юрты бравый казакъ, съ загорѣлымъ киргизскимъ лицомъ [1]).

— Смахай вонъ туда,—указалъ онъ на группу кавалеристовъ,—узнай, кто такіе?

Въ одинъ моментъ, съ заряженной винтовкой, въ карьеръ уже несся казакъ по направленію къ незнакомцамъ.

Вотъ онъ уже возлѣ нихъ, говоритъ о чемъ-то, а вотъ скачетъ обратно.

— Это, афганцы,—осадивъ лошадь, доложилъ переводчикъ,—желаютъ видѣть ваше благородіе.

Попросилъ Тимофѣевъ офицера афганскаго къ себѣ, но тотъ уклонился, сказавъ, что усталъ съ дороги и просилъ только указать ему помѣщеніе.

Въ трехстахъ шагахъ отъ крѣпости поставлены были палатки незваннымъ гостямъ, гдѣ они и водворились.

На слѣдующее утро, когда еще комендантъ потягивался на своей кровати, въ юрту его вошелъ денщикъ и доложилъ, что афганскій офицеръ желаетъ его видѣть и проситъ разрѣшенія прибыть въ крѣпость.

— Пусть подождутъ,—сердито сказалъ комендантъ; его ужасно злило, что афганецъ не сейчасъ же явился къ нему по пріѣздѣ.

Проморивъ такимъ образомъ до обѣда афганцевъ, комендантъ наконецъ принялъ ихъ въ свою юрту.

Видъ вошедшаго афганца поразилъ его. Это былъ средняго роста, очень статный и красивый мужчина, съ мѣховою шапкою на головѣ, въ мундирѣ краснаго сукна, съ пуговицами на одномъ борту. Поверхъ мундира надѣтъ бѣлый китель, предохраняющій красное сукно отъ пыли. Широкія черныя брюки съ краснымъ кантомъ спускались до пятокъ.

---

[1]) Между оренбургскими казаками много киргизъ, даже мусульманъ племени «казакъ».

Входя, афганецъ снялъ остроконечныя расшитыя шелкомъ туфли и, отдавъ честь, какъ дѣлаютъ это русскіе, протянулъ руку коменданту, затянутую въ бѣлую перчатку, сказавъ: „Маджиръ-Мурадъ-ханъ“ [1]).

Комендантъ пожалъ ему руку и попросилъ садиться.

Въ это время въ юрту вошелъ и Лосевъ.

Какъ оказалось, афганскій маіоръ везъ письмо къ полковнику Іонову отъ Абдурахмана и пробрался онъ черезъ Большой Памиръ, на Акъ-Ташъ и черезъ Кашгарскія владѣнія выѣхалъ на Рангъ-Куль.

Подали чай и маіоръ съ удовольствіемъ началъ пить его, накладывая полную чашку сахаромъ.

— Чортъ знаетъ что такое,—ворчалъ комендантъ, пившій всегда чай въ прикуску,—да этакъ онъ весь сахаръ съѣстъ, а гдѣ его возьмешь.— Между тѣмъ афганецъ пилъ чай чашку за чашкой.

— Да онъ всю воду изъ колодцевъ вылакаетъ,—острили солдаты [2]).

Предложилъ было комендантъ афганцу переслать съ казакомъ письма къ Іонову, думая такимъ образомъ скорѣе раздѣлаться съ нимъ и отправить его на постъ, да не согласился тотъ, не отдалъ ихъ,— молъ въ руки приказано передать пакеты. Пришлось отправить казака на Мургабъ испросить распоряженій у начальника Памирскаго гарнизона.

Прошло двое сутокъ; каждый день афганецъ проводилъ время въ комендантской юртѣ и надоѣлъ порядкомъ обоимъ офицерамъ.

Вдругъ пріѣзжаетъ съ Мургаба казакъ.

Пакетъ. Вскрылъ его Тимофѣевъ, прочелъ.

— Петръ Петровичъ!—крикнулъ комендантъ.

— Что вамъ?—раздалось снаружи.

— Идите сюда, новость.

Въ юрту вошелъ Лосевъ.

— Васъ въ Кабулъ къ Абдурахману командируютъ,—сказалъ улыбаясь комендантъ.

— Хоть къ чорту—теперь все равно,—пробормоталъ хорунжій.

— Читайте,—протянулъ ему бумагу, улыбающійся Тимофѣевъ.

---

[1]) Маіоръ Мурадъ-ханъ.

[2]) Въ озерѣ вода соленая, а потому въ укрѣпленіи были вырыты колодцы.

Нехотя взялъ бумагу Лосевъ и прочелъ: „Немедленно отправить Лосева съ 10-ю казаками сопровождать афганскаго офицера въ Маргеланъ, прочихъ же афганцевъ прислать на Памирскій постъ".

Лосевъ и глазамъ не повѣрилъ!

— Господи, да неужели это правда, думалъ онъ,—на него нашелъ какой-то столбнякъ.

— Ну, собирайтесь,—тормошилъ его комендантъ; онъ радъ былъ, что избавится отъ скучнаго товарища.

Радъ былъ и хорунжій, онъ, какъ сумасшедшій, прыгалъ въ юртѣ, собиралъ вещи и черезъ часъ былъ уже совершенно готовъ къ выступленію.

— Живѣй, вы, тамъ! кричалъ онъ на казаковъ, сѣдлавшихъ своихъ лошадей и, облобызавшись съ комендантомъ, вскочилъ въ сѣдло и на рысяхъ, сопровождаемый афганцемъ и казаками, пустился вслѣдъ за отрядомъ. Мысленно онъ уже былъ въ Маргеланѣ, онъ видѣлъ свою Лену, чувствовалъ ее возлѣ себя и мысленно цѣловалъ ея золотые локоны.

XVI.

Памирскіе киргизы.

А въ укрѣпленіи настала опять тишина, казаки ушли, осталась одна пѣхота, скука здѣсь нашла себѣ подходящее мѣсто, и только когда наѣзжали сюда кочевники изъ окружающихъ ауловъ или когда зазывали они рангъ-кульцевъ на свои тамаши въ аулы, тогда все какъ-то оживало, и каждый охотно стремился въ гости къ этимъ привѣтливымъ памирскимъ обитателямъ, съ которыми очень скоро сошелся и полюбилъ ихъ и комендантъ, и весь его гарнизонъ.

Я, во время своего пребыванія на Памирѣ, очень близко познакомился съ этими кочевниками и составилъ о нихъ самое хорошее мнѣніе, тѣмъ болѣе, что это племя представляетъ собою отрадное явленіе среди кочевого населенія Средней Азіи, отличаясь своею добротою и честностью.

На видъ памирскіе киргизы очень безобразны. Почти безъ признаковъ растительности, съ сильно выдающимися скулами и узкими прорѣзями глазъ, очень небольшого роста, они такъ похожи другъ на друга, что первое время вамъ кажется, что все населеніе Памира принадлежитъ къ одной семьѣ, связанной близкимъ родствомъ.

Постоянный холодъ и отсутствіе теплаго жилища заставляютъ кочевника быть всегда одѣтымъ въ теплую одежду, которою служатъ ему ватный халатъ и тулупъ на овечьей шерсти, что порождаетъ страшную нечистоплотность, и особенно въ зимнее время киргизы отвратительны; они издаютъ такой специфическій запахъ и изобилуютъ такимъ количествомъ насѣкомыхъ, что положительно противно стоять въ это время около обитателя Памира. Конечно, главной причиной этому обстоятельству является крайняя бѣдность населенія, и болѣе зажиточные кочевники значительно чистоплотнѣе и наряднѣе одѣты.

Памирскіе киргизы.

Среди киргизскихъ женъ встрѣчаются довольно красивые типы. Румяныя, полныя, съ великолѣпными бѣлыми зубами, киргизки представляютъ полный контрастъ своимъ мужьямъ. Всегда въ хлопотахъ по хозяйству, а иной разъ и съ грудными ребятами на рукахъ, киргизка никогда не теряетъ благообразнаго вида. На ней всегда чистая рубашка и вымытый халатъ. Волосы ея всегда заплетены во множество длинныхъ косичекъ со вплетенными въ нихъ украшеніями. Въ пятницу (джума— еженедѣльный праздникъ) киргизка отдыхаетъ отъ трудовъ и, исполнивъ только самую необходимую работу, надѣваетъ свой лучшій туалетъ и навѣшиваетъ на себя украшенія. Появляется на сцену осколокъ добытаго ею откуда-то зеркала, кусокъ отъ котораго отломленъ для какой-нибудь франтихи-подруги, и киргизка занимается своимъ туалетомъ, чтобы блеснуть имъ передъ гостями. Но самый счастливый день для женщинъ, это — перекочевка съ одного мѣста на другое. Придется проѣхать по новымъ мѣстамъ, встрѣтить много батырей (юношей), проѣхать черезъ нѣсколько ауловъ. И, разобравъ свои юрты и навьючивъ все имущество на верблюдовъ и на памирскихъ яковъ, киргизки надѣваютъ свои шелковые халаты, серебряныя пряжки, украшенныя бирюзою, коралловыя бусы. На голову навертывается огромная чалма, перевязанная разноцвѣтными лентами. Въ косы вплетаются серебряныя побрякушки, и вотъ, смѣясь и скаля свои здоровые, ровные зубы, садятся онѣ на украшенныхъ ленточками и лоскутками верблюдовъ.

Обыкновенно впереди поѣзда на осѣдланномъ якѣ ѣдетъ глава семейства, указывая дорогу. Мирное животное, покачивая своею головою, мѣрно ступаетъ неуклюжими ногами, повидимому, совершенно равнодушно относясь и къ всаднику, и къ продѣтому черезъ его ноздри толстому волосяному аркану. Далѣе слѣдуютъ верблюды, завьюченные разною домашнею утварью, поверхъ которой возсѣдаютъ, покачиваясь, киргизки. За верблюдами шествуютъ яки съ навьюченными на нихъ юртами и скотъ, погоняемый остальными членами аула. Лошадей очень мало употребляется для перевозки груза, на нихъ ѣдетъ молодежь, притомъ, надо замѣтить, памирскія лошади малорослы, очень некрасивы и дороги; поэтому-то кочевники зачастую ѣздятъ на якахъ, которые вполнѣ замѣняютъ имъ лошадей, а во время большихъ перехо-

довъ эти животные еще удобны тѣмъ, что даютъ прекрасное, густое, какъ сливки, молоко. Мнѣ никогда не приходилось пробовать молока вкуснѣе ячьяго.

Скотъ памирскаго кочевника состоитъ преимущественно изъ небольшого числа яковъ, нѣсколькихъ барановъ, малорослыхъ быковъ и коровъ, до двухъ-трехъ верблюдовъ, а иногда и лошадей. Конечно, количество скота зависитъ отъ средствъ киргиза, которыя, собственно говоря, и измѣряются у мѣстнаго населенія количествомъ верблюдовъ и барановъ. Зажиточныхъ кочевокъ на Памирѣ встрѣчается очень немного; наоборотъ, бѣдность такъ и проглядываетъ вездѣ, несмотря даже на внѣшній нарядъ киргизокъ во время перекочевки съ мѣста на мѣсто,—это просто женское кокетство. Киргизка лучше будетъ голодать нѣсколько дней, чѣмъ откажетъ себѣ вымѣнять на турсукъ кумысу или сыру какое-либо украшеніе у проѣзжаго таджика, направляющагося черезъ Памиръ въ Афганистанъ или Бухару.

Въ большинствѣ же случаевъ памирское населеніе очень бѣдно. На Казиль-Джинкѣ я зналъ киргиза, у котораго считалось 1.900 барановъ, да 250 яковъ, т. е. всего на сумму по нашимъ деньгамъ—тысячъ на десять. Этотъ киргизъ считался на всемъ Памирѣ самымъ богатымъ человѣкомъ. У прочихъ же киргизовъ обыкновенно насчитывается скота отъ 20 до 600 барановъ и отъ 2 до 30 яковъ. Верблюдовъ очень немного, и они дорого цѣнятся.

Такое незавидное матеріальное положеніе населенія явилось слѣдствіемъ постояннаго хозяйничанія на Памирѣ китайцевъ, кашгарцевъ и другихъ народовъ, окружающихъ эту страну, которые сильно разоряли киргизовъ поборами и различными налогами.

Интересный разсказъ, переданный однимъ изъ памирскихъ аминовъ бекъ-Булатомъ, очень характеристиченъ въ этомъ отношеніи.

Въ дѣтствѣ бекъ-Булатъ помнилъ себя среди зажиточной семьи своего отца, жившаго около озера Рангъ-Куля и бывшаго памирскимъ бекомъ (княземъ), которому подчинялось все населеніе. Долго правилъ отецъ бекъ-Булата и былъ любимъ всѣмъ народомъ.

Но вотъ въ 60-хъ годахъ пришли на Памиръ кокандцы и подчинили себѣ киргизовъ. Отецъ бекъ-Булата, по требованію Худояръ-хана, отправился въ Кокандъ, гдѣ и былъ милостиво принятъ власти-

телемъ, который одарилъ его и, увѣщевая быть вѣрнымъ кокандскимъ подданнымъ, оставилъ попрежнему бекомъ Памира, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что Памиры будутъ принадлежать кокандскому хану. Конечно, тотъ и не прекословилъ, къ тому же кокандцы были весьма обходительны съ покоренными, и хотя брали подати, но весьма незначительныя. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ въ мирѣ и спокойствіи, и отецъ бекъ-Булата умеръ, передавъ правленіе своему старшему сыну.

Въ это время на кашгарскій престолъ вступилъ знаменитый въ исторіи Востока Якубъ-бекъ, который послалъ на Рангъ-Куль войско, во главѣ съ Кули-бекомъ, для занятія этого мѣста. Кули-бекъ неожиданно напалъ на памирцевъ, убилъ бека и, разграбивъ его имущество, назначилъ управителемъ бекъ-Булата, котораго заставилъ присягнуть кашгарскому владыкѣ. Вплоть до смерти Якубъ-бека прослужилъ ему вѣрно бекъ-Булатъ, а когда Кашгаръ былъ занятъ китайцами, онъ исправно продолжалъ платить подать богдыхану.

Но недолго пришлось бекъ-Булату пробыть въ такомъ положеніи. Китайцы, боясь его вліянія на киргизовъ и сношенія съ русскими, когда по Памиру, въ 1889 г., путешествовалъ подполковникъ Громбчевскій, напали на кочевки правителя Памира и, разграбивъ его имущество и отобравъ женъ, сослали бекъ-Булата въ Кульджу.

Однако, злополучному бекъ-Булату черезъ полтора года удалось бѣжать на Памиръ, гдѣ въ это время былъ генералъ Іоновъ со своими отрядами. Бекъ-Булатъ просилъ покровительства русскихъ и остался подъ защитой ихъ на Рангъ-Кулѣ, куда вскорѣ и былъ назначенъ аминомъ (старшиной).

Вслѣдствіе такихъ метаморфозъ и грабежа, у бывшаго князя, обладавшаго огромными богатствами, осталась одна юрта, четыре яка и сотня барановъ.

Но такимъ образомъ былъ разоренъ не только бекъ-Булатъ, и прочіе кочевники потерпѣли не меньше, и до сихъ поръ населеніе не можетъ ещё оправиться, несмотря даже на поддержку русскаго правительства.

Въ настоящее время на Памирѣ организовано правильное управленіе, подчиняющее кочевое населеніе одному управителю, назначенному русскимъ правительствомъ и имѣющему также помощниковъ въ

лицѣ аульныхъ старшинъ — аминовъ. Первымъ такимъ управителемъ былъ назначенъ Тукуръ-бекъ, изъ весьма вліятельнаго, киргизскаго рода на Алаѣ.

Тукуръ-бекъ—высокій, красиво-сложенный мужчина, съ небольшою черною бородкою, съ смуглымъ энергичнымъ лицомъ, съ узкими прорѣзями глазъ, — съ самаго присоединенія Памира былъ ревностнымъ помощникомъ русской администраціи и начальнику Памирскаго поста, невдалекѣ отъ котораго и помѣстились его кибитки. Жены у Тукуръ-бека двѣ: обѣ онѣ дебелыя, румяныя, съ прекрасными черными глазами, лукаво выглядывающими изъ узкихъ щелокъ, обрамленныхъ длинными рѣсницами; обѣ онѣ очень веселыя и обходительныя и не особенно застѣнчивы, что даетъ возможность и побесѣдовать съ этими представительницами прекраснаго пола на Памирѣ.

Сверкая глазами и улыбаясь во весь ротъ, обнаруживая при этомъ необыкновенно бѣлые, крѣпкіе зубы, онѣ всегда очень довольны прибытію кого-нибудь изъ русскихъ; тогда онѣ быстро наряжаются, нацѣпляютъ на себя разныя украшенія и подчуютъ гостей произведеніями своего домашняго хозяйства.

Вообще, кочевники Памира, своимъ добродушіемъ и гостепріимствомъ, оставляютъ по себѣ пріятное впечатлѣніе. Бывало, когда ѣдешь въ какой-нибудь аулъ навѣстить знакомаго киргиза, видишь уже версты за двѣ, что хозяинъ садится на лошадь и ѣдетъ встрѣтить гостя и радостно привѣтствуетъ васъ улыбкой и обычными кулдуками (поклонами).

Подъѣзжаешь къ юртѣ — сейчасъ же какой-нибудь киргизенокъ возьметъ коня и начинаетъ водить взадъ и впередъ, заботливымъ взглядомъ осматривая вспотѣвшую лошадь. Войдешь въ юрту и только успѣешь усѣсться на кошму (войлокъ), какъ сейчасъ же начинается угощеніе чаемъ, баурсаками [1]), и не успѣешь оглянуться, какъ ужъ тащатъ рѣзать барана.

Еле-еле удастся убѣдить иной разъ хозяина, что вовсе не для того пріѣзжаешь, чтобы они празднество какое-то устраивали, а просто посмотрѣть на ихъ житье-бытье; и иногда удается отклонить угощеніе;

[1]) Тѣсто, вареное въ салѣ.

Первый волостной управитель на Памирѣ Тукуръ-бекъ и его помощникъ.

но бываетъ, что никакія просьбы и убѣжденія не ведутъ ни къ чему— ну, тогда форменный праздникъ.

Въ юрту откуда-то набирается цѣлая куча народа, ожидающаго угощенія, и каждый, чѣмъ можетъ, помогаетъ хозяевамъ. Кто тащитъ дровъ, кто налаживаетъ котелъ, кто рѣжетъ барана или помогаетъ киргизкамъ переливать въ чашки молоко и т. д., а прочіе стараются разговорами занять своего гостя.

Между этими добродушными киргизами встрѣчались мнѣ и неглупые люди, весьма здраво разсуждавшіе на нѣкоторыя интересующія ихъ темы, но зато находились и крайне ограниченные и ни къ чему не способные, праздно шатающіеся изъ аула въ аулъ и занимающіеся только лишь сплетнями.

Болтая съ киргизами въ юртѣ, сидишь, пока не начнетъ гостепріимный хозяинъ угощать цѣлымъ рядомъ блюдъ, состоящихъ изъ баранины во всѣхъ видахъ. Подаютъ и супъ—просто немного соленый мясной наваръ съ такимъ огромнымъ количествомъ краснаго перца, что потомъ долго горитъ во рту, и вареную баранину, или же мелко изрѣзанную кусочками и жареную въ салѣ, а то иногда и просто кусокъ мяса жаренаго на вертелѣ. Все общество принимается съ аппетитомъ жевать своими здоровыми зубами кушанья, и скоро, обтеревъ свои руки объ сапоги или полы засаленныхъ халатовъ, проговоривъ обычное „Алла“ и рыгнувъ нѣсколько разъ, что обозначаетъ благородность хозяину и полное довольствіе его обѣдомъ, снова принимается за чай. Вся компанія расходится только тогда, когда самъ встанешь и, поблагодаривъ хозяина и поочередно попрощавшись съ каждымъ изъ присутствовавшихъ, выходишь изъ юрты. Цѣлая толпа провожаетъ васъ на лошадяхъ почти до дому, не переставая засыпать цѣлымъ градомъ вопросовъ.

Въ свою очередь, и киргизы пріѣзжаютъ къ вамъ, ну, и тогда ихъ стараешься угостить на-славу. Но самое большое удовольствіе для вашего гостя, если вы подарите ему немного пороху. Занимаясь охотой, они очень нуждаются въ огнестрѣльныхъ припасахъ, такъ какъ добыть ихъ очень трудно. Ужъ непремѣнно, разъ вы снабдили киргиза порохомъ, или одолжили ему ружье, онъ привезетъ вамъ кіика, а иногда и архара, и разскажетъ цѣлую исторію о томъ, съ какими

препятствіями удалось ему достать убитое животное. При этомъ онъ не совретъ ни капли, описывая тѣ ужасы, когда онъ на арканѣ спускался за убитымъ кіикомъ. Надо увидѣть самому тѣ страшныя пропасти или скалы, по которымъ лазятъ охотники за горнымъ звѣремъ, чтобы вполнѣ повѣрить описывающему разныя трудности охоты кочевнику.

Мнѣ приходилось довольно часто самому охотиться на кіика и архара, и я удивлялся, глядя на киргизовъ, по какимъ карнизамъ пробирались они и съ какихъ отвѣсовъ спускались въ пропасти.

Единственнаго охотника, безусловно безстрашнаго, я встрѣтилъ только одного, который, не взирая ни на какія преграды, охотился на Памирѣ—это генерала Іонова. Ну, зато его имя и гремитъ среди самыхъ ярыхъ охотниковъ Туркестана, а иностранцы, пріѣзжавшіе поохотиться и отважившіеся ѣхать съ нимъ въ горы, приходили въ недоумѣніе и не рѣшались слѣдовать за отважнымъ охотникомъ.

Кромѣ охоты, памирскіе кочевники очень любятъ спортъ. Въ виду того, что сильно разрѣженный воздухъ Памира и почти полное отсутствіе хорошихъ лошадей не даетъ имъ возможности устраивать любимую игру прочихъ киргизовъ, улакъ и бойгу, они, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, замѣнили ихъ скачками на верблюдахъ, а иногда и на якахъ.

Это оригинальное дикое развлеченіе является такимъ интереснымъ явленіемъ среди памирскаго населенія, что я считаю не лишнимъ посвятить нѣсколько словъ этому спорту.

Задолго до ежегоднаго праздника, богатые киргизы начинаютъ подготовлять горбатыхъ животныхъ къ предстоящей скачкѣ. Ихъ, каждый день, гоняютъ по нѣсколько часовъ рысью и такимъ образомъ мало по малу пріучаютъ животное привыкать къ этому аллюру, который обыкновенно оно избѣгаетъ примѣнять и только въ случаѣ какой-либо опасности прибѣгаетъ къ нему, спасаясь бѣгствомъ. Пріученные бѣгать верблюды передъ состязаніемъ держатся по нѣсколько дней безъ пищи и питья, и вотъ въ назначенный день они немного получаютъ корма.

Со всѣхъ концовъ Памира стекается множество любопытныхъ, всѣ спѣшатъ на предстоящую тамашу (увеселеніе). Теперь обыкновенно собираются киргизы около русскаго укрѣпленія на Мургабѣ, близъ пе-

реправы Шаджанъ, гдѣ три года, какъ выросъ туземный базарчикъ, имѣется караванъ-сарай и чай-ханэ.

Версты на четыре, а иногда и больше, расчищается мѣсто, и вотъ спортсмены садятся на горбы своихъ верблюдовъ. Цѣлою шеренгою стоятъ они со своими всадниками и, издавая невозможный ревъ, ожидаютъ сигнала, чтобы броситься рысью впередъ.

Но, вотъ, данъ знакъ, и киргизы заработали локтями.

Не сразу тронулись всѣ верблюды, нѣкоторые артачатся, но веревка, прикрѣпленная къ продѣтой черезъ ноздрю палкѣ, оказываетъ свое дѣйствіе. Верблюдъ страшно реветъ и бросается догонять уже умчавшихся всадниковъ. Съ боковъ раздаются гортанные крики скачущихъ на своихъ лошадяхъ или якахъ киргизовъ, подбодряющихъ верблюдовъ. Крикъ, гиканье, свистъ, удары нагаекъ и поощреніе зрителей—все сливается въ ужасный гулъ.

Но, вотъ, одинъ изъ верблюдовъ споткнулся и рухнулся на землю—сѣдокъ, не удержавшись на горбѣ своего животнаго и совершивъ довольно продолжительное воздушное путешествіе, падаетъ на землю. Кругомъ поднимается хохотъ, на несчастнаго спортсмена такъ и сыплются насмѣшки, а онъ, ругаясь, подходитъ къ лежащему верблюду и старается поднять его, но животное только жалобно воетъ — у него сломана нога.

Между тѣмъ состязающіеся достигаютъ конечнаго пункта. Крики и гиканье усиливаются. Впереди несется рыжій верблюдъ съ сѣдокомъ въ остроконечной шляпѣ. Глаза его лихорадочно горятъ, и кажется, что онъ не замѣчаетъ ни того, что дѣлается съ боковъ, ни тѣхъ криковъ поощренія, которые раздаются ему вслѣдъ. Онъ видитъ, что разстояніе между нимъ и коломъ, вбитымъ въ землю и обозначающимъ предѣлъ бѣга, все уменьшается и уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слышитъ, какъ топотъ настигающаго верблюда становится все отчетливѣе и отчетливѣе.

Онъ напрягаетъ свое горло, поощряя гиканьемъ верблюда.

Вотъ нѣсколько саженей осталось только до цѣли. Вотъ онъ взмахиваетъ еще разъ нагайкой и мысленно уже вкушаетъ торжество побѣдителя...

Вдругъ, съ лѣвой стороны мелькнула вытянутая шея бураго вер-

блюда. Вотъ и весь верблюдъ показался съ сидящимъ на немъ киргизомъ. Еще моментъ, и несчастный побѣдитель видитъ уже спину своего противника.

Внѣ себя отъ злобы, онъ бьетъ изо всей силы по головѣ несчастное животное — но поздно. Впереди слышны крики привѣтствія, и счастливецъ побѣдитель, привѣтствуемый толпою, идетъ получать призовой халатъ.

Чины памирскаго гарнизона за послѣднее время принимали участіе въ этомъ оригинальномъ спортѣ, причемъ призы были розданы офицерами.

Вообще памирскіе киргизы весьма охотно участвуютъ во всевозможныхъ скачкахъ и состязаніяхъ и иногда, для присутствованія на какой-нибудь байгѣ, ѣдутъ за цѣлыя сто верстъ, а иногда и дальше.

Однако, между мирнымъ кочевымъ населеніемъ Памира встрѣчаются и люди, занимающіеся грабежемъ. Къ этому разряду кочевниковъ принадлежитъ семья извѣстнаго памирскаго разбойника Сахипъ-Назара, игравшаго довольно видную роль во время событій въ памирскомъ ханствѣ, извѣстныхъ подъ названіемъ афганской смуты.

Интереснѣе всего, что разбойникъ этотъ, грабя караваны кочевниковъ, не подвергался притѣсненію ни русскаго, ни афганскаго правительства. Наоборотъ, афганскій эмиръ заискивалъ у него, пользуясь его помощью. На истокахъ рѣки Кудары, въ почти неприступномъ мѣстѣ, стоятъ зимовки этого разбойника, гдѣ семья его проводитъ обыкновенно суровыя памирскія зимы, а лѣтомъ откочевываетъ въ долину Алая.

Въ 1892 г. я посѣтилъ эти зимовки и видѣлъ Сахипъ-Назара. Это былъ рослый, крѣпко сложенный киргизъ съ длинною сѣдою бородою, при видѣ котораго невозможно было и представить себѣ, что этотъ почтенный старецъ занимался грабежами. Его два сына, наоборотъ, имѣли весьма разбойничій видъ.

Обыкновенно, прослѣдивъ богатый караванъ, направляющійся въ Бухару или Туркестанъ съ контрабандой, шайка Сахипъ-Назара нападала на него и, разграбивъ имущество, или отпускала на всѣ четыре стороны возчиковъ, или брала ихъ въ рабство. Рѣдко разбойникъ нападалъ на одиночныхъ людей, и вообще грабежи его не отличались кровопролитіемъ.

Скачка на верблюдахъ «передъ сигналомъ».

Въ 1894 году Сахипъ-Назаръ умеръ, завѣщавъ своимъ сыновьямъ заниматься мирнымъ промысломъ и навсегда оставить разбой. Но развѣ могли люди, которые съ молокомъ матери всосали разбойничій духъ, отказаться отъ лихого промысла, и они попрежнему продолжали производить нападенія на караваны, пока, наконецъ, русское правительство не приняло энергичныхъ мѣръ и не заставило братьевъ навсегда отказаться отъ легкой наживы.

Познакомившись ближе съ памирскимъ кочевымъ населеніемъ и его бытомъ, во всякомъ случаѣ, можно вывести заключеніе, что этотъ народъ, при всей своей наружной невзрачности и бѣдности, представляетъ собою весьма отрадное явленіе среди народовъ Средней Азіи своею честностью, добротою, гостепріимствомъ и оставляетъ прекрасное впечатлѣніе на посѣтившаго Памиръ путешественника, побывавшаго въ средѣ радушныхъ кочевниковъ этой дикой страны.

XVII.

Обратный путь. Вступленіе отряда въ Маргеланъ. Что ожидало молодого казака по возвращеніи изъ похода.

Обратный путь казался возвращавшемуся отряду необыкновенно легкимъ и огромные перевалы, которые съ такимъ трудомъ преодолѣвалъ отрядъ, теперь не представлялись ему больше такими ужасными и суровыми. Привычка взяла свое, а надежда на скорый отдыхъ въ тѣнистыхъ лагеряхъ Маргелана, придавала бодрости и энергіи солдату. Несмотря на большіе переходы, которые дѣлалъ отрядъ, почти не было слабыхъ, правда, что санитарная часть отряда, благодаря неустаннымъ заботамъ отряднаго врача Д. И. Лебедева, была необыкновенно хорошо поставлена и вниманіе доктора всецѣло было обращено на питаніе солдата въ походѣ, но немаловажное значеніе имѣло также то обстоятельство, что за походъ нижніе чины такъ закалились, такъ окрѣпли, что никакіе переходы теперь имъ были нипочемъ и изъ-подъ перевала Акъ-Байталъ на сѣверный берегъ Кара-Куля отрядъ прошелъ въ одинъ переходъ, сдѣлавъ болѣе 60 верстъ.

Въ городѣ Ошѣ памирцы были встрѣчены 4 Туркестанскимъ линейнымъ баталіономъ, привѣтствовавшимъ въ военномъ собраніи роскошнымъ обѣдомъ отрядныхъ офицеровъ въ то время, когда въ лагеряхъ нижніе чины угощали на-славу вернувшихся товарищей—линейцевъ, конно-горцевъ и казаковъ.

Наконецъ, 21-го сентября, послѣ долгаго скитанія по горамъ и доламъ Памира, отрядъ вступилъ въ Маргеланъ. Рваная обувь, потрепанная одежда, измученныя лица свидѣтельствовали о томъ, что перенесли солдаты за этотъ тяжелый походъ.

Цѣлая толпа маргеланскихъ жителей выѣхала встрѣчать возвращающихся памирцевъ, съ радостными лицами кивали жены, братья,

матери, завидя дорогихъ имъ загорѣлыхъ, запыленныхъ, оборванныхъ людей.

Лосевъ ѣхалъ съ своей сотней, зорко всматриваясь въ толпу, пестрѣвшую разноцвѣтными зонтиками среди густой зелени садовъ. Сердце его билось ужасно, такъ что онъ нѣсколько разъ хватался за грудь. Вотъ и его мать. Замѣтила она сына и машетъ ему платкомъ. Онъ кивнулъ ей головой, и тотчасъ же сталъ искать ту, которую такъ пламенно желалъ увидѣть и не находилъ.

Неужели не вышла навстрѣчу, думалъ онъ, нѣтъ, не можетъ быть. Вотъ оно что значитъ, цѣлый мѣсяцъ письма не было, подумалъ онъ, и злобное чувство снова заполнило его душу. Вдругъ онъ вздрогнулъ.

Чаровъ на красивомъ аргамакѣ на рысяхъ проѣхалъ мимо, рядомъ съ нимъ скакала амазонка. Она! она! чуть не закричалъ Лосевъ, въ глазахъ его помутилось и онъ бросился изъ строя.

— Куда—вы?— послышалось вслѣдъ ему, но онъ ничего уже не соображалъ.

Онъ видѣлъ среди клуба пыли сѣрую коломянковую амазонку и бѣлую лошадь.

Вотъ онъ догоняетъ ее, вотъ онъ уже возлѣ. Чаровъ не смотритъ на него, онъ оборотилъ голову въ сторону проходящаго отряда.

— Леночка.... Елена....—прокричалъ почти надъ ухомъ амазонки Лосевъ.

Она испуганно повернула голову....

— Простите.... — пробормоталъ смущенный хорунжій, осаживая лошадь, — Господи, да что это такое? — Не его Лена, а госпожа Стрѣльская была амазонка.

Сразу радостно стало на душѣ хорунжаго, будто камень тяжелый свалился.

— Петя, Петя,—окликнулъ голосъ его изъ толпы, когда онъ нагонялъ полкъ, онъ узналъ голосъ матери, но не остановился, и поскакалъ знакомыми улицами. Вотъ поворотъ, вотъ и домъ съ зелеными ставнями, коновязь знакомая. Онъ соскочилъ съ сѣдла. Ноги его дрожали отъ волненія. Однимъ прыжкомъ онъ былъ уже на пяти ступенькахъ и позвонилъ.

Отвѣта не было.

Видно ушли встрѣчать, подумалъ онъ и, обойдя дворъ, вошелъ въ ворота.

Калитка со скрипомъ отворилась и онъ прошелъ на знакомый дворъ.

— Ой, Асманъ!—крикнулъ онъ малайку.

До-бой? [1])—раздался изъ сада голосъ караульщика, и не дожидаясь появленія Асмана, Лосевъ самъ пошелъ въ садъ.

Навстрѣчу ему, переваливаясь, шелъ Асманъ.

— А, тюра, саломатъ [2]), съ Памира пришелъ,—сказалъ онъ, отвѣшивая низкій кулдукъ [3]), въ надеждѣ на щедрый на-чай.

— Да вернулся, а что господа?

— Господа?—ушли на тамашу,—сказалъ караульщикъ, указавъ пальцемъ въ сторону, откуда слышалась музыка.

Отлегло отъ души Лосева и онъ закурилъ папироску.

Подожду, подумалъ онъ, сейчасъ должны возвратиться, и сталъ ходить по двору.

Раздался звонокъ. Сердце его сильно забилось, близость свиданія, казалась чѣмъ-то невѣроятнымъ.

— Наконецъ!—крикнулъ хорунжій и бросился отворять. На террасу вошелъ толстый чиновникъ военно-народнаго правленія, а за нимъ, пыхтя, ввалилась его жена, такая же дородная и упитанная, какъ и ея благовѣрный. Чиновникъ удивленно смотрѣлъ на офицера, который не менѣе былъ пораженъ этимъ появленіемъ. Полное разочарованіе выражало его лицо.

Видя смущеніе Лосева, чиновникъ подошелъ къ нему и, осклабившись въ противную улыбку, свойственную старымъ выслужившимся чиновникамъ областныхъ правленій, приподнявъ фуражку, спросилъ: „съ кѣмъ имѣю честь"?

Хорунжій сказалъ.

— Памирецъ?

— Да.

— Вы, вѣроятно, къ Гладковымъ?

— Да, да,—нетерпѣливо проговорилъ Лосевъ.

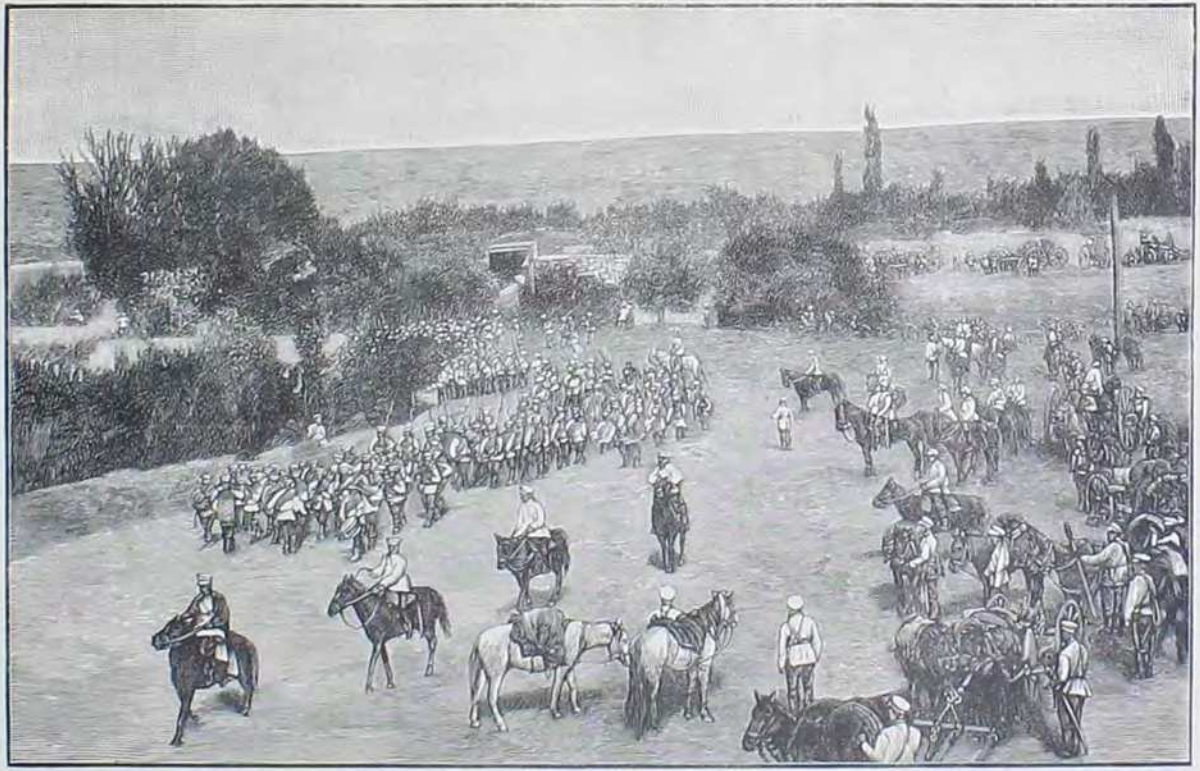
— Такъ ихъ здѣсь нѣтъ, — сказалъ чиновникъ, — я живу въ этомъ домѣ—и лицо его сново осклабилось.

---

[1]) До-бой—что угодно.

[2]) Саломатъ—здравствуй.

[3]) Кулдукъ—поклонъ.

Возвращеніе Памирскаго отряда въ Нов. Маргеланъ.

Какое гадкое лицо, подумалъ Лосевъ, подлость какая-то написана будто на немъ.

— Милости просимъ къ намъ чайку откушать,—выступила впередъ дородная чиновница,—я думаю, съ дороги-то устали.

— Ахъ, очень вамъ благодаренъ, только я не могу, я спѣшу, меня мама ждетъ, а вотъ вы меня очень одолжите, если скажете, гдѣ живутъ теперь Гладковы.

— А вы развѣ ничего не слышали?—растягивая послѣднее слово, проговорила чиновница, предвкушая удовольствіе, столь присущее маргеланскимъ дамамъ подѣлиться важною новостью.

Не то испугъ, не то ужасное предчувствіе чего-то недобраго охватило Лосева. Замужъ вышла, подумалъ онъ....—Что такое, говорите, ради Бога,—подбѣжалъ онъ къ чиновницѣ.

— Вы не слышали?—повторила та,—да вѣдь всѣ только объ этомъ и говорятъ: вѣдь Елена-то Николаевна вторую недѣлю, какъ скончалась....

Если бы чиновница сказала, что его Леночка уже замужемъ или уѣхала, бросила его, надсмѣялась надъ его чувствомъ — онъ бы повѣрилъ—онъ былъ готовъ къ этому. Но смерть, смерть,—это невозможно, невѣроятно, это было черезчуръ неожиданно и жестоко—онъ не повѣрилъ, онъ не допускалъ возможности смерти своего сокровища. Какъ! она умерла, онъ больше никогда, никогда не увидитъ ее, не услышитъ ея голоса, не почувствуетъ ея теплой мягкой ручки?—нѣтъ, это невѣроятно—этого не бываетъ.

— Нѣтъ!—закричалъ онъ, схвативъ за плечо чиновницу и тряхнувъ ее,—вы лжете, этого быть не можетъ.—Онъ все забылъ въ этотъ моментъ, ему казалось, что передъ нимъ не чиновница, а какое-то ужасное чудовище, разрушившее вдругъ все его счастіе, всю его жизнь, онъ трясъ за плечо оторопѣвшую женщину и сквозь зубы шипѣлъ: ложь, ложь, все ложь....

— Что вы, что вы, да вы никакъ спятили отбояривалась отъ него чиновница и, вырвавшись изъ сжимавшей ее руки Лосева, разразилась цѣлымъ потокомъ брани.

Не рѣзкій поступокъ Лосева обидѣлъ ее, нѣтъ ничуть. Она ему не придавала значенія, ей обидно было, что ее называли лгуньей, когда она передавала дѣйствительный фактъ, соври она, какъ это часто

бывало, она огрызнулась бы и только, но, чувствуя за собою правду, она была оскорблена до глубины души и не могла простить этого, по ея мнѣнію, невоспитанному офицеру.

Лосевъ не слышалъ потока ругани маргеланской кумушки и не замѣтилъ, какъ она, хлопнувъ дверью, ушла въ комнаты, онъ стоялъ, прислонясь къ столбу, поддерживающему террасу, и только повторялъ одно и то же: „не можетъ быть, нѣтъ, это неправда, неправда".

Къ нему подошелъ чиновникъ. Убитый видъ офицера, странная, разыгравшаяся на глазахъ его сцена, были непонятны ему.

— Да, это правда, господинъ хорунжій, это правда очень прискорбная, но, къ сожалѣнію, дѣйствительная,—сказалъ онъ:—сначала барышня заболѣла, да въ два дня и померла, потомъ и старики за нею отправились—царство имъ небесное, напрасно вы и супругу мою обидѣли—истинную всю правду она сказала...

Но Лосевъ уже не слушалъ чиновника, онъ прислонился лицомъ къ стѣнѣ, корпусъ его судорожно задрожалъ и зарыдалъ онъ, какъ ребенокъ.

Пораженный случившимся, стоялъ возлѣ него толстякъ, глядя на сѣраго, запыленнаго, въ боевыхъ доспѣхахъ офицера, рыдавшаго такъ громко, такъ отчаянно, безнадежно.

Видно женихъ и есть тотъ самый, про котораго слыхалъ онъ отъ жены, подумалъ чиновникъ, и ему стало жаль бѣднаго казака, онъ простилъ ему грубый поступокъ съ женою и даже упрекалъ ее въ душѣ за безучастіе къ человѣческому горю.

А тамъ, на холерномъ кладбищѣ, три свѣжія могилки съ бѣлыми крестами прiютились около самой ограды; ни цвѣточка, ни вѣнка не видать на нихъ, только степной вѣтеръ наноситъ туда мелкій песокъ, подниметъ его, завертитъ столбомъ, пронесетъ по кладбищу и умчитъ вихремъ далеко въ степь, крутя по дорогѣ засохшіе листья.

XVIII.

Первая зимовка на Памирѣ. Рождественскіе праздники. Новый годъ. Похороны въ укрѣпленіи.

Скучно и однообразно тянулись дни на Памирскомъ посту. Работы по сооруженію улитокъ, заготовка терескена на зиму и другія приготовленія занимали большую половину дня. Почта приходила разъ въ недѣлю, и всѣ съ жадностью хватались за письма и газеты, читая въ нихъ новости, совершившіяся полтора мѣсяца тому назадъ. Наконецъ, прибылъ и начальникъ гарнизона, капитанъ генеральнаго штаба Кузнецовъ, произвелъ смотръ,—и все опять втянулось въ старую колею. Въ началѣ октября мѣсяца вдругъ выпалъ глубокій снѣгъ, покрывъ своею пеленою и укрѣпленіе, и юрты. Температура замѣтно падала, наступили морозы, прибылъ и транспортъ, доставившій все необходимое шаджанцамъ, а вслѣдъ за нимъ закрылись и перевалы. Сообщеніе было прекращено, почта не приходила, и небольшая семья шаджанцевъ мирно зажила своею сѣренькою жизнью, отрѣзанная отъ всего міра громадною снѣжною стѣною. Морозы все усиливались, и памирская зима разразилась со всѣми своими вьюгами и метелями. Ежедневно на ближайшую высоту высылался наблюдательный постъ, на случай появленія противника, были отправлены разъѣзды въ сторону афганцевъ, но все было тихо, никто не появлялся, да и кому бы въ голову пришло двинуться теперь въ походъ, когда изъ юрты носа высунуть нельзя, а если выходить на воздухъ, то только развѣ по службѣ. Хлѣбъ пекли хорошій, супъ съ консервами или щи изъ сушеной капусты были великолѣпны, баранина имѣлась своя, водка, вина и коньякъ были—чего же лучше? Даже книги и карты, всегдашніе спутники офицера въ походѣ, и тѣ имѣлись и разнообразили длинные скучные вечера.

Вотъ, съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ удушье сдѣлалось необыкновенно чувствительнымъ. Бывало, во время сна, хватаешься за

грудь и чувствуешь, будто кто-то мощной рукой давитъ горло. Вскочишь, закричишь, но напрасно—еще хуже становится отъ движенія, наоборотъ, нужно, по возможности, оставаться спокойнымъ, такъ какъ пароксизмъ удушья и безъ того былъ вызванъ рѣзкимъ движеніемъ во снѣ. Утромъ иногда во рту появлялась запекшаяся кровь, и многіе жаловались на необыкновенную слабость.

Наступили и дни Рождества Христова, и на „крышѣ міра“ зажглась первая елка.

Заботами капитана Кузнецова раздобыли дерево, солдатики надѣлали украшеній и свѣчи самодѣльныя появились, и вотъ 24-го декабря въ одной изъ самыхъ большихъ юртъ поставили „елку“, украсили ее и зажгли. Сколько торжества-то было! Гармошка, скрипка, гитара, все появилось на сцену, даже и спектакль, неизмѣнный „Царь Максимиліанъ“, сошелъ блестяще. По приказанію начальника гарнизона, была выдана водка и угощеніе для солдатъ, а офицерство по своему справляло этотъ торжественный день, ознаменовавъ его небольшой кутежкой.

Наступилъ и новый годъ, первый новый годъ, встрѣченный русскими на Памирѣ. Скромно встрѣтили его шаджанцы, пожелавъ другъ другу счастья и здоровья въ наступающемъ 1893 году. Уже нѣсколькихъ человѣкъ не досчитывали они, а недалеко отъ крѣпости уже успѣло вырости маленькое шаджанское кладбище, пріютившее подъ свою сѣнь вѣчныхъ памирцевъ.

Ужасно тяжело дѣйствовала на всѣхъ въ укрѣпленіи смерть кого либо изъ членовъ отряда. Безъ священника, безъ обряда погребальнаго хоронились покойники, провожаемые своими товарищами. Грустно было видѣть эту картину.

На рукахъ, въ сплетенной самими шаджанцами корзинѣ, несли солдаты погибшаго собрата. Уныло раздается нестройное пѣніе „Святый Боже!“ Слезы выступаютъ изъ глазъ при звукѣ погребальнаго пѣнія. Вотъ и крестъ, наскоро сколоченный изъ оставшихся отъ построекъ брусковъ.

Положили покойника въ яму. Начальникъ отряда читаетъ отходную и провозглашаетъ вѣчную память, горнистъ играетъ погребеніе, барабанъ бьетъ отбой.

Глава аула верхомъ на якѣ при перекочевкѣ.

Могила зарыта, и всѣ идутъ грустные, молчаливые, у каждаго на душѣ одна мысль, что вотъ-вотъ и его очередь скоро настанетъ.

Мало-по-малу привыкали памирцы къ суровой зимѣ, и она уже казалась имъ въ порядкѣ вещей. Но вотъ наступилъ мартъ. Стало замѣтно теплѣе. Перевалы одинъ за другимъ открывались, а вмѣстѣ съ ними возобновилось и почтовое сообщеніе. Цѣлая груда газетъ, писемъ, извѣстій появилась въ укрѣпленіи, всѣ ожили, пріободрились, въ надеждѣ скорой смѣны. Наступила и пасха. Въ страстную субботу все приводилось въ порядокъ, украшалось и готовилось къ параду. Куличи, пасха, все было заготовлено изъ навезеннаго киргизами молока, и вотъ, надъ крышею міра впервые раздалось „Христосъ Воскресе!“ Салюты изъ пулеметовъ нарушили тишину, царившую надъ укрѣпленіемъ. Первый разъ слышали сѣдоглавыя вершины этотъ радостный возгласъ, и онѣ, освѣщенныя весеннимъ солнцемъ, будто вторили горсточкѣ православныхъ воиновъ, собравшихся у подножія ихъ.—„Воистину Воскресе!“ какъ-бы отвѣчало эхо изъ черныхъ ущелій. Пасхальный парадъ, затѣмъ христосованіе офицеровъ съ солдатами, питье водки, пляска, гармонія и разныя солдатскія игры длились три дня, а потомъ наступили и занятія. Во время зимы, когда гарнизонъ не могъ производить строевыхъ ученій, благодаря суровой погодѣ, офицеры занимались словесными занятіями съ нижними чинами, но лишь только настали первые весенніе дни, опять начались правильныя ученія. Маршировка, гимнастика, прикладка, разсыпной строй, а параллельно съ тѣмъ стрѣльба и сторожевая служба велись самымъ исправнымъ образомъ.

Несмотря на требовательность начальника отряда и строгость его въ случаѣ какихъ либо опущеній, солдаты любили капитана Кузнецова за его заботы о нихъ, и пріятно было слышать солдатскіе отзывы о своемъ начальникѣ. „Капитанъ нашъ—отецъ“,—говорили шаджанцы. Сами солдаты, помимо начальства, собрали деньги и поднесли шашку на память своему командиру съ надписью. Тронутый капитанъ съ благодарностью принялъ подарокъ, но вернулъ затраченныя деньги солдатикамъ.

Вмѣстѣ съ весною, проснулась отъ тяжкаго зимняго сна и вся природа суроваго Памира. Сѣдоглавыя вершины какъ будто стряхнули свою зимнюю пелену, подъ которою безмятежно спали они въ теченіе

многихъ мѣсяцевъ, укрытыя ею отъ трескучихъ морозовъ и снѣжныхъ бурановъ. Шумные водяные потоки, посылаемые съ ихъ вершинъ, какъ первые вѣстники весны, весело побѣжали во всѣ стороны Памира, пробуждая на пути своемъ уснувшія мрачныя долины.

Одинъ за другимъ стали открываться перевалы и съ Ферганою установилось правильное сообщеніе. Цѣлая груда писемъ и газетъ сразу была получена шаджанцами, и они, какъ голодные звѣри, набросились на эту, такъ долго ожидаемую добычу.

Легче становилось у каждаго на душѣ при сознаніи, что вотъ скоро, скоро прибудетъ смѣнный отрядъ и изнуренные шаджанцы, послѣ тяжелой первой зимы на Памирѣ, снова возвратятся въ Фергану, а оттуда и на родину.

Наконецъ прибыла и смѣна, подъ начальствомъ капитана Зайцева, и новый отрядъ занялъ гарнизонъ въ Шаджанскомъ укрѣпленіи.

Передача поста не затянулась долго, въ одну недѣлю все было закончено, и оба отряда, помолившись Богу, простились другъ съ другомъ, пообѣдали вмѣстѣ въ послѣдній разъ, выпили спирту и разстались.

Снова началась однообразная жизнь на Памирскомъ посту, снова начались работы по сооруженію болѣе удобныхъ жилищъ, возводились цейхгаузы, баня, выстроена была метеорологическая будка, строилось офицерское собраніе и, вмѣсто низкихъ неудобныхъ землянокъ, выростали мало-по-малу сносныя, сложенныя изъ сырцоваго кирпича и камня жилища.

Время отъ времени начальникомъ отряда были высылаемы разъѣзды по направленію къ афганскимъ владѣніямъ и капитанъ Кузнецовъ произвелъ рекогносцировку по Дарвазу, дойдя до крѣпости Кала-и-Ванчъ. Но все было тихо, нигдѣ афганцы не показывались на нашей территоріи и только жители таджикскихъ селеній Шугнана и Рошана жаловались на жестокость своихъ поработителей и умоляли начальника Памирскаго поста ходатайствовать передъ русскими властями о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи.

XIX.

Рекогносцировка штабсъ-капитана Ванновскаго [1]) по Рошану. Причины, вызвавшія ее. Цѣль рекогносцировки. Тяжелый путь и переправы на гупсарахъ. Встрѣча съ афганцами у сел. Имца. Встрѣча съ афганскимъ часовымъ. Позиція.

Между тѣмъ въ укрѣпленіе стали поступать донесенія таджиковъ, что афганцы стягиваютъ свои войска къ границамъ Бухары, а изъ Кала-и-Баръ-Пянджа производятся постоянныя рекогносцировки по Шугнану и Рошану.

Такимъ образомъ, вопреки соглашенію Россіи съ Англіей, состоявшемуся въ 1873 году, афганцы самовольно захватили Шугнанъ и Рошанъ, гдѣ, производя насилія надъ населеніемъ и собирая незаконную подать съ него, наносили несомнѣнный ущербъ нашему обаянію на Памирахъ и среди сосѣднихъ ханствъ.

Это обстоятельство вынудило русское правительство, охранявшее до сихъ поръ прилегающія къ Памиру ханства, высылкою туда время отъ времени джигитовъ изъ Шаджанскаго укрѣпленія, на этотъ разъ послать въ долину рѣки Бартанга, т. е. въ глубь Рошана, рекогносцировочную партію, чтобы указать афганцамъ, что Россія не отказывается отъ своихъ правъ на Памирскія ханства, а, напротивъ, считаетъ ихъ своимъ законнымъ владѣніемъ, какъ входившихъ въ сферу вліянія Кокандскаго ханства, покореннаго ею. Другою причиною снаряженія рекогносцировочной партіи служило также то обстоятельство, что восточная часть Памира, обладающая важнымъ продольнымъ путемъ отъ долины Алая къ Гундукушу, непригодна для постоянной осѣдлой жизни, вслѣдствіе суровости климата въ этой части Памира,

[1]) Настоящее описаніе составлено по донесеніямъ, маршрутамъ и путевымъ журналамъ подполковника Генеральнаго Штаба С. П. Ванновскаго.

между тѣмъ какъ Рошанъ и Шугнанъ возможны для обитанія въ теченіе круглаго года и, по имѣющимся разспроснымъ свѣдѣніямъ объ этихъ ханствахъ, земли ихъ хорошо обработаны и легко могутъ служить для продовольствія небольшихъ отрядовъ.

Такимъ образомъ на начальника рекогносцировочной партіи, штабсъ-капитана лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка причисленнаго къ Генеральному Штабу С. П. Ванновскаго была возложена обязанность собрать точныя свѣдѣнія касательно этого вопроса, разрѣшеніе котораго въ утвердительномъ смыслѣ могло привести къ устраненію тѣхъ огромныхъ расходовъ, которые несла казна по доставкѣ продовольствія на Памиры для Шаджанскаго отряда изъ долинъ Ферганы.

Въ инструкціи, данной штабсъ-капитану Ванновскому, предписывалось произвести рекогносцировку отъ крѣпости Ташъ-Кургана Рошанскаго внизъ по Бартангу до впаденія его въ рѣку Пянджъ, а равно путей изъ долины Бартанга въ долины Язгулема и Ванча, связавъ такимъ образомъ неизвѣстныя европейцамъ части Рошана и Дарваза съ конечнымъ пунктомъ изслѣдованій, произведенныхъ въ томъ же году капитаномъ Кузнецовымъ. Въ виду же того, что между Россіею и Англіею уже завязались дипломатическіе переговоры объ очищеніи Рошана и Шугнана афганцами, начальнику партіи предписывалось избѣгать вооруженныхъ столкновеній съ афганскими постами, такъ какъ, при малочисленности казачьяго конвоя, даннаго въ распоряженіе Ванновскаго, всякое столкновеніе съ афганцами могло имѣть, въ случаѣ неуспѣха, гибельныя послѣдствія, какъ для партіи, такъ и для туземнаго населенія; особенно для послѣдняго, въ виду мстительности афганцевъ, которые не простили бы ему услуги, оказанныя русскимъ войскамъ. Кромѣ того Ванновскому было поручено собрать разспросныя свѣдѣнія о настроеніи жителей Рошана и Шугнана по ту сторону р. Пянджа и о значеніи для Россіи озера Шива, а также производство насколько возможно подробной съемки маршрута.

Въ составъ партіи, кромѣ начальника ея, штабсъ-капитана Ванновскаго, входили штабсъ-капитанъ Вржезицкій, о которомъ я уже упоминалъ ранѣе въ одной изъ предыдущихъ главъ, подпоручикъ Рукинъ, заболѣвшій, на Музъ-Кулѣ и вмѣсто котораго былъ высланъ съ Памирскаго поста сотникъ Рѣпинъ; изъ нижнихъ чиновъ: одинъ уряд-

Штабсъ-капитанъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка
Сергѣй Петровичъ Ванновскій

(нынѣ подполковникъ Генеральнаго Штаба).

никъ, два приказныхъ, и 16 казаковъ, два пѣхотинца отъ охотничьей команды 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, одинъ фельдшеръ, 3 казенныхъ джигита и 2 джигита, нанятыхъ самимъ Ванновскимъ. Предполагалось отправить и 2 пулемета Максима.

Эта небольшая партія, снабженная продовольствіемъ на сорокъ дней, готовилась отправиться по тяжелому неизслѣдованному пути навстрѣчу недружелюбнымъ намъ афганцамъ, а потому, благодаря малочисленности этого состава ея, нельзя было ее считать совершенно обезпеченной на случай враждебной встрѣчи со стороны афганцевъ. Для подобной рекогносцировки требовалось minimum сотня казаковъ и для прикрытія обоза взводъ пѣхоты, такъ какъ при натянутыхъ отношеніяхъ между Россіею и Афганистаномъ и въ силу бывшаго въ предыдущемъ году столкновенія, можно было предполагать, что афганцы не преминутъ враждебно отнестись къ партіи и какія послѣдствія повлекла бы за собою стычка съ ними было весьма гадательно.

Между тѣмъ слѣдовавшій къ Акъ-Байталу новый командующій войсками Ферганской области и военный губернаторъ Повало-Швайковскій не только не увеличилъ численность партіи Ванновскаго, но нашелъ совершенно излишнимъ снабжать ее пулеметами. Мало того, онъ письменнымъ приказаніемъ истребовалъ отъ Ванновскаго для оконвоированія самого себя, подъ предлогомъ охраны слѣдовавшихъ на Памирскій постъ пулеметовъ, одного приказнаго и 9 казаковъ, уменьшивъ такимъ образомъ силы партіи, и безъ того незначительныя, болѣе чѣмъ на половину.

Положеніе начальника партіи становилось затруднительнымъ, онъ понималъ значеніе въ данное время каждаго лишняго человѣка, для чего имъ и были наняты два джигита, а тутъ сразу его лишили 10-ти человѣкъ, испытанныхъ казаковъ. Хотя предварительно Повало-Швайковскій и заручился согласіемъ Ванновскаго на выдѣленіе части партіи, онъ не долженъ былъ пользоваться своею властью въ этомъ случаѣ, такъ какъ не могъ не знать, что, отнимая теперь половину силъ, онъ ставитъ Ванновскаго въ весьма щекотливое положеніе своимъ приказаніемъ выдѣлить такое значительное число людей, чего, конечно, не могъ ожидать начальникъ партіи, даже несмотря на обѣщаніе удѣлить конвой, численность котораго предполагалась далеко

не въ такомъ количествѣ. Кто не знаетъ, что такое представляетъ собою испрашиваніе согласія старшимъ младшаго въ военной службѣ? Ничего не оставалось Ванновскому, какъ немедля же привести въ исполненіе приказаніе командующаго войсками и отправиться далѣе съ штабсъ-капитаномъ Бржезицкимъ, сотникомъ Рѣпинымъ, однимъ урядникомъ, 8 казаками, 2 пѣхотинцами и джигитами.

Теперь подобную рекогносцировку можно было считать болѣе чѣмъ рискованною.

Прибывъ 8-го августа на Музъ-Куль, партія перевалила черезъ Кокуй-Бель, и свернувъ такимъ образомъ вправо съ дороги, по которой слѣдовалъ прошлогодній отрядъ на Акъ-Байталъ, спустилась къ 13-му августа въ долину рѣки Бартангъ, къ крѣпости Ташъ-Курганъ въ Рошанѣ.

Мѣстный аксакалъ волости Язгулема вышелъ навстрѣчу партіи и сообщилъ, что имъ заарестовано 5 человѣкъ таджиковъ, пришедшихъ со стороны Кала-и-Вамара, и будто таджики эти отъ имени афганцевъ уговаривали мѣстныхъ жителей явиться въ Кала-и-Вамаръ на поклонъ афганскому начальнику.

Немедленно плѣнные были доставлены къ начальнику партіи и допрошены имъ. Эти пять несчастныхъ таджиковъ имѣли самый жалкій видъ, обтрепанные, съ утомленными тяжелою дорогою лицами они предстали передъ Ванновскимъ, въ страхѣ за свою участь, и увѣряли его, что пришли сюда посовѣтоваться съ родственниками о переходѣ всего Рошана въ русское подданство. Писемъ у нихъ, при самомъ тщательномъ обыскѣ, не оказалось. На всѣ разспросы таджики отвѣчали весьма охотно и сообщили, между прочимъ, что Ибадулла-ханъ [1]) ушелъ изъ Кала-и-Вамара въ Кала-и-Баръ-Пянджъ, а что вмѣсто него остался капитанъ Гулямъ-Хайдаръ-ханъ [2]) съ гарнизономъ въ 100 человѣкъ.

Жалкій видъ таджиковъ, ихъ готовность служить русскимъ и, наконецъ, обременительность держать подъ карауломъ пятерыхъ жителей заставили начальника партіи рѣшиться освободить арестованныхъ и разрѣшить имъ явиться въ Кала-и-Вамаръ нѣсколькими днями позднѣе прибытія туда русскихъ.

---

[1]) Командиръ гарнизона въ Кала-и-Вамарѣ.

[2]) Родственникъ убитаго 12 іюля 1892 года.

Вообще съ этихъ поръ, партія для пресѣченія возможности доноса афганцамъ о движеніи русскихъ, располагалась бивуакомъ, пройдя туземное селеніе, и до выступленія ея не пропускалось впередъ ни одного человѣка. Такая мѣра достигала намѣченной цѣли потому, что путь по рѣкѣ Бартангу весьма узкій и слѣдуетъ по карнизамъ, наблюденіе за которыми не представляло особаго затрудненія.

Продневавъ въ Ташъ-Курганѣ, 15-го августа партія подошла къ селенію Орошоръ, расположенному подъ южнымъ склономъ блистающаго своею снѣжною вершиною пика Ванновскаго [1]).

Этотъ кишлакъ представляетъ собою нѣкоторое отличіе отъ прочихъ Рошанскихъ кишлаковъ, а именно тѣмъ, что сакли его разбросаны на очень большомъ пространствѣ между пашень и за исключеніемъ нѣсколькихъ жалкихъ тополей въ немъ нѣтъ никакихъ деревьевъ, между тѣмъ какъ большинство Рошанскихъ селеній изобилуютъ растительностью. Отсюда есть сообщеніе въ Дарвазъ черезъ пѣшеходный перевалъ, но путь этотъ очень тяжелый и доступенъ только въ лѣтнее время. На слѣдующій день, сдѣлавъ восемнадцативерстный переходъ въ 14 часовъ, партія стала бивуакомъ въ урочищѣ Вадинъ.

Этотъ переходъ былъ чѣмъ-то необычайнымъ. Узкіе искусственные карнизы пролегали по совершенно отвѣснымъ скаламъ и лошади не только не могли проходить здѣсь навьюченными, но даже и сѣдла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ задѣвали за каменные выступы и давали толчки, отъ которыхъ животному ежеминутно грозила гибель на днѣ глубокаго оврага, откуда доносилось клокотанье ревущаго Бартанга. Приходилось въ этихъ мѣстахъ разъвьючивать и даже разсѣдлывать лошадей и все снятое съ нихъ переносить на рукахъ отряда. Въ помощь измученнымъ казакамъ были наняты мѣстные жители изъ селенія Орошора, но, благодаря ихъ малочисленности, переноска тяжестей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе партіи сильно замедлялись.

Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ и разсѣдланная лошадь не могла пройти по карнизу, до такой степени онъ оказался узокъ. Чтожъ дѣлать, пришлось лошадей пустить вплавь, что было весьма затруднительно, такъ какъ быстрое теченіе рѣки оказалось не по силамъ лошадямъ, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ сносились водою и калѣчились,

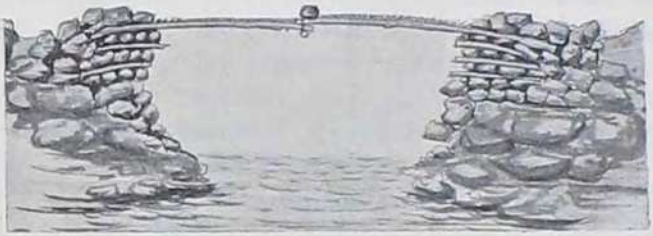
[1]) Пикъ этотъ названъ въ честь генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго.

ударяясь о камни. Только къ десяти часамъ вечера подошли къ мѣсту ночевки послѣднія вьючныя лошади и измученные люди, наскоро поѣвши, залегли въ своихъ палаткахъ.

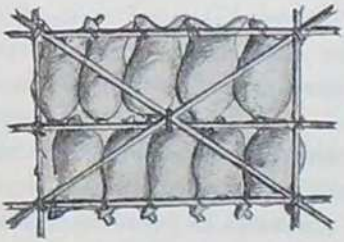
На слѣдующій день до селенія Чадутъ опять пришлось бороться съ ужасною природою Рошана и 9 тяжелыхъ верстъ отрядъ прошелъ съ невѣроятными усиліями въ 9½ часовъ. Но этотъ переходъ былъ осложненъ еще троекратными переправами лошадей съ одного на другой берегъ Бартанга, между тѣмъ какъ сѣдла и тяжести переносились на рукахъ правымъ берегомъ по двумъ карнизамъ [1]), висѣвшимъ высоко надъ рѣкою. Нѣсколько тюковъ съ провіантомъ сорвались съ высоты, сдѣлавшись достояніемъ рѣки, и надо удивляться, какъ люди-то уцѣлѣли, и никто изъ казаковъ не сорвался и не убился до смерти въ этихъ ужасныхъ мѣстахъ. Такимъ же образомъ на рукахъ были втащены тяжести обоза на перевалъ Сандалъ-бука. 18 августа у селенія Чадутъ партія переправлялась на санчахъ, гупсарахъ. Гупсары или санчи это есть ни что иное, какъ цѣлыя шкуры быковъ или какихъ нибудь животныхъ съ зашитыми отверстіями въ головной части и въ ногахъ, за исключеніемъ одной, черезъ которую такой мѣхъ наполняется воздухомъ; иногда, впрочемъ, бываетъ отверстіе и въ головной части. Обыкновенно изъ такихъ санчей устраивается плотъ слѣдующимъ образомъ: берется 5 гупсаръ, укладываются рядомъ бокъ о бокъ головными частями въ одну сторону и привязываются къ продольному деревянному бруску, къ которому такимъ же порядкомъ прикрѣпляются и слѣдующія пять санчей. Находящіяся въ наружной части, ноги гупсаръ также прикрѣпляются въ продольнымъ жердямъ и всѣ три жерди скрѣпляются на концахъ двумя поперечными брусками и двумя положенными по діагоналямъ образовавшагося деревяннаго четыреугольника. Всѣ палки, крѣпко связанныя между собою и прочно прикрѣпленныя къ гупсарамъ, образуютъ весьма легкій для переноски плотъ, который свободно поднимаетъ пятнадцатилѣтній мальчикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою весьма удобный снарядъ для

---

[1]) Карнизы эти или, какъ они называются туземцами, аврынги очень узки, не шире 1 фута, и состоятъ изъ двухъ продольныхъ жердей, положенныхъ на два воткнутыхъ въ расщелины камня кола и привязанныхъ къ нимъ хворостинными вицами. На этихъ жердяхъ уложены въ одинъ рядъ плоскіе осколки камня.

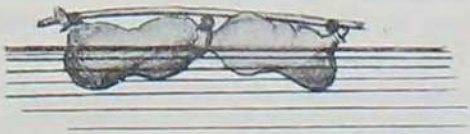
Мостъ черезъ рѣку Бартангъ въ Рошанѣ.

Плотъ, сдѣланный изъ гупсаръ (санчей).

Профиль плота на вѣсу.

Профиль плота на водѣ.

переправы. На десяти-турсучномъ плоту свободно переправлялось 4 человѣка съ оружіемъ. Въ 17 рейсовъ на подобныхъ плотахъ партіи удалось со всѣми своими вьюками перебраться на лѣвый берегъ Бартанга и эта переправа длилась въ теченіе пяти часовъ а тутъ еще впереди предстоялъ переходъ черезъ рѣку Девлехъ. По прибытіи въ селеніе Басситъ, Ванновскій получилъ донесеніе отъ мѣстныхъ жителей, что изъ Кала-и-Вамара съ Ибадулла-ханомъ ушло всего нѣсколько афганцевъ изъ числа бывшихъ тамъ ста человѣкъ, а не весь гарнизонъ, какъ сообщили ему таджики.

Мѣстное населеніе необыкновенно радушно встрѣчало русскую партію и всѣми силами старалось услужить ей. Припасы, фуражъ и все необходимое доставлялось съ избыткомъ и, несмотря на то, что русскимъ деньгамъ, которыми щедро оплачивался забираемый товаръ, мѣстные жители не придавали особаго значенія, ихъ энергія не убывала, они охотно исполняли все, что отъ нихъ требовалось, безъ малѣйшаго принужденія со стороны русскихъ.

Особенно поражали горцевъ эта неутомимость и бодрость людей партіи при преодолѣваніи тяжелыхъ природныхъ преградъ. Они съ необыкновеннымъ уваженіемъ относились къ начальнику отряда и его подчиненнымъ, видя въ нихъ своихъ освободителей. Особенное же рвеніе выказывалъ волостной управитель Язгулемъ. Этотъ почтенный таджикъ, понимая всю важность появленія русскихъ въ Рошанѣ, всѣми силами старался услужить Ванновскому въ достиженіи его цѣли, т. е. по возможности скрывать движеніе его въ глубь Рошана, и до сихъ поръ имѣлось основаніе полагать, что о русской партіи афганцы ничего не знали.

Только за три перехода до Кала-и-Вамара, т. е. около поворота на перевалъ Кумачъ-дара, Ванновскій отправилъ письмо въ Кала-и-Вамаръ, начальнику афганскаго гарнизона въ Рошанѣ, въ которомъ предупреждалъ его о движеніи партіи въ Дарвазъ съ исключительно мирною цѣлью, а именно, чтобы войти въ связь съ экспедиціей генерала Баева [1]), слѣдовавшей со стороны Дарваза къ Пянджу.

Кромѣ того, въ письмѣ этомъ онъ испрашивалъ разрѣшенія пройти

---

[1]) Генералъ Баевъ умеръ на Памирѣ и трупъ его въ то время везъ сопровождавшій экспедицію докторъ Феглеръ.

мимо Кала-и-Вамара, отъ котораго идетъ дорога къ перевалу Одуди— единственному пути, пригодному для движенія въ Дарвазъ вмѣстѣ съ коннымъ обозомъ.

25 августа въ отвѣтъ афганецъ прислалъ два письма, изъ которыхъ можно было заключить, что письма начальника русскаго разъѣзда пересланы правителю Бадахшана, но что афганскій начальникъ, съ своей стороны, не препятствуетъ партіи въ ея дальнѣйшемъ слѣдованіи.

Разсчитывая дойти до кишлака Сучана, партія выступила 27 августа изъ Багу, но около селенія Имца таджики привезли свѣдѣніе, что афганцы вышли изъ Кала-и-Вамара, угоняютъ населеніе и скотъ, захватываютъ фуражъ и провіантъ или уничтожаютъ его на мѣстѣ, разрушая такимъ образомъ все, что могло бы способствовать безпрепятственному движенію русскаго отряда.

Наконецъ, поступило донесеніе, что афганцы заняли позицію за карнизами, въ одной верстѣ отъ Имца, приказавъ таджикамъ селенія Сучанъ уничтожить деревянныя лѣстницы и балконы, ведущіе къ занятой ими позиціи, гдѣ, какъ удалось опредѣлить отряду, находилось 65 человѣкъ, изъ которыхъ часть были таджики, вооруженные мултуками.

Въ силу того, что таджики дали клятву не предпринимать противъ насъ никакихъ военныхъ дѣйствій, они приказанія афганцевъ не исполнили и отступили, пославъ тайно отъ афганцевъ предупрежденіе русскимъ, что не поднимутъ оружія противъ Россіи.

Для выясненія обстоятельствъ, Ванновскій переправился черезъ Румъ-Дару и пошелъ по балконамъ, не тронутымъ таджиками, вопреки приказа афганцевъ, къ позиціи, занятой непріятелемъ.

Видя это движеніе, афганцы отодвинулись назадъ и заняли вторую позицію на склонахъ за ручьемъ Вавзудшъ, откуда прислали съ таджикомъ вѣжливое письмо, прося Ванновскаго остановиться.

Въ виду того, что мѣсто, на которомъ было получено афганское письмо, не было удобнымъ для остановки, такъ какъ впереди него раскинулась небольшая арчевая роща, въ которой могъ легко укрыться противникъ въ случаѣ его наступленія, партія продвинулась еще немного впередъ и, занявъ рощицу, выставила патруль на опушкѣ ея, послѣ чего Ванновскій вступилъ въ переговоры съ афганцами.

Начался обмѣнъ писемъ, не приводившихъ ни къ какому результату. Очевидно, афганцы только хотѣли тѣмъ выиграть время и по возможности дольше продержать партію на занятой ею позиціи.

Написавъ письмо въ отвѣтъ на 3-е, полученное отъ афганцевъ, Ванновскій отправилъ его съ джигитомъ, которому приказалъ сообщить афганскому начальнику, что, въ доказательство миролюбивыхъ отношеній, онъ отойдетъ къ селенію Имцъ, гдѣ и будетъ ждать отвѣта отъ Джернейля, и съ партіей отошелъ на версту назадъ къ селенію Имцъ, гдѣ и рѣшилъ ожидать пропуска, а въ случаѣ отказа въ таковомъ, рѣшилъ занять калу (т. е. небольшую сторожевую башню, сложенную изъ камня), расположенную на одной изъ командующихъ высотъ съ широкимъ обстрѣломъ подступа къ селенію. Отвѣтъ прибылъ на бивуакъ поздно ночью и джигитъ, принесшій его, подтвердилъ, что на непріятельской позиціи всего 65 человѣкъ, а что въ Кала-и-Вамарѣ стоитъ 60 человѣкъ афганской пѣхоты. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ афганцы просили начальника русскихъ отойти къ Сипанджу, гдѣ и ждать отвѣта отъ правителя Бадахшана.

Отъ личныхъ переговоровъ, повидимому, афганцы уклонялись.

Для того, чтобы не утомлять людей безъ надобности, партія выставляла всего одного часового, а три поста высылались изъ мѣстныхъ жителей, безусловно преданныхъ Россіи и жаждавшихъ освобожденія отъ ненавистнаго имъ афганскаго ига, и потому вполнѣ надежныхъ.

Кишлакъ Имцъ расположенъ на довольно обширной площади при входѣ въ ущелье на лѣвомъ берегу рѣки Румъ-Дары. Съ западной стороны кишлака между селеніемъ и рѣкою выдается надъ водой совершенно обнаженная узкая и длинная каменная скала въ 15 сажень вышиною. На южной ея вершинѣ поставлена изъ сложеннаго камня довольно большая кала, возвышающаяся надъ рѣкою и допускающая удобное наблюденіе и обстрѣлъ ущелья Бартанга, внизъ и вверхъ по теченію. Съ запада тянется главный горный хребетъ съ высокимъ, но не покрытымъ снѣгомъ пикомъ, отъ котораго на востокъ идетъ, надвигаясь на селеніе Имцъ, обнаженный гранитный острогъ.

27 и 28 августа Ванновскій вмѣстѣ съ Бржезицкимъ производили рекогносцировку окрестностей Имца и съемку, все время не переставая слѣдить за дѣйствіями афганцевъ.

28 августа съ утра афганцы спустились въ рощу, въ которой наканунѣ ночевалъ отрядъ, и приказали своимъ таджикамъ ломать карнизы и лѣстницы, служащія подступомъ къ ихъ позиціи.

Долго не рѣшались таджики исполнить это приказаніе, но афганцы принудили ихъ къ тому жестокими побоями и таджики, нехотя, испортили карнизы на протяженіи всего лишь нѣсколькихъ саженей.

Ванновскій не мѣшалъ афганцамъ приводить въ исполненіе ихъ планъ, такъ какъ считалъ для себя выгоднымъ уничтоженіе дороги, облегчавшее этимъ охрану занятой имъ позиціи, между тѣмъ какъ, въ случаѣ надобности, онъ могъ свободно продвинуться впередъ, такъ какъ вплавь на гупсарахъ внизъ по рѣкѣ партія безъ затрудненій вышла бы на ручей Вавзудшъ и заняла бы рощу.

Окончивъ свою работу по разрушенію карнизовъ, афганцы отошли на заднюю позицію, оставивъ 15 человѣкъ таджиковъ для охраны дороги.

Теперь уже отступленіе къ Сипанджу становилось невозможнымъ потому уже, что разъ партія отошла бы назадъ, то таджики были бы поголовно вырѣзаны афганцами, имущество ихъ разграблено, поля выжжены до тла, да кромѣ того и престижъ русскій, высоко поднятый въ Средней Азіи рядомъ большихъ завоеваній, сразу бы упалъ въ глазахъ мусульманскаго населенія Афганистана.

Мѣстные жители умоляли Ванновскаго остаться на позиціи и усиленно занялись заготовленіемъ продовольствія для партіи.

Позиція, занятая русскими, имѣла и свое неудобство: въ тылъ къ ней выходила обходная дорога, но при подробномъ опросѣ таджиковъ это была просто пѣшая тропа и нельзя было предположить, что афганцы рѣшились бы воспользоваться ею. Выходъ же отъ Имца къ Дарвазу имѣлся черезъ перевалъ Румъ, но воспользоваться имъ партія не могла, такъ какъ, по словамъ таджиковъ, этотъ путь очень тяжелъ и черезъ него ходятъ только опытные горцы, да и то подвое, помогая другъ другу подниматься и спускаться по ледникамъ.

Вотъ черезъ этотъ-то перевалъ Ванновскимъ было отправлено письмо въ Дарвазъ капитану Февралеву, слѣдовавшему съ экспедиціей генерала Баева; однако письмо это доставлено по назначенію не было и возвращено Ванновскому на обратномъ его пути въ Ферганy.

29 августа, приказавъ привести неосѣдланныхъ лошадей изъ

табуна, Ванновскій вмѣстѣ съ своимъ переводчикомъ Сандъ-Мансуромъ и джигитомъ Шарипомъ отправился верхами къ таджикскому посту, выставленному афганцами.

На неосѣдланныхъ лошадяхъ отправились Ванновскій и его спутники потому, что мѣстами приходилось переправляться вплавь черезъ р. Бартангъ, а мѣстами проходить по балконамъ и карнизамъ, гдѣ бы непремѣнно пришлось разсѣдлывать лошадей, что сильно бы замедляло быстроту движенія.

Подъѣхавъ къ таджикамъ, Ванновскій началъ вести съ ними переговоры и разспрашивать объ афганцахъ. Здѣсь онъ узналъ все, что только ему было нужно. Таджики выразили ему свою готовность служить русскимъ и клялись не поднимать оружія на своихъ друзей—подданныхъ Бѣлаго Царя. Ванновскій убѣждалъ таджиковъ подчиниться требованію афганцевъ и ломать балконы и лѣстницы, увѣряя ихъ, что это только принесетъ ему пользу.

Вдругъ изъ-за камня выросла фигура афганца въ красномъ мундирѣ, онъ ловкимъ движеніемъ отдалъ честь русскому офицеру ружьемъ, взялъ его на караулъ и сталъ приближаться.

Ванновскій отвѣтилъ ему, взявъ руку подъ козырекъ, и перемѣнилъ тему разговора съ таджиками. Вдали показались еще афганцы, которые могли, при желаніи, перестрѣлять русскаго офицера и двухъ джигитовъ въ одно мгновеніе.

Между тѣмъ Ванновскій окончилъ свои переговоры и медленно направился къ своей позиціи. Афганцы не стрѣляли. Однако, на случай ихъ непріятныхъ дѣйствій, были приняты мѣры предосторожности, и, приказавъ населенію заготовить лепешекъ въ калѣ, Ванновскій отправилъ туда двухъ стрѣлковъ и усилилъ таджикскіе караулы.

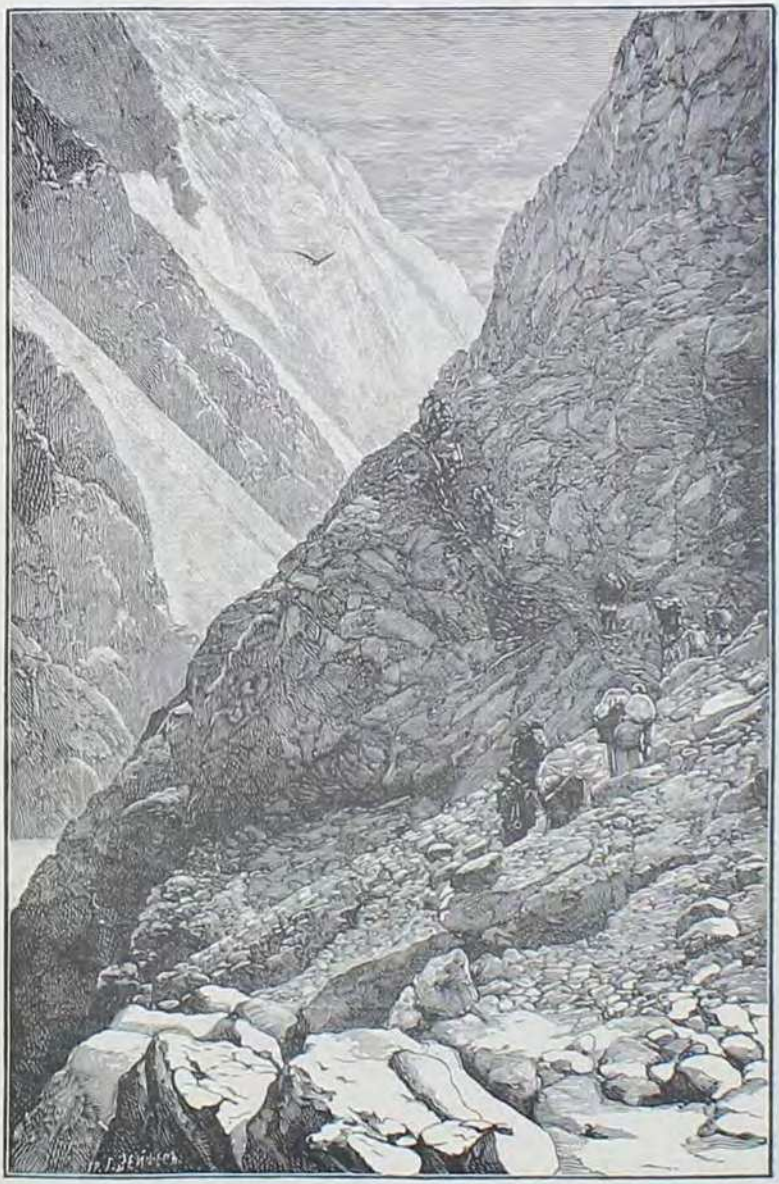
XX.

Дѣло партіи штабсъ-капитана Ванновскаго съ афганцами при сел. Имцъ 30 августа 1893 г. Первые выстрѣлы. Прикрытіе отступленія поста. Афганцы наступаютъ. Огонь изъ 3-линейныхъ винтовокъ. Послѣдняя попытка афганцевъ спуститься къ Имцу. Движеніе партіи къ Багу. Назадъ къ Имцу. Рекогносцировка долины Язгулема. Враждебное отношеніе жителей къ русскимъ. Движеніе къ Ванчу. Назадъ въ Фергану.

Настало 30 августа—день Тезоименитства Императора Александра III—и Ванновскій, желая ознаменовать этотъ высокоторжественный день, приказалъ зарѣзать лишнихъ барановъ, чтобы угостить казаковъ и туземцевъ. Спирта въ партіи уже не было, пришлось обойтись и безъ него. Въ 10 часовъ начальникъ партіи хотѣлъ прочесть молитвы и съ своимъ маленькимъ отрядомъ помолиться за здоровье Его Величества. Всѣ приняли парадный видъ, подчистились и выстроились передъ палатками. Думая установить мирныя отношенія съ афганцами, Ванновскій написалъ ихъ офицеру письмо съ приглашеніемъ на обѣдъ, который долженъ былъ скрѣпить дружественныя отношенія между русскими и афганцами. Съ спокойнымъ сердцемъ, предвкушая удачу, что все окончится миромъ, а главное инструкція будетъ соблюдена, Ванновскій лежалъ въ своей палаткѣ на складной кровати, наслаждаясь прохладнымъ воздухомъ наступающаго яснаго дня въ ожиданіи, когда ему доложатъ, что партія готова для прочтенія молитвы. Вдругъ вдалекѣ послышался выстрѣлъ. Глухо такъ прозвучалъ онъ и смолкъ гдѣ-то въ ущельѣ. Вотъ еще одинъ уже громче и яснѣе долетѣлъ до позиціи. Ванновскій вскочилъ и вышелъ изъ палатки.

По тревогѣ, поданной начальникомъ партіи, всѣ въ одну минуту были въ сборѣ, а внизъ немедленно были посланы джигиты разузнать, въ чемъ дѣло.

Въ это время вернулся джигитъ Сендъ-Мансуръ, отправленный къ

Движеніе отряда по искусственнымъ балконамъ. Вьюки переносятся на рукахъ.

афганцамъ съ пригласительнымъ письмомъ и сообщилъ, что они наступаютъ и открыли огонь по нашему посту, а вскорѣ изъ высланнаго разъѣзда поступило донесеніе, что непріятель стрѣлялъ съ довольно большой дистанціи и что къ нему подошло подкрѣпленіе, состоящее изъ 5-ти пѣшихъ и 10-ти конныхъ человѣкъ; такимъ образомъ афганцевъ насчитывалось теперь до тридцати. Таджиковъ они также побуждали стрѣлять по нашимъ разъѣздамъ и тѣ, не прицѣливаясь, давали выстрѣлы въ воздухъ.

Въ виду такого дѣйствія афганцевъ, патрулю было приказано, въ случаѣ возобновленія ими огня, отвѣчать на выстрѣлы и отходить къ позиціи, съ которой бы можно было обстрѣливать два пути наступленія противника: одинъ, тянущійся по горѣ, а другой, идущій бродомъ черезъ Бартангъ. Однако выстрѣловъ со стороны разъѣзда не послѣдовало, и было получено донесеніе, что къ афганцамъ спѣшитъ гарнизонъ изъ Кала-и-Баръ-Пянджа, который ожидается ими къ вечеру.

Положеніе партіи становилось серьезнымъ, у казаковъ имѣлось всего по 80 патроновъ, объ отступленіи нечего было и думать, а въ случаѣ прибытія новыхъ силъ къ афганцамъ, оставалось только отсиживаться и, быть можетъ, довольно продолжительное время.

Немедленно же Ванновскій отправилъ письмо въ Орошоръ подпоручику Рукину, прибывшему туда съ пѣхотою, въ которомъ, описывая дѣйствія афганцевъ, сообщалъ: „Отступать не буду; можетъ быть, придется долго отсиживаться; немедленно присоединяйтесь ко мнѣ, такъ какъ у меня небольшой запасъ патроновъ. Лошадей съ собой совѣтую не брать,—онѣ затруднятъ Ваше движеніе, всѣ тяжести лучше съ мѣста нести на рукахъ при помощи таджиковъ, сами же двигайтесь пѣшкомъ“.

Вскорѣ послѣ отправки письма, афганцы открыли огонь и они стали со стрѣльбою наступать на выставленный партіею постъ. На десятый выстрѣлъ афганцевъ постъ сталъ отвѣчать огнемъ. Въ это время часть непріятеля, наступая снизу, начала стрѣлять по кишлаку и по бивуаку партіи, а другая же часть его, продолжая наступленіе, отдѣлила отъ себя половину людей, которые стали обходить позицію по скаламъ. Замѣтя обходное движеніе, постъ началъ отходить, спускаясь съ занятой имъ высоты; для прикрытія отступленія его

начальникъ партіи приказалъ двумъ линейцамъ, подъ наблюденіемъ штабсъ-капитана Бржезицкаго, открыть огонь по афганцамъ, показавшимся какъ по нижнему, такъ и по верхнему путямъ, а самъ съ семью казаками и двумя джигитами направился къ лежащей впереди пашенъ рощицѣ и занялъ опушку ее.

По выходѣ изъ селенія движеніе Ванновскаго было замѣчено афганцами съ нижней дороги и они усилили стрѣльбу по его цѣпи.

Пули ихъ ложились довольно удачно, давая частью перелеты, частью недолеты и ударялись въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣпи и у самыхъ ногъ спѣшившихъ къ рощѣ казаковъ.

Положивъ цѣпь по опушкѣ шагахъ въ 500 отъ селенія и укрывъ ее частью за грудами собранной гальки, а частью за невысокой каменной стѣнкой, вышиной въ 1½ фута, начальникъ партіи открылъ огонь по наступавшимъ афганцамъ.

Люди были распредѣлены такъ: правая половина цѣпи, подъ наблюденіемъ сотника Рѣпина, должна была обстрѣливать афганцевъ, находившихся на горѣ, когда они подойдутъ къ спуску, и вообще Рѣпину имѣть наблюденіе за правымъ флангомъ. Лѣвая, подъ наблюденіемъ самого Ванновскаго, обстрѣливала какъ находившихся вверху, такъ и подъ горою.

Первоначально прицѣлъ былъ взятъ на 700 шаговъ (берданки) для стрѣльбы по горѣ и 600 для стрѣльбы по нижней дорогѣ, затѣмъ онъ былъ установленъ на 550 шаговъ для кавалерійскихъ карабиновъ (уджигитовъ), затѣмъ 500 и 450—для казаковъ, и наконецъ, уменьшенъ еще на 50 шаговъ.

Подъ прикрытіемъ этого огня и выстрѣловъ линейцевъ съ калы постъ благополучно спустился и присоединился къ партіи.

Оказалось, что противъ него находилось 40 человѣкъ афганцевъ, причемъ 20 наступало и стрѣляло съ фронта и частью обходя по откосу горы, а другіе 20 человѣкъ стрѣляли изъ караульной башни и изъ-за камней нижней дороги. Передъ собою афганцы гнали таджиковъ, не принимавшихъ участія въ стрѣльбѣ, и какъ-бы маскировались ими.

Кромѣ того, казаки доносили, что около полусотни афганцевъ въ красныхъ мундирахъ втянулись съ проводникомъ въ ущелье къ уро-

чищу Вавзутшъ, которые были видны такъ же и съ позиціи, столько же афганцевъ осталось на лѣвомъ берегу Бартанга, въ видѣ резерва, противъ входа въ ущелье, которымъ идетъ тропа къ сел. Багу, находящемуся въ 4 верстахъ за позиціей вверхъ по теченію рѣки.

Афганцы, прекрасно укрываясь за камнями, стрѣляли по калѣ занятой линейцами, по казакамъ и по мѣсту, гдѣ находились партіонныя лошади, и пристрѣлялись довольно хорошо, такъ что пули ихъ съ противоположной горы ложились очень близко отъ людей и лошадей, рикошетировали, наполняя воздухъ обычнымъ визгливымъ пѣніемъ, но, благодаря хорошему закрытію, не причиняли вреда.

Не смолкая, поддерживали афганцы довольно частый огонь съ 12 часовъ дня до наступленія темноты, партія же, въ виду экономіи патроновъ, отвѣчала имъ рѣже и преимущественно лишь тогда, когда афганскіе стрѣлки ужъ очень откровенно показывались изъ-за камней.

По присоединеніи поста Ванновскій обошелъ цѣпь и приказалъ людямъ по возможности беречь патроны, открывая огонь лишь тогда, когда афганцы покажутся на продолжительное время изъ-за закрытій, или въ случаѣ ихъ новой попытки пройти по спуску съ горы.

Отдавъ эти распоряженія и передавъ сотнику Рѣпину командованіе цѣпью, онъ направился назадъ къ калѣ, откуда наблюденіе за общимъ ходомъ боя было удобнѣе. По калѣ афганцы пристрѣлялись также довольно хорошо, несмотря на значительное разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ цѣли. Зато и съ нашей стороны изъ трехъ линейныхъ винтовокъ оттуда стрѣляли сперва съ прицѣломъ на 1.200 шаговъ, а затѣмъ вверхъ по горѣ на 1.100, а внизъ по карнизу на 900 шаговъ. По наблюденію въ бинокль была видна пыль, поднимаемая падающими пулями, увлекающими за собою цѣлую массу осколковъ камней, за которыми прятался противникъ, и судя по ней, можно было вывести весьма благопріятное заключеніе о мѣткости новыхъ ружей [1]). Между тѣмъ стрѣльба была весьма затруднена тѣмъ обстоятельствомъ, что противникъ показывался изъ-за закрытій на очень короткое время и только когда огонь съ нашей позиціи ослабѣвалъ, афганцы пытались продвигаться впередъ. Въ эти-то моменты съ калы открывался огонь и при этомъ

[1]) Въ 1893 году впервые на практикѣ были испытаны новыя магазинныя ружья образца 1891 года.

каждый разъ самъ начальникъ партіи назначалъ цѣль. Оба стрѣлка, какъ Шаховъ такъ и Фефелкинъ (2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона), проявили необыкновенную мѣткость по движущейся и показывающейся цѣли. По первому же выстрѣлу упалъ одинъ афганецъ, по третьему свалился другой. Кромѣ того на карнизѣ было убито нѣсколько человѣкъ и много ранено. Этотъ результатъ вполнѣ доказывалъ на практикѣ возможность стрѣльбы изъ трехъ-линейныхъ ружей по одиночнымъ людямъ на дистанціи отъ 900 до 1.100 шаговъ и вполнѣ подтверждалъ ихъ мѣткость.

Видя вредъ, наносимый нашими стрѣлками, благодаря бездымному пороху не замѣтными афганцамъ, они сдѣлались осторожнѣе и нѣсколько ослабили огонь, но, спустя нѣкоторое время, снова попытались сразу броситься къ спуску. Дружные залпы казаковъ, а затѣмъ частый огонь ихъ и мѣткіе выстрѣлы съ калы, заставили непріятеля искать спасенія за камнями, причемъ онъ опять потерялъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Было уже 4 часа пополудни. Съ нашей стороны стрѣльба почти совсѣмъ прекратилась, только изрѣдка раздавался, то въ одномъ, то въ другомъ концѣ цѣпи одинокій сухой выстрѣлъ.

Афганцы же не жалѣли свинца, осыпая пулями кала, кишлакъ и виднѣющіяся изъ-за деревьевъ палатки и коновязи.

Надо отдать справедливость какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, что всѣ они вели себя подъ огнемъ примѣрно для солдата. Необыкновенное хладнокровіе царило между маленькой русской партіей, противъ которыхъ выступалъ противникъ въ 5 разъ сильнѣе ея. Начальникъ партіи прекрасно управлялъ огнемъ, а казаки и линейцы напрасно патроновъ не тратили, отражая каждую попытку противника продвинуться впередъ. Безъ пищи и питья въ продолженіе всего дня продержались они на позиціи и, выражая полную готовность и на дальнѣйшую защиту ея до послѣдней капли крови, заканчивали выстрѣлами день Тезоименитства своего Государя.

Въ виду того, что затѣянная афганцами драка легко могла превратиться въ крупный инцидентъ и сильно повредить ведущимся переговорамъ между Россіею и Англіею и даже повлечь за собою совсѣмъ нежелательныя осложненія, Ванновскій рѣшился ночью, воспользовавшись темнотою, пройти къ селенію Багу навстрѣчу отряду подпору-

чика Рукина, соединившись съ которымъ ждать дальнѣйшихъ приказаній отъ начальника Памирскихъ отрядовъ.

Пройти съ позиціи нужно было незамѣтно отъ непріятеля и притомъ, по возможности, поспѣшно, чтобы противникъ не могъ предупредить партію и ранѣе ея занять это селеніе. Между тѣмъ являлось большое осложненіе. Населеніе при первыхъ же выстрѣлахъ поголовно бѣжало изъ кишлаковъ, угоняя скотъ въ горы, и такимъ образомъ не было никакой возможности увести лошадей, такъ какъ по пути къ Багу два раза приходилось ихъ переправлять при помощи саначей (гупсаровъ), чего безъ таджиковъ сдѣлать было немыслимо. Такимъ образомъ невозможно было захватить громоздкихъ вьюковъ.

Укрывъ все это въ надежныхъ мѣстахъ и угнавъ табунъ лошадей въ ущелье, безъ шума неся все, что возможно на рукахъ, при помощи 3-хъ аксакаловъ и 4-хъ таджиковъ, подходилъ отрядъ къ селенію Багу, послѣ цѣлаго дня упорной защиты своей позиціи.

Подобное рѣшеніе Ванновскаго истекало изъ слѣдующихъ соображеній. Во-первыхъ, партія оставалась безъ съѣстныхъ запасовъ, такъ какъ жители, уходя въ горы, захватили съ собою муку, не успѣвъ послѣ напечь лепешекъ, и угнали скотъ.

Патроновъ изъ 80 штукъ на винтовку было выпущено отъ 15—36, а всего до 280, при этомъ о потерѣ афганцевъ было извѣстно, что убито ихъ 6 человѣкъ [1]), которые, конечно, немедленно были пополнены свѣжими силами, подошедшими изъ Кала-и-Баръ-Пянджа. Прибытіе подпоручика Рукина можно было ожидать на 8-я, а то и на 9-я сутки, въ теченіе которыхъ пришлось бы запереться въ калѣ и отсиживаться, прокармливаясь лошадинымъ мясомъ, но патроновъ для отраженія аттаки не могло хватить. Кромѣ того со стороны афганцевъ надо было ожидать ночного нападенія на позицію. При численности ихъ въ 130 человѣкъ, ночью, при недостаткѣ патроновъ, позиціи не удалось бы удержать ни въ какомъ случаѣ, а если бы партія заперлась въ калѣ, то путь отступленія ей былъ бы отрѣзанъ. Оставалось единственное средство, къ которому и прибѣгнулъ Ванновскій.

Кромѣ того при данномъ отношеніи силъ сторонъ можно было бы не допустить противника спуститься съ горъ и дебушировать по

[1]) Убитыхъ оказалось не 6, а 18 человѣкъ; свѣдѣнія эти доставилъ полковникъ Генеральнаго Штаба Пестичъ, ѣздившій на Памиръ въ 1898 году.

карнизу, но въ случаѣ занятія имъ селенія всѣ выгоды до удобства закрытія переходили на его сторону и преимущество нашего оружія на разстояніи менѣе 100 шаговъ было бы безполезно. Не допустить же афганцевъ спуститься къ селенію, къ чему они стремились въ продолженіе 30-го августа, можно было лишь днемъ, такъ какъ ночью пришлось бы для этого раздѣлиться на двѣ части: одною удерживать противника, не допуская его до занятія селенія, а другою загородить путь по карнизу, чего можно бы было достичь даже и ночью, но первая при превосходствѣ противника численностью неминуемо бы погибла и партія была бы уничтожена, разбитая по частямъ.

Кромѣ того инструкція, да и подтвержденія ея въ приказѣ командующаго войсками, предписывавшія Ванновскому избѣгать столкновеній съ афганцами, говорили въ пользу задуманнаго имъ движенія. 3 часа еще продержалась на позиціи партія, не прекращая рѣдкаго огня, между тѣмъ какъ со стороны афганцевъ онъ, время отъ времени мѣняясь, переходилъ изъ рѣдкаго въ частый.

Уже совершенно стемнѣло, когда начальникъ партіи отдалъ приказаніе отойти съ позиціи къ ставкѣ, и собравъ людей, онъ поблагодарилъ ихъ за молодецкое поведеніе въ теченіе проведеннаго дня подъ пулями.

Тяжело было Ванновскому принять намѣченное рѣшеніе, тяжело было и приказать исполнить его молодцамъ, доблестно защищавшимъ въ теченіе 7½ часовъ позицію, но оставить тамъ людей безъ патроновъ, безъ провіанта, отрѣзанными совершенно отъ подкрѣпленія, — на это онъ не могъ, да и не имѣлъ права рѣшиться.

Переправившись черезъ рѣку на неосѣдланныхъ лошадяхъ и угнавъ ихъ затѣмъ въ ущелье, партія двинулась къ с. Багу.

Вотъ, когда досадовали всѣ чины партіи, что не было съ ними товарищей, отозванныхъ Повало-Швайковскимъ, и пулеметовъ, которые были признаны лишними генераломъ. Будь они, не пришлось бы теперь идти пѣшкомъ, неся на себѣ вьюки, отыскивая выхода изъ долины, запертой со всѣмъ сторонъ непріятелемъ.

Дойдя къ 10-ти часамъ вечера до селенія Багу, находящемся въ четырехъ верстахъ отъ позиціи афганцевъ, партія остановилась на ночлегъ, но не разводила огня.

Несмотря, однако, на переутомленіе людей, сторожевая служба

неслась чинами партіи съ полнымъ рвеніемъ и аккуратностью, въ особенности линейцы себя показали. На долю двухъ охотниковъ Шахова и Фефелкина выпала самая тяжелая служба. Ежедневно они ходили въ секреты, посылались на развѣдки и, какъ пѣхотинцы, были гораздо полезнѣе казаковъ въ этихъ трущебахъ Рошана, гдѣ верховая ѣзда являлась положительно невозможною. Тяжелую долю солдатиковъ раздѣляли и офицеры. Самъ начальникъ партіи—и тотъ отбывалъ очередь въ секретѣ, чтобы сберечь силы солдатъ.

Было это въ ночь на 2 августа на бивуакѣ у Багу. Въ секретѣ находился штабсъ-капитанъ Ванновскій и рядовой Фефелкинъ. Тяжело проведенные дни и рядъ безсонныхъ ночей надломили силы, какъ начальника партіи, такъ и солдата, но оба они бодрствовали всю ночь, не смыкая глазъ. Передъ разсвѣтомъ, когда темнота усиливается и холодъ начинаетъ пронизывать даже сквозь полушубокъ, на смѣну секрету явился Шаховъ. Ванновскій въ сопровожденіи Фефелкина направился къ бивуаку. Все спало, лошади лежали на землѣ и только бивуачный часовой, перемогая дремоту, бродилъ между спящими людьми.

— Ну, ложись спать, братецъ,—сказалъ Ванновскій Фефелкину, когда тотъ приготовилъ складную постель своего начальника,—а я сейчасъ вернусь, только обойду бивуакъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я ужъ лучше васъ обожду, а какъ улягитеся, то и я пойду отдыхать,—возразилъ солдатъ.

Ванновскій вышелъ, а Фефелкинъ пріѣлъ на край кровати начальника партіи, съ полнымъ намѣреніемъ укутать потеплѣе любимаго офицера, раздѣлявшаго съ солдатами всѣ невзгоды тяжелой рекогносцировки.

Время шло; Ванновскій не возвращался. Зѣвнулъ Фефелкинъ, поставилъ ружье возлѣ себя, протянулъ немного ноги, болѣвшія уже вторую недѣлю,—и ему вдругъ сдѣлалось какъ-то особенно тепло и удобно. Палатка, сальный огарокъ все какъ-будто наклонилось на-бокъ и покатилось внизъ. Чудно, подумалъ Фефелкинъ, и продолжалъ слѣдить за огаркомъ. Вдругъ свѣтъ его потухъ и въ палаткѣ сдѣлалось совершенно темно.

Свѣтало, когда Фефелкинъ открылъ глаза. Что за чудо?—вмѣсто неба, подъ которымъ за послѣднее время привыкъ спать онъ, надъ нимъ покачивалось полотнище палатки. Онъ широко раскрылъ глаза, не

понимая, что это случилось съ нимъ такое. Господи, да что это? придя въ себя, проговорилъ Фефелкинъ и вскочилъ съ кровати.

На него нашелъ столбнякъ — теперь онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и то, что онъ видѣлъ, казалось ему сномъ, и притомъ самымъ невѣроятнымъ. Онъ, блѣдный, съ испуганными глазами смотрѣлъ на спящаго на землѣ около кровати офицера, закутавшагося въ бурку и тулупъ.

Сладко спалъ начальникъ партіи и не видѣлъ, какъ надъ нимъ стоялъ растерявшійся смущенный солдатъ, не зная, что ему дѣлать.

Придя послѣ обхода бивуака въ палатку, Ванновскій увидѣлъ Фефелкина съ винтовкой въ рукахъ въ полулежащей позѣ на своей кровати, голова его свѣсилась на одѣяло—очевидно солдатъ крѣпко спалъ. Не трогая Фефелкина Ванновскій нѣсколько мгновеній постоялъ надъ солдатомъ и убѣдившись, что тотъ спитъ, какъ убитый, положилъ кошму на землю, взялъ подушку, укутался въ бурку, покрылся тулупомъ и крѣпко уснулъ подъ храпѣнье спящаго на его постели солдата.

Тѣмъ временемъ, афганцы, замѣтя движеніе Ванновскаго и, вѣроятно, принявъ его за обходъ, поспѣшно отошли къ Кали-и-Вамару, оставивъ раненыхъ въ селеніи Суджанѣ [1]).

Получивъ эти свѣдѣнія 31 августа передъ разсвѣтомъ, были посланы 2 джигита въ селеніе Имцъ, а вслѣдъ за ними двинулась снова туда и партія, захвативъ съ собою стекшихся къ ней таджиковъ.

Въ Имцѣ все было найдено въ цѣлости; табунъ охранялся таджиками, а тюки также, за малымъ исключеніемъ, были всѣ на-лицо. Опять началась переправа лошадей и тюковъ черезъ Вартангъ, а къ Суджану, т. е. внизъ по Вартангу, было рѣшено предпринять рекогносцировку съ производствомъ съемки этой части долины только въ томъ случаѣ, разъ афганцы не повторятъ своей попытки перегородить путь. Отсюда же Рукину начальникъ партіи сообщилъ о рѣшеніи своемъ идти черезъ перевалъ Шидъ-Акъ-ба въ Дарвазъ и просилъ его на подкрѣпленіе уже не спѣшить, такъ какъ надобность въ томъ миновала, но во всякомъ случаѣ сохранить связь съ нимъ на случай приказаній снова двигаться далѣе по Рошану.

---

[1]) Смертельно раненые.

Прибывъ въ селеніе Багу 3-го партія простояла тамъ до 8-го сентября, и въ это время подошелъ туда и отрядъ Рукина, состоящій изъ 8 пѣхотинцевъ, вооруженныхъ 3-линейными, ружьями, и 6 казаковъ, который и былъ оставленъ въ Багу, обильно снабжаемый провіантомъ и фуражемъ мѣстными жителями, умолявшими русскихъ не покидать Рошана.

— Лишь только вы уйдете, какъ афганцы перерѣжутъ насъ и разорятъ всѣ наши селенія,—говорили они,—и мы будемъ принуждены бѣжать въ Дарвазъ, гдѣ у насъ нѣтъ ни крова, ни полей, гдѣ мы чужіе и обречены на голодную смерть. —И дѣйствительно, съ уходомъ населенія опустѣлъ бы Рошанъ и превратился бы онъ въ каменную пустыню, совершенно непригодную для населенія, какъ большинство долинъ Памира, и пріобрѣтеніе его по договору съ Англіей въ разоренномъ видѣ не принесло бы никакой пользы. Вотъ что главнымъ образомъ заставило Ванновскаго оставить въ Багу Рукина, такъ какъ онъ долженъ былъ отправиться въ Дарвазъ и по пути обрекогносцировать перевалъ Обуди—лучшій путь къ Кала-и-Вамару.

Однако движеніе это немного замедлялось, такъ какъ съ афганцами снова началась переписка и Ибадулла-ханъ письмомъ просилъ Ванновскаго не уводить съ собою населеніе и не приводить его къ присягѣ на подданство Россіи, говоря, что въ противномъ случаѣ онъ не отвѣчаетъ за своихъ подчиненныхъ, которые требуютъ мести за убитыхъ товарищей и могутъ причинить вредъ русскому отряду. Кромѣ того, Ибадулла-ханъ винилъ совершенно афганскаго капитана, затѣявшаго перестрѣлку съ русскими 30-го августа, и просилъ Ванновскаго не осложнять миролюбивыхъ отношеній между Россіею и Афганистаномъ, проси выслать для переговоровъ русскаго офицера. Сейчасъ же для этой цѣли былъ командированъ Бржезицкій въ сел. Имцъ для веденія переговоровъ съ афганскимъ офицеромъ, высланнымъ изъ Кала-и-Вамара, но это не привело ни къ чему, такъ какъ афганцы требовали отъ русскихъ абсолютнаго очищенія Рошана, на что Бржезицкій, конечно, отвѣтилъ отказомъ. Предвидя неизбѣжное столкновеніе съ афганцами, разъ бы онъ продвинулся далѣе по Пянджу, и боясь опять невольно нарушить инструкцію, особенно направлявшую на то, чтобы избѣгать стычекъ, и наконецъ, считая задачу въ Рошанѣ выполненною, Ванновскій намѣревался

исполнить 2-ю часть своей задачи—обрекогносцировать долину Язгулема и рѣки Ванча.

Незадолго до выступленія партіи, въ лагерь, расположенный при Багу, прибылъ пришелецъ изъ Рошана, прибывшій сюда черезъ Кала-и-Баръ-Пянджъ и Кала-и-Вамаръ. Этотъ таджикъ сообщилъ, что 50 русскихъ спустились изъ Дарваза въ устье рѣки Язгулема. — Очевидно, это была экспедиція генерала Баева.

Относительно афганцевъ были получены свѣдѣнія, что они заперлись въ Кала-и-Вамарѣ, выставили караулъ изъ 10 человѣкъ въ узкой тѣснинѣ Янги-Арыка, восточнѣе селенія Суджана, приказавъ не пропускать русскихъ: „такъ какъ",—говорили они,—„если мы пропустимъ русскимъ на широкое мѣсто [1]), то всѣмъ намъ пришелъ конецъ" и что къ Кала-и-Вамару стягиваются свѣжія силы изъ Кала-и-Баръ-Пянджа и къ 3-му сентября ихъ прибыло 70 человѣкъ, да ожидается еще около ста.

Кромѣ того таджики говорили, что населеніе Шугнана очень раздражено противъ афганцевъ и тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ прихода русскаго отряда для того, чтобы подняться на Афганистанъ, а что населеніе Кала-и-Вамара и окрестныхъ селеній угнано афганцами въ Кала-и-Баръ-Пянджъ.

Также, не безъинтересны были свѣдѣнія, получаемыя отъ приходившихъ со стороны афганцевъ людей. По словамъ ихъ, афганцы поражены нашимъ бездымнымъ порохомъ и дальнобойностью 3-линейныхъ винтовокъ. „Кромѣ тѣхъ, которыхъ мы видимъ, стрѣляютъ откуда-то еще невидимые стрѣлки, точно заколдованы они",—говорили афганцы, — а потому стрѣляли по палаткѣ Ванновскаго, думая, не оттуда-ли направлены незамѣтные для нихъ и мѣткіе выстрѣлы русскихъ линейцевъ.

Объясняли же пришельцы отступленіе афганцевъ тѣмъ, что 30-го вечеромъ капитанъ Азамъ-ханъ получилъ письмо изъ Бадашхана, послѣ чего и отошелъ. Очевидно, что въ письмѣ этомъ было разрѣшеніе Ванновскому на свободный проходъ черезъ Кала-и-Вамаръ, полученное отъ Ша-Сендъ-Джарнейля.

---

[1]) Отъ Янги-Арыка до Кала-и-Вамара долина Бартанга сильно расширяется.

Оставивъ въ Багу постъ подъ начальствомъ подпоручика Рукина, Ванновскій направился на сѣверъ, намѣреваясь прямо перевалить Язгулемскій хребетъ и выйти въ Дарвазъ. По слухамъ, черезъ этотъ кряжъ имѣлся перевалъ, но какой онъ, возможенъ-ли для вьючнаго обоза, не было извѣстно, даже названія ему у таджиковъ не имѣлось. Несмотря на это, Ванновскій рѣшился идти черезъ него и съ громадными усиліями достигъ цѣли.

Мѣстами людямъ приходилось вырубать въ ледяныхъ стѣнахъ шанцевымъ инструментомъ ступени и идти по нимъ, взбираясь на обледѣнѣлую гору и съ неимовѣрными усиліями протаскивали вьюки они и проводили лошадей по скользкой ледяной тропѣ. Этотъ перевалъ нанесенъ на карту и впослѣдствіи названъ „переваломъ Ванновскаго", въ честь смѣлаго офицера, отважившагося съ вьючными лошадьми пойти дорогой, по которой даже опытные таджики проходили только пѣшкомъ, и то не безъ опаски. Они не безъ удивленія отнеслись къ смѣлому рѣшенію русскаго начальника.

И дѣйствительно, было чему удивляться. Изъ шанцеваго инструмента въ партіи уцѣлѣло только 2 большихъ топора и малыя лопатки, затѣмъ въ дѣло пошли шашки и желѣзные приколы для коновязей. Работали всѣ безъ исключенія, начиная отъ офицеровъ до послѣдняго керекеша, съ 12½ дня до 6½ вечера. При значительной высотѣ на льду было весьма тяжело работать, голова сильно болѣла, а у нѣкоторыхъ носомъ шла кровь. Лошади также испытывали эту горную болѣзнь, стоя на льду безъ корма. Такимъ образомъ партія поднялась на перевалъ, но спускъ былъ еще круче и ужаснѣе. Онъ представлялъ собою голую массу льда, по которому пришлось фестонами прорубать тропу и по ней проводить лошадей. Многія изъ животныхъ скользили по льду и, срываясь, катились внизъ, а одна лошадь, сорвавшись, попала въ щель и убилась на мѣстѣ.

Спустившись въ долину Язгулема, люди вздохнули свободнѣе, да и лошадямъ нашелся подножный кормъ на первой же ночевкѣ, къ которой подошла партія уже въ полной темнотѣ.

11-го сентября по пути къ селенію Андербахъ показалась группа всадниковъ, состоящая изъ 60-ти вооруженныхъ людей. Оказалось что это Язгулемскіе жители, принявъ партію за афганцевъ, намѣрева-

лись дать ей отпоръ, но узнавъ, что идутъ русскіе, выѣхали навстрѣчу съ привѣтствіемъ. Однако, несмотря на завѣренія ихъ старшины о симпатіи всего населенія къ русскимъ, въ отношеніи прочихъ къ чинамъ партіи было замѣтно полное недовѣріе.

Какъ и въ Рошанѣ, населеніе долины Язгулема представляетъ собою осѣдлыхъ таджиковъ, но племя свободолюбивое, не скрывающее своихъ стремленій къ независимости, въ противоположность рошанцамъ, искавшимъ покровительства Россіи.

„Вокругъ насъ горы“,—говорятъ язгулемцы,—„никто намъ не хозяинъ и не повелитель; сами афганцы боялись насъ, а бухарцы и подавно; эмиръ же далеко отъ насъ“.

Населеніе Язгулема очень неохотно исполняло требованіе партіи относительно снабженія ея фуражомъ и продовольствіемъ, и отсутствіе китайской или афганской монеты затрудняло дѣло, такъ какъ отъ русскихъ денегъ таджики совершенно отказывались. Наконецъ, нашлась 10-рублевая китайская ямба, которая была уплочена за доставленные 2½ пуда ячменя и 80 сноповъ клеверу, и, несмотря на эту щедрую плату, населеніе было недовольно, такъ какъ ямбу, какъ говорили таджики, нужно было идти мѣнять въ Кала-и-Хумбъ.

На утро бивакъ былъ разбуженъ страшнымъ гамомъ. Оказалось, что все населеніе долины, поголовно вооруженное, стеклось къ бивуаку и окружило его, угрожая оружіемъ.

Немедленно же команда была вызвана въ ружье и приняты мѣры для отраженія нападенія.

Язгулемцы были вооружены мултуками, а конные саблями, и всего насчитывалось въ толпѣ до 200 человѣкъ.

Какъ объяснилъ Амиляндаръ (старшина), это волненіе было вызвано нежеланіемъ населенія, чтобы партія стояла и проходила по ихъ землѣ, такъ какъ это очень тяжело отзывается на средствахъ населенія, уничтожая его скудные запасы.

Амиляндаръ выѣзжалъ къ толпѣ, чтобы урезонить жителей, но тѣ бросились на него, били и нанесли сабельный ударъ по ногѣ.

Несмотря на видимое участіе Амиляндара къ русскимъ, было основаніе не довѣрять ему уже потому, что, какъ оказалось, этотъ старшина былъ въ сношеніяхъ съ афганцами черезъ Имцскаго ишана,

съ которымъ переписывался, давая свѣдѣнія о русскихъ, да кромѣ того онъ задержалъ письмо, посланное Ванновскимъ подполковнику Февралеву.

Съ заряженными ружьями выступила партія съ бивуака и направилась къ селенію, у котораго ее встрѣтила новая вооруженная толпа, между тѣмъ какъ находившаяся позади партіи напирала на нее вплотную, такъ что пришлось сзади спѣшить посаженныхъ на лошадей пѣхотинцевъ, которые, примкнувъ штыки, отходили держа ружья на руку. Въ селеніи Джалинъ опять новая толпа загородила дорогу и лишь энергичное движеніе впередъ заставило язгулемцевъ дать Ванновскому дорогу. Здѣсь было объявлено населенію, что если толпа послѣдуетъ за партіей, то по ней будетъ открытъ огонь. Это предостереженіе видимо смутило таджиковъ и они мало по малу отстали и скрылись въ ущельѣ. Черезъ два дня партія подходила къ Кала-и-Ванчу, голодная, измученная, въ изорванной одеждѣ, съ ногами, замотанными въ воловьи шкуры, такъ какъ отъ сапогъ и слѣда не осталось.

Прибытіемъ въ Кала-и-Ванчъ заканчивалась задача, возложенная на рекогносцировочную партію. Линія, обслѣдованная со стороны Дарваза капитаномъ Кузнецовымъ, была связана съ обрекогносцированной Ванновскимъ,—теперь можно было и отдохнуть.

Запасшись свѣжими силами въ Кала-и-Ванчѣ, партія направилась, внизъ по рѣкѣ Ванчу, затѣмъ по Пянджу и черезъ Кара-Тегинъ спустилась въ долину Алая, перевалила Тенгизъ-Бай и по Исфайрамскому ущелью спустилась въ Ферганскую долину 1-го октября, пройдя такимъ образомъ болѣе 976 верстъ, составивъ подробную маршрутную съемку всего пройденнаго пути. Штабсъ-капитанъ Ванновскій можетъ быть справедливо названъ первымъ русскимъ изслѣдователемъ Рошана и единственнымъ европейцемъ, прошедшимъ по этому ханству вдоль всей долины рѣки Бартанга и Язгулема.

XXI.

Вторая зима на Памирскомъ посту. Опять походъ на Памиръ. Причины похода. Рекогносцировка по рѣкамъ Гунту и Шахъ-Дарѣ [1]). Первыя свѣдѣнія партіи Скерскаго объ афганцахъ. Воззваніе о помощи жителей Шугнана. Шугнанъ и его обитатели. Письмо Халифа-Кадымина. Тяжелые переходы по карнизамъ и балконамъ.

Наступила вторая зима на Памирскомъ посту и снова небольшая семья русскихъ воиновъ, охранявшихъ свою родину съ „крыши міра“, была обречена на однообразную тяжелую жизнь въ суровомъ климатѣ Памира въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Необыкновенно спокойно въ воздухѣ, какъ будто все уснуло навѣки, скованное жестокимъ памирскимъ морозомъ. На метеорологической будкѣ термометръ показываетъ 38° ниже нуля.

Все спитъ. Передъ разсвѣтомъ темнота какъ будто еще болѣе сгустилась и тишина, царившая въ укрѣпленіи, стала еще мрачнѣе, еще зловѣщѣе.

Вотъ, гдѣ-то вдали, въ одномъ изъ окружныхъ ущелій завылъ голодный волкъ, что-то жалобное слышится въ его продолжительномъ воѣ и кажется, что плачетъ, стонетъ онъ, жалуясь на судьбу свою, забросившую его въ эту, Богомъ проклятую, страну, на вѣчный холодъ и голодъ; но не находитъ сочувствія себѣ голодный звѣрь и только эхо подхватывая его стоны, разноситъ ихъ по ущельямъ.

Иногда, сквозь царящую тишину слышатся медленные шаги часового, расхаживающаго по фасу укрѣпленія; но отъ кого караулитъ онъ постъ? Кругомъ огромные сугробы снѣга образовали неприступную крѣпость и ни одно живое существо не проберется черезъ эти снѣжные завалы.

Свѣтаетъ. Одна за другою начинаютъ золотиться сѣдыя вершины, озаряемыя холодными лучами зимняго солнца, и представляются эти ледяные великаны памирцамъ во всемъ блескѣ своего величія, какъ-бы улыбаются, привѣтствуя ихъ съ добрымъ утромъ.

---

[1]) Описаніе составлено по донесеніямъ начальника рекогносцировочной партіи начальнику Памирскихъ отрядовъ.

Прогремѣлъ барабанъ зорю и все оживилось. По всей крѣпости забѣгали солдатики въ своихъ сѣрыхъ полушубкахъ, или овчинныхъ тулупахъ, съ киргизскими шапками на головахъ, придававшихъ имъ какой-то особенно лихой разбойничій видъ. Часть ихъ отправилась съ капами за терескеномъ, этимъ неизбѣжнымъ памирскимъ топливомъ, а нѣкоторые хлопочутъ около офицерскихъ самоваровъ, неистово раздувая сапогами плохой сыроватый уголь. Чайники съ солдатскимъ кипяточкомъ и съ засыпанной заваркой кирпичнаго чаю давно уже согрѣты и въ землянкахъ идетъ чаепитіе.

Но, вотъ, раздались изъ казармы звуки военнаго оркестра, пріятно лаская слухъ суетящихся шаджанцевъ,—и здѣсь на Памирѣ съумѣли русскіе воины устроить отрядный оркестръ. Семнадцать музыкантовъ на духовыхъ инструментахъ съ турецкимъ барабаномъ, подъ управленіемъ отряднаго адъютанта, поручика Осетинскаго, прекрасно исполняютъ не только марши, но даже цѣлыя попурри изъ различныхъ оперъ, разнообразя тѣмъ скучные зимніе вечера.

Около барбета, вокругъ пулеметовъ „Максима“, столпилась группа солдатъ и внимательно слушаютъ они объясненія артиллерійскаго офицера, капитана Баньковскаго, читающаго имъ наставленіе для стрѣльбы изъ этихъ орудій.

Завѣдывающій хозяйствомъ хлопочетъ около цейхгауза, выдавая передъ обѣдомъ спиртъ, который ежедневно отпускался нижнимъ чинамъ въ присутствіи ротнаго командира.

Наступило обѣденное время и барабанъ пробилъ сборъ и одинъ за другимъ потянулись въ столовую офицеры отряда. Вотъ и докторъ явился въ китайской мѣховой шапкѣ, въ такой же тужуркѣ и высокихъ сапогахъ, похожій скорѣе въ этомъ костюмѣ на эскимоса, чѣмъ на военнаго врача. Еще вваливается въ низенькую дверь папаха, закутанная въ огромную волчью шубу, изъ которой вылѣзаетъ завѣдующій хозяйствомъ, а затѣмъ собираются и остальные офицеры. Наконецъ и начальникъ отряда, въ кінчьей дохѣ и огромной папахѣ, появляется въ столовой и, обмѣнявшись со всѣми привѣтствіями, занимаетъ свое мѣсто.

Начинается оживленная бесѣда на всевозможныя темы и долго, долго сидятъ шаджанцы за столомъ, покуривая трубки и попивая горячій душистый глинтвейнъ.

Когда погода не бываетъ ужъ очень сурова, то въ 2 часа, съ музыкой, гарнизонъ отправляется на прогулку, въ окрестности Шаджана и къ обѣду возвращается въ укрѣпленіе. Опять сигналъ, затѣмъ обѣдъ и долгіе, безконечные разговоры въ офицерскомъ собраніи, подъ звуки солдатскихъ пѣсенъ, долетающихъ изъ землянокъ и продолжающихся до повѣрки.

Прогремѣлъ барабанъ вечернюю зорю, стройно пропѣта молитва и снова все тихо, все какъ будто замерло, притаилось, и только шаги часового, да грустное завываніе волковъ раздаются надъ уснувшею „крышею міра". А луна, съ необъятной высоты, льетъ свой серебристый свѣтъ, играя на штыкѣ часового и озаряя сонныя снѣговыя вершины памирскихъ великановъ.

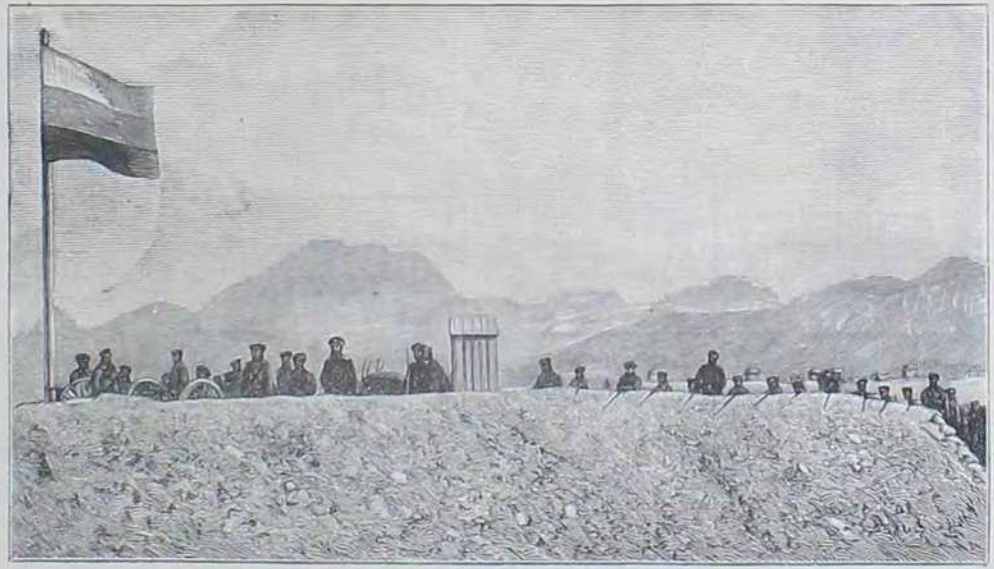
И такъ каждый Божій день.

Наступилъ май мѣсяцъ 1894 года, и афганцы, подстрекаемые Англіей, начали дѣйствовать энергичнѣе и открыто выдвинули свои войска въ Шугнанъ и Рошанъ, производя постоянныя рекогносцировки вверхъ по рѣкамъ по Гунту и Шахъ-Дарѣ. Бѣдное населеніе ханствъ Шугнана и Рошана, не говоря уже о томъ, что снабжало ихъ провіантомъ и фуражемъ, подвергалось постоянному грабежу и насилію со стороны афганскихъ солдатъ, распоряжавшихся надъ таджиками такъ, какъ имъ вздумалось. Ни мольбы, ни жалобы не приводили ни къ чему, афганское начальство, недовольное таджиками за службу русскому правительству во время Памирскаго похода 1892 года и за расположеніе ихъ къ Россіи, не только не препятствовало своимъ солдатамъ творить самыя возмутительныя насилія надъ порабощеннымъ населеніемъ, но даже поощряло это,—ему не приходилось заботиться, при такомъ положеніи дѣлъ, о провіантѣ и фуражѣ своихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ.

Измученное населеніе Шугнана не разъ обращалось къ русскому правительству за помощью, умоляя его принять шугнанцевъ подъ свое покровительство.

Теперь, видя дѣйствительно безотрадное положеніе таджиковъ, а также появленіе афганцевъ въ долинахъ рѣкъ Шахъ-Дары и Гунта и очевидное намѣреніе ихъ начать враждебныя дѣйствія съ Россіей, русское правительство рѣшило принять надлежащія мѣры.

Изъ Н. Маргелана въ маѣ мѣсяцѣ 1894 года выступилъ снова

Гарнизонъ Памирскаго поста, вызванный по тревогѣ.

отрядъ на Памиръ въ составѣ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-горной батареи и № 6 казачьяго полка Оренбургскаго войска и кромѣ того отрядъ, состоявшій изъ выборныхъ людей изъ линейныхъ баталіоновъ Ферганской области подъ командой капитана генеральнаго штаба Скерскаго, для замѣны зимовавшаго на Памирскомъ посту отряда капитана Зайцева.

Отрядъ капитана Скерскаго продвинулся на Памиръ къ Памирскому посту, а резервный отрядъ, отдѣливъ отъ себя часть казаковъ смѣнному отряду, остался въ долинѣ Большого Алая впредь до распоряженія.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ прибылъ на Памиръ и генералъ-маіоръ Іоновъ, въ качествѣ начальника отрядовъ, расположенныхъ на Памирѣ.

Тревожные слухи о движеніи афганцевъ къ русскимъ границамъ, жалобы населенія и грозящая опасность [1]) памирскому отряду, остающемуся на зимовку въ укрѣпленіи, разъ афганцы стянутъ большое количество войскъ въ Шугнанѣ и Рошанѣ, заставили генерала Іонова предпринять двѣ большія рекогносцировки внизъ по рѣкамъ Гунту и Шахъ-Дарѣ, т. е. черезъ весь Шугнанъ до сліянія этихъ рѣкъ и впаденія ихъ въ рѣку Пянджъ. Кромѣ того былъ посланъ въ ту же сторону небольшой разъѣздъ изъ семи казаковъ при офицерѣ [2]). Обѣимъ рекогносцировочнымъ партіямъ предписывалось по возможности избѣгать враждебныхъ дѣйствій съ афганцами, а въ случаѣ таковыхъ съ ихъ стороны обезпечить свой отрядъ отъ нападенія.

По рѣкѣ Гунту выступила партія подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Юденича, а по Шахъ-Дарѣ партія капитана генеральнаго штаба Скерскаго 19 іюля на перевалъ Кой-Тезекъ [3]).

[1]) Въ 1893 году Министръ Иностранныхъ дѣлъ просилъ Военнаго Министра разрѣшить движеніе русскихъ отрядовъ за Мургабъ въ предѣлы Шугнана и Рошана лишь «для обезпеченія безопасности собственнаго отряда», для того, чтобы не подать повода афганцамъ для движенія ихъ къ Дарвазу.

[2]) Капитанъ Александровичъ.

[3]) По переходѣ черезъ перевалъ отряды, при дальнѣйшемъ слѣдованіи, должны были имѣть между собою связь посредствомъ туземнаго населенія. Для постояннаго же сообщенія съ Памирскимъ постомъ, по приказанію генералъ-маіора Іонова, были выставлены временные казачьи посты: 1) на-Кара-Су изъ 3 казаковъ; 2) у рабата Башъ-Гумбезъ изъ 4 казаковъ; 3) у Сасыкъ-Куля «или гдѣ удобнѣе» изъ 4 казаковъ; 4) у перевала Кой-Тезекъ изъ 5 казаковъ. Эти пикеты составляли непрерывную цѣпь съ постомъ отъ мѣста соединенія обоихъ путей, по которымъ направлялись партіи, т. е. отъ перевала Кой-Тезекъ. Посты поочерёдно офицерами Памирскаго отряда.

Въ составъ отряда капитана Скерскаго, или какъ его называли Шахъ-Даринскій отрядъ, входили, кромѣ начальника отряда, и военный инженеръ капитанъ Серебренниковъ, 20 казаковъ при офицерѣ и 12 пѣхотинцевъ для охраны транспорта, состоявшаго изъ 40 вьючныхъ лошадей и четырехъ верблюдовъ, съ запасомъ продовольствія на 30 дней.

По знакомымъ путямъ, пройденнымъ еще въ 1892 году, капитанъ Скерскій прибылъ 22 іюля со своимъ отрядомъ къ границѣ Шугнана, переваливъ Кой-Тезекъ. Между озерами Сасыкъ-Куль (Чокуръ-Куль) навстрѣчу русскимъ выѣхалъ сынъ послѣдняго правителя Шахъ-Дары Абдулла-хана, шугнанецъ Азизъ-ханъ (Абдулла-ханъ свергнутъ афганцами въ 1884 году). Онъ радостно привѣтствовалъ русскій отрядъ и выражалъ свои надежды на то, что Бѣлый Царь не оттолкнетъ протягиваемой къ нему за помощью руки угнетенныхъ таджиковъ.

По словамъ шугнанца, въ настоящее время на рѣкѣ Шахъ-Дарѣ афганцы не держатъ постояннаго гарнизона и только время отъ времени ихъ разъѣзды рекогносцируютъ вверхъ по ней, доходя до селенія Барвозъ, т. е. по всей населенной части долины названной рѣки. Гораздо же рѣже ихъ разъѣзды подымаются до Сенджа и выше до развалинъ селенія Яушанъ-Куза, гдѣ, по приказанію афганцевъ, выставленъ таджиками караулъ, который время отъ времени и повѣряется афганскими войсками.

Азизъ-ханъ очень жаловался на афганцевъ за ихъ поборы и притѣсненіе населенія и безъ того бѣднаго, отъ котораго безжалостно отбираются афганцами скотъ, деньги и даже одежда.—„Таксыръ [1]),—говорилъ Азизъ-ханъ начальнику отряда,—всѣ жители Шахъ-Дары съ нетерпѣніемъ ждутъ прихода русскихъ и готовы служить вамъ всѣми своими силами, ничего они не пожалѣютъ, ни послѣдняго имущества своего, ни женъ, ни дѣтей, ни собственной жизни, спаси ихъ, возьми подъ свою защиту".

Въ подтвержденіе этихъ словъ Азизъ-ханъ передалъ капитану два письма—одно отъ таджиковъ Шахъ-Дары, а другое отъ жителей всего Шугнана. Привожу оба письма въ переводѣ ихъ, съ подлинниковъ.

---

[1]) Таксыръ—ваше высокоблагородіе.

1) *Начальнику Отряда* [1]).

„Начальнику отряда и всѣмъ офицерамъ желаю всего лучшаго. Увѣдомляемъ васъ, что всѣ жители Шахъ-Дары желаютъ быть подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссійскаго. У жителей Шахъ-Дары было собраніе съ Мирза-Вафою во главѣ, на которомъ и рѣшено было отдаться подъ покровительство Русскихъ. Все время ждемъ васъ, но вы не приходите. По какой причинѣ?—Мы этого не знаемъ.

Мы бѣдны и безъ васъ находимся, какъ безъ рукъ. Если вы придете еще не скоро, то намъ нечѣмъ будетъ питаться. По пріѣздѣ Али-бая, жителей стали сильно обижать, а именно: афганцы поносятъ насъ бьютъ, берутъ рупіи (деньги) и проч. Если будетъ добрая воля ваша не оставить насъ въ такомъ положеніи, то покорнѣйше просимъ придти поскорѣе, теперь же мы всѣ почти сходимъ съ ума отъ отчаянія. Если же вы прибудете еще не скоро, то помогите уплатить намъ 2.000 рупій, которыя афганцы требуютъ съ насъ; мы положительно ничего не имѣемъ".

Просьба населенія Шахъ-Дары.

Остаемся покорными слугами".

Курванъ-бекъ, Айранъ-ша, Мурза-Вафа, Муза-Фаръ.

2) *Начальнику Отряда.*

„Начальнику отряда и всѣмъ гг. офицерамъ желаемъ всего хорошаго и молимъ Бога день и ночь за ихъ здоровье. Увѣдомляемъ васъ отъ всего населенія Шугнана, что ждемъ съ нетерпѣніемъ вашего прихода къ намъ. Положеніе наше крайне стѣсненное по слѣдующей причинѣ: афганцы узнали, что мы имѣемъ сообщеніе съ вами и что обо всемъ даемъ вамъ знать относительно ихъ. Поэтому покорнѣйше просимъ васъ не оставить насъ въ такомъ печальномъ положеніи и придти къ намъ на помощь. Если же вы въ скоромъ времени намъ помочь не успѣете, то нашихъ старшинъ заберутъ афганцы.

Шугнанцы только и ждутъ вашего прихода. Если ваши сердца не сокрушатся, глядя на наши страданія, то да будетъ воля ваша.

---

[1]) Переводъ писемъ сдѣланъ отряднымъ переводчикомъ Урманбековымъ.

Затѣмъ желаемъ всего лучшаго и остаемся, въ ожиданіи вашего прихода, ваши покорные слуги: Халифа-Кадаминъ, Мирза-Вафа, Курванъ-бекъ, Муза-Фаръ, Айранъ-Ша, Акъ-Сакалъ-Худой-Яръ".

Къ вечеру того же дня начальникомъ отряда была получена записка отъ капитана Александровича, что, „въ виду дурныхъ слуховъ", онъ будетъ ждать у Яушанъ-Куза у устья рѣки, вытекающей изъ Турунтынъ-Куля. Записка помѣчена 21 мая, но мѣста, откуда она была послана, не указано.

Относительно предстоящаго пути внизъ по долинѣ Шахъ-Дары Азизъ-ханъ разсказывалъ разные ужасы, рисуя картины переходовъ по головоломнымъ карнизамъ, и замѣтилъ, что въ четырехъ мѣстахъ придется протаскивать вьюки на рукахъ, такъ какъ завьюченная лошадь не можетъ пройти въ этихъ мѣстахъ. Его обѣщаніе, что мѣстные таджики, привыкшіе къ подобному способу переправы поклажи, перенесутъ весь обозъ отряда на рукахъ, облегчалъ разрѣшеніе этого вопроса.

Движеніе по Шугнану представляло особенное затрудненіе отрядамъ въ виду того, что, во-первыхъ, Шугнанъ до сего времени былъ совершенно не извѣстенъ европейскимъ путешественникамъ, а потому имѣвшіеся карты, составленныя на основаніи разспросныхъ свѣдѣній, часто невѣрныхъ, не могли быть точными руководителями отряду, вслѣдствіе чего сообщенія туземцевъ имѣли здѣсь особенное значеніе, тѣмъ болѣе, что неправильныя указанія не составляли ихъ интереса.

И такъ маленькій русскій отрядъ вступалъ въ неизвѣстную дотолѣ страну, готовый бороться со всѣми преградами суровой природы Шугнана.

Шугнанъ до 1894 года не былъ доступенъ европейскимъ путешественникамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія. Съ одной стороны, это обстоятельство объяснялось враждебнымъ отношеніемъ афганцевъ къ европейцамъ, а съ другой стороны, весьма тяжелыми путями сообщенія по этому ханству. Только доктору Регелю удалось пробраться до озера Шива, но смѣлый путешественникъ сошелъ съ ума и свои наблюденія и изслѣдованія, не успѣвъ изложить на бумагѣ, унесъ въ могилу. Въ 1883 году экспедиція Иванова и топографа Бендерскаго дошла лишь до первой деревни Шугнана—Саардымъ.

Не буду останавливаться на подробномъ очеркѣ этого ханства, такъ

какъ, во-первыхъ, хочу скорѣе познакомить читателя съ описаніемъ военныхъ дѣйствій, разыгравшихся въ предѣлахъ его, а, во-вторыхъ, одинъ изъ моихъ сотоварищей по походу, побывавъ во всѣхъ дебряхъ Шугнана, въ прекрасной статьѣ своей, помѣщенной въ „Военномъ Сборникѣ", далъ обстоятельное и весьма подробное описаніе этой интересной страны [1]), а ограничусь самыми краткими географическими опредѣленіями Шугнанскаго ханства.

Шугнанское ханство лежитъ между 37°51′ и 38°5′ сѣверной широты и 41° и 42°20′ восточной долготы (отъ Пулкова) [2]). Границами Шугнана служатъ на сѣверѣ ханство Рошанъ, на западѣ Бадахшанъ, на юго-западѣ Горанъ и на югѣ Ваханъ [3]). Въ этихъ границахъ насчитывается 13.000 кв. верстъ, изъ которыхъ только самое незначительное количество, а именно нѣкоторыя части долинъ рѣкъ: Гунта, Шахъ-Дары и Пянджа населено таджиками, все же остальное пространство представляетъ собою мало доступныя и мѣстами совсѣмъ непроходимыя горы.

Начинаясь у сліянія рѣкъ Гунта съ Шахъ-Дарой тянется горный хребетъ подъ названіемъ „Шугнанскій", постепенно понижаясь и расширяясь къ востоку, и служащій какъ бы стѣною между долинами, лежащими параллельно одна къ другой, на сѣверѣ рѣки Гунта и на югѣ Шахъ-Дары.

Населенъ Шугнанъ таджиками—народомъ чистаго арійскаго племени, исповѣдующими исламъ по шіитскому толкованію. Наружный видъ таджика поражаетъ красотою своего типа; высокій красивый лобъ, пропорціональный съ горбинкою носъ, дугообразныя сросшіяся надъ переносицей брови, черные борода и усы (волосы таджики брѣютъ, хотя многіе носятъ и длинные вьющіеся кудри, подражая афганцамъ),

---

[1]) См. «Военный сборникъ» 1895 года, №№ 11 и 12 «Очеркъ Шугнана», военнаго инженера А. Серебренникова.

[2]) «Очеркъ Шугнана».

[3]) Точной границы не установлено, но граничную линію слѣдуетъ принимать на сѣверѣ по вершинамъ Рошанскаго хребта (водораздѣлъ бассейновъ Бартанга и Гунта пересѣкаетъ рѣку Пянджъ у урочища Ялдербентъ по отрогу хребта Гинду-куша, огибаетъ съ запада озеро Шива, опять пересѣкаетъ р. Пянджъ ниже впаденія ея въ Арахтъ, идетъ на вершины Ваханскихъ горъ и слѣдуя на востокъ и черезъ перевалы Масъ, Кой-Тезекъ, западной оконечности оз. Яшиль-Кулъ къ перевалу Ланггаръ-Дара въ Гошанскихъ горахъ. «Очеркъ Шугнана»).

при смугломъ цвѣтѣ лица и весьма пропорціональномъ сложеніи, ставятъ таджика на первое мѣсто по красотѣ среди средне-азіатскаго населенія. Женщины также красивы и появляются съ открытыми лицами среди мужского общества. Населеніе занимается преимущественно скотоводствомъ и земледѣліемъ, обработывая свои узкія полоски удобной земли въ долинахъ, гдѣ работы ихъ еще осложняются тѣмъ, что, въ силу недостатка лѣтомъ атмосферной влаги, поля исключительно поливныя. Ютятся таджики, какъ и сарты, въ кишлакахъ (селеніяхъ) по саклямъ, похожимъ скорѣе на грязные сараи, чѣмъ на жилища. Богатыхъ таджиковъ нѣтъ, всѣ болѣе или менѣе обладаютъ одинаковыми средствами и существуютъ на то, что даетъ имъ земля, да приплодъ отъ барановъ и козловъ. Зато таджики прекрасные охотники и бьютъ въ большомъ количествѣ кіиковъ и архаровъ. Изъ мѣстныхъ производствъ, и то только для своего обихода, выдѣляется гончарное, въ виду обилія здѣсь огнеупорной глины; этими работами занимаются преимущественно женщины. Таджики народъ честный, работящій и религіозный.

Вотъ какихъ жалкихъ угнетенныхъ бѣдняковъ шли теперь русскіе вырвать изъ-подъ ужаснаго ига афганцевъ, и немудрено, что населеніе Шугнана смотрѣло на насъ, какъ на своихъ спасителей.

20-го іюля, совершивъ переходъ въ 35 верстъ, отрядъ перевалилъ черезъ Кокъ-Бай, у подножія котораго и остановился. Хотя и невеликъ былъ переходъ, но постоянные подъемы на высокіе отроги, отдѣляющіе три горные ручья Учъ-Калъ, и крутые спуски съ нихъ сильно подорвали вьючныхъ лошадей, которыя еле-еле дотащились къ бивуаку къ семи часамъ вечера.

Перевалъ Кокъ-Бай съ сѣверной стороны почти не замѣтенъ, хотя высота его опредѣлена въ 14.000 футовъ, и только рядъ озеръ и болотъ, какъ условные признаки, указываютъ его мѣстонахожденіе.

Свьючившись съ разсвѣтомъ, напутствуемый легкимъ вѣтеркомъ, отрядъ двинулся къ Яушанъ-Кузу.

Здѣсь путь сильно напоминалъ памирскія дороги, особенно въ одномъ мѣстѣ спускъ былъ совершенно сходенъ съ Кизиль-Артскимъ спускомъ къ Боръ-Да-Ба. Такія же огромныя скалы громоздятся съ обѣихъ сторонъ, тотъ же мракъ, царящій въ ущельѣ, и несмолкаемый шумъ ревущей горной рѣчки.

Подъѣзжая къ рѣчкѣ Яушанъ-Кузъ, отрядъ былъ встрѣченъ толпою шугнанцевъ съ Курманъ-датхой во главѣ.

Лица ихъ сіяли отъ радости, они подбѣгали къ лошадямъ офицеровъ, падали на колѣни, цѣловали имъ ноги, колѣна и руки, выражая на своемъ пѣвучемъ нарѣчіи цѣлый потокъ благодарностей во имя Аллаха и Пророка.

Для офицеровъ была выставлена юрта и для всего отряда припасено много барановъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ, за которые таджики ни за что не хотѣли брать платы. Много усилій стоило капитану Скерскому убѣдить ихъ принять деньги, и только послѣ очень долгихъ переговоровъ они согласились и приняли уплату за все.

Главнымъ представителемъ населенія былъ Азизъ-ханъ, очевидно пользовавшійся необыкновеннымъ вліяніемъ среди своихъ соплеменниковъ. Встрѣтило отрядъ 25 таджиковъ и 15 киргизовъ [1]), большинство же, какъ оказалось, въ виду недавняго появленія афганцевъ, прятались въ горахъ и ущельяхъ.

Капитана Александровича, несмотря на полученную записку, въ которой онъ назначалъ свое соединеніе съ отрядомъ Яушанъ-Кузъ, не было и поэтому къ озеру Турунтай-куль были высланы джигиты.

О положеніи дѣлъ на низовьяхъ Шахъ-Дары можно было судить изъ письма, полученнаго Курманъ-датхой и Муза-Фаромъ, главными представителями населенія Шугнана отъ Хамира Кадымина, находившагося на низовьяхъ Шахъ-Дары. Считаю не лишнимъ помѣстить его письмо.

Многоуважаемые друзья Курманъ-Бекъ и Муза-Фаръ.

„Желаю вамъ всего хорошаго, афганцы узнали, что вы имѣете дѣло съ русскими, а потому и продолжайте держаться стороны Россіи. Сообщаю Вамъ, что Боба-ша-ханъ [2]) съ кавалеріей прибылъ въ Шугнанъ и началъ насъ притѣснять. О моихъ, а также и вашихъ дѣлахъ афганцамъ извѣстно. Со своей стороны вы дайте намъ знать о приходѣ русскихъ, чему мы будемъ очень рады. Если русскіе гдѣ нибудь уже на-

---

[1]) Караулъ, выставленный афганцами.

[2]) Боба-ша-ханъ — помощникъ Файзабадскаго губернатора Ша-Сендъ-Джарлейля.

ходятся, то сообщите намъ. Вы люди—представители [1]). О мѣстѣ нахожденія и движенія русскихъ дайте знать немедля намъ, потому что мы боимся. Если же есть хорошіе слухи, то пришлите Одисхана, увѣдомляю васъ, то Алимбая [2]) освободили, въ чемъ и удостовѣряю приложеніемъ своей именной печати".

Халифа Кадаминъ.

Сюда же было получено извѣстіе, что посланный генераломъ Іоновымъ джигитъ съ письмомъ къ Бадахшанскому губернатору Сандъ-Мансуръ, задержанъ афганцами на Гунтѣ и находится въ Харыкѣ подъ карауломъ, а письмо генерала отправлено къ джарнейлю.

Тяжелымъ показался Шахдаринскому отряду 28-верстный переходъ отъ Баба-Абдалъ-Мазара до Сенджа; пять разъ горная тропа, усѣянная острыми осколками скалъ, за которые ежеминутно задѣвали вьюки и сваливались, спускалась въ рѣку и столько же разъ приходилось переходить ее въ бродъ. Кто знаетъ, что такое горная рѣчонка, даже самая маленькая, тотъ пойметъ, что должны были вынести люди, переправляя 40 лошадей и 4 верблюда черезъ кипящую, широкую Шахъ-Дару. Теперь эта рѣка клокотала въ своихъ каменныхъ берегахъ и напоминала собою исполинское чудовище, готовое сразу проглотить небольшую кучку людей, отважившихся бороться съ ея стихійной силой.

Лошади фыркали, храпѣли, и не шли въ рѣку. Вьюки подмокали, развьючивались и сносились сильнымъ теченіемъ ея.

Солдаты и казаки положительно выбивались изъ силъ и если бы не таджики, привыкшіе къ своимъ рѣкамъ, ни одного бы вьюка не удалось отряду переправить на ту сторону. Къ счастью, время года для переправы было самое подходящее. Въ разгаръ лѣта, когда снѣгъ уже совершенно стаялъ въ горахъ, рѣки въ Шугнанѣ и на Памирѣ сильно мелѣютъ и тогда переправа дѣлается возможною, весною же и осенью, во время выпаденія дождей и таянія снѣговъ, даже и таджики не рискуютъ пускаться на подобное предпріятіе и предпочитаютъ дѣлать

[1]) Вѣроятно, этимъ авторъ письма хотѣлъ сказать, что Курванъ-Беку и Муза-Фару, какъ представителямъ шугнанскаго населенія мѣстные таджики повѣрятъ и поднимутся на афганцевъ.

[2]) Алимбай былъ посланъ съ письмомъ въ Бадахшанъ къ афганскому генералу.

огромные обходы, чѣмъ попытаться переправляться въ бродъ. Правда, у нихъ существуетъ способъ переправы на гупсарахъ, о которомъ я уже говорилъ раньше, но этотъ способъ также не всегда удобенъ; во время сильной воды гупсаръ получаетъ очень быстрое движеніе и плывущій на немъ человѣкъ можетъ быть разбитъ о камни, или просто захлебнуться водою, разъ гупсаръ, благодаря своей неустойчивости, перевернется вмѣстѣ съ ловцомъ нѣсколько разъ.

Не менѣе ужаснымъ препятствіемъ для движенія отряда служили узкіе еле проходимые карнизы, по которымъ завьюченная лошадь ни въ какомъ случаѣ проходить не могла, такъ что каждый разъ при переходѣ черезъ подобный карнизъ приходилось развьючивать ее и, поддерживая на арканахъ, положительно протаскивать по скользкому, съ сильнымъ уклономъ къ рѣкѣ, граниту.

Представьте себѣ узкое ущелье съ несущейся по немъ горной рѣкой, берегами которой служатъ отвѣсныя каменныя громады. Кипящія воды рѣки съ шумомъ ударяются о мрачный гранитъ, разбиваются въ мелкія брызги и, пѣнясь, со стономъ отскакиваютъ назадъ и снова съ тою же силою стремятся впередъ, сворачивая на пути своемъ огромные камни. Вотъ, по одному изъ такихъ береговъ тянется какъ-бы высѣченная рукою человѣка узкая еле проходимая тропа, сплошь заваленная осколками камней, сорвавшихся съ окружающихъ высотъ. Тропа эта то опускается къ самой рѣкѣ, то вдругъ круто поднимается вверхъ и совершенно пропадаетъ.

Вотъ, въ такихъ-то мѣстахъ, человѣкъ, постоянно борящійся съ природою, настроилъ балконы. Взломавъ часть скалы, къ ней прилаживались деревянныя балки изъ мѣстнаго малорослаго тальника, клался хворостъ, снова наваливались балки, камни и все это засыпалось землею.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались карнизы, устроенные самою природою. Саженей на пятнадцать надъ рѣкою выдвинулся пластъ и виситъ надъ пропастью, служа продолженіемъ пробитой тропы, по такому-то куску гранита, какъ по балкону, проходятъ и лошади, и люди. Ни перилъ, ни даже возвышенія нѣтъ по краю его, голый камень—и только. Вотъ по какой дорогѣ пришлось проходить отряду 26 и 27 іюля.

Въ одномъ мѣстѣ балконъ, когда по немъ проходили лошади, завьюченныя патронными ящиками, со страшнымъ трескомъ подломился и несчастное животное, увлекая при паденіи своемъ свой тяжелый вьюкъ, разбиваясь о камни, упало въ рѣку. Мелькнули раза два голова и ноги его надъ поверхностью пѣнящейся рѣки и все скрылось въ ея быстрыхъ, холодныхъ водахъ.

Одинъ изъ ящиковъ съ патронами удалось съ необычайными усиліями добыть изъ воды, другой же, при паденіи, ударился объ острую скалу, разбился и патроны вѣеромъ посыпались въ разсвирѣпѣвшую рѣку. Кромѣ патроновъ, отрядъ потерялъ 8 коповъ съ ячменемъ.

Обвалъ карниза сильно задержалъ движеніе, пришлось возстановлять рухнувшій путь, въ чемъ таджики оказали существенную помощь. Менѣе чѣмъ черезъ часъ по балкону уже продвигалась остальная часть обоза, но лошади теперь проводились разсѣдланными. Поздно вечеромъ прибылъ наконецъ транспортъ къ мѣсту ночевки и, несмотря на раннее выступленіе отряда, сдѣлалъ за этотъ переходъ всего 10 верстъ.

Вообще, горная часть Памира, прилегающая къ Шугнану, отличается неприступностью и суровостью природы. Спуски и подъемы крайне круты и неудобны и представляютъ собою огромное препятствіе путешественнику. Но невозможно умолчать о тѣхъ великолѣпныхъ видахъ, которые на каждомъ шагу встрѣчаются среди горныхъ трущобъ Шугнана. Тамъ природа, несмотря на свой мертвый колоритъ, отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ. Громадные обломки скалъ громоздятся другъ надъ другомъ, а среди нихъ, шумя и разлетаясь въ милліоны брызгъ, падаетъ съ невѣроятной высоты горный потокъ. Темная, голая скала, на которой гнѣздится узкій, чуть замѣтный карнизъ, мѣстами дополненный балконами, мрачно смотритъ на движущихся солдатъ своею огромною массою, и какимъ ничтожествомъ кажется человѣкъ, ползущій по нимъ, въ сравненіи съ этой величественно-дикой природой.

Однимъ изъ живописнѣйшихъ мѣстъ въ Шугнанѣ является спускъ къ ущелью Кара-Донге, гдѣ узкая дорожка, извиваясь между камнями, то круто спускается, то поднимается надъ довольно глубокою пропастью, на днѣ которой красиво зеленѣются кустарники дикаго тальника.

Между тѣмъ свѣдѣнія объ афганцахъ начали поступать; таджики прибывшіе съ низовій рѣки, привезли слухъ, что, въ виду движенія русскихъ по Шахъ-Дарѣ, Гунту, Бартангу и изъ Дарваза, афганцы выслали по 100 человѣкъ пѣхоты на Шахъ-Дару, Гунтъ и въ крѣпость Кала-и-Вамаръ на Пянджѣ. Таджики увѣряли, что имъ даже извѣстно, подъ чьимъ начальствомъ находится посланныя войска; такъ, напримѣръ, командиромъ афганцевъ, высланнаго противъ нашего отряда, называли капитана Галяндыра, а на Гунтъ будто шелъ Баба-Ша-ханъ, помощникъ Файзабадскаго губернатора.

Часовъ въ двѣнадцать дня вниманіе капитана Скерскаго было обращено на толпу таджиковъ, среди которыхъ находился связанный и избитый человѣкъ въ красномъ мундирѣ, оказавшійся конюхомъ афганскаго генерала Ша-Сендъ-Джарнейля.

На допросѣ афганецъ не давалъ никакихъ отвѣтовъ относительно расположенія афганскихъ отрядовъ и на вопросъ, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Шахъ-Дару, отвѣтилъ, что былъ посланъ своимъ начальникомъ для сбора податей.

Какъ поясняли таджики, афганецъ этотъ очень часто наѣзжаетъ къ нимъ въ кишлаки и попросту занимается грабежемъ на самомъ законномъ основаніи, такъ какъ подобное развлеченіе ему каждый разъ оффиціально разрѣшалось джарнейлемъ, когда приходило время полученія имъ жалованья.

Теперь, снабженный подобнымъ разрѣшеніемъ, Ніязматъ, какъ звали афганца, не зная ничего о движеніи русскихъ, пріѣхалъ въ долину Шахъ-Дары за обычной наживой, но былъ схваченъ таджиками, жестоко избитъ ими и доставленъ въ отрядъ.

Правда, что лишній человѣкъ, при ограниченныхъ запасахъ провіанта, являлся большою обузою для отряда, но капитанъ Скерскій рѣшилъ задержать Ніязмата, въ виду слѣдующаго соображенія: джигитъ Сандъ-Мансуръ [1]), посланный съ письмомъ отъ генерала Іонова къ Джарнейлю, былъ задержанъ и находился въ настоящее время подъ карауломъ въ Кала-и-Баръ-Пянджѣ [2]), поэтому задержаніе Ніязмата могло послужить поводомъ къ освобожденію нашего джигита, задержаннаго афганцами.

[1]) Сандъ-Мансуръ былъ въ 1893 году джигитомъ и проводникомъ у С. П. Ванновскаго.

[2]) Афганская крѣпость на берегу рѣки Пянджа въ Шугнанѣ.

Къ пяти часамъ дня въ отрядъ явился таджикъ съ письмомъ отъ афганскихъ военачальниковъ, письмо было адресовано „начальнику русскаго отряда".

Вотъ его содержаніе [1]).

„Какъ намъ извѣстно, вы изъ данныхъ вамъ Богомъ владѣній, вступили въ наши, а именно въ Яушанъ-Кузъ. Въ настоящее время вы двигаетесь къ намъ. Отчего о своемъ движеніи вы не сообщили намъ, мы бы встрѣтили васъ и приняли бы съ большою радостью. Теперь же намъ извѣстно, что вы идете къ намъ и мы тоже выступили, чтобы принять васъ и вступить въ переговоры съ вами. Если бы кто изъ васъ и одинъ пришелъ въ наши владѣнія, то мы оказали бы ему содѣйствіе. Если успѣемъ, то въ пятницу желали бы встрѣтить васъ въ Яушанъ-Кузѣ [2]). Желаніе же наше встрѣтить васъ въ четвергъ. Въ настоящее время мы находимся въ крѣпости Рошъ-Кала. Просимъ васъ, не разрушайте. Съ нами есть кавалерія. Больше нечего объяснять".

Миръ-Азамъ-ханъ [3]), капитанъ Полтанъ Абдулла-ханъ, начальникъ Шугнана Баба-Ша-ханъ.

1312 года $\frac{18}{VI}$ Сафаръ.

Привезшій письмо таджикъ былъ немедленно же допрошенъ и помимо этого собраны свѣдѣнія черезъ мѣстныхъ жителей о крѣпости Рошъ-Кала.

Оказалось, что афганцы только сегодня прибыли туда, въ количествѣ 100 человѣкъ пѣхоты и человѣкъ 30 конныхъ и крайне были удивлены, узнавъ о движеніи русскаго отряда далеко за Яушанъ-Кузъ. Повидимому, письмомъ своимъ, въ которомъ они назначали для переговоровъ Яушанъ-Кузъ, они намекали на отступленіе русскихъ къ этому пункту.

Крѣпость Рошъ-Кала расположена въ 20 верстахъ отъ бивуака и, какъ сообщилъ киргизъ, выше и ниже ея черезъ Шахъ-Дару имѣются мостовыя переправы.

---

[1]) Съ подлиннаго перевода отряднаго переводчика Урманбекова.

[2]) Не успѣли.—Очевидно, киргизы и таджики давали имъ ложныя свѣдѣнія о нашемъ движеніи.

[3]) Онъ же по прозванію Галиндыръ.

Насколько можно составить было себѣ представленіе о мѣстоположеніи этой крѣпости, со словъ киргизовъ, она, повидимому, командуетъ надъ окружающими высотами и находится на весьма выгодной позиціи. Кромѣ того, таджики увѣряли, что съ афганцами очень мало запасовъ провіанта и фуража, а что въ кишлакахъ все припрятано и испуганное населеніе, разбѣжавшись по горамъ, угнало съ собою весь скотъ.

Это послѣднее обстоятельство, а также довольно миролюбивый тонъ письма, подавали надежду капитану Скерскому на то, что ему удастся посредствомъ мирныхъ переговоровъ убѣдить афганцевъ отступить къ Дашту [1]).

Однако чрезвычайно малое количество людей въ отрядѣ, тогда, когда противъ него выступала сила вчетверо большая, заставляло начальника партіи дѣйствовать весьма осмотрительно, тѣмъ болѣе, что афганскимъ увѣреніямъ особенной въ дружескихъ отношеніяхъ вѣры придавать было нельзя и онъ, вызвавъ запиской капитана Александровича для соединенія съ собою, рѣшилъ дѣйствовать по слѣдующему плану. Для прикрытія обоза оставить часть партіи, а съ остальными направиться къ крѣпости Рошъ-Кала для переговоровъ съ афганцами. Обозу же, пройдя труднымъ карнизомъ, подъ которымъ ночевалъ отрядъ, протащивъ на рукахъ вьюки, слѣдовать къ урочищу Вязъ-Дара. При приближеніи отряда къ селенію Барвозъ, на него наѣхалъ афганскій разъѣздъ, который немедленно же скрылся при видѣ русскихъ. Не желая выпускать изъ виду афганцевъ, начальникъ отряда, съ капитаномъ Серебренниковымъ и хорунжимъ Рябовымъ, въ сопровожденіи пяти казаковъ и нѣсколькихъ таджиковъ, погнались по слѣдамъ разъѣзда, а остальные нижніе чины были возвращены для усиленія охраны транспорта. Дорога отъ Вязъ-Дары сначала пролегала по двумъ ущельямъ, а затѣмъ шла карнизами надъ самымъ берегомъ Шахъ-Дары и, спустившись круто къ рѣкѣ, черезъ мостъ, выходила къ крѣпости, занятой афганцами.

Сильное напряженіе господствовало надъ участниками разъѣзда, каждый загадочно всматривался въ мрачно глядѣвшую съ противоположнаго берега афганскую крѣпость. Тишина господствовала полная.

Разъѣздъ медленно поднимался на самую вершину карниза и лишь только достигъ самой высокой части его и весь сталъ на виду непрія-

[1]) Дашть селеніе въ двухъ переходахъ отъ Рошъ-Кала вниз по рѣкѣ Шахъ-Дарѣ.

теля, какъ съ противоположнаго берега раздался протяжный звукъ сигнальнаго рожка, какъ-то жалобно простоналъ онъ и еще не успѣли смолкнуть звуки вторящаго ему эхо, какъ цѣлый рядъ бѣлыхъ дымковъ выскочилъ съ противоположнаго берега, рой пуль просвисталъ надъ головами нашихъ офицеровъ и казаковъ, а вслѣдъ за нимъ грянулъ дружный залпъ афганцевъ, разнесенный эхомъ по Шахъ-Даринскому ущелью. Затѣмъ начался довольно частый одиночный огонь. Афганцы стрѣляли шаговъ съ 800 и видимо хорошо пристрѣлялись, такъ какъ ихъ пули ложились на самую середину дороги и задѣли нѣсколькихъ лошадей. Было 3 часа 45 минутъ дня, когда афганцы дали первый залпъ, а къ 4 часа 30 минутамъ они мало по малу прекратили огонь, видя, что наши, засѣвъ за камни, не отвѣчали имъ на выстрѣлы.

Такая встрѣча вмѣсто мирныхъ переговоровъ, и вопреки любезному тону письма, озадачила начальника отряда и онъ нашелъ нужнымъ приберечь патроны для болѣе подходящаго момента, кромѣ того, скрытые за камнями афганцы не представляли для ружейнаго огня удобной цѣли.

Отойдя къ урочищу Вязъ-Дара, начальникъ отряда съ военнымъ инженеромъ Серебренниковымъ занялись изслѣдованіемъ окружающей мѣстности для выбора позиціи, а бивуакъ усиленно охранялся цѣпью часовыхъ. Наканунѣ прибылъ, вызванный капитаномъ Скерскимъ, капитанъ Александровичъ съ семью казаками, такъ что силы отряда увеличились на 8 человѣкъ, а для горной войны въ трущобахъ Шугнана это, казалось бы, незначительное прибавленіе равнялось подкрѣпленію въ цѣлый эскадронъ при войнѣ въ обыкновенной мѣстности.

Между тѣмъ, съ Памирскаго поста 22 іюля было выслано подкрѣпленіе Шахъ-Даринскому и Гунтскому отрядамъ, состоящее изъ 60 человѣкъ пѣхоты 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 12 человѣкъ казаковъ при 32 ракетахъ и пулеметѣ Максима, снабженное запасомъ на 30 дней подъ общею командою капитана Эттингена. Этотъ резервъ долженъ былъ остановиться на озерѣ Сасыкъ-Кулѣ и, въ случаѣ требованія одной изъ рекогносцировочныхъ партій, немедля продвинуться до соединенія съ ними, раздѣливъ свои силы на двѣ части.

Одновременно съ извѣстіемъ о выступленіи на Кой-Тезекъ резерва

было получено предписаніе генерала Іонова остановиться и ждать дальнѣйшихъ распоряженій, на томъ мѣстѣ, гдѣ партія будетъ застигнута посланнымъ казакомъ.

Это распоряженіе исходило изъ соглашенія Министра Иностранныхъ Дѣлъ съ Военнымъ Министромъ, чтобы рекогносцировочныя партіи не высылались въ предѣлы Шугнана и Рошана, дабы не дать повода афганцамъ двинуться къ Дарвазу, но это предписаніе опоздало и было доставлено капитану Скерскому на другой лишь день послѣ описанной встрѣчи его афганскимъ огнемъ.

Въ ночь съ 28-го на 29-е іюля таджики принесли снова тревожныя вѣсти. Прибывшій изъ-за Пянджа таджикъ увѣрялъ, что къ афганцамъ въ Рошъ-Калу идутъ подкрѣпленія изъ Кала-и-Баръ-Пянджа и что афганцы, зная нашу малочисленность и отсутствіе резерва [1]), рѣшили покончить съ маленькимъ русскимъ отрядомъ.

Немедленно же были приняты мѣры для отраженія нападенія. Съ разсвѣтомъ 29-го августа капитанъ Серебренниковъ приступилъ къ укрѣпленію выбранной наканунѣ позиціи. При помощи таджиковъ и нижнихъ чиновъ были вырыты ложементы и приспособлена къ оборонѣ на верхушкѣ горы, подъ которой расположился бивуакомъ отрядъ, каменная сакля, устроены были блиндажи, бойницы изъ мѣшковъ съ запасами и проч.

Укрѣпленіе позиціи осложнялось необыкновенною тяжестью работы. Каменный грунтъ трудно поддавался шанцу и мѣстами просто приходилось для валовъ наносить крупные камни, которые обкладывались снаружи мѣшками съ запасами, такъ какъ въ противномъ случаѣ пули, ударяясь о камень, давали осколки, причинявшіе также не мало вреда.

Всѣ работы были очень быстро выполнены и отрядъ находился въ ежеминутной готовности къ немедленному занятію позиціи для отраженія противника.

Отрядъ находился въ ежеминутномъ ожиданіи наступленія противника и, зная превосходство его въ силахъ, рѣшилъ упорно сопро-

---

[1]) Резервъ только выступилъ 22 іюля съ Памирскаго поста и, слѣдовательно, немедленной помощи дать бы не могъ и развѣ лишь черезъ полторы недѣли, при самомъ усиленномъ маршѣ, могъ прибыть на выручку, т. е. его нужно было увѣдомить объ опасности, это также занимало 3 дня шіішшт.

тивляться, не отступая съ занятой позиціи. Киргизы и таджики то и дѣло прибывали съ новыми вѣстями и къ вечеру было получено донесеніе, что къ афганцамъ не только не прибыло подкрѣпленія, но что и гарнизонъ, занимавшій Рошъ-Калу, отдѣлилъ отъ себя часть, отправившуюся на Гунтъ, въ подкрѣпленіе отряду, дѣйствовавшему противъ подполковника Юденича, который былъ будто-бы встрѣченъ афганцами и послѣдніе, потерпѣвъ пораженіе, отступили къ Вудыръ-Гудыру. Мосты черезъ р. Шахъ-Дару выше и ниже крѣпости оказались сломанными и, очевидно, афганцы на время оставили свое намѣреніе аттаковать нашу позицію.

Между тѣмъ, высланные лазутчики, преимущественно таджики, привезли новое извѣстіе, а именно, что афганцы рѣшили соединить оба свои отряда и съ прибытіемъ подкрѣпленія, высланнаго изъ крѣпости Кала-и-Баръ-Пянджъ, напасть сначала на отрядъ подполковника Юденича, а потомъ и на укрѣпившійся около Вязъ-Дары.

Такое рѣшеніе афганцевъ было бы самымъ правильнымъ въ ихъ положеніи и весьма опаснымъ для отряда Юденича, не ожидавшаго такого быстраго подкрѣпленія къ афганцамъ, находившимся противъ него, а потому капитану Скерскому оставалось поспѣшить на помощь Гунтскому отряду. Однако, прежде чѣмъ рѣшиться на выполненіе этого плана, совершенно не предусмотрѣннаго полученной инструкціей, Скерскій съ ранняго утра 30-го іюля направилъ въ сторону афганской крѣпости двѣ сильныя развѣдочныя партіи, подъ начальствомъ капитана Серебренникова, по горной тропѣ и, хорунжаго Рябова по дорогѣ, вдоль рѣки, на которой отрядъ былъ встрѣченъ выстрѣлами 28-го іюля.

На глазахъ обѣихъ партій афганцы торопливо очистили крѣпость и стали спускаться внизъ по рѣкѣ Шахъ-Дарѣ.

Такимъ образомъ донесеніе лазутчиковъ подтверждалось, афганцы, повидимому, шли на соединеніе съ своимъ Гунтскимъ отрядомъ.

Не успѣлъ еще отрядъ капитана Скерскаго собраться для выступленія, какъ прибыло новое донесеніе отъ разъѣздовъ, что афганцы, перейдя рѣку верстахъ въ десяти ниже Рошъ-Калы, продвинулись по правому берегу вверхъ версты на три и расположились бивуакомъ въ 12 верстахъ отъ занятой позиціи. Такимъ образомъ слухъ, пущенный ими о выступленіи ихъ на помощь Гунтскому отряду, былъ

Спускъ отряда близъ Кора-Данга въ Шугнанѣ.

ложнымъ, и ихъ движеніе было попросту демонстраціей, вовлекшей въ заблужденіе начальника отряда. Теперь пришлось опять быть на чеку.

Однако афганцы не предпринимали никакихъ наступательныхъ движеній и къ вечеру того же дня посланный ими таджикъ привезъ письмо.

„Владѣнію, правителямъ и всѣмъ подданнымъ Русскаго Царя."

„Мы не скрываемся. Въ четвергъ нѣсколько вашихъ человѣкъ показались на перевалѣ, противъ котораго у насъ на постахъ были поставлены вооруженные люди изъ нашихъ жителей, которые и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Когда же мы узнали, что они стрѣляли безъ нашего разрѣшенія, то приказали уйти имъ.

Вы изъ своихъ владѣній выступили къ намъ, о чемъ мы донесли своему начальству и получили слѣдующій отвѣтъ: дать дорогу черезъ владѣнія, данныя намъ Богомъ, узнать, какая мысль и какія намѣренія у нихъ и вообще чего хотятъ они?

Наше начальство писало намъ, чтобы русскія владѣнія мы считали, какъ и свои. Въ настоящее же время должно состояться соединеніе между вашими и нашими владѣніями, данными намъ отъ Бога. Теперь вы выступили и хорошо сдѣлали. По соединеніи владѣній наши должны свободно ходить къ вамъ. Вы сообщите намъ, каковы ваши мысли и намѣренія. Чего вы желаете? Сообщите, намъ хотѣлось бы узнать. Если же ваше мнѣніе противоположное нашему, то мы своевременно донесемъ своему начальству и въ такомъ случаѣ мы вамъ не дадимъ воли въ афганскихъ владѣніяхъ и загородимъ дорогу. Миръ-Азамъ, Баба-Ша-ханъ, Абдулла-ханъ, Абду-Джанъ-баръ [1])".

На это письмо капитанъ Скерскій не счелъ нужнымъ отвѣчать афганцамъ, такъ какъ видѣлъ въ этой перепискѣ одну лишь проволочку съ цѣлью выигрыша времени со стороны афганцевъ, да кромѣ того доводы, приводимые въ письмѣ, что 28-го по разъѣзду стрѣляли таджики, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Ужъ достаточно того, что залпы были открыты по сигналу, поданному не иначе, какъ съ вѣдома начальства, наконецъ нельзя и предположить, чтобы изъ тад-

[1]) Переводъ сдѣланъ отряднымъ переводчикомъ Урманбековымъ.

жикскихъ ружей могъ быть открытъ огонь на 800 шаговъ и пули попадали бы на самую середину карниза. Наконецъ, если бы выстрѣлы афганцевъ были только недоразумѣніемъ, то несомнѣнно, что они тогда же поспѣшили бы объяснить это, а не стали предпринимать различныхъ военныхъ хитростей, ставившихъ отрядъ въ ложное положеніе.

Наконецъ таджикъ, привезшій письмо, сообщилъ, что афганцамъ прекрасно извѣстно о малочисленности отряда и отсутствіи резервовъ, а потому они намѣрены покончить съ отрядомъ. Таджикъ заявилъ также, что онъ посланъ, чтобы высмотрѣть подступъ къ позиціи.

Въ виду этого, конечно, онъ былъ задержанъ, а афганскіе начальники увѣдомлены о томъ, что ихъ письмо отправлено къ начальнику памирскихъ отрядовъ.

Положеніе маленькой партіи становилось серьезнымъ. Къ афганцамъ спѣшило подкрѣпленіе и каждый день ожидалось нападеніе со стороны непріятеля. Поэтому начальникъ отряда послалъ конныхъ таджиковъ къ перевалу Кой-Тезекъ, прося капитана Эттингена немедленно выслать подкрѣпленіе изъ 30 человѣкъ пѣхоты и 3 казаковъ и для облегченія движенія отправилъ къ кишлаку Сенджу 20 вьючныхъ лошадей.

Теперь во что бы то ни стало маленькому отряду русскихъ необходимо было держаться на занятой позиціи, такъ какъ очищеніе долины рѣки Шахъ-Дары становилось невозможнымъ безъ подрыва русскаго престижа въ Средней Азіи, да наконецъ и мѣстное населеніе, оставленное безъ защиты, жестоко было бы наказано афганцами за службу русскимъ войскамъ.

Слухи о подкрѣпленіи, высланномъ изъ Кала-и-Баръ-Пянджа становились все упорнѣе и упорнѣе и между таджиками замѣчалось неподдѣльное безпокойство за судьбу отряда, тѣсно связанную и съ ихъ собственною участью.

XXII.

Демонстрація афганскаго отряда 4 августа. Ночь на позиціи. Снова афганскія письма. Казачій разъѣздъ въ опасности. Залпы съ позиціи по афганцамъ.

Зная малочисленность русскаго отряда, афганскіе начальники сдѣлались неимовѣрно нахальны и письма ихъ изъ прилично-сдержанныхъ приняли вдругъ дерзкій вызывающій тонъ. „Чего вы хотите, писали афганцы въ своихъ длинныхъ посланіяхъ, провести границу? Или пришли вы забрать край, ваше желаніе намъ неизвѣстно“... „наши войска отчаянныя и часто не слушая своего начальства сами вступаютъ въ бой,—какъ бы они не причинили вамъ вреда“. „Что вы дѣлаете, а еще представители Великой державы?“ и тому подобными фразами были переполнены афганскія письма.

Не было и сомнѣнія въ томъ, что афганцы не могли не знать о движеніи партіи внизъ по Шахъ-Дарѣ и цѣли этого движенія, такъ какъ Іоновъ въ письмѣ своемъ увѣдомлялъ о томъ Файзабадскаго генерала, который, какъ было видно изъ предыдущаго письма афганцевъ, писалъ, „дать дорогу черезъ владѣнія, данныя намъ Богомъ“, и все ихъ стремленіе заключалось лишь въ выигрышѣ времени для полученія подкрѣпленія и затѣмъ, по прибытіи свѣжихъ войскъ, немедленнаго нападенія на русскій отрядъ.

Вступать же въ переговоры съ афганцами послѣ того, когда приглашенные для переговоровъ русскіе офицеры были встрѣчены огнемъ, стало уже невозможнымъ, а потому капитанъ Скерскій выяснилъ все это въ весьма сдержанномъ письмѣ своемъ къ афганскимъ начальникамъ, объяснивъ имъ, что молчаніе на ихъ письма вызвано ихъ же враждебными дѣйствіями противъ русскихъ.

„О томъ, что намъ нужно, писалъ начальникъ отряда, извѣстно вашему Файзабадскому генералу изъ письма, которое три недѣли тому назадъ было отправлено ему нашимъ генераломъ“. Затѣмъ слѣдовало

объясненіе причины задержанія посланныхъ афганцевъ, а именно въ силу того, что киргизъ Алимбай и отрядный джигитъ Мансуръ-Сендъ-Исаковъ еще не освобождены афганцами и находятся подъ карауломъ, но лишь будутъ получены свѣдѣнія, что оба наши посланные благополучно вернулись на Памирскій постъ, афганскіе люди немедленно будутъ выпущены на свободу. „Что же касается до вашихъ опасеній какъ бы ваши солдаты намъ не нанесли какихъ нибудь непріятностей, то для этого у васъ есть прекрасное средство, отойдите къ Кала-и-Баръ-Пянджу, гдѣ они, вѣроятно, помѣщаются въ казармахъ и болѣе находятся подъ присмотромъ, чѣмъ здѣсь".

Это письмо было отправлено съ таджикомъ въ афганскій лагерь.

4-го августа въ одиннадцать часовъ утра, когда въ отрядѣ готовились къ обѣду, изъ разъѣзда прискакалъ казакъ. „Афганцы наступаютъ", крикнулъ онъ. Въ одинъ мигъ весь отрядъ всколыхнулся и въ теченіе пяти минутъ былъ собранъ пасшійся отрядный табунъ, занята позиція пѣхотою и казаки выѣхали впередъ.

Такая быстрота и готовность къ бою маленькаго отряда поразили афганцевъ, намѣревавшихся напасть врасплохъ на позицію, и они, видя врага лицомъ къ лицу, готоваго дать имъ отпоръ, отступили.

Потребность въ подкрѣпленіи становилась чувствительнѣе съ каждымъ часомъ. Люди въ продолженіе цѣлой недѣли несли развѣдывательную и сторожевую службу, причемъ каждую ночь болѣе половины чиновъ уходило въ наряды, а потому отрядъ положительно выбивался изъ силъ. Кромѣ того нравственное состояніе отряда было подорвано новыми слухами о прибытіи подкрѣпленій къ афганцамъ, яко бы предпринимающимъ обходъ позиціи. Между тѣмъ изъ кишлаковъ, лежащихъ на низовьяхъ Шахъ-Дары, цѣлыми вереницами тянулись таджики къ отряду вмѣстѣ со своимъ жалкимъ скарбомъ, стадами барановъ и козловъ.

Они побросали свои неубранныя поля и спѣшили подъ защиту русскихъ отъ нашествія афганскихъ войскъ. Съ непритворною горечью разсказывали несчастные, какъ афганцы жгутъ ихъ сакли и жестоко собираются наказать жителей Шахъ-Дары за сочувствіе, оказанное ими русскимъ.

Жалкій видъ несчастныхъ бѣглецовъ, невозможность помочь имъ за неимѣніемъ ни средствъ, ни достаточныхъ силъ, неизвѣстность, когда

подойдетъ подкрѣпленіе, очень тяжело дѣйствовали на людей съ сильно возбужденными нервами.

Во избѣжаніе распространенія преувеличенныхъ слуховъ о наступленіи афганцевъ, начальникомъ отряда было приказано не допускать таджиковъ въ районъ отряда, а отвести имъ мѣсто въ нѣкоторомъ разстояніи отъ позиціи, однако въ виду бивуачныхъ часовыхъ.

Въ лагерѣ афганцевъ какъ будто все притихло и ночью, несмотря на усиленныя наблюденія развѣдчиковъ, не было обнаружено никакого движенія съ ихъ стороны и не замѣтно попытокъ къ ночному нападенію.

Тихо на позиціи. Одна треть измученныхъ солдатиковъ и казаковъ спятъ въ полной аммуниціи подъ открытымъ небомъ возлѣ составленныхъ въ сошки ружей, передъ которыми мѣрными шагами расхаживаетъ часовой. Время отъ времени останавливается онъ, прислушивается, безпокойно всматриваясь въ темную даль ущелья, и снова начинаетъ ходить взадъ и впередъ.

Луны нѣтъ на небѣ и только милліарды звѣздъ, мерцая, свѣтятъ съ безпредѣльной высоты темнаго безконечнаго неба.

Вотъ вдали виднѣются нѣсколько мигающихъ точекъ, то потухающихъ, то снова загорающихся желтовато-краснымъ огонькомъ, это—афганскіе костры, тщательно поддерживаемые афганцами до самаго разсвѣта.

Вдругъ раздался шорохъ. Часовой вздрогнулъ и замеръ на мѣстѣ. Шорохъ все приближался и приближался, уже слышны были торопливые шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Кто идетъ?—безпокойно окликнулъ часовой. —Нѣсколько человѣкъ изъ спавшихъ солдатъ подняли головы, нѣкоторые вскочили на ноги.

— Кто идетъ?—повторилъ часовой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Свои,—раздалось изъ темноты,—таджика съ письмомъ [1]) ведемъ.—Съ этими словами изъ-подъ горы вышло двое солдатъ, среди которыхъ покорно шелъ туземецъ въ большой чалмѣ, дѣлавшей его въ темнотѣ какимъ-то особенно огромнымъ и страшнымъ.

— Веди его къ начальнику отряда,—скомандовалъ появившійся

---

[1]) Письмо оказалось отъ подполковника Юденича изъ Ривака, которымъ онъ увѣдомлялъ Скерскаго, что заперты афганцами и ждетъ подкрѣпленія съ Памирскаго поста.

дежурный по отряду; всѣ четверо снова исчезли въ темнотѣ, а часовой попрежнему сталъ медленно расхаживать передъ составленными ружьями.

Наступило 5 августа. Вершины угрюмыхъ снѣжныхъ великановъ озолотились первымъ лучемъ проснувшагося свѣтила, легкій вѣтерокъ пронесся по ущелью и поднялъ цѣлый вихрь пыли на позиціи.

Въ лагерѣ афганцевъ замѣчалось движеніе и высланные разъѣзды донесли, что непріятель началъ наступленіе.

Къ десяти часамъ афганцами былъ занятъ кряжъ горъ, пролегающій параллельно нашей позиціи, находящійся въ 4.500 шагахъ отъ нея, но они ограничились пока этимъ и не предпринимали дальнѣйшаго наступленія.

Около двухъ часовъ было получено письмо отъ афганскихъ начальниковъ, въ которомъ они предлагали Скерскому вступить съ ними въ переговоры, убѣждая его не слушать шугнанцевъ и шахъ-даринцевъ, такъ какъ они-де „мошенники и черти“ и только хотятъ завести ссору между двумя государствами. Что же касается джигита Мансура, то онъ живъ и находится въ Файзабадѣ при джарнейлѣ въ ожиданіи отвѣта. „Намъ не приказано воевать“,—писали афганцы—„и мы васъ встрѣтили пулями потому, что вы не дали намъ знать, что вы идете,—такъ не дѣлаютъ“. Подъ письмомъ были приложены печати: Магометъ-Исса, Гулямъ-Сендъ-Мугамедъ, Абду-Джап-Баръ и Миръ-Азамъ.

Видя теперь въ перепискѣ возможность выигрыша времени, но не считая себя вправѣ вступать въ переговоры съ афганцами, начальникъ партіи на письмо афганцевъ отвѣтилъ письменно. Онъ постарался объяснить въ немъ афганцамъ, что ни онъ, ни они не уполномочены на переговоры, которые уже ведутся письменно между нашимъ и афганскимъ генералами. Затѣмъ онъ выразилъ крайнее удивленіе, что афганцы, которымъ, какъ и они сами пишутъ, „не приказано воевать съ русскими“, двигаются на насъ, встрѣчаютъ насъ огнемъ и проч. и что во избѣжаніе столкновенія между двумя государствами самое лучшее, если афганцы отодвинутся къ Дашту.

Какъ-бы въ отвѣтъ на письмо афганцы спустились въ ущелье, находившееся въ разстояніи 3.000 шаговъ отъ позиціи и повидимому намѣревались воспользоваться темнотою для нападенія.

Въ 7 часовъ вечера одинъ изъ казачьихъ разъѣздовъ, желая

выслѣдить засѣвшихъ въ ущельѣ афганцевъ, неосторожно выдвинулся за рощу по берегу рѣки, очутившись такимъ образомъ въ тылу занятой позиціи афганцами. Немедленно же отъ непріятельскаго отряда отдѣлился взводъ кавалеріи и на рысяхъ пошелъ на перерѣзъ казакамъ, которымъ такимъ образомъ грозила опасность быть отрѣзанными отъ своего отряда.

На позиціи всѣ были сильно озабочены, видя критическое положеніе разъѣзда, тѣмъ болѣе, что казаки повидимому не замѣчали знаковъ, подаваемыхъ имъ начальникомъ партіи.

Видя безвыходное положеніе разъѣзда и неминуемую его гибель, въ случаѣ столкновенія, такъ какъ число афганцевъ въ 5 разъ превышало численность казаковъ, капитанъ Скерскій рѣшилъ не допустить готовившагося столкновенія.

— 2.200!—скомандовалъ начальникъ отряда, мигомъ опредѣливъ разстояніе.—Лязгнули затворы и все замерло въ ожиданіи.

— Пли!

Дружный залпъ, какъ на смотровомъ ученіи, грянулъ на позиціи и эхомъ пронесся по ущельямъ, а дѣйствіе его ошеломило скакавшую кавалерію.

Нѣсколько человѣкъ упало на землю, нѣкоторыя лошади, видимо задѣтыя пулями, завертѣлись на мѣстѣ, вскидывались на дыбы и всѣ потомъ бросились обратно къ ущелью.

Вслѣдъ скачущимъ афганцамъ раздались еще два залпа съ позиціи съ прицѣлами 2.400 и 2.700 шаговъ, да и злополучный разъѣздъ, услыша выстрѣлы и видя отступленіе скакавшаго на него взвода, провожалъ его огнемъ.

Убѣдившись въ дальнобойности русскихъ 3-линейныхъ винтовокъ, афганцы уже не рѣшались появляться въ сферѣ нашего огня и продолжали держаться въ ущельѣ.

Тяжелая ночь предстояла рекогносцировочному отряду, находясь въ полной готовности къ бою, истощенному и измученному рядомъ безсонныхъ ночей, проводимыхъ на позиціи. Подкрѣпленія все не прибывало и извѣстія о высылкѣ его съ Кой-Тезека не было получено. Афганцы же настойчиво оставались въ ущельѣ.

XXIII.

Подпоручикъ Уфимцевъ спѣшитъ на помощь Шахъ-Даринскому отряду. Перестрѣлка казачьяго разъѣзда съ афганцами. Афганцы обходятъ позицію. Аттака позиціи. Удачные залпы отряда и отраженіе аттаки. Перестрѣлка. Ночной огонь афганцевъ. Афганцы возводятъ укрѣпленіе. Письмо афганцевъ объ отступленіи. Прибытіе генерала Іонова. Возвращеніе обратно къ Фергану.

Тѣмъ временемъ, посадивъ пѣхоту, по два человѣка на лошадь, по знакомой уже читателю горной дорогѣ, пересѣченной въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣкой Шахъ-Дарой, по головоломнымъ карнизамъ, не щадя силъ своихъ, спѣшилъ на выручку товарищей подпоручикъ Уфимцевъ съ 30 пѣхотинцами и 3 казаками [1]). Выступая съ первыми проблесками разсвѣта и останавливаясь лишь съ наступленіемъ полной темноты, двигался этотъ отрядъ къ урочищу Вязъ-Дара. Непремѣнно долженъ былъ Уфимцевъ поспѣть къ 5 августа на помощь шахъ-даринцамъ, но этотъ убійственный путь, несмотря на всѣ усилія его, все-таки замедлялъ движеніе. За два послѣднихъ перехода встрѣтили его киргизы съ двадцатью высланными лошадьми изъ Вязъ-Дары и передали Уфимцеву записку капитана Скерскаго, просившаго его поспѣшить съ помощью.

Взволнованный офицеръ недолго колебался, онъ передалъ нижнимъ чинамъ о важности ихъ немедленнаго прибытія на помощь товарищамъ и, не отдыхая, замѣнивъ утомленныхъ лошадей свѣжими, отрядъ двинулся дальше.

Два перехода за одинъ махъ сдѣлали солдаты, пройдя такимъ образомъ болѣе 65 верстъ въ 16 часовъ и къ 10 часамъ подошли къ позиціи.

---

[1]) Подпоручикъ Уфимцевъ находился въ составѣ отряда капитана Этгингена, высланнаго на Кой-Тезекъ.

Вѣсть о прибывшемъ подкрѣпленіи мигомъ облетѣла всѣхъ въ русскомъ отрядѣ, солдаты пріободрились, воспряли духомъ и позиція, укрѣпленная капитаномъ Серебренниковымъ, при достаточномъ количествѣ защитниковъ, сдѣлалась, если не совсѣмъ неуязвимою, то во всякомъ случаѣ солидною преградою для наступавшаго противника. Теперь, даже и при ночномъ нападеніи афганцевъ, являлась полная возможность отстоять ее.

Ночь прошла спокойно и съ наступленіемъ утра капитанъ Скерскій, не видя болѣе необходимости держать захваченныхъ афганцевъ, являвшихся большою помѣхою въ отрядѣ въ смыслѣ отвлеченія людей для окарауливанія ихъ, приказалъ отпустить Ніязмата и другихъ плѣнныхъ на свободу, причемъ Ніязмату словесно поручилъ передать афганскому начальнику о прибывшемъ подкрѣпленіи (Ніязматъ не зналъ количества прибывшихъ) и что въ виду избѣжанія столкновенія совѣтуетъ ему отойти внизъ по Шахъ-Дарѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда плѣнныхъ, конечно передавшихъ слова капитана, афганцы, какъ-бы въ отвѣтъ на предложеніе Скерскаго, снова предприняли наступательное движеніе, во время котораго удалось опредѣлить ихъ численность; въ афганскомъ отрядѣ повидимому было 2 роты пѣхоты въ составѣ 130-ти человѣкъ и 28 всадниковъ, которые, выйдя изъ ущелья, въ своихъ красныхъ мундирахъ выдѣлывали всевозможныя эволюціи въ виду нашего отряда, не предпринимая однако серьезнаго наступленія.

Проманеврировавъ такимъ образомъ нѣсколько времени, они снова скрылись въ ущельѣ.

Къ полудню опять изъ афганскаго лагеря прибылъ таджикъ съ письмомъ, въ которомъ афганцы требовали, чтобы русскій отрядъ отступилъ на одинъ переходъ, пока не окончатся переговоры между генералами.

Въ отвѣтъ на это письмо Скерскій еще разъ письменно заявилъ начальнику афганскаго отряда, что вступать съ нимъ въ переговоры не можетъ по той простой причинѣ, что ни онъ, ни афганецъ на это не уполномочены, а что съ занятой позиціи русскіе не отступятъ ни на шагъ и что пребываніе въ сферѣ нашего ружейнаго огня афганскихъ войскъ онъ будетъ считать за непріязненныя дѣйствія и будетъ встрѣчать вы-

стрѣлами всякую попытку къ приближенію ихъ къ занятой нами позиціи. „Пока вы не отойдете къ Дашту, я буду смотрѣть на васъ, какъ на враговъ, и сообразно съ этимъ буду и дѣйствовать“,—писалъ капитанъ.

Всю ночь ожидалъ отрядъ нападенія, но напрасно, и только съ съ разсвѣтомъ разъѣзды сообщили, что афганцы предпринимаютъ обходъ лѣваго фланга позиціи по ущелью Вязъ-Дары.

Чтобы помѣшать имъ въ этомъ намѣреніи, съ позиціи былъ посланъ разъѣздъ изъ 15-ти казаковъ подъ командою хорунжаго Рябова къ мѣсту, гдѣ наканунѣ были сосредоточены главныя силы противника.

Подойдя на довольно близкое разстояніе къ афганскому лагерю и не будучи замѣченнымъ, разъѣздъ остановился на нѣкоторое время и снова показался въ виду афганцевъ.

Появленіе разъѣзда, а въ особенности двухъ молодцовъ казаковъ [1]), которые подскакали къ непріятельскому бивуаку на 100 шаговъ, вызвало у афганцевъ тревогу. По уряднику Каширину и казаку Терехову было сдѣлано нѣсколько десятковъ выстрѣловъ, къ счастью не задѣвшихъ смѣлыхъ оренбуржцевъ, которые, отвѣчая афганцамъ на скаку, уже приближались къ ожидавшему ихъ разъѣзду. На выстрѣлы афганцевъ хорунжій Рябовъ съ шестисотъ шаговъ далъ три залпа, причинивъ противнику значительный вредъ.

Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что цѣль, ради достиженія которой былъ высланъ разъѣздъ, осуществилась, такъ какъ карабкавшіеся на склоны горъ лѣваго берега рѣки Шахъ-Дары афганцы, имѣвшіе намѣреніе обойти насъ по ущелью Вязъ-Дарѣ, услыхавъ внизу перестрѣлку, поспѣшили на выстрѣлы и такимъ образомъ обходное движеніе ихъ было пріостановлено, что и дало возможность болѣе основательно приготовиться для отраженія обхода.

Рекогносцировка Рябова была произведена въ 11 часовъ, а въ 2 часа афганцы снова начали свое дѣло. Около пяти часовъ они бѣгомъ изъ обходной колонны начали спускаться къ нашей позиціи и повели правильную аттаку.

Подпустивъ наступающаго непріятеля на 2.000 шаговъ, отрядъ встрѣтилъ его нѣсколькими дружными залпами. Афганцы залегли за камнями и

[1]) Урядникъ Каширинъ и казакъ Терехов взялись пересчитать численность афганцевъ, не принимавшихъ участія въ обходѣ.

стали осыпать позицію частымъ одиночнымъ огнемъ, длившимся около 20 минутъ, затѣмъ поднялись и, быстро перебѣжавъ разстояніе въ 500 шаговъ, опять скрылись за осколками гранита.

Во время этихъ перебѣжекъ изъ ложементовъ было сдѣлано по бѣгущей цѣни съ прицѣломъ 1.600 шаговъ пять залповъ, положившихъ нѣсколькихъ афганцевъ, и затѣмъ до наступленія темноты продолжалась перестрѣлка рѣдкимъ огнемъ.

Афганскія пули то и дѣло ударялись о брустверы укрѣпленій и рикошетировали, съ визгомъ увлекая за собою мелкіе осколки камней. Однако, видя превосходство нашихъ 3-линейныхъ ружей надъ своими, афганцы не рѣшились продолжать наступленія и когда сумерки сгустились до того, что стрѣльба становилась уже невозможною, они отошли къ своимъ главнымъ силамъ. Утомленнымъ солдатамъ и на этотъ разъ не удалось отдохнуть.

Нѣтъ, нѣтъ, да и раздастся выстрѣлъ изъ непріятельскаго лагеря, расположеннаго у кишлака Видвейнъ, прожужжитъ пуля, сдѣлаетъ рикошетъ и умчится въ темноту, затянувъ свою обычную пѣсню.

Къ полночи выстрѣлы стали учащаться, заставляя нашихъ быть все время на-сторожѣ. Оказалось, что къ афганцамъ подошло подкрѣпленіе и съ провіантомъ изъ Кала-и-Баръ-Пянджа прибылъ Баба-Ша-ханъ.

Съ утра 8-го августа афганцы приступили къ постройкѣ укрѣпленія въ 2.400 шагахъ отъ нашей позиціи на скатѣ, по которому поднимались они, чтобы обойти отрядъ.

Такъ какъ въ числѣ строившихъ укрѣпленіе было много таджиковъ, силой принужденныхъ служить своимъ истязателямъ, капитанъ Скерскій не открывалъ огня по афганцамъ, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія ни въ чемъ неповинныхъ работниковъ.

До четырехъ часовъ длилась постройка и затѣмъ была прекращена.

Къ семи часамъ стало подходить новое подкрѣпленіе къ афганцамъ, состоящее изъ кавалеріи и пѣхоты, но, несмотря на это, они ничего не предпринимали, такъ что отряду въ первый разъ удалось провести мало-мальски спокойную ночь [1]).

---

[1]) Вечеромъ было получено опять письмо отъ афганцевъ, въ которомъ они, требуя отъ русскихъ отступленія, угрожали уничтожить весь отрядъ.

На утро въ афганскомъ лагерѣ поднялась суматоха, которая сначала была принята за подготовленіе къ наступленію, но затѣмъ очень скоро на позиціи убѣдились, что афганцы вьючили лошадей и собирались въ походъ.

Не утерпѣли и тутъ афганцы и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по отряду, стали медленно отступать внизъ по Шахъ-Дарѣ, вскорѣ послѣ чего начальникъ отряда получилъ письмо отъ афганцевъ, объяснившее ихъ внезапное отступленіе.

„Могущественнымъ Правителямъ и Начальникамъ русскихъ.

„Въ понедѣльникъ мы получили вашъ пакетъ. Уходите отсюда назадъ. Вы такъ съ нами обращались, что мы считаемъ васъ врагами. Если вы отсюда отступите, то между нами можетъ быть возстановленъ миръ. Согласно вашего письма мы сегодня отступаемъ съ занятой нами позиціи и будемъ ждать того времени, когда высшее начальство ваше и наше покончатъ переговоры и тогда уже будемъ дѣйствовать согласно съ результатами послѣднихъ.

Просимъ и васъ поступить такимъ же образомъ. Мы нѣсколько разъ просили васъ уходить и предупреждали о грозящей съ нашей стороны вамъ опасности и если что либо теперь случится, то вините самихъ себя.

Мы отступаемъ теперь. Вы же не наступайте. Отступили мы сегодня для того, чтобы не порождать недоразумѣній между двумя государствами. На землѣ нѣтъ ни для кого спасенія отъ афганскаго войска — спастись можно только на небѣ! Если придутъ сюда наши молодые катагани [1]), то живые не найдутъ своихъ одеждъ, а мертвые —савановъ".

Миръ-Азамъ-Галяндыръ, капитанъ, Абду-Джабаръ, Гулямъ-Мухамедъ, Магомедъ-Иса, Мастонъ (очевидно англичанинъ).

На это письмо начальникъ отряда воздержался отвѣтомъ, такъ какъ не довѣрялъ афганцамъ въ ихъ обѣщаніи отступить къ Дашту и ожидалъ о томъ оффиціальнаго донесенія отъ разѣздовъ, слѣдившихъ за отступленіемъ противника.

---

[1]) Катагани—воинственное племя Бадахшана, изъ котораго вербуются солдаты въ афганскую гвардію.

Какъ ожидалъ Скерскій, такъ и случилось, афганцы и не думали отступать къ Дашту, а остановились въ 5 верстахъ отъ позиціи у крѣпости Рошъ-Кала. Въ виду этого осложненія и что къ афганцамъ можетъ подойти новое подкрѣпленіе изъ Кала-и-Баръ-Пянджа при форсированномъ движеніи въ одинъ день, положеніе отряда становилось опять серьезнымъ, а тутъ еще выяснилось, что въ тылу позиціи находятся перевалы Мацъ, Врангъ и Житхорфъ, не изслѣдованные дотолѣ и не бывшіе намѣченными на картахъ и очевидно прекрасно извѣстные афганцамъ, черезъ которые они легко могли изъ Вахана зайти въ тылъ позиціи.

Открытіе это было сдѣлано значительно позднѣе выбора позиціи, при подробныхъ разспросахъ таджиковъ, которые сбивались въ своихъ показаніяхъ, вѣроятно благодаря неправильному произношенію русскими названій дорогъ, ущелій и переваловъ, а затѣмъ подтвердилось предостереженіемъ начальника памирскихъ отрядовъ. Съ тридцатью человѣками сначала, а потомъ и съ семидесятью нельзя бы было и думать прикрыть свой тылъ на протяженіи 87-ми верстъ, въ случаѣ обходнаго наступленія афганцевъ черезъ эти перевалы. Перевалъ Житхорфъ находился въ шести верстахъ отъ позиціи въ тылу, но онъ не представлялъ собою опасности, такъ какъ для вьючнаго пути не пригоденъ, да, наконецъ, предпринимая обходъ черезъ него изъ Вахана, афганцы никакъ не могли бы разсчитывать на довольствіе мѣстными средствами, такъ какъ долина Шахъ-Дары бѣдная, а хлѣба еще нигдѣ не вызрѣвали.

Черезъ перевалъ Мацъ отъ Яушанъ-Куза до Зута изъ Вахана два дня хода, а черезъ перевалъ Врангъ движеніе исключительно пѣшеходное. За этими обоими перевалами долженъ былъ слѣдить со своими кибитками Курбанъ-Бекъ-датха и въ случаѣ движенія черезъ нихъ афганцевъ немедленно дать знать въ отрядъ.

Тогда въ одинъ день рекогносцировочный отрядъ могъ бы отступить къ Сенджу, гдѣ и занять неприступную позицію, на которой и удерживать до прибытія новаго подкрѣпленія. Теперь же киргизы доставили свѣдѣнія, что Курбанъ-бекъ-датха откочевалъ за Кой-Тезекъ.

Это извѣстіе ошеломило начальника отряда, тылъ его позиціи такимъ образомъ былъ не только не обезпеченъ, но даже отрядъ не

могъ быть за сутки предупрежденъ въ случаѣ наступленія оттуда афганцевъ.

Положеніе изъ серьезнаго дѣлалось критическимъ и вотъ, какъ разъ въ это время, прибыло извѣстіе, что самъ генералъ Іоновъ спѣшитъ во главѣ отряда на помощь шахъ-даринцамъ, запасы которыхъ истощались и провіанта оставалось не болѣе, какъ на 3 дня [1]).

Нельзя не удивляться неутомимости отряда капитана Скерскаго, энергіи и распорядительности самого начальника партіи и гг. офицеровъ. Вѣдь съ 24 іюля по 5 августа въ отрядѣ было всего лишь 27 казаковъ и 12 пѣхотинцевъ противъ вчетверо превосходнаго числа непріятеля. Съ 5-го по 6-е подкрѣпленіе подпоручика Уфимцева добавило 30 пѣхотинцевъ и трехъ казаковъ, зато и афганцы стали сильнѣе тревожить отрядъ, не давая ему, ни днемъ, ни ночью покоя и получая, въ свою очередь, тоже подкрѣпленія.

Вѣсть о приближеніи генерала Іонова была съ восторгомъ встрѣчена шахъ-даринцами и теперь всѣ, несмотря на труды и лишенія, перенесенныя за послѣднее время, жаждали наступленія афганцевъ, намѣреваясь дать имъ хорошій урокъ за дерзкое намѣреніе вступить въ бой съ русскими войсками.

10-го августа начальникъ партіи получилъ письмо отъ командующаго войсками въ Шугнанѣ Тимуръ-Ша-Кумайдана, весьма любезное и совершенно непохожее на предыдущія письма афганскихъ офицеровъ. Въ письмѣ этомъ Кумайданъ [2]) увѣдомляетъ Скерскаго, что онъ запретилъ начальнику Шахъ-Даринскаго отряда вести переписку съ русскими и предпринимать что либо до полученія отвѣта изъ Файзабада.

19-го августа, наканунѣ прибытія на Вязъ-Дару генерала Іонова, шедшаго на Шахъ-Дару по невѣрно-тяжелому пути по прямой линіи отъ Яушанъ-Куза, афганцы оставили свои позиціи и ушли въ предѣлы Афганистана, отозванные Абдурахманъ-ханомъ, а Шугнанъ и Рошанъ остались навсегда освобожденными отъ афганскаго ига.

Отступленіе афганцевъ подтвердилось донесеніемъ жителей Хоруга, селенія, находящагося близъ сліянія рѣкъ Гунта и Шахъ-Дары съ Пянджемъ.

---

[1]) Спѣша на помощь подпоручикъ Уфимцевъ потерялъ много лошадей и вьюковъ, кромѣ того, часть провіанта была имъ оставлена на пути и на освободившихся лошадей посажены люди.

[2]) Кумайданъ—командующій войсками.

„Начальнику русскаго отряда отъ хоругскихъ жителей.

Донесеніе.

Увѣдомляемъ васъ, что здѣсь спокойно. Афганцы въ пятницу прошли черезъ Хоругъ, сѣли на лодки и переправились за Пянджъ. Притѣсняемые афганцами мы принуждены были прятаться по горамъ и ущельямъ. Теперь же мы при вашей помощи воспрянули духомъ и начинаемъ выходить въ свои селенія. Семьи же наши пока остаются въ горахъ. Всѣ жители ждутъ приказаній вашихъ и съ радостью готовы служить вамъ.

1312 года. Сафара 28-го пятница.

(Печати жителей)".

Послѣ полученія этого донесенія генералъ Іоновъ со всѣми партіями двинулся къ Хоругу и соединился съ отрядомъ подполковника Юденича.

Партія, отправившаяся по Гунту, все время находилась у селенія Ривака, задержанная также афганцами, укрѣпившимися на неприступной позиціи и выставившими противъ подполковника Юденича 2 орудія. Однако на Гунтѣ дѣло обошлось безъ стрѣльбы. Продвинуться впередъ Юденичу не было никакой возможности и оба отряда, какъ афганскій, такъ и русскій, спокойно стояли другъ противъ друга.

Афганцы частенько подходили къ русскому бивуаку,—подойдутъ на 300 шаговъ, постоятъ немного и уйдутъ обратно. Иногда и подполковникъ Юденичъ выѣзжалъ впередъ къ демаркаціонной линіи, куда выѣзжалъ и афганскій начальникъ, поговорятъ немного оба офицера, обмѣняются комплиментами и разъѣдутся въ разныя стороны. И такъ каждый день до самаго 19 августа, покуда афганцы, получивъ приказаніе возвращаться въ Афганистанъ [1]), не снялись съ позиціи и не ушли, оставя русскимъ довольно сильно укрѣпленную позицію съ артиллерійскими окопами, а полковникъ Юденичъ продвинулся къ Хоругу, гдѣ и соединился съ Шахъ-Даринскимъ отрядомъ.

Въ Хоругѣ вздохнули измученные солдаты и простояли тамъ до

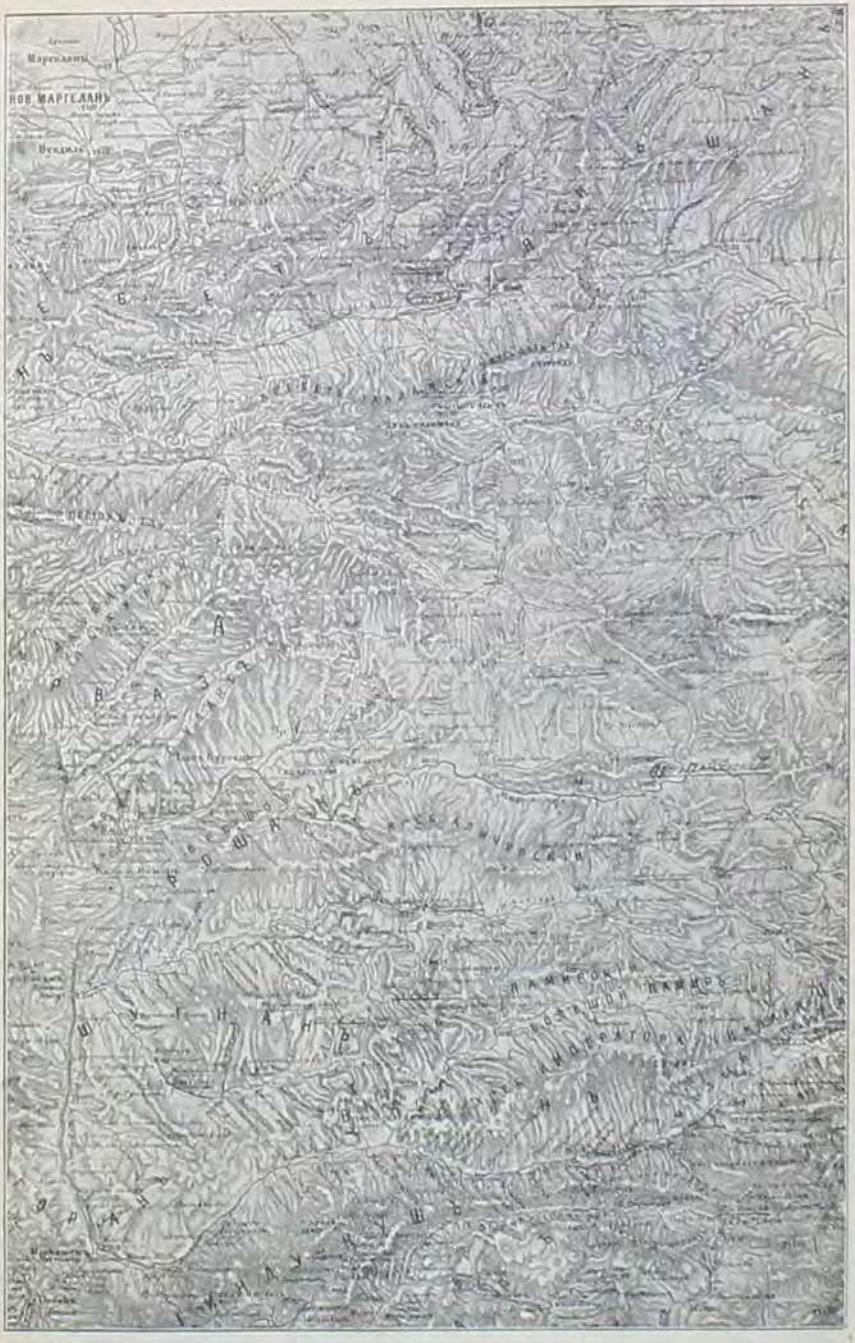
[1]) Это объясняется тѣмъ, что на Гунтѣ афганцами командовалъ весьма интеллигентный офицеръ, вполнѣ понимавшій свои обязанности.

15-го сентября. Въ это время соединенный отрядъ частью своихъ силъ произвелъ двѣ рекогносцировки: одну внизъ по рѣкѣ Пянджу до крѣпости Кала-и-Вамаръ въ Рошанѣ, которая и была занята русскимъ гарнизономъ, а другую вверхъ по той же рѣкѣ до аметистовыхъ копей.

Въ 20-хъ числахъ сентября всѣ рекогносцировочныя партіи и отряды были уже на Памирскомъ посту, а съ 30-го сентября по 2-е октября, сначала смѣнный, а затѣмъ резервный выступили обратно въ Фергану, оставивъ на Памирскомъ посту новый отрядъ подъ начальствомъ капитана Скерскаго.

Съ этого времени афганцы уже не появлялись въ нашихъ владѣніяхъ. Шугнанъ и Рошанъ были очищены отъ нихъ навсегда, а эмиръ Абдурахманъ обязался не переступать русской границы.

Памирскимъ походомъ заканчивается окончательное завоеваніе Средней Азіи, въ память чего въ 1896 году отчеканена медаль для ношенія на владимірско-георгіевской лентѣ, съ лицевой стороны которой изображены вензеля: „Николая I, Александра II, Александра III, Николая II“, а съ лѣвой имѣется надпись: „за походы въ Средней Азіи съ 1853 — 1895 гг.“ Этотъ походъ является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ походовъ въ смыслѣ климатическихъ условій и борьбы съ суровою природою, выпавшихъ на долю Памирскихъ отрядовъ, а также служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что нѣтъ такой преграды, черезъ которую бы не перешелъ русскій воинъ.

Маргеланъ
НОВ. МАРГЕЛАНЪ
Ферганская область
ПЕРОВСКЪ
Ферганская область
Ферганская область
Ферганская область